

1912.

Годъ 20.

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

ЮРЬЕВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

— 26 —
АСТА
ET
COMMENTATIONES

IMP. UNIVERSITATIS JURIEVENSIS

(OLIM DORPATENSIS).

№ 6.

ЮРЬЕВЪ.

Типографія К. Матисена.

1912.

1912.

Годъ 20.

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

ЮРЬЕВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

№ 6.

Tartu tsensuri
arhiivist 1914.

ЮРЬЕВЪ.

Типографія К. Маттисена.

1912.

Печатано по опредѣленію Совѣта Императорскаго Юрьевскаго
Университета.

Юрьевъ, 30 мая 1912 г.

№ 1770.

Ректоръ **В. Алексѣевъ.**

СОДЕРЖАНИЕ.

Официальный отдѣлъ.

Стр.

Опроверженіе 1

Приложенія.

А. Мейе, профессоръ Collège de France. Введеніе въ сравнительную грамматику индо-европейскихъ языковъ. Переводъ проф. Д. Кудрявскаго, просмотрѣнный и дополненный авторомъ	353—428
Проф. Е. В. Пѣтуховъ. Русская литература, историческій обзоръ главнѣйшихъ литературныхъ явленій древняго и новаго періода	289—320
Проф. И. И. Лаппо. Великое княжество литовское во второй половинѣ XVI столѣтія	305—336
М. В. Бречкевичъ. Введеніе въ социальную исторію княжества Славіи или Западнаго Поморья	49—96
Prof. J. Kvačala. Über die Genese der Schriften Thom. Campanellas	I—VI, 1—80 и I—VIII

Опроверженіе.

На стр. 24 Краткаго Отчета ИМПЕРАТОРСКАГО Юрьевскаго Университета за 1911 г. (см. № 2 „Ученыхъ Записокъ“ за 1912 годъ) въ отзывѣ профессора Б. И. Срезневскаго о трудѣ П. П. Попова, по вопросу о предсказаніяхъ С. Д. Грибоѣдовымъ ожидаемыхъ урожаевъ по зимнимъ сезонамъ, напечатано: „Жгучесть вопроса высказалась собственно въ томъ, что Академія Наукъ оказала могущественную моральную поддержку изобрѣтателю и воспользовалась произведеннымъ имъ впечатлѣніемъ для исходатайствованія щедрыхъ ассигнованій на Главную Физическую Обсерваторію“.

Это заявленіе не согласно съ дѣйствительностью. ИМПЕРАТОРСКАЯ Академія Наукъ ничѣмъ и никогда не поддерживала С. Д. Грибоѣдова въ его предсказаніяхъ урожаевъ и, конечно, не прибѣгала къ такому приему, какой ей приписываетъ профессоръ Б. И. Срезневскій.

Директоръ Николаевской Главной Физической
Обсерваторіи Академикъ: М. Рыкачевъ.

шесть и т. д.; а название „десяти“ — основа муж. р. на *-t-, десят-, ср. лит. *deszimt-*, и основу на *-d-, гр. *δεκάδ-*.

Отъ „десяти“ до „двадцати“ въ большинствѣ языковъ мы встрѣчаемъ соединеніе названій единицъ съ „десятью“: гр. *ἐνδεκά, δωδεκά* и т. д.

II. Десятки.

Десятки выражаются словами производными отъ „десяти“ съ предшествующимъ названіемъ числа единицъ; эти производныя слова — средняго рода, имѣютъ суфф. *-t- и, нулевой вокализмъ въ первомъ слогѣ; такимъ образомъ получается форма со сложнымъ начальнымъ сочетаніемъ **dk₁mt-*, **dk₁omt-*, которая упрощается въ **k₁mt-*, **k₁omt-*; вслѣдствіе этого упрощенія сложеніе перестало быть понятнымъ. Въ германскомъ, балтійскомъ и славянскомъ полная форма названія десятковъ была возстановлена въ мужескомъ родѣ: „тридцать“ — др.-сл. *три десати* (и *четыре десате*), лит. *trys dėszimtus*, гот. *þrins tiguns* (вин. п.), др.-вр.-н. *drizug*. Въ армянскомъ, греческомъ и латинскомъ упрощенная форма продолжала существовать, но во всеобщее употребленіе вошла форма имен. и вин. пад. ср. р. и подъ влияніемъ несклоняемыхъ формъ числительныхъ стала служить для всѣхъ падежей: „двадцать“ представляетъ такимъ образомъ старый им. и вин. п. дв. ч.: арм. *khsan* (изъ **gisan*), дор. беот. *ἑξάτι*, лат. *uiginti*, зд. *visaiti* (ср. стр. 250 и 262); слѣдующіе десятки представляютъ им. и вин. п. ср. р. множ. числа; такъ „тридцать“: арм. *egəsun*, гр. *τριάκοντα*, лат. *trīgintā* (ср. стр. 249 и 259). Индо-иранскій и кельтскій языки употребляютъ производныя формы, склоняемыя въ единств. числѣ; такъ напр. „тридцать“: др.-ирл. *tricha* (со слѣдующимъ родит. падежомъ), зд. *ðrisat-*, скр. *trimçát-*. Склоненіе двойств. числа **wī-k₁mtī* „20“ или множ. **tri-k₁ōmtē* „30“ и т. д. нигдѣ не сохранилось.

Въ индо-европ. **wī-k₁mtī* „20“ *-*wī* должно обозначать „два“; слѣдуетъ отмѣтить долгій звукъ и.-е. **penkwē-* въ скр. *pancā-çát* „50“, зд. *pançā-sat-*, гр. *πεντήκοντα*, арм. *yisun* (изъ **hingisun*) „50“.

На мѣстѣ „шестидесяти“ мы замѣчаемъ перерывъ, свидѣтельствующій о вліяніи двѣнадцатиричной системы. Начиная съ „шестидесяти“ десятки въ индо-иранскомъ выражаются отвлеченными существительными, какъ напр. скр.

ṣaṣṭīḥ (по формѣ тождественно съ др.-сл. *шесть* „шестерка“), зд. *xšwastiš* „60“, скр. *navatīḥ*, зд. *navaitiš* „90“; въ греческомъ начиная съ семидесяти десятки производятся отъ порядковыхъ числительныхъ: *ἑβδομήκοντα*, *ὀγδοήκοντα*; латинскій языкъ тоже имѣетъ *pōnāgintā* (и *septuāgintā*?); въ германскомъ съ „семидесяти“ начинается особый типъ: гот. *sibuntehund* „70“, *ahtautehund* „80“, *niuntehund* „90“, др.сакс. *antsibunta* „70“, *antahtōda* „80“, *nigonda* „90“; предполагають, что типъ франц. *soixante-dix*, *quatre-vingts*, *quatre-vingt-dix* возникъ подъ галльскимъ влияніемъ. Въ древнихъ германскихъ діалектахъ слово, отражающее индо-европейское названіе „сто“, приняло значеніе „120“, такъ что „100“ обозначается при помощи особаго указанія на то, что дѣло идетъ о десятичной сотнѣ.

„Сто“ обозначается словомъ, производнымъ отъ **dék¹m* съ суффиксомъ *-to-, средняго рода, съ правильнымъ склоненіемъ: *(d)k₁ tótó-: скр. *ṣatám*, зд. *satəm*, др.-сл. *сѣто*, лит. *szim̃tas* (перешло въ муж. родъ вслѣдствіе исчезновенія средняго рода въ литовскомъ языкѣ); лат. *centum* представляетъ старый имен. и вин. п. ед. ч., превратившійся въ неизмѣняемую форму, какъ *uiginti*, *trīgintā* и т. д.; точно также и гр. *ἑκατόν* (буквально „одна сотня“), гот. *hund*, кимр. *cant*.

Для „тысячи“ нѣтъ индо-европейскаго названія: связь скр. *sahasram*, зд. *hazañgəm* съ дор. *χῆλιοι*, лесб. *χέλλιοι*, атт. *χῆλιοι* — неясна; еще темнѣе отношеніе гот. *þūsundi*, др.-вр.-нѣм. *dūsunt* къ др.-сл. *тысяща*, др.-прусск. *tūsintons*, лит. *tūkstantis*.

Глава девятая.

Развитіе индо-европейскихъ діалектовъ.

I.

Ряды соотвѣтствій, совокупность которыхъ составляетъ индо-европейскій языкъ, не всегда представляютъ спеціальныя особенности въ каждомъ изъ засвидѣтельствованныхъ языковъ; въ большемъ числѣ случаевъ цѣлый рядъ языковъ представляетъ одинаковыя отраженія звуковъ, противуполагающіяся отраженіямъ другихъ языковъ; а такъ какъ эти сходныя черты являются обыкновенно въ языкахъ, либо со-сѣдствующихъ другъ съ другомъ въ историческое время, либо расположенныхъ такимъ образомъ, что тѣ діалекты, изъ которыхъ они произошли, должны были соприкасаться до момента ихъ расселенія, то невольно приходишь къ мысли воз-водить часть такихъ общихъ особенностей къ эпохѣ индо-европейскаго единства.

И дѣйствительно, если область распространенія какого-либо языка достаточно обширна, между различными мѣстностями этой области всегда существуютъ діалектическія различія. Мы замѣчаемъ обыкновенно, что эти различія группируются по цѣлымъ областямъ и потому можемъ проводить „изоглоссы“ — линіи одинаковаго языка. Мы уже отмѣтили выше (на стр. 44) изоглоссу произношенія *e* и произношенія *a* латинскаго ударяемаго *a* въ Галліи; каждая изоглосса независима отъ всѣхъ другихъ (см. стр. 44 и сл.). Такимъ образомъ ряды соотвѣтствій между индо-европейскими языками позволяютъ разглядѣть такія изоглоссы внутри индо-европейскаго языка. (Вновь открытый „индо-скиенскій“ [тохарскій] языкъ пока мы оставляемъ въ сторонѣ).

Самая яркая изъ этихъ линій та, которая характеризуетъ отраженія гортанныхъ звуковъ, при чѣмъ мы наблюдаемъ двѣ различныя группы: одну — типа *sentum* (западная группа: греческій, италійскій, кельтскій и германскій языки) и другую типа *satəm* (восточная группа: индо-иранскій, славянскій, балтійскій, армянскій, албанскій языки); см. стр. 72 и сл.

Другая линія, тоже очень яркая, проводится на основаніи отраженія *o: индо-иранскій, славянскій, балтійскій, албанскій и германскій смѣшиваютъ *a и *o въ одномъ звукѣ a (славянское o, вѣроятно, — позднѣйшее измѣненіе), между тѣмъ какъ армянскій, греческій, италійскій и кельтскій различаютъ *ă и *o; см. стр. 77 и сл.

Двойное *tt отражается какъ ss въ италійскомъ, кельтскомъ и германскомъ, какъ st въ греческомъ, балтійскомъ, славянскомъ и иранскомъ (и какъ tt изъ *tst въ санскритѣ); см. стр. 106 и сл.

Въ серединѣ слова между согласными *ə сохраняется съ одной стороны въ санскритѣ, съ другой — въ греческомъ, италійскомъ и кельтскомъ, но пропадаетъ въ иранскомъ, славянскомъ, балтійскомъ, армянскомъ и германскомъ; см. стр. 80.

Звонкіе придыхательные звуки сохраняются въ санскритѣ, въ греческомъ и италійскомъ отражаются какъ глухіе придыхательные, а во всѣхъ другихъ языкахъ — какъ простые звонкіе, какъ напр. для губного звука скр. bh; гр. φ, лат. f; остальные языки b; см. стр. 69 и сл.

Послѣ *i, *u, *r и *k свистящій звукъ s стремится перейти въ шипящій въ индо-иранскомъ, славянскомъ, балтійскомъ (и до нѣкоторой степени въ армянскомъ); въ остальныхъ языкахъ s остается; см. стр. 75 и сл.

Приращеніе существуетъ въ индо-иранскомъ, армянскомъ и греческомъ; оно не извѣстно ни въ одномъ изъ остальныхъ языковъ.

Славянскій, балтійскій и германскій языки въ нѣкоторыхъ падежахъ, въ особенности въ дат. и аблативѣ мн. ч. имѣютъ окончанія съ *-m- при окончаніяхъ съ *-bh- въ другихъ языкахъ. Эти окончанія на *-bh- и на *-m- существуютъ только въ одной формѣ (различающейся въ разныхъ языкахъ) въ греческомъ, италійскомъ, кельтскомъ и

германскомъ; они представляютъ различныя формы въ зависимости отъ падежа и числа въ индо-иранскомъ, балтійскомъ и славянскомъ; см. стр. 250 и сл.

Такихъ примѣровъ можно было бы привести много; но и только что приведенные, наиболѣе яркіе изъ нихъ, доказываютъ одновременно и существованіе изоглоссъ въ индо-европейскомъ языкѣ, и независимость каждой отдѣльной линіи отъ остальныхъ: въ числѣ приведенныхъ линій не найдется и двухъ такихъ, которыя совпадали бы во всѣхъ точкахъ. Индо-европейскій языкъ не представлялъ, слѣдовательно, совершеннаго единства. Сохранившаяся группировка языковъ географически наиболѣе близкихъ другъ къ другу соотвѣтствуетъ первоначальному ихъ расположенію: произошло распространеніе языковъ, а не ихъ перемѣщеніе. И индо-европейскіе языки не представляютъ говора одной только мѣстности подобно романскимъ языкамъ, представляющимъ различныя формы говора города Рима, который распространился на окрестности города, на Италію и на всю имперію; индо-европейскіе языки представляютъ различныя формы уже дифференцировавшихся говоровъ одной области, имѣвшей значительное протяженіе.

Съ другой стороны, нельзя допустить, чтобы распространеніе индо-европейскихъ языковъ по той области, которую они занимаютъ, произошло путемъ внезапнаго и однократнаго раздѣленія народа. Извѣстныя группы могли отдѣлиться отъ общей массы народностей индо-европейскаго языка и уже впослѣдствіи раздѣлиться на двѣ отдѣльныя группы. Эти періоды совмѣстнаго развитія отражаются въ болѣе или менѣе многочисленныхъ мелкихъ чертахъ сходства. Санскритскій и иранскій языки настолько сходны въ подробностяхъ, что мы вынуждены предположить существованіе индо-иранскаго періода, продолжительность котораго должна была быть довольно значительна. Нѣкоторыя общія характерныя подробности, какъ родительный падежъ типа лат. *uigī*, др.-ирл. *oga*мическ. *ma qī* „сына“, заставляють предположить существованіе итало-кельтскаго періода, продолжительность котораго была, повидимому, менѣе значительна (или, по крайней мѣрѣ, близость народовъ въ этотъ періодъ была не такъ тѣсна). Въ этихъ двухъ группахъ сходились люди изъ различныхъ областей; и нѣкоторыя изъ

указанных изоглоссъ отдѣляютъ санскритскій отъ иранскаго и кельтскій отъ италійскаго. Поэтому существованіе итало-кельтской группы не исключаетъ возможности предположенія, что греческій и италійскій языки представляютъ говоры народностей, бывшихъ сосѣдями въ индо-европейскій періодъ, чѣмъ и объясняются нѣкоторыя замѣчательныя черты сходства греческаго и италійскаго языковъ.

II.

Когда совершенно неизвѣстныя намъ событія уничтожили индо-европейское единство, и каждая изъ группъ стала развиваться независимо, параллельныя новшества въ языкѣ все же продолжали появляться. Конечно, подробности измѣненій были различны въ каждомъ отдѣльномъ языкѣ. Но въ широкой мѣрѣ измѣненія происходили въ одномъ и томъ же направленіи, такъ что по прошествіи многихъ вѣковъ полной разобщенности языки индо-европейской семьи, оказывается, одинаково измѣнили типъ языка періода единства. Черты сходства общей структуры, наблюдаемая въ современныхъ индо-европейскихъ языкахъ, происходятъ въ большей степени отъ параллельныхъ, независимыхъ новшествъ, нежели отъ сохраненія индо-европейскаго типа. Нечего и говорить, что, за исключеніемъ случайныхъ совпаденій, эти черты сходства имѣютъ чисто общій характеръ и не доходякъ до матеріальнаго тождества средствъ выраженія. Такъ многіе индо-европейскіе языки создали сложное прошедшее, состоящее изъ причастія и вспомогательнаго глагола; но французскій типъ *j'ai porté*, кромѣ общей однородности процесса, не имѣетъ ничего общаго съ польскимъ *posił-em*.

Причины такого параллелизма въ развитіи отчасти могутъ быть указаны.

1. Не смотря на нѣкоторыя различія, засвидѣтельствованныя указанными выше изоглоссами, индо-европейскіе говоры имѣли ту же структуру. Поэтому, поскольку развитіе исходитъ изъ этого первоначальнаго единства, оно должно быть одинаково въ различныхъ языкахъ. И тѣ языки, которые, какъ балтійскій и славянскій, произошли изъ явно одинаковыхъ индо-европейскихъ говоровъ, не прерываемыхъ ниодною изоглоссою, представляютъ наиболѣе замѣчательный параллелизмъ въ своемъ послѣдующемъ развитіи.

2. Общія основанія развитія языка всюду одинаковы; на морфологическихъ измѣненіяхъ, напримѣръ, всюду сказывается стремленіе одинаковымъ признакомъ отмѣчать одинаковую функцію, стремленіе всюду одинаково обозначать единственное или множественное число, первое, второе и третье лицо, и т. д. Слѣдовательно, всюду существуетъ стремленіе устранять разнообразныя и сложныя образованія, которыя влекутъ за собою слишкомъ большое разнообразіе въ средствахъ выраженія. Этотъ принципъ господствуетъ во всемъ развитіи морфологіи и синтаксиса.

3. Въ различныя эпохи народности индо-европейскаго языка измѣнили форму и ступень своей культуры. А нѣкоторыя лингвистическія явленія, повидимому, стоятъ въ опредѣленномъ отношеніи къ извѣстному уровню культуры. Такъ, напримѣръ, двойственное число прочно держится у народовъ низкой культуры и исчезаетъ съ прогрессомъ цивилизаціи. Въ греческомъ языкѣ оно исчезаетъ въ діалектахъ Малой Азіи раньше, нежели въ континентальной Греціи, и въ настоящее время въ Европѣ двойственное число сохраняется только у деревенскихъ жителей Литвы, словинцевъ и другихъ народностей, культурный уровень которыхъ можно назвать нѣсколько отсталымъ. До сихъ поръ указано только небольшое число подобныхъ фактовъ; но внимательное изслѣдованіе, вѣроятно, откроетъ еще не мало очень важныхъ явленій такого рода.

4. Группы людей, переносившихъ индо-европейскій языкъ въ новыя страны либо путемъ завоеванія, либо путемъ колонизаціи, должны были составлять, какъ это обыкновенно бываетъ, изъ членовъ различныхъ родовъ, жившихъ въ разныхъ мѣстахъ и имѣвшихъ вслѣдствіе этого нѣсколько различныя говоры. Такое лингвистическое положеніе влечетъ за собою устраненіе мелкихъ мѣстныхъ особенностей и приводитъ въ результатъ къ широкому распространенію нормальныхъ типовъ формъ. Языкъ такого рода группы очень быстро проводитъ въ жизнь грамматическую правильность, устраняя формы, уклоняющіяся отъ нормальнаго типа и сохраняемые только памятью. Языкъ народа, кочевника и завоевателя, какъ языкъ готовъ, представляетъ поэтому наибольшее количество образованій по аналогіи и, вслѣдствіе этого, — въ силу принципа, изложеннаго выше въ п. 2, —

высшую ступень грамматической правильности: готскій языкъ является, такъ сказать, схематизированнымъ германскимъ языкомъ. Подобное же установленіе однообразія, осуществляющее лингвистическія тенденціи индо-европейскаго языка, должно было происходить при каждомъ отдѣленіи группъ населенія, которыя распространили индо-европейскій языкъ по всей Европѣ и въ части Азіи.

5. Области, гдѣ распространялся языкъ какой-либо индо-европейской народности, не всегда теряли вслѣдствіе этого свое прежнее населеніе; въ такомъ случаѣ большому количеству лицъ приходилось мѣнять языкъ; имъ, конечно, трудно было усвоить вполнѣ всѣ оригинальныя особенности и тонкости индо-европейскаго языка, и изъ старинныхъ оборотовъ рѣчи они старались сохранить только тѣ, которые наиболѣе соотвѣтствовали обычнымъ оборотамъ человѣческаго языка. Распространеніе языка на большое количество новыхъ лицъ упрощаетъ его формы; наиболѣе оригинальныя языки самыхъ мелкихъ соціальныхъ группъ.

Мы не знаемъ, сколько времени дѣйствовали эти различныя причины. Но уже нѣсколько вѣковъ должно было уйти на распространеніе индо-европейскихъ языковъ по тому пространству, которое они занимали на зарѣ исторической эпохи, т. е. около VIII вѣка до Р. Х., когда впервые появляются памятники на индо-европейскихъ языкахъ. Каково бы ни было число этихъ вѣковъ, они должны были представлять періодъ быстрого измѣненія индо-европейскаго языка. Въ тотъ моментъ, когда появляются индо-европейскіе языки, они оказываются сильно отличающимися другъ отъ друга и уже очень удалившимися отъ индо-европейскаго типа. Они представляютъ въ различной степени тѣ же самыя измѣненія, которыя и нужно теперь указать. Во всякомъ случаѣ оба языка, засвидѣтельствованные въ наиболѣе древнее время, греческій и индо-иранскій не провели еще всѣхъ этихъ измѣненій и представляютъ съ самаго древняго періода своего существованія только часть ихъ; это обстоятельство и дѣлаетъ эти языки особенно важными для сравнительной грамматики.

III.

Съ точки зрѣнія произношенія мы наблюдаемъ три главныхъ измѣненія:

1. Конечные звуки стремятся изменяться все болѣе и болѣе. Конечные взрывные сохраняются только въ индо-иранскомъ и италійскомъ: скр. *ábhārat* „онъ несъ“, зд. *baṛaṭ* (то же значеніе), др.-лат. *fēsed* „онъ сдѣлалъ“, но гр. *ἔφερε*, др.-сл. *идѣ*. Количество гласнаго звука конечнаго слога стремится сокращаться, а окраска его стремится мѣняться; латинскій языкъ, напримѣръ, совершенно измѣнилъ почти всѣ гласные конечныхъ слоговъ: *-us* соотвѣтствуетъ гр. *-ος*, *-um* — гр. *-ον*, и т. д. Древне-армянскій языкъ вообще не сохраняетъ ни конечнаго согласнаго, ни предшествующаго ему гласнаго: *evēg* соотвѣтствуетъ скр. *ábhārat*, гр. *ἔφερε*, и *ed* „онъ положилъ“ соотвѣтствуетъ скр. *ádhdāt*. Такъ какъ конечный слогъ слова заключаетъ окончаніе, характеризующее грамматическую форму, то эти измѣненія имѣли для грамматики наиболѣе серьезныя послѣдствія.

2. Самой оригинальной и въ то же время самой сложной стороной индо-европейской фонетики была система сонантовъ; тройкая роль каждаго сонанта: какъ гласнаго, какъ согласнаго, и какъ втораго элемента дифтонга, вполне не существуетъ почти нигдѣ. Дифтонги очень рано стремятся упрощаться и даютъ простые гласные: дифтонги **ei* и **eu*, **oi* и **ou*, превратившіеся въ *ai* и *au* въ индо-иранскомъ и сохранившіеся въ этой формѣ въ древне-персидскомъ, въ санскритѣ уже представляютъ долгіе *e* и *o*; только самыя древніе латинскіе тексты сохраняютъ дифтонги *ei* и *ou*: Плавтъ уже произносилъ *i* и *ū*. Въ то время какъ гласные **i* и **u* сравнивались съ другими гласными **a*, **e*, **o*, гласные сонанты **ḡ*, **ḷ*, **ṃ*, **ṇ* теряютъ характеръ простыхъ и краткихъ гласныхъ: въ историческое время **ḡ* и **ḷ* сохраняютъ этотъ характеръ только въ санскритѣ (въ формѣ *ḡ*); **ṇ* и **ṃ* уже нигдѣ не сохраняются и являются въ греческомъ и индо-иранскомъ въ видѣ *a*; въ германскомъ **ḡ*, **ḷ*, **ṃ*, **ṇ* отражаются въ видѣ дифтонговъ *ug*, *ul*, *up*, *um*; точно также и въ латинскомъ — въ видѣ *og*, *ol*, *op*, *om*; и т. д. Наконецъ, и согласные сонанты все болѣе и болѣе переходятъ въ настоящіе согласные, неспособные вокализоваться: такъ **w* (*u* согласное) переходитъ въ губо-зубной спирантъ *v* въ романскихъ языкахъ, въ нѣмецкомъ, въ славянскомъ, въ санскритскомъ или въ *g* (въ началѣ слова) въ британскомъ, въ армянскомъ, въ персидскомъ (въ извѣстныхъ случаяхъ) и т. д.

Всѣ эти измѣненія рано разрушили систему сонантовъ и тѣмъ самымъ затемнили чередованіе гласныхъ. Съ того момента, когда *e и *o утратили свою ясность въ дифтонгахъ *ei, *eu, *oi, *ou, чередованія гласныхъ были искажены; они исказились еще больше, когда *i, *u, *r, *l, *m, *n утративъ свою параллельность, перестали ясно отражать нулевую степень вокализма. Разрушеніе системы сонантовъ влекло за собою измѣненіе и сокращеніе чередованія гласныхъ, одного изъ существенныхъ явленій индо-европейской морфологіи.

3. Тоническое удареніе, состоявшее въ простомъ повышеніи голоса, либо совершенно исчезаетъ, какъ въ германскомъ, либо осложняется элементами экспираторнаго ударенія, какъ въ балтійскомъ или славянскомъ. Въ первомъ случаѣ морфологическій факторъ вовсе устраняется, во-второмъ онъ измѣняется. Съ другой стороны ритмъ перестаетъ быть чисто количественнымъ; количество само измѣняется или исчезаетъ совершенно, какъ въ греческомъ (со II вѣка до Р. X.) и въ армянскомъ; такія группы какъ *tr* мѣняютъ количество: въ скр. *pitré* и гом. *πατρί* первый слогъ дологъ, но въ атт. *πατρί*, лат. *patrī* и т. д. первый слогъ кратокъ. Такимъ образомъ измѣняется структура слова: равенства различныхъ частей его уже не существуетъ; создается сильно экспираторное удареніе, которое вызываетъ глубокія измѣненія, начинающія проявляться, однако, не ранѣе христіанской эры. Въ латинскомъ языкѣ, быть можетъ, ранѣе всѣхъ сильно экспираторное удареніе начальнаго слога измѣнило весь складъ индо-европейскаго слова; германскій языкъ тоже развилъ экспираторное удареніе начальнаго слога, но значительно позднѣе, и это удареніе въ отличіе отъ латинскаго, сохранилось. Развитіе экспираторнаго ударенія и потеря количественнаго ритма не могли оставить безъ измѣненія общую структуру индо-европейской морфологіи, какъ мы это видѣли на стр. 154.

И такъ, фонетическая система измѣнилась повсюду, и ея измѣненія повлекли за собою разрушеніе морфологической и синтаксической системы. Другія измѣненія, менѣе общаго характера, чѣмъ только что упомянутыя, работали въ томъ же направленіи; такъ напр., совершенное исчезновеніе *u въ греческомъ языкѣ разрушило единство типа настоящаго вре-

мени на *-уе- и привело къ установленію многихъ типовъ настоящаго времени (и типовъ глаголовъ вообще): глаголы на -αω, -εω, -οω, -αζω, -ιζω, -ευω и т. д. Во всѣхъ языкахъ встрѣчаются подобныя явленія: фонетическія измѣненія необходимо влекли за собою коренную перестройку грамматики.

IV.

Морфологическая система стремилась измѣняться во всѣхъ направленіяхъ даже и независимо отъ фонетики.

Типъ коренныхъ образований выходитъ изъ употребленія и, за исключеніемъ древняго періода индо-иранскихъ діалектовъ, не наблюдается ни въ одномъ изъ извѣстныхъ намъ языковъ. Такъ, для глагола, вмѣсто нѣсколькихъ независимыхъ глагольныхъ основъ, которыя такъ хорошо сохранилъ индо-иранскій языкъ и которыя мы можемъ отчасти наблюдать въ гомеровскомъ и даже въ аттическомъ языкѣ, мы всюду замѣчаемъ стремленіе къ установленію системъ спряженій, различающихъ только двѣ основы, взаимное отношеніе которыхъ болѣе или менѣе постоянно. Въ греческомъ древнее разнообразіе основъ, связанныхъ непосредственно съ корнемъ замѣняется двухосновнымъ спряженіемъ уже въ историческое время: отъ индо-европ. корня *mep- „оставаться“ древне-греческій языкъ имѣлъ два настоящаго: μένω, μέμνω, одно будущее μενέω (атт. μενώ), одинъ аористъ ἔμεινα, и одинъ перфектъ: μεμνήηκα, т. е. пять различныхъ основъ; ново-греческій языкъ имѣетъ только двѣ основы, основу настоящаго μένω и аориста ἔμεινα, и, такъ какъ отношеніе формы μένω къ формѣ ἔμεινα для говорящаго уже неясно, то къ формѣ ἔμεινα было создано настоящее время μείνω. Въ латинскомъ языкѣ установленіе двухосновнаго спряженія древнѣе самыхъ древнихъ памятниковъ: отъ того же индо-европейскаго корня мы имѣемъ въ латинскомъ съ одной стороны основу настоящаго времени mapeō, къ которой относятся, кромѣ собственно настоящаго, повелительное mape, сослагательное mapeam, переходящее mapebam, сослагательное переходящаго mapebam, будущее mapebō, неопредѣленное наклоненіе mapege, причастіе mapeus; съ другой стороны основу прошедшаго (perfecti), къ которой относится perfectum mansi, сослагательное manserim, давно прошедшее manseram, сослагательное давно прошедшаго

mansissem, второе будущее *manserō*, неопредѣленное наклоненіе *mansisse*, причастіе *mansus*, супинъ *mansum*; надо еще замѣтить, что *maneo* — неправильный глаголь, такъ какъ форма *perfecti* не можетъ быть выведена непосредственно изъ формы настоящаго: во всѣхъ правильныхъ глаголахъ, какъ *amāre*, *audire* и т. д. форма настоящаго времени даетъ возможность предвидѣть форму *perfecti*. Сказанное относительно греческаго и латинскаго болѣе или менѣе приложимо и къ остальнымъ языкамъ, и всякое хорошее изложеніе спряженія индо-европейскихъ языковъ съ извѣстнаго момента, различнаго для каждаго отдѣльнаго языка, выдвигаетъ на первый планъ эту характерную систему двухъ-основнаго спряженія: черезъ эту фазу прошли всѣ индо-европейскіе языки; славянскій, балтійскій, армянскій даютъ прекрасную иллюстрацію этого явленія, но они ничего не прибавляютъ къ тому, что мы наблюдали въ греческомъ и латинскомъ.

Съ установленіемъ типа спряженія, сначала сложнаго, какъ въ древне-греческомъ, потомъ болѣе простаго, постепенно сведеннаго къ двумъ основамъ, имена перестаютъ непосредственно связываться съ корнями: они либо совершенно изолируются, какъ латинское *mens*, которое уже не имѣетъ ничего общаго ни съ *monēre*, ни съ *remīscor*, *commīscor*, либо производятся отъ извѣстныхъ глагольных формъ: индо-европейскій языкъ имѣлъ отъ корня **g₁eus-* „пробовать“ отвлеченное существительное на **-tei-*, засвидѣтельствованное санскритскимъ *jūṣṭih* „удовлетвореніе“, гот. *(ga-)kusts* „проба“; греческій языкъ имѣетъ только *γεῦσις*, которое образовано къ глаголу *γεύομαι*. Наоборотъ, латинскій языкъ сохранилъ отвлеченное существительное на **-teu-* отъ того же корня *gustus* „вкусъ“ ср. гот. *kustus*, но утратилъ старый глаголь и употребляетъ *denominativum gustare*, точно также и др.-вр.-нѣм. *kostōn* или др.-англ. *costian*. Эти два случая: гр. *γεῦσις* и лат. *gustare*, отмѣчаютъ двѣ возможности: сохраненіе глагола, отъ котораго производятся имена, или сохраненіе имени, отъ котораго производятся глаголы; но не существуетъ индо-европейскаго корня съ его и глагольными, и именными образованиями; съ этой точки зрѣнія греческіе и латинскіе примѣры представляютъ то, что произошло во всей индо-европейской области.

Понятіе основы, еще приложимое въ извѣстной мѣрѣ къ древнимъ формамъ индо-иранскаго языка, нигдѣ болѣе не приложимо. И дѣйствительно, окончанія соединяются съ конечными элементами нѣкоторыхъ основъ въ такія конечныя группы, въ которыхъ мы уже не различаемъ ни основы, ни окончанія. Возьмемъ, на примѣръ, греческое окончаніе дат., мѣст. и твор. пад. мн. ч. *-σι*; оно соединяется съ *-εσ-* основъ на *-εσ-* и образуетъ такія формы, какъ *νέφεσσι*; такъ какъ **-s-* между гласными въ греческомъ исчезаетъ: (род. ед. *νεφεός*, дат. *νεφεῖ*, им. и вин. мн. *νέφεα*, род. мн. *νέφεων*), то въ *-εσσι* стали видѣть окончаніе падежа, и это *-εσσι* въ эолическихъ говорахъ распространилось на всякаго рода основы; отсюда — такія формы какъ беот. *χαριτ-εσσι*, *ἀνδρ-εσσι*, *νικωντ-εσσι*, *βου-εσσι*, лесб. *Μακεδόν-εσσι*, *πολι-εσσι*, и т. д.; въ сѣверо-западной Греціи точно также распространилось окончаніе *-σις*, заимствованное изъ типа *λόγος*, и мы встрѣчаемъ: *ἀνδρ-σις*, *ὄντ-σις*, *βο-σις* и т. д. Въ другихъ случаяхъ наблюдается подобное же распространеніе звука *i* изъ основъ на **-i-*, откуда лат. *homin-i-bus*, *genet-i-bus* и въ славянскомъ *камен-ь-мѣ*, *словес-ь-мѣ* и т. д. Во всѣхъ этихъ случаяхъ создается окончаніе изъ гласнаго начала, содержащаго обломокъ основы, ставшей неузнаваемой, и изъ окончанія; благодаря такому новообразованію достигается тотъ результатъ, что согласное начало окончанія не сталкивается съ конечнымъ согласнымъ основы; но это новообразование могло создаться только при томъ условіи, чтобы представленіе основы было затемнено. Съ точки зрѣнія латинскаго языка мы не можемъ говорить объ основахъ на *-i-*, на *-u-* и т. д.; въ такомъ склоненіи, какъ *senātus*, *senātum*, *senātūs* языкъ уже не отдѣляетъ основу отъ окончанія; тѣмъ болѣе не отдѣляется основа и окончанія въ такомъ склоненіи, какъ атт. *πόλις*, *πόλεως*, и такъ во всѣхъ другихъ случаяхъ.

Въ индо-европейскомъ были два рода основъ: тематическій типъ (на **-e/o-*) и атематическій типъ. Тематическій типъ, а также типъ именныхъ основъ на *-ā-*, имѣя въ концѣ основы гласный звукъ, удержались повсюду, причемъ конечный гласный основы и окончаніе сливались въ одно цѣлое, не разлагаемое въ сознаніи говорящаго. Что касается атематическаго типа, то онъ прежде всего утратилъ свое единство: именныя основы на **-i-* и **-u-* сблизилась съ основами

на *-о- и *-ā-; другія основы исчезали; легче всего удерживались основы на *-п- и на *-г-, благодаря особому характеру этих сонантовъ. Въ глаголѣ атематическій типъ (типъ глаголовъ на *-шї) исчезаетъ еще скорѣе, чѣмъ въ имени: такой древній языкъ, какъ греческій, уже имѣетъ только тѣ типы, гдѣ основа оканчивается на гласный звукъ: δάμνα-μι (ион.-атт. δάμνη-μι) и δείκνυ-μι; языки, извѣстные намъ изъ болѣе поздняго времени, сохраняютъ лишь отдѣльныя черты этого типа; наиболѣе стойкимъ здѣсь оказался глаголѣ „быть“: скр. áśhi, гр. εἶμι, др.-сл. ѡсмь, гот. im и т. д. Такимъ образомъ стремилось къ осуществленію единство спряженія.

Изъ различныхъ атематическихъ типовъ раньше всего сталъ исчезать и полнѣе всѣхъ исчезъ типъ именныхъ и глагольныхъ основъ съ нулевымъ суффиксомъ, представителемъ которыхъ можетъ служить для глагола гр. εἶμι, а для имени гр. ποῦς, ποδός. Однѣ изъ нихъ просто исчезли; другія вліяніемъ аналогіи были перенесены въ категоріи формъ, происшедшихъ изъ индо-европейскихъ типовъ съ суффиксомъ: такъ основа *ped- (rod-, pōd-) въ готскомъ перешла въ основы на u: fotus, подъ вліяніемъ звука u винительнаго падежа fotu, гдѣ u отражаетъ гласный носовой въ концѣ слова; наконецъ, нѣкоторыя основы были распространены различными суффиксами: такъ слово *sem- „лѣто, годъ“, засвидѣтельствованное въ зендскомъ (род. ед. hamō, твор. hamā), было распространено суфф. *-ā- въ санскритѣ: samā, и въ армянскомъ: am „годъ“ (изъ *sōmā-), суффиксомъ *-о- въ кельтскомъ: ирл. sam, кимр. hāf, суффиксомъ *-г- (чередующимся съ *-п-) въ германскомъ: др.-вр.-нѣм. sumar, и въ армянскомъ: amān „лѣто“. Даже въ тѣхъ языкахъ, гдѣ эти слова сохраняются, они отрываются отъ корня, къ которому принадлежатъ: такъ скр. основа diç- значитъ „страна“ и стоитъ въ сторонѣ отъ корня diç- „показывать“; соотвѣтствующее латинское слово употребляется только въ стереотипномъ выраженіи dicis caussā (или gratiā) „такъ сказать“; гр. δῖκη представляетъ распространеніе той же основы суффиксомъ *-ā-, и техническое значеніе слова очень далеко отъ значенія глагола δείκνυμι „показываю“. Утрата живого значенія корня и потеря основъ съ нулевымъ суффиксомъ идутъ параллельно, и одно измѣненіе облегчаетъ другое.

Каждая часть индо-европейскаго слова имѣла опредѣленную ступень вокализма, которая и характеризовала его форму; тонкая система чередованія гласныхъ, нарушенная измѣненіемъ характера сонантовъ и гласныхъ и затемненная утратою живого значенія корней и основъ, мало-по-малу теряетъ ббльшую часть своего грамматическаго значенія. Такъ, въ греческомъ языкѣ уже въ эпоху, предшествующую древнѣйшимъ текстамъ, чередованіе *e и *o въ склоненіи исчезло, и, между тѣмъ какъ литовскій языкъ еще противопоставляетъ им. ед. a k m ū „камень“ (съ *ō) родительному ед. a k m e ū s (съ *e), греческій языкъ имѣетъ ἄκμων, ἄκμωνος, гдѣ род. п. ед. ч. измѣненъ по образцу именительнато ἄκμων, вин. п. ἄκμονα и т. д. Нѣкоторые языки, какъ славянскій или балтійскій, сохранили это чередованіе въ нѣкоторыхъ опредѣленныхъ случаяхъ. Но ниодинъ изъ извѣстныхъ индо-европейскихъ языковъ, даже въ самое древнее время, не сохраняетъ древняго типа, въ которомъ каждый изъ трехъ элементовъ слова: корень, суффиксъ и окончаніе, имѣлъ въ каждой грамматической формѣ характерную для этой формы ступень вокализма. Уже по этой причинѣ эти три элемента теряли свое самостоятельное значеніе. Что касается перемѣщенія тоническаго ударенія въ связи съ измѣненіемъ формы, то многіе языки уже въ самыхъ древнихъ текстахъ не сохраняютъ никакого слѣда этого явленія, а тѣ, которые кое-что сохраняютъ, въ значительной мѣрѣ ограничили размѣры этого явленія: санскритъ допускаетъ перемѣщеніе ударенія только между окончаніемъ и предшествующимъ ему слогомъ; греческій ограничиваетъ перемѣщеніе ударенія концомъ слова; балтійскій и славянскій языки, быть можетъ, раньше сохраняли большую свободу перемѣщенія ударенія, но они извѣстны намъ въ сравнительно позднюю эпоху и только даютъ возможность дѣлать выводы о первоначальномъ перемѣщеніи ударенія. Поэтому мы можемъ только предполагать, какую роль играло передвиженіе ударенія въ индо-европейскомъ языкѣ. И эта утрата еще болѣе лишала самостоятельнаго значенія морфологическіе элементы, каждый изъ которыхъ въ индо-европейскомъ языкѣ могъ быть отгѣненъ удареніемъ въ различныхъ формахъ того же слова.

Всѣ только что указанныя измѣненія превращаютъ въ неразложимое цѣлое тѣ три первоначально различные эле-

менты индо-европейскаго слова, единство котораго допускало существованіе частей, имѣющихъ особыя значенія. Возьмемъ такое индо-европейское слово, какъ им. п. ед. ч. муж. р. *p̥l̥nos; скр. pūr-ṇá-ḥ „полный“ еще даетъ представленіе о своемъ составѣ, такъ какъ существуютъ также: pīpartī „наполняетъ“, pṛṇāti, и т. д. Но такія отдѣльныя слова, какъ гот. fulls, др.-сл. пълнѣ, др.-ирл. lān „полный“ являются неподдающимися анализу единицами; и глаголь со значеніемъ „наполнять“ не оказывается самостоятельнымъ, а наоборотъ, гот. fulljan (нѣм. füllen), др.-сл. пълнити, др.-ирл. (сoм-)al-paim произведены отъ указанныхъ прилагательныхъ.

Въ то же время богатое и сложное склоненіе и спряженіе индо-европейскаго языка стремится къ упрощенію. Мы уже отмѣтили всеобщее исчезновеніе двойственнаго числа, совпадающее съ прогрессомъ цивилизаціи. Въ глаголѣ окончанія средняго залога сохранились вполнѣ только въ двухъ языкахъ, засвидѣтельствованныхъ въ наиболѣе древнее время: въ греческомъ и въ индо-иранскомъ; въ историческое время мы наблюдаемъ въ этихъ языкахъ ихъ исчезновеніе; въ италійскомъ и кельтскомъ комбинація этихъ окончаній съ окончаніями на -g- создала отложительный глаголь; но такъ какъ отложительныя формы не существуютъ въ томъ же глаголѣ одновременно съ формами дѣйствительнаго залога, то онѣ стали лишними и были утеряны: романскіе языки и средне-ирландскій уже не имѣютъ этихъ формъ; готскій языкъ еще сохраняетъ часть окончаній средняго залога исключительно въ страдательномъ значеніи; германскіе языки, извѣстные изъ болѣе поздняго времени, утратили и этотъ обломокъ. Желательное и сослагательное наклоненія сохранились въ древнихъ формахъ греческаго и индо-иранскаго языковъ; но италійскій языкъ, хотя и извѣстенъ въ сравнительно древнее время, уже имѣетъ только одно наклоненіе, отличное отъ изъявительнаго; то же — въ кельтскомъ и германскомъ; славянскій ушелъ еще дальше и имѣетъ только изъявительное наклоненіе: въ немъ нѣтъ ни сослагательнаго, ни желательнаго. Перфектъ, имѣвшій атематическое образованіе съ особымъ вокализмомъ корня и удвоеніемъ, образованіе, предполагающее живое значеніе корня, исчезъ съ теченіемъ времени вездѣ, при чемъ онъ или просто вышелъ изъ употребленія, какъ въ среднихъ индо-иранскихъ діалектахъ, въ ново-греческомъ,

и армянскомъ, либо продолжалъ существовать только въ причастіи, какъ въ славянскомъ и балтійскомъ, либо, слившись съ аористомъ, образовалъ прошедшее время, какъ въ латинскомъ, ирландскомъ и германскомъ; въ греческомъ и индо-иранскомъ потеря перфекта совершилась въ историческое время, а въ другихъ діалектахъ она предшествуетъ древнѣйшимъ документамъ.

Упрощеніе склоненія и спряженія, общее всѣмъ индо-европейскимъ языкамъ, достигаетъ своего крайнаго предѣла въ новыхъ языкахъ: склоненіе совершенно исчезло во многихъ языкахъ, какъ напр., въ персидскомъ и въ главнѣйшихъ романскихъ языкахъ. Въ англійскомъ языкѣ даже глагольное спряженіе свелось къ очень незначительному объему; здѣсь не существуетъ собственно даже грамматическаго рода, и слова почти не измѣняются.

V.

Измѣненія морфологическаго типа сопровождаются параллельными измѣненіями предложенія.

Индо-европейское предложеніе слагалось изъ самостоятельныхъ словъ, изъ которыхъ каждое было способно выражать и полный смыслъ, и опредѣленную функцію въ предложеніи; съ теченіемъ времени слово все болѣе и болѣе теряетъ свою самостоятельность и функція его въ предложеніи начинаетъ выражаться двумя новыми способами, совершенно неизвѣстными индо-европейскому языку:

1) Порядкомъ словъ, который получаетъ грамматическое значеніе. Во французскомъ или въ англійскомъ языкѣ мѣсто слова въ предложеніи достаточно ясно обозначаетъ его функцію: *le père aime le fils* выражаетъ порядкомъ словъ то, что латинскій языкъ обозначаетъ формою склоненія: *pater filium amat, filium pater amat, amat filium pater*, и т. д.

2) Вспомогательными словами. Французскій языкъ посредствомъ *de* обозначаетъ то, что латинскій языкъ выражаетъ различными формами склоненія: *patris domus* „домъ отца“ по фр. *la maison du père, viri domus* — по фр. *la maison de l'homme, mulierum domus* — *la maison des femmes* и т. д. Глагольная форма обозначается словечками: *je, tu, il (elle), nous, vous, ils (elles)*; во французскомъ эти словечки самостоятельно не существуютъ и

встрѣчаются только вмѣстѣ съ глаголомъ: такимъ образомъ въ формахъ *j'aime* или *je finis* французскій языкъ близокъ къ возстановленію спряженія, но спряженія съ префиксами вмѣсто индо-европейскаго суффиксальнаго спряженія.

Вспомогательныя слова, присоединяясь къ другимъ словамъ теряютъ свою самостоятельность: раньше всѣхъ прикнули къ глаголу или къ имени предлоги, которые въ индо-европейскомъ были еще самостоятельными словами; они утратили свое отдѣльное существованіе и превратились въ особаго рода префиксы, — явленіе, совершенно новое въ индо-европейскомъ языкѣ: на классическомъ греческомъ языкѣ можно сказать *ἀνδρὶ συνέστιν* или *σὺν ἀνδρὶ ἔστιν*, но *σὺν* отдѣльно уже не существуетъ; по-латыни можно сказать *agmine sociat* или *cum agmine eo*, но одно *cum* не употребляется. И такъ во всѣхъ языкахъ по прошествіи архаическаго періода.

Такимъ образомъ строй предложенія совершенно измѣнился. И это измѣненіе было болѣе или менѣе полнымъ, смотря по тому, въ какой мѣрѣ были упрощены склоненіе и спряженіе; но всюду оно происходило въ томъ же направленіи и приводило какъ къ созданію опредѣленнаго порядка словъ, которому придавалось грамматическое значеніе, такъ и къ созданію особыхъ частицъ, предлоговъ, союзовъ и вспомогательныхъ глаголовъ, функція которыхъ состоитъ въ томъ, чтобы указывать роль другихъ словъ въ предложеніи.

VI.

Словарь cadaго индо-европейскаго языка, какъ мы видѣли выше на стр. 326 сл., существенно отличается отъ словаря другого языка, и число индо-европейскихъ словъ, сохраненныхъ во всѣхъ или, по крайней мѣрѣ, въ большинствѣ языковъ этой семьи, очень незначительно. Каждый языкъ имѣетъ много словъ, не имѣющихъ соотвѣтствій ни въ одномъ изъ остальныхъ языковъ. Вслѣдствіе многочисленности индо-европейскихъ языковъ и разнообразія ихъ словаря, мы часто встрѣчаемъ въ томъ или другомъ языкѣ такія этимологическія сопоставленія, которыя едва-ли можно защищать; но неубѣдительная этимологія — это еще не большая бѣда.

Но дѣло въ томъ, что мы не знаемъ, какой языкъ былъ вытѣсненъ индо-европейскимъ въ тѣхъ областяхъ, гдѣ онъ

распространился; не знаемъ мы и тѣхъ языковъ, на которыхъ говорили народности, вліявшія своею цивилизаціей на культуру народовъ индо-европейскаго языка. Поэтому, когда какое-либо слово даннаго языка не имѣетъ точнаго соотвѣтствія въ другихъ языкахъ той же семьи, мы не имѣемъ права во что бы то ни стало искать его въ индо-европейской этимологіи. Вѣдь каждый словарь непременно заключаетъ въ себѣ заимствованія изъ неизвѣстныхъ намъ языковъ, не оставившихъ по себѣ, быть можетъ, никакого слѣда. Одна изъ самыхъ грубыхъ — и чаще всего встрѣчающихся — ошибокъ состоитъ въ убѣжденіи, что всякое слово санскритскаго, греческаго, германскаго и др. языковъ, незаимствованное изъ извѣстныхъ намъ языковъ, должно быть индо-европейскимъ; никто, конечно, прямо не выставляетъ такого нелѣпаго принципа, но искать индо-европейскаго объясненія всѣхъ словъ каждаго языка, это значитъ разсуждать такъ, какъ будто этотъ принципъ справедливъ.

Дѣлая такія попытки, нерѣдко ссылаются на то, что то или другое слово имѣетъ индо-европейскій видъ; но нѣтъ ничего обманчивѣе этого впечатлѣнія: иностранныя слова, заимствованныя устнымъ путемъ, почти тотчасъ же примыкаютъ къ общему типу языка и по внѣшнему виду ничѣмъ не отличаются отъ старинныхъ словъ языка. Ничто не указываетъ на то, что французское слово *rail* „рельсъ“ въ недавнее время заимствовано изъ англійскаго языка (конечно, кромѣ произношенія *rèl*). Въ формѣ нѣтъ ничего, что бы показывало, что гр. *πεινα* „голодь“ или *δίψα* „жажда“, что лат. *famēs* „голодь“ или *sitis* „жажда“, что гот. *hūhrus*, др.-вр.-нѣм. *hungar* „голодь“, что др.-сл. *алкати* и лит. *álkti* „алкать“ — не индо-европейскія слова; но, такъ какъ эти слова стоятъ одиноко, то опасно для каждаго изъ нихъ искать индо-европейскаго источника.

Достовѣрны только такія соотвѣтствія, которыя позволяютъ устанавливать опредѣленные индо-европейскія слова и не ограничиваются одною общностью корня. Такого рода соотвѣтствія — рѣдки. Подробности словаря въ каждомъ языкѣ свои, и мы не можемъ льстить себя надеждою понять текстъ неизвѣстнаго намъ индо-европейскаго языка, не связаннаго съ установленными группами (германскою, славянскою, индо-иранскою и т. д.) при помощи словарей другихъ языковъ.

Заключеніе.

Уже въ ту эпоху, когда письменные памятники знакомятъ насъ съ сохранившимися различными діалектическими группами индо-европейской семьи языковъ, каждая изъ этихъ группъ сильно отличается отъ всѣхъ остальныхъ и характеризуется важными и многочисленными новообразованиями, свойственными только ей одной. Такимъ образомъ самыя древнія исторически засвидѣтельствованныя группы уже на зарѣ ихъ исторіи, представляются намъ въ формѣ, существенно отличной отъ формы индо-европейскаго языка. Индо-иранскій языкъ уже до эпохи древнѣйшихъ сохранившихся текстовъ разрушилъ индо-европейскій вокализмъ; греческій языкъ еще въ до-гомеровскую эпоху исказилъ и измѣнилъ консонантизмъ. Однимъ словомъ, уже съ самаго начала исторической традиціи каждый діалектъ представляетъ самостоятельную систему, основа которой восходитъ къ индо-европейскому языку, но которая существенно отличается отъ системы индо-европейской.

Эта дифференціація началась еще въ эпоху общей жизни индо-европейскихъ діалектовъ, но старыя діалектическія различія сдѣлались значительнѣе, несомнѣнно, уже послѣ раздѣленія діалектовъ. Далѣе, внутри каждой большой группы произошли новыя дифференціаціи, которыя привели къ образованію діалектовъ уже въ самой этой группѣ. И историческія событія, соединяя обширныя группы народностей болѣе или менѣе одинаковаго языка, какъ іонійцы, дорійцы и т. д., создавали въ каждой большой діалектической группѣ различныя болѣе мелкія группы, отдѣльныя отъ всѣхъ остальныхъ. Подъ именемъ языковъ обще-греческаго, обще-славянскаго, обще-германскаго и т. д. мы разумѣемъ совокупность особенностей, созданныхъ въ до-историческую эпоху и свой-

ственныхъ всѣмъ діалектамъ греческимъ, славянскимъ, германскимъ и т. д., т. е. свойственныхъ каждой группѣ въ цѣломъ; слѣдовательно, обще-греческій языкъ по отношенію къ іоническому, дорическому, эолическому и т. д. представляетъ то же самое, что индо-европейскій по отношенію къ греческому, славянскому, германскому, кельтскому и т. д. И обще-греческое явленіе не должно необходимо предшествовать всякому дѣленію на діалекты; такъ переходъ *k^w въ π есть явленіе обще-греческое, но оно позднѣе измѣненія *k^w въ τ передъ ε въ началѣ словъ, которое совершилось въ іоническомъ и дорическимъ, но не въ эолическомъ: начальное *k^w числительнаго „четыре“ перешло въ τ въ аттическомъ τέτταρες, но въ π въ беот. πέτταρες.

Общія условія, въ которыхъ происходятъ измѣненія языковъ, еще слишкомъ мало изучены, чтобы можно было дѣлать какіе-либо выводы относительно причинъ, вызвавшихъ новообразованія, свойственныя каждой діалектической группѣ индо-европейской семьи языковъ. Но можно думать, что по крайней мѣрѣ нѣкоторыя черты этихъ измѣненій являются результатомъ смѣшенія народностей индо-европейскаго языка съ народностями, говорившими на другихъ языкахъ. Если, напримѣръ, въ доисторическую эпоху греческій языкъ сократилъ до пяти число падежей индо-европейскаго склоненія, если ни Гомеръ, ни какой-либо другой діалектъ не сохранили шестого падежа, то мы можемъ объяснять это замѣчательное нововведеніе особымъ вліяніемъ населенія, съ которымъ смѣшались говорившіе на индо-европейскомъ языкѣ колонисты, поселившіеся на греческой почвѣ, такъ какъ въ тѣхъ случаяхъ, когда склоненіе встрѣчало условія болѣе благоприятныя для его сохраненія, оно хорошо сохранялось, и армянскій, литовскій и славянскій языки до настоящаго времени обладаютъ богатымъ склоненіемъ: литовскій, польскій, русскій, а также восточная часть новоармянскаго различаютъ семь падежей изъ числа восьми, бывшихъ въ индо-европейскомъ.

Всюду, гдѣ водворялись индо-европейскіе діалекты, они окончательно вытѣсняли туземные языки, такъ что по большей части мы ничего не знаемъ о не индо-европейскихъ языкахъ, мѣсто которыхъ они заняли. И въ тѣхъ случаяхъ, когда рядомъ съ индо-европейскими діалектами мы находимъ языки, несомнѣнно родственные языкамъ древнихъ жителей

страны, мы еще не изучили всѣхъ фактовъ и замѣчаемъ только нѣкоторыя черты сходства, главнымъ образомъ между санскритомъ и дравидскими языками Индіи, между армянскимъ и кавказскими языками.

Но перемѣна языка есть не единственная и даже не самая главная изъ причинъ, вызывающихъ лингвистическія измѣненія: различіе населяемыхъ странъ и условій существованія (пищи и т. п.), различіе въ величинѣ соціальныхъ группъ и въ ихъ общественной организаціи — все это оказывало значительное вліяніе на развитіе въ разныхъ направленіяхъ одного и того же языка: само собою понятно, что усвоеніе языка дѣтми и вытекающее отсюда его дальнѣйшее развитіе происходитъ не одинаково въ такой небольшой группѣ, какъ древне-греческая городская община, гдѣ браки происходятъ исключительно между членами той же группы, сравнительно съ такой обширной группой, какъ римская имперія, гдѣ жены могутъ быть различнаго происхожденія, или, наконецъ, у народностей, имѣющихъ сложную систему брачныхъ сношеній, какъ у Австралійцевъ.

Такимъ образомъ при современномъ состояніи знаній мы можемъ только опредѣлять новообразованія, свойственныя каждому отдѣльному индо-европейскому діалекту, не претендуя на точное и подробное выясненіе причинъ этихъ перемѣнъ.

Если оригинальный характеръ каждаго языка указываетъ на вліяніе народностей, говорившихъ на различныхъ языкахъ, которые были вытѣснены индо-европейскими діалектами, то единство происхожденія проявляется, какъ мы это видѣли въ главѣ IX, въ параллелизмѣ развитія языковъ. Въ подробностяхъ каждый изъ индо-европейскихъ языковъ имѣетъ свою исторію, и, какъ и слѣдовало ожидать, всѣ особенности фонетики, морфологіи и словаря становятся все болѣе и болѣе различными въ различныхъ языкахъ, по мѣрѣ того какъ мы удаляемся отъ древняго періода единства языковъ. Но въ общемъ развитіе языковъ было параллельно, и потому новые языки, грамматическая основа которыхъ въ каждомъ своя, имѣютъ все же гораздо больше сходныхъ общихъ чертъ, чѣмъ мы могли бы ожидать, судя по совершенной самостоятельности развитія каждаго изъ нихъ.

Интересъ общей сравнительной грамматики индо-евро-

пейскихъ языковъ заключается въ томъ, что только она одна позволяетъ изучить эти самостоятельные и параллельные пути развитія. Определеніе того общаго языка, позднѣйшими формами котораго являются индо-европейскіе языки, не имѣетъ въ виду удовлетворить пустое любопытство тѣхъ, кто желалъ бы познакомиться съ внѣшнимъ видомъ этого языка: такая цѣль вовсе не могла бы быть достигнута. Это определеніе не составляетъ предмета сравнительной грамматики, оно служитъ ей только средствомъ.

Исторія индо-европейскихъ языковъ представляетъ такимъ образомъ обширную область: общая сравнительная грамматика позволяетъ описать, нерѣдко съ большою точностью, ту часть этой исторіи, которая лежитъ между эпохою единства и самыми древними памятниками каждой группы; съ другой стороны, обстоятельное изслѣдованіе текстовъ всѣхъ эпохъ и всѣхъ областей, а также и живыхъ говоровъ даетъ возможность прослѣдить вплоть до настоящаго времени развитіе крупныхъ лингвистическихъ группъ, образовавшихся въ доисторическую эпоху. Большую часть работы еще остается сдѣлать; тѣмъ не менѣе главныя черты этой исторіи уже проведены всюду, а въ нѣкоторыхъ пунктахъ начинаютъ выясняться и детали. Если индо-европейская группа языковъ является самою важною во всемъ свѣтѣ, то и развитіе ея извѣстно лучше всѣхъ другихъ, и изученіе ея лучше всего знакомитъ съ общими законами развитія языковъ.

Дѣйствительно, сравнительная грамматика была создана для того, чтобы объяснять особенности, наблюдаемыя въ историческое время: на почвѣ французскаго языка спряженіе *il est, ils sont* — необъяснимо; уже на почвѣ латинскаго языка необъяснимы формы *est, sunt*, но тамъ еще встрѣчаются нѣкоторыя аналогичныя формы какъ *fert, ferunt*; только въ индо-европейскомъ языкѣ было нормальнымъ то спряженіе, единственными остатками котораго во французскомъ языкѣ является спряженіе *il est, ils sont*: такимъ образомъ только въ индо-европейскомъ языкѣ этотъ французскій глаголъ находитъ свое объясненіе, принимая видъ нормальнаго образованія. Такова первая услуга сравнительной грамматики: она даетъ возможность понимать исторически засвидѣтельствованныя явленія.

Но въ то же самое время, именно потому, что для объ-

ясненія лингвистическихъ явленій нужно было точно прослѣ-
дить исторію языковъ отъ древнѣйшаго періода ихъ единства
до настоящаго времени, накопилось огромное количество
наблюденій надъ развитіемъ языка. И рядомъ съ чистой
исторіей различныхъ языковъ, гдѣ, какъ во всякой исторіи,
мы наблюдаемъ преемственность отдѣльныхъ явленій, на
основаніи того же матеріала создается общая теорія условій
развитія языковъ; другими словами, исторія индо-европей-
ской группы языковъ, извѣстная въ настоящее время въ
общихъ чертахъ, даетъ прекрасныя наблюденія, которыми
можетъ воспользоваться начинающая создаваться наука объ
языкѣ; въ свою очередь эта наука, выясняя общіе законы
языка, дастъ возможность современныя эмпирическія объ-
ясненія замѣнить связкою и систематическою доктриною.
Явленія, которыя мы только что обозрѣли, освѣтятся тогда
новымъ свѣтомъ; но результаты, пріобрѣтенные сравнитель-
ною грамматикою, въ ихъ цѣломъ, останутся столь же досто-
вѣрны; новая наука объяснитъ ихъ, но не отвергнетъ.

Приложенія.

I.

Очеркъ развитія сравнительной грамматики.

Сравнительная грамматика была создана въ началѣ XIX столѣтія трудами нѣмецкихъ и датскихъ ученыхъ.

Греки стояли въ тѣсныхъ сношеніяхъ съ цѣлымъ рядомъ другихъ народовъ, языки которыхъ имѣли поразительныя черты сходства съ ихъ языкомъ; но греки не обращали на чужіе языки никакого вниманія и, если и замѣчали совпаденія, то видѣли въ нихъ простую случайность, и изъ этихъ отдѣльныхъ наблюденій не сдѣлали научнаго вывода. Происшедшая оттого потеря огромна и не поправима: греки могли наблюдать и сохранить намъ языки, которые позднѣе либо исчезли безслѣдно, либо сильно измѣнились; если бы имѣлись точныя свѣдѣнія о діалектахъ иранскихъ, фригійскихъ, армянскихъ, еракійскихъ, иллирійскихъ, италійскихъ и кельтскихъ III-го или IV-го вѣка до Р. Х., въ томъ видѣ, какъ ихъ должны были знать греческіе переводчики, то сравнительная грамматика индо-европейскихъ языковъ имѣла бы такую степень точности и полноты, какой она въ настоящее время не имѣетъ и никогда не будетъ имѣть. Но греки и не воображали, чтобы эти варварскіе языки представляли различныя формы одного и того-же языка и имѣли какое-нибудь отношеніе къ ихъ собственному языку; они не знали и того, что единственное средство дать себѣ отчетъ въ особенностяхъ своего собственного языка заключается въ сопоставленіи различныхъ говоровъ, съ которыми повсюду сталкивались ихъ колонисты и моряки. Единственный языкъ, который они изучали, былъ ихъ родной языкъ, и въ изученіи его они сдѣлали успѣхи во многихъ отношеніяхъ: когда имъ пришлось передавать свой языкъ на письмѣ, они сумѣли

не заимствовать безъ измѣненій семитической слоговой алфавитъ и, обозначая гласные звуки, создали звуковое письмо, которое одно только пригодно для индо-европейскихъ языковъ: чтобы оцѣнить, какъ слѣдуетъ, услугу, которую оказали этимъ греки, достаточно вспомнить сколько неясности вносить въ иранскіе тексты арамейское письмо пехлевійскаго языка и арабское письмо персидскаго. Греческіе философы точно подмѣтили грамматическія категоріи своего языка; грамматики описали діалектическія особенности литературныхъ текстовъ. Но они не пошли далѣе констатированія фактовъ, а отъ ихъ попытокъ объясненія, чисто апріорныхъ, не осталось ничего, такъ какъ они не видѣли, какимъ образомъ можно объяснить лингвистическое явленіе.

Индійцы, повидимому, не имѣли случая близко познакомиться съ другими индо-европейскими языками, кромѣ иранскаго, который былъ очень похожъ во всѣхъ отношеніяхъ на ихъ собственный языкъ, и греческаго въ эпоху Александра и Бактрійскаго царства: изъ этого знакомства индійцы не вынесли ничего. Но собственный языкъ они наблюдали съ удивительной точностью: отъ вниманія ихъ грамматиковъ не ускользнули безконечно тонкія подробности артикуляціи звуковъ; они подмѣтили всѣ существенныя черты морфологіи своего языка такъ хорошо, что во многихъ отношеніяхъ сравнительная грамматика просто приложила къ индо-европейскому языку тѣ наблюденія, которыя индійскіе грамматики сдѣлали надъ санскритомъ. Наконецъ, подобно грекамъ, они приспособили къ характеру своего языка алфавитъ, заимствованный ими, и старательно обозначили гласные звуки.

У индійцевъ, какъ и у грековъ, не было представленія объ историческомъ развитіи. Это понятіе было также совершенно неизвѣстно и въ XVII и XVIII вѣкахъ, какъ и во времена Аристотеля или индійца Пáнини; чтобы объяснить себѣ лингвистическое явленіе прибѣгали не къ наблюденію предшествующихъ фактовъ, а къ апріорнымъ соображеніямъ; теорія предложенія была приложеніемъ теоріи сужденій, общая грамматика была частью формальной логики: грамматика Port-Royal'a и грамматика Кондильяка — яркіе примѣры этого направленія.

Въ началѣ XIX столѣтія повсюду, во всѣхъ областяхъ знанія появляется новая идея: перестаютъ пользоваться ло-

гическими концепціями для объясненія явленій; наблюденіе и абстрактное изученіе явленій механическихъ, физическихъ и химическихъ, начатое греками и развиваемое съ новою силою начиная съ XV вѣка, давало съ каждымъ годомъ все болѣе точные и болѣе многочисленные результаты и позволяло все съ большей увѣренностью предугадывать дѣйствія силъ природы и все полнѣе и полнѣе пользоваться ими. Явленія жизни органической и общественной оставались въ той же темнотѣ, потому что ихъ думали изучать, прилагая къ нимъ апріорныя идеи. Теперь стали понимать, что и эти явленія слѣдовало наблюдать въ нихъ самихъ, какъ это дѣлалось въ области физическихъ и химическихъ явленій.

Но явленія, которыя представляютъ живыя существа и особенно общества, очень сложны, по большей части они не могутъ быть сведены къ абстрактнымъ формуламъ, подобно явленіямъ физическимъ. Когда мы разсматриваемъ какое-либо общественное явленіе, мы легко замѣчаемъ, что оно является результатомъ цѣлаго ряда послѣдовательныхъ дѣйствій; поэтому мы не можемъ объяснить его, не описывая его исторіи; методическое изслѣдованіе историческихъ основъ социальныхъ явленій — вотъ то новое и оригинальное, что внесъ въ науку XIX вѣкъ: въ механикѣ, въ физикѣ, въ химіи при помощи методовъ Архимеда, Галилея, Ньютона въ это время было добыто множество новыхъ результатовъ, но самый методъ былъ уже доведенъ до совершенства, и осталось только со всею строгостью примѣнять его ко всѣмъ объектамъ, доступнымъ нашему изученію; методъ историческаго объясненія, наоборотъ, есть созданіе XIX столѣтія (и, до нѣкоторой степени, конца XVIII-го). Земная кора, организмы, общества и ихъ учрежденія были поняты какъ продукты историческаго развитія, подробности котораго никогда не могутъ быть угаданы а priori, и о которомъ мы можемъ составить себѣ представленіе только при помощи наблюденія и точнаго выясненія послѣдовательности отдѣльныхъ фактовъ, составляющихъ эти явленія. И только на основѣ такихъ систематическихъ наблюденій начинаютъ складываться общія теоріи развитія организмовъ и обществъ.

Сравнительная грамматика представляетъ только часть тѣхъ систематическихъ изслѣдованій, которыя XIX вѣкъ произвелъ по вопросамъ историческаго развитія явленій при-

роды и общества. Она сложилась тогда, когда стали систематически сближать санскритъ съ греческимъ, латинскимъ и германскимъ языками. Лишь только установившіяся правильныя сообщенія между Индіей и Европой дали нѣкоторымъ европейцамъ возможность изучить санскритъ, тотчасъ же было признано его родство съ европейскими языками: на это родство указали французскій іезуитъ Кёрду (Coeurdoux) въ сообщеніи, присланномъ въ 1767 году въ Академію надписей Académie des inscriptions), англичанинъ Вилліамъ Джонсъ (William Jones) въ докладѣ Калькутскому Обществу въ 1786 и нѣмецкій іезуитъ Paulinus a Sancto Bartholomaeo. Наконецъ, вниманіе Европы на значеніе санскрита съ лингвистической точки зрѣнія привлекла знаменитая книга Фридр. Шлегеля „О языкѣ и мудрости индійцевъ“ (Fr. Schlegel. Ueber die Sprache und die Weisheit der Indier. Heidelberg 1808).

Знакомство съ санскритомъ имѣло рѣшающее значеніе для созданія сравнительной грамматики въ двухъ отношеніяхъ. Прежде всего, санскритъ сохранилъ древнюю морфологию и старую систему согласныхъ, которыя однѣ даютъ возможность составить себѣ приблизительное представленіе о томъ, чѣмъ могъ быть индо-европейскій языкъ, и безъ которыхъ множество существенныхъ чертъ этого языка осталось бы навсегда неизвѣстнымъ или плохо извѣстнымъ. Вторыхъ, индійскіе грамматики съ величайшею точностью анализировали фонетику и грамматику этого столь древняго языка до самыхъ мельчайшихъ подробностей; въ началѣ XIX вѣка грамматики Кольбрука (Colebrooke), Вилькинса (Wilkins, 1808), Кери (Carey), Форстера (Forster), списокъ корней Вилькинса (1815), изданіе Амарокоши и другихъ словарей, начатое Кольбрукомъ (Калькутта 1807), давало европейскимъ ученымъ возможность познакомиться съ главными результатами работы индійскихъ грамматиковъ; въ той широкой мѣрѣ, въ какой санскритъ представляетъ индо-европейскую фонетику и морфологию, уже здѣсь былъ на лицо независимый отъ греческихъ теорій грамматическій анализъ индо-европейскаго языка, анализъ, котораго было достаточно для обновленія лингвистическихъ представленій и который имѣлъ то существенное преимущество, что основывался на наблюденіи фактовъ.

Первымъ, построившимъ научную систему на основаніи

сравненія санскрита съ европейскими языками, былъ Францъ Боппъ (Franz Bopp), родившійся въ Майнцѣ въ 1791 году. Послѣ своей поѣздки въ Парижъ, который былъ въ то время главнымъ центромъ изученія востока, Боппъ научился санскритскому языку почти самоучкою при помощи весьма неудовлетворительныхъ пособій (словарь Вильсона появился только въ 1819 году) и въ 1816 во Франкфуртѣ-на-Майнѣ выпускаетъ свою первую работу „О системѣ спряженія санскритскаго языка, въ сравненіи съ системою спряженія греческаго, латинскаго, персидскаго и германскаго языковъ, съ приложеніемъ эпизодовъ Рамаяны и Махабхараты въ точномъ стихотворномъ переводѣ съ подлинника и нѣкоторыхъ отрывковъ изъ Веды“. (Ueber das Conjugationssystem der Sanskritsprache, in Vergleichung mit jenem der griechischen, lateinischen, persischen und germanischen Sprache, nebst Episoden des Ramajan und Mahabharat in genauen metrischen Uebersetzungen aus dem Originaltexte und einigen Abschnitten aus den Veda's. 8°. XXXXVI + 312 стр.) Сравнительная грамматика была основана. „Мы должны — говоритъ Боппъ — прежде всего познакомиться съ системою спряженія древнеиндійскаго языка и обозрѣть сравнительно съ нею спряженія греческаго, латинскаго, германскаго и персидскаго языковъ; такимъ образомъ мы замѣтимъ ихъ тождество, но въ то-же время увидимъ послѣдовательное и постепенное разрушеніе простаго лингвистическаго организма и стремленіе замѣнить его механическими соединеніями, изъ которыхъ возникло подобіе новаго организма, когда элементы этихъ соединеній сдѣлались неузнаваемы“. Уже эта первая работа Боппа ясно устанавливаетъ главный предметъ его разысканій: онъ сближаетъ грамматическія формы различныхъ индо-европейскихъ языковъ, пользуясь главнымъ образомъ санскритомъ, и его наблюдательность въ этомъ отношеніи удивительна; но сопоставленія являются для него только средствомъ, и прежде всего онъ стремится объяснить формы, опредѣляя ихъ древнѣйшій, наименѣе искаженный, по возможности самый первоначальный видъ. Уже въ этой книгѣ Боппъ объясняетъ санскритское будущее на -суа- прибавкою къ глагольному корню глагола „быть“ скр. as-: это первая попытка тѣхъ объясненій помощью агглютинаціи, которымъ Боппъ такъ

много удѣляетъ мѣста въ своемъ позднѣйшемъ трудѣ; прозрачное, но обычное въ то время разложене глагола на связку и сказуемое заставляло его считать естественнымъ раздѣленіе скр. *tar-sya-ti* „онъ будетъ горѣть“ на „онъ будетъ горящимъ“. Сравненіе засвидѣтельствованныхъ языковъ даетъ ему въ его глазахъ средство восходить къ первобытному состоянію языка, въ которомъ грамматическія формы могутъ быть анализированы и объяснены непосредственно; въ этомъ отношеніи Боппъ — еще человѣкъ XVIII вѣка; онъ думаетъ открыть начало тѣхъ явленій, одно только историческое развитіе которыхъ далъ понять его послѣдователямъ прогрессъ созданной имъ же науки. Выясненіе основного тождества индо-европейскихъ языковъ не является для него предѣломъ сравнительной грамматики, и въ измѣненіяхъ, происшедшихъ со времени единства языковъ, онъ видитъ только послѣдовательное разрушеніе древняго организма. Боппъ открылъ сравнительную грамматику въ поискахъ за объясненіемъ индо-европейскаго языка почти такъ же, какъ Христофоръ Колумбъ открылъ Америку въ поискахъ пути въ Индію.

Приглашенный въ 1821 году по рекомендаціи Вильгельма Гумбольдта въ Берлинскій Университетъ, Боппъ съ этого времени систематически продолжаетъ свои разысканія. Результаты этихъ разысканій онъ излагаетъ въ шести мемуарахъ, представленныхъ Берлинской Академіи съ 1824 по 1833 годъ и носящихъ характерное общее заглавіе: Сравнительный анализъ санскрита и родственныхъ ему языковъ. Съ этого времени выходъ въ свѣтъ литовскихъ грамматикъ и развитіе славянской филологіи даетъ ему возможность присоединить къ санскриту, греческому, латинскому и германскому — балтійско-славянскій языкъ; а дешифровка зенда, выполненная строгимъ методомъ Евгенія Бюрнуфа (Eugène Burnouf), позволила въ то же время замѣнить персидскій языкъ гораздо болѣе древнимъ иранскимъ языкомъ, — языкомъ Авесты. Въ 1833 году появляется первый выпускъ „Сравнительной грамматики санскрита, зенда, греческаго, латинскаго, литовскаго, готскаго и нѣмецкаго“, которая была окончена только въ 1849 году; древне-славянскій языкъ является въ заголовкѣ только со второго тома; начало предисловія къ этой книгѣ даетъ самое точное представленіе о

взглядахъ автора: „Въ этой книгѣ я имѣю въ виду дать сравнительное, сопоставляющее все родственное, описаніе организма названныхъ въ заголовкѣ языковъ, изслѣдованіе ихъ физическихъ и механическихъ законовъ и происхожденія формъ, обозначающихъ грамматическія отношенія. Мы не касаемся только тайны корней, или причины наименованія первичныхъ понятій... Но кромѣ того мы пытаемся прослѣдить языкъ въ его образованіи и развитіи... Въ большинствѣ случаевъ первоначальное значеніе, а съ нимъ вмѣстѣ и происхожденіе грамматическихъ формъ выясняются сами собою, благодаря расширенію нашего лингвистическаго кругозора путемъ простаго сопоставленія языковъ-братьевъ, разлученныхъ тысячелѣтія тому назадъ, но все еще хранящихъ на себѣ несомнѣнныя фамильныя черты сходства“.

Боппъ такимъ образомъ создалъ всѣ части сравнительной грамматики индо-европейскихъ языковъ; онъ распозналъ большую часть тѣхъ сопоставленій, которыя можно было сдѣлать между грамматическими формами различныхъ языковъ и, въ этомъ отношеніи, онъ оставилъ своимъ преемникамъ только отдѣльныя колосья отъ своей богатой жатвы: ни одинъ изъ языковъ индо-европейской семьи не ускользнулъ отъ его вниманія; армянскій языкъ упомянуть въ заголовкѣ второго изданія сравнительной грамматики (1857—1861); относительно древне-прусскаго и албанскаго языковъ онъ опубликовалъ отдѣльныя статьи; онъ не оставилъ безъ вниманія даже кельтскаго языка. — Но, какъ ни былъ проникателенъ его взоръ, какъ ни широко было поле его изысканій, онъ оставилъ все-же много работы: его главная заслуга заключается въ томъ, что онъ держался положительныхъ фактовъ, избѣгая расплывчатыхъ общихъ умозрѣній; этимъ именно онъ и обновилъ языкознаніе; но, не имѣя опредѣленныхъ общихъ идей, онъ, повидимому, не давалъ себѣ яснаго отчета въ своемъ методѣ, и съ нимъ случилось то, что онъ причислилъ къ индо-европейской семьѣ малайско-полинезійскіе языки и языки южнаго Кавказа, которые къ индо-европейской семьѣ не принадлежатъ. Онъ почти исключительно занимался морфологіей и въ морфологіи — анализомъ склоненія и спряженія; но оставилъ безъ вниманія изученіе фонетической эволюціи и точные законы, господствующіе въ этой области; онъ не занимался ни упо-

требленіемъ формъ, ни строеніемъ предложенія. Послѣ Боппа оставалось еще прослѣдить развитіе каждаго языка въ подробности, построить всю фонетику, всю теорію употребленія формъ и теорію предложенія, установить строгіе законы и въ особенности устранить пустыя умозрѣнія относительно происхожденія формъ: здѣсь Боппъ гораздо больше является приверженцемъ старыхъ идей, нежели инициаторомъ.

Эта большая работа началась еще при жизни учителя съ того момента, когда появились его первыя работы.

Въ одно время съ Боппомъ, но совершенно независимо отъ него, датчанинъ Раскъ открылъ родство германскихъ языковъ съ греческимъ, латинскимъ и балтійско-славянскимъ и изложилъ это свое ученіе въ сочиненіи подъ заглавіемъ Разысканія въ области древне-сѣвернаго языка (*Undersögelse om det gamle Nordiske*), которое было закончено въ 1814 году, но появилось въ свѣтъ только въ 1818, въ Копенгагенѣ; вторая часть его была переведена на нѣмецкій языкъ и появилась въ Сравнительныхъ таблицахъ главныхъ европейскихъ языковъ Фатера подъ заглавіемъ „О ѳракійскомъ классѣ языковъ“ (*Ueber die thrakische Sprachclasse Halle, 1822*). Раскъ значительно уступаетъ Боппу въ томъ отношеніи, что онъ не принимаетъ во вниманіе санскрита; но онъ указываетъ на основное тождество сближаемыхъ языковъ, не отвѣщаясь на ненадежныя попытки объясненія первоначальныхъ формъ; онъ довольствуется утвержденіемъ, что „каждое окончаніе исландскаго языка, повидимому, можно въ болѣе или менѣе ясномъ видѣ отыскать въ греческомъ и въ латинскомъ“, и, съ этой по крайней мѣрѣ точки зрѣнія, его книга производитъ впечатлѣніе большей научной строгости, чѣмъ сочиненія Боппа.

Тогда какъ Боппъ всю свою жизнь оставлялъ безъ вниманія общія идеи, чтобы вполне отдаться точному опредѣленію подробностей, Вильгельмъ Гумбольдтъ, наоборотъ, въ своихъ сочиненіяхъ излагалъ только общія идеи; но кромѣ личной дѣятельности, которою онъ оказалъ сильное содѣйствіе развитію сравнительной грамматики, онъ оказывалъ вліяніе и на направленіе изслѣдованій: исходя изъ той мысли, что языкъ есть дѣятельность, ἐνέργεια, а не вещь, ἔργον, онъ видѣлъ въ языкѣ каждой народности характерное проявленіе

ея умственной дѣятельности и считалъ поэтому, что каждый языкъ долженъ быть изучаемъ самъ по себѣ. Явленія, выдвинутыя на первый планъ этими соображеніями, не дали возможности опредѣлить особый характеръ психической дѣятельности каждаго народа, какъ надѣялся Вильгельмъ Гумбольдтъ; но изслѣдованіе явленій въ томъ видѣ, какъ они даны, и разсмотрѣніе спеціальныхъ особенностей каждаго отдѣльнаго языка привело къ созданію строгой и точной науки.

Такъ какъ этотъ переворотъ въ лингвистикѣ былъ совершенъ германскими учеными, то, естественно, прежде всего новый методъ изслѣдованія былъ примѣненъ къ группѣ германскихъ языковъ. Уже въ 1811 году датчанинъ Раскъ въ предисловіи къ своей исландской грамматикѣ пишетъ: „Грамматика не должна предписывать, какъ должны образовываться слова, она должна описывать, какъ они образованы и какъ измѣняются“; а въ 1812 Яковъ Гриммъ (1785—1863) въ своемъ отзывѣ объ этой книгѣ писалъ: „Всякая индивидуальность должна считаться священной, даже въ языкѣ; нужно желать, чтобы каждый діалектъ, какъ бы онъ ни былъ малъ, какъ бы онъ ни былъ презираемъ, былъ предоставленъ самому себѣ и не подвергался бы насильственному воздѣйствію со стороны, такъ какъ онъ, безъ сомнѣнія, имѣетъ свои преимущества передъ самыми большими и самыми почетными“. Согласно съ этимъ принципомъ слѣдовало стремиться къ тому, чтобы какъ можно точнѣе описать каждую форму германскаго языка и въ особенности самую древнія его формы, въ которыхъ, по воззрѣніямъ того времени, ожидали открыть національный духъ во всей его чистотѣ, а языкъ въ его первобытномъ совершенствѣ. Грамматика Гримма, первый томъ которой появился въ 1819 году (за четырнадцать лѣтъ до появленія перваго тома сравнительной грамматики Боппа), является первымъ описаніемъ цѣлой группы діалектовъ, начиная съ самыхъ древнихъ исторически засвидѣтельствованныхъ формъ, и потому послужила образцомъ для всѣхъ послѣдующихъ изслѣдованій другихъ группъ діалектовъ, засвидѣтельствованныхъ древними документами; самая мелкія подробности отмѣчаются здѣсь съ большимъ стараніемъ, или, лучше сказать, съ благоговѣніемъ вѣрующаго; но тонкая и безконечно сложная сѣть взаимодействій,

объясняющихъ лингвистическія явленія, еще недостаточно выяснена; это скорѣе собраніе наблюдений, чѣмъ объясненіе явленій. Законы германскаго перебора (Lautverschiebung), по которымъ вся система согласныхъ звуковъ, такъ сказать, передвинулась на одну ступень, при чемъ герм. *f*, *h*, *h* соотвѣтствуютъ гр. *π*, *τ*, *κ*, или лат. *p*, *t*, *c*; герм. *p*, *t*, *k* — греческимъ *β*, *δ*, *γ*, лат. *b*, *d*, *g*; др.-вр.-нѣм. *d* готскому *þ* и т. д., были открыты и изложены въ 1818 году Раскомъ, а въ 1822 году также и Я. Гриммомъ: они являются первымъ примѣромъ и служатъ образцомъ фонетическихъ законовъ, на знакомствѣ съ которыми основывается все современное историческое языкознаніе; это былъ первый результатъ точнаго наблюденія діалектовъ и изслѣдованія особыхъ характерныхъ чертъ каждаго языка.

Поттъ (1802—1887), который былъ на одиннадцать лѣтъ моложе Боппа, продолжалъ труды своихъ предшественниковъ, но онъ избралъ себѣ съ самаго начала особую область, этимологию, и работалъ въ ней самостоятельно, проявляя удивительную эрудицію. Первое изданіе его „Этимологическихъ разысканій“ (*Etymologische Forschungen*) относится къ 1833—1836 годамъ (первый томъ появился въ 1833 году, второй въ 1836), слѣдовательно совпадаетъ по времени съ первымъ изданіемъ Боппа. Безъ опредѣленныхъ законовъ соотвѣтствія звуковъ сближаемыхъ языковъ этимология представляетъ чистую игру остроумія и не имѣетъ никакой доказательной силы; Поттъ это хорошо сознавалъ и уже въ 1833 году онъ пишетъ слѣдующія рѣшительныя фразы: „буква — болѣе надежный проводникъ въ лабиринтѣ этимологии, нежели значеніе, которое часто подвержено самымъ смѣлымъ скачкамъ“ и „одно Гриммово изложеніе фонетическихъ измѣненій въ германскихъ языкахъ имѣетъ болѣе значенія, нежели многочисленныя философскія теоріи языка“. Поттъ создалъ одновременно и этимологию и фонетику индо-европейскихъ языковъ, и на прогрессъ лингвистическаго метода въ этотъ небольшой промежутокъ времени указываетъ то обстоятельство, что его трудъ сравнительно съ Бопповымъ содержитъ менѣе устарѣвшихъ частей.

Одновременно съ созданіемъ сравнительной грамматики складываются и дисциплины изученія отдѣльныхъ языковъ: санскрита, древне-иранскаго, германскаго, славянскаго и т. д.;

онѣ и сами дѣлають большіе успѣхи благодаря новымъ лингвистическимъ методамъ, и каждая изъ нихъ оказала свое содѣйствіе быстрому прогрессу новой науки. Классическая филологія долгое время оказывала ей враждебное отношеніе: и этому нечего удивляться; и до сихъ поръ многіе классическіе филологи не знаютъ сравнительной грамматики или, пытаясь изучить её, не очень углубляются въ усвоеніи ея метода. Когда была основана сравнительная грамматика, классическая филологія находилась уже въ періодѣ полного обновленія; послѣ Вольфа (1759—1824), который началъ изучать филологію ради нея самой и записался въ Университетъ какъ *studiosus philologiae*, такія лица какъ Г. Германъ (1772—1848), глава чисто филологической школы, и А. Бёкъ (1785—1867), дѣйствительный основатель археологической школы и инициаторъ большихъ собраній надписей, не интересовались сравнительной грамматикой или даже враждебно относились къ ней: имъ было досадно видѣть, какъ какіе-то выскочки высказывали свои сужденія по греческой или латинской грамматикѣ на основаніи мало извѣстныхъ языковъ и при помощи методовъ, недоступныхъ контролю эллинистовъ и латинистовъ и въ добавокъ еще мало опредѣленныхъ; представители сравнительной грамматики съ своей стороны внушали мало довѣрія, такъ какъ ихъ знакомство съ классической филологіей часто было недостаточно (Боппъ былъ посредственный латинистъ) и они оставляли безъ вниманія синтаксисъ, столь важный въ глазахъ филолога-классика. Это вполнѣ понятное недоброжелательство не помѣшало однако тому, что труды этихъ ученыхъ и ихъ учениковъ оказали большое содѣйствіе успѣхамъ сравнительной грамматики. Буттманъ могъ не знать, что въ соотвѣтствіи дор. ἰστᾶμι и іон.-атт. ἰστῆμι дорическое \bar{a} отражаетъ общегреческое состояніе, а іон. η является болѣе позднимъ измѣненіемъ; но его греческая грамматика (первое изданіе 1819 года, второе — 1830) была весьма полезна для сторонниковъ сравнительнаго метода, точно также какъ и работы Лобека, ученика Г. Германа, и переизданіе словаря *Thesaurus linguae graecae* Генриха Стефана (Henri Etienne) парижскою фирмою Дидо (Didot) подъ редакціею Газе (Hase) въ сотрудничествѣ съ нѣкоторыми другими германскими учеными (съ 1831 по 1865 годъ). Чуждые методамъ сравнитель-

ной грамматики, труды эти, давая богатая собранія точныхъ фактовъ, не мало содѣйствовали ея успѣхамъ.

Въ 1852 году Адальбертомъ Куномъ (Kuhn) былъ основанъ журналъ *Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung*; дѣятельность самаго А. Куна была направлена главнымъ образомъ на изученіе сравнительной мѣѳологіи. Когда пробѣгаешь первый томъ этого журнала, то поражаешься, насколько шатки и неопредѣленны были принципы сравнительной грамматики въ это время. Новое поколѣніе лингвистовъ должно было выяснитъ и установить эти принципы, и слѣдующіе томы этого важнаго періодическаго изданія свидѣтельствуютъ о постоянномъ прогрессѣ методовъ языкознанія.

Августъ Шлейхеръ (1821—1868) былъ одушевленъ совершенно инымъ духомъ, нежели Боппъ. Боппъ былъ филологомъ, сблизившимъ другъ съ другомъ грамматическія формы древнихъ индо-европейскихъ языковъ; Шлейхеръ, усвоившій методы естественныхъ наукъ, былъ въ извѣстномъ смыслѣ натуралистомъ, приведшимъ въ систему добытые факты и стремящимся установить общіе законы. Съ самаго начала своей дѣятельности онъ занимается фонетикой, и въ своихъ *Sprachvergleichende Untersuchungen* (1848) онъ пытается опредѣлить законы развитія звуковыхъ сочетаній, заключающихъ у; онъ старается установить всеобщіе законы, приложимые не къ одному только отдѣльному языку, — преждевременная попытка разрѣшенія вопроса, который рано или поздно долженъ былъ быть поставленъ.

Онъ не ограничивается древними языками: пребываніе въ прусской Литвѣ даетъ ему возможность изучитъ самый архаическій изъ живыхъ индо-европейскихъ языковъ, языкъ литовскій, и въ 1856 году онъ выпускаетъ въ Прагѣ свою литовскую грамматику, которая и до настоящаго времени остается наилучшимъ описаніемъ этого языка; здѣсь фонетика уже изучается самостоятельно на равнѣ съ словообразованіемъ, склоненіемъ и спряженіемъ; глава, посвященная фонетикѣ, содержитъ 79 страницъ, между тѣмъ какъ склоненію и спряженію посвящено 85 страницъ; и, основываясь на непосредственномъ наблюденіи живого языка, а не на

изслѣдованіи старинныхъ текстовъ, она построена — и въ этомъ заключается серьезное нововведеніе — на артикуляціи звуковъ и ея измѣненіяхъ, а не на буквахъ съ ихъ соответствіями буквамъ другихъ языковъ; подробный синтаксисъ завершаетъ эту по истинѣ удивительную грамматику, которая позволила литовскому языку занять подобающее ему мѣсто въ ряду сравниваемыхъ между собою индо-европейскихъ языковъ. Въ слѣдующемъ 1857 году Шлейхеръ издаетъ тѣ матеріалы, на которыхъ основывалась его грамматика, драгоценныя собранія литовскихъ сказокъ, пѣсень, загадокъ и поговорокъ, съ приложеніемъ словаря: впервые рядомъ съ изучаемыми литературными языками становится наконецъ и чисто народный языкъ. И по содержанию и по способу изложенія *Handbuch der litauischen Sprache* представляетъ одно изъ самыхъ важныхъ событій въ развитіи сравнительной грамматики.

Признавая, что развитіе языковъ совершается по опредѣленнымъ и постояннымъ законамъ, Шлейхеръ признавалъ возможность построения наиболѣе древней, общей формы языка на основаніи соответствій, наблюдаемыхъ въ исторически засвидѣтельствованныхъ языкахъ. Шлейхеръ первый пытался возстановить индо-европейскій языкъ и прослѣдить его развитіе въ каждой отдѣльной языковой области: эту задачу онъ и выполнилъ въ своемъ *Compendium der vergleichenden grammatik der indogermanischen sprachen. Kurzer abriß einer laut- und formenlehre der indogermanischen ursprache, der altindischen, alteranischen, altgriechischen, altitalischen, altkeltischen, altslawischen, litauischen und altdeutschen*. Первое изданіе этого труда появилось въ 1861 году, — въ томъ же году, когда было закончено второе изданіе сравнительной грамматики Боппа; и трудъ этотъ такъ хорошо отвѣчалъ настоятельной потребности, что менѣе, чѣмъ въ 15 лѣтъ онъ выдержалъ еще три изданія. Фонетика занимаетъ цѣлую треть его объема; объясненія индо-европейскихъ формъ, составлявшія для Боппа самый главный вопросъ, встрѣчаются еще, но играютъ только второстепенную роль. Боппъ и Поттъ сблизжали и сравнивали отдѣльныя формы, а Шлейхеръ возстановилъ общій языкъ, опредѣлилъ его существенныя черты и его развитіе; онъ ошибался, видя въ

этомъ развитіи одинъ упадокъ, онъ не всегда оставался вѣренъ принципу законмѣрности, который онъ признавалъ въ теоріи, но созданный имъ методъ сдѣлался съ тѣхъ поръ методомъ всѣхъ языковѣдовъ и оказалъ вліяніе на все послѣдующее развитіе науки.

Нѣсколько лѣтъ спустя послѣ появленія *Compendium'a*, въ 1868 году, Фикъ (*Fick*) выпускаетъ въ свѣтъ первое изданіе своего этимологическаго словаря индо-европейскихъ языковъ; здѣсь каждое указываемое сближеніе уже опредѣляется индо-европейскимъ прототипомъ: представленіе индо-европейскаго языка такимъ образомъ нашло опредѣленное, можно сказать даже матеріальное воплощеніе. Этотъ трудъ выдержалъ еще три новыхъ изданія (послѣдній (третій) томъ четвертаго изданія вышелъ въ 1909 году); авторъ его съ рѣдкою, юношеской энергіей старался не отставать отъ науки.

Между тѣмъ фактической матеріаль, на которомъ основывалась сравнительная грамматика, расширился, пополнялся и выяснялся во всѣхъ областяхъ.

Въ первое время сравнительная грамматика пользовалась классическимъ санскритомъ; санскритскія изданія Боппа (грамматика, словарь, тексты) имѣютъ въ виду исключительно классическій языкъ; то же можно сказать и объ изданіяхъ В. Шлегеля, Лассена и Бюрнуфа. Въ 1848 году Бенфей публикуетъ свое изданіе Самаведы (*Sāmaveda*) съ переводомъ и словаремъ; въ 1849 году Максъ Мюллеръ начинаетъ свое изданіе Ригведы, а въ 1861—63 годахъ Ауфрехтъ издаетъ новое болѣе удобное изданіе того же текста; съ 1849—59 годъ стараніями А. Вебера была издана Шатапатхабрахмана (*Ṣatapathabrāhmaṇa*), въ 1856 году появляется Атхарваведа (*Atharvaveda*) въ изданіи Рота и Уитнея (*Whitney*); такимъ образомъ къ 1860 году главные ведическіе тексты уже были опубликованы. Полная грамматика Бенфея (1852) уже принимаетъ во вниманіе и ведическій языкъ; наконецъ огромный Петербургскій словарь Бѣтлинга и Рота обнимаетъ весь запасъ санскритскихъ словъ, начиная съ древнѣйшихъ ведическихъ текстовъ. — Авеста была издана въ то же время Вестергардомъ (1852) и Шпигелемъ (1853—1858), а въ 1864 года Юсти въ своемъ Руководствѣ зендскаго языка даетъ полное собраніе всѣхъ словъ и всѣхъ грамматическихъ формъ Авесты. — Съ другой стороны, къ 1850 году окон-

чательно были дешифрованы надписи Ахеменидовъ. — Съ этого времени всѣ древнѣйшіе памятники индо-иранскаго языка были въ распоряженіи лингвистовъ: для Индіи можно было пользоваться гимнами Ригведы, а для Персіи — непосредственнымъ воспроизведеніемъ большихъ текстовъ, вышедшихъ изъ самой канцеляріи Дарія и его преемниковъ, а также гатами Авесты; и эти вполне достовѣрные тексты представляютъ въ наибольшемъ разнообразіи наиболѣе древнія грамматическія формы. Достаточно было воспользоваться этими матеріалами, чтобы пролить новый свѣтъ на всѣ почти вопросы языкознанія.

Классическая филологія не хотѣла знать сравнительной грамматики; но изученіе діалектовъ, которому положила начало прекрасная книга Аренса *De graecae linguae dialectis* (1839—1843), и къ которому привело открытіе многочисленныхъ діалектическихъ надписей, показало всѣ неудобства такого предубѣжденія: формы, встрѣчающіяся въ различныхъ говорахъ, другъ друга не объясняютъ, между тѣмъ какъ, восходя къ обще-греческому и индо-европейскому языку, мы безъ труда начинаемъ ихъ понимать. Заслуга ознакомленія классическихъ филологовъ съ сравнительной грамматикой и введенія въ лингвистику достовѣрныхъ результатовъ, добытыхъ эллинистами, принадлежитъ Георгу Курціусу (1820—1885). Его *Grundzüge der griechischen Etymologie* (1858—1862) были первымъ хорошимъ этимологическимъ словаремъ древняго языка: сопоставленія здѣсь болѣе обоснованы, и филологическіе факты изложены полнѣе, чѣмъ въ довольно цѣнномъ Бенфеевомъ *Griechisches Wurzellexikon* (появился въ 1839—1842 г.). Г. Курціусъ не внесъ въ науку никакой существенно новой идеи; но своими филологическими познаніями и своимъ стремленіемъ объяснить особенности греческаго языка при помощи сравнительной грамматики, онъ оказалъ сильное вліяніе на прогрессъ науки и выполнилъ дѣло, которое необходимо было выполнить: успѣхъ его греческаго этимологическаго словаря, который выдержалъ пять изданій (послѣднее въ 1879 году), и большее количество учениковъ свидѣтельствуютъ о томъ, какую важную роль онъ игралъ.

То же, что Курціусъ сдѣлалъ для греческаго языка, для латинскаго съ меньшимъ талантомъ сдѣлалъ Корссенъ. *Gram-*

matica celtica Цейсса (Zeuss, 1853; переиздана Эбелемъ въ 1871 году) положила основаніе кельтскому языкознанію. Наконецъ, работы Шлейхера и въ особенности Миклошича знакомятъ съ древне-славянскимъ языкомъ: *Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum* Миклошича появился въ 1862—1865 годахъ. Съ другой стороны прекрасныя изслѣдованія Томсена о заимствованныхъ финскими языками германскихъ словахъ показываютъ, какіе выводы можно сдѣлать изъ рассмотрѣнія заимствованныхъ словъ для освѣщенія исторіи языковъ (1870).

Мы видимъ такимъ образомъ, что во всѣхъ областяхъ собиралось все большее и большее количество точныхъ фактовъ и что вмѣсто разбора языковъ сравнительно новаго образованія изслѣдователи восходили къ наиболѣе древнимъ памятникамъ каждаго изъ нихъ.

Двѣ главныхъ черты характеризуютъ этотъ періодъ развитія сравнительной грамматики: установленіе Шлейхеромъ понятія индо-европейскаго языка и значительное увеличеніе числа, точности и древности изслѣдуемыхъ фактовъ.

Только въ концѣ этого періода сравнительная грамматика индо-европейскихъ языковъ, которою до сихъ поръ занимались только нѣмецкіе ученые (и нѣсколько датчанъ, какъ Раскъ, Мадвигъ, Томсенъ), начала распространяться за границами Германіи. Съ 1866 до 1872 Мишель Бреаль переводитъ на французскій языкъ грамматику Боппа, предпосылая ей прекрасное введеніе; въ томъ же 1866 году окончательно учреждается Парижское Лингвистическое Общество (*la Société de linguistique de Paris*); а въ 1875 году Бреаль выпускаетъ въ свѣтъ изданіе, переводъ и полный разборъ евгубинскихъ таблицъ.

Въ то время какъ сравнительная грамматика распространялась такимъ образомъ, подготовлялся и новый періодъ ея развитія.

Вслѣдствіе того, что изучался весь рядъ текстовъ отъ самыхъ древнихъ временъ до современныхъ живыхъ говоровъ, и что составлялись такимъ образомъ сравнительныя грамматики романскихъ (Дитцъ, Гастонъ-Парисъ, Шухардтъ), славянскихъ (Миклошичъ), германскихъ и др. языковъ, мысль, что объясненіе первоначальныхъ формъ составляетъ главную

задачу лингвистическихъ изслѣдованій, постепенно ослабѣвала, и ученые старались прежде всего прослѣдить историческое развитіе каждаго языка. Съ другой стороны способы доказательства, употребляемые для установленія положительныхъ фактовъ изъ исторіи языковъ, не могли служить подтвержденіемъ точности анализа индо-европейскихъ формъ, и, по мѣрѣ того какъ эти способы доказательства становились все болѣе и болѣе строгими, оказывалось все труднѣе и труднѣе скрывать отъ себя невозможность строгаго доказательства въ области объясненія индо-европейскихъ грамматическихъ формъ. Послѣ 1875 года мы не встрѣчаемъ этихъ объясненій въ новыхъ изданіяхъ: окончательно порвалась связь между идеями XVIII вѣка и принципами сравнительной грамматики. Сравнительная грамматика индо-европейскихъ языковъ не задается уже цѣлью изслѣдовать предполагаемый органическій періодъ языка, періодъ образованія, о которомъ никто ничего не знаетъ; она продолжаетъ, только въ нѣсколько болѣе отдаленномъ прошедшемъ, изслѣдованія романистовъ, германистовъ, кельтистовъ, славистовъ, иранистовъ и др. и получаетъ результаты того же порядка и тѣми же методами.

Съ другой стороны точное изученіе тѣхъ формъ, которыя принимаетъ языкъ въ какой-либо моментъ въ каждой отдѣльной мѣстности, показывало, что измѣненія происходятъ не спорадически и произвольно, а по опредѣленнымъ законамъ.

Успѣхи сравнительной грамматики вскрывали постоянное дѣйствіе строгихъ законовъ даже тамъ, гдѣ поверхностный наблюдатель видитъ только аномалію. Въ 1863 году въ XII томѣ журнала Куна (*Kuhn's Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung*) математикъ Грассманъ показалъ, какъ объясняется кажущаяся непослѣдовательность въ соотвѣтствіи скр. *b*, греч. *π*, гот. *b* въ такихъ случаяхъ какъ скр. *bódhate* „замѣчаетъ“, гот. *þeóðetai* „разузнаетъ“, гот. *-biudan* „приказывать“; это объясненіе было приведено выше на стр. 39 и сл.

Индо-европейскіе глухіе взрывные *p*, *t*, *k* отражаются въ германскомъ въ положеніи между сонорами (гласными или сонантами въ собственномъ смыслѣ) то какъ *f*, *þ*, *h*, то какъ *b*, *d*, *g* (гот. *b*, *d*, *g*); долго ограничивались простымъ указаніемъ на это двоякое отраженіе; наконецъ въ 1877 году

въ XXIII томѣ Журнала Куна датчанинъ К. Вернеръ доказалъ, что глухой спирантъ сохраняется въ томъ случаѣ, если предшествующій гласный соотвѣтствуетъ санскритскому (или греческому) ударяемому гласному, и переходитъ въ звонкій, если этотъ гласный не имѣетъ ударенія: скр. *bhṛā́tā* „братъ“, гр. *φράτωρ* въ готскомъ соотвѣтствуетъ *broþar* „братъ“, между тѣмъ какъ гот. *fadar* „отецъ“ соотвѣтствуетъ санскритскому *pitā*, гр. *πατήρ*.

Это открытіе, устанавливая сохраненіе индо-европейскаго ударенія въ обще-германскомъ языкѣ и въ то же время объясняя многія явленія германской грамматики, дало поразительное подтвержденіе тому положенію, которое годомъ раньше въ своей книгѣ о склоненіи въ балтійско-славянскомъ языкѣ (Лейпцигъ 1876) Лескинъ формулировалъ слѣдующимъ образомъ: „Въ своихъ изслѣдованіяхъ я исходилъ изъ того принципа, что дошедшая до насъ форма падежа никогда не основывается на исключеніи изъ фонетическихъ законовъ, соблюдаемыхъ въ другихъ случаяхъ... Допускать произвольныя и случайныя отступленія, несогласимыя между собою, это въ сущности значить признавать, что объектъ нашего изслѣдованія, языкъ, не допускаетъ научнаго изученія“. Принципъ этотъ уже носился въ воздухѣ; онъ былъ, дѣйствительно, послѣднимъ звеномъ въ цѣпи исканій Шлейхера и Курціуса; Шереръ указалъ на него уже въ 1875 году; въ самой строгой формѣ формулировали этотъ принципъ Остгофъ (*Osthoff*) и Бругманъ (*Brugmann*) въ предисловіи къ первому тому своихъ „*Morphologische Untersuchungen*“ (1878): „Всякое фонетическое измѣненіе, поскольку оно совершается механически, слѣдуетъ законамъ, не знающимъ исключенія, т. е. направленіе фонетическаго измѣненія у всѣхъ членовъ одной и той же лингвистической группы всегда одинаково, за исключеніемъ случая діалектическаго раздѣленія, и безъ исключенія всѣ слова, гдѣ подлежащій измѣненію звукъ находится въ одинаковыхъ условіяхъ, подвергаются данному измѣненію“. Этотъ принципъ сначала вызвалъ живые споры, и теоретическое значеніе его будетъ опредѣлено вполнѣ только тогда, когда природа причинъ фонетическихъ измѣненій будетъ точно установлена. Но онъ оказался въ полномъ соотвѣтствіи фактамъ, наблюдаемымъ въ развитіи новыхъ языковъ (романскихъ, германскихъ, славянскихъ и др.) и въ особенности

мѣстныхъ говоровъ и нарѣчій; онъ оказался въ общемъ правильнымъ и вполне пригоднымъ въ качествѣ методологическаго правила: съ этого времени онъ господствуетъ во всѣхъ изслѣдованіяхъ, и даже тѣ лингвисты, которые, какъ Шухардтъ, не вполне признаютъ его теоретическое значеніе, примѣняютъ его на практикѣ; работы, не соблюдающія этого принципа, не заслуживаютъ вниманія.

Вниманіе, которое было наконецъ обращено на физиологическіе процессы артикуляціи звуковъ и выразилось въ прекрасной книгѣ Сиверса „Grundzüge der Phonetik“ (1-ое изданіе 1876 года), приводитъ къ небывалой до той поры точности изслѣдованія фонетическихъ явленій.

Принципъ постоянства фонетическихъ законовъ привелъ къ пересмотру всѣхъ положеній фонетической системы индо-европейскихъ языковъ.

Послѣ Боппа Шлейхеръ предположилъ, что индо-европейскій языкъ имѣлъ, подобно семитическому языку (судя по арабскому), три гласныхъ звука а, і, у. Съ 1864 года Курціусъ начинаетъ указывать, что въ нѣкоторыхъ словахъ, какъ въ лат. *desert*, гр. *δέξα*, др.-сакс. *tehan* и т. д., всѣ европейскіе языки послѣдовательно даютъ е при а въ скр. *dāsa*; но изъ этого дѣлали только тотъ выводъ, что европейскіе языки составляли одну группу въ то время, когда индо-иранскій языкъ уже стоялъ особнякомъ. Іоганнъ Шмидтъ (1843—1901), самый выдающійся изъ прямыхъ учениковъ Шлейхера, въ своемъ большомъ трудѣ о вокализмѣ, появившемся въ 1871—1875 годахъ, выяснилъ только нѣкоторые мелкіе вопросы. Къ 1874 году со всѣхъ сторонъ указывается на невозможность предположенія, что какой-нибудь звукъ въ однихъ и тѣхъ же условіяхъ, раздѣляется на нѣсколько другихъ. Въ промежутокъ времени съ 1874 до 1876 года Амелунгъ и въ 1876 году К. Бругманнъ (родился въ 1849 г.) доказываютъ, что различеніе звуковъ е, о, а, которое является въ греческомъ ε, ο, α, въ латинскомъ e, o, a, въ кельтскомъ e, o, a и со смѣшеніемъ звуковъ o и a, также въ германскомъ и балтійско-славянскомъ, представляетъ индо-европейское состояніе; кромѣ того, по мнѣнію Бругманна индо-иранскій языкъ сохранилъ одинъ слѣдъ существованія и.-е. *o въ томъ явленіи, что въ нѣкоторомъ количествѣ случаевъ греческому ο, лат. o и т. д. соотвѣтствуетъ индо-иранск. ā,

а не *ā*; къ сожалѣнію это мнѣніе оказалось недостовернымъ, и чисто фонетическій характеръ этого индо-иранскаго *ā* представляется недопустимымъ. Окончательное доказательство того, что различіе звуковъ *e* и *o* восходитъ къ индо-европейскому языку, было дано другимъ наблюденіемъ: литовскому *k, g* въ санскритѣ соотвѣтствуютъ то *k, g, gh*, то *c, j, h* и въ иранскомъ то *k, g*, то *č, j*: около 1877 года всѣ начинаютъ замѣчать, что скр. *k*, зд. *k* являются передъ такимъ индо-иранскимъ *a*, которое соотвѣтствуетъ звуку *a* или *o* другихъ языковъ, а скр. *c*, зд. *č* — передъ такимъ индо-иранскимъ *a*, которое соотвѣтствуетъ звуку *e* другихъ языковъ; такъ скр. *ca* „и“ = гр. *τε*, лат. *que*, но скр. *kaḥ* „кто?“ = лит. *ka s*. Это наблюденіе было впервые опубликовано Коллицемъ и Ф. де Соссюромъ, преподавалось на лекціяхъ I. Шмидта, Тегнера (въ Швеціи), Вернера и В. Томсена (въ Даніи). Сразу стало ясно, что греческій и осскій вокализмъ точно отражаетъ вокализмъ индо-европейскій, и сравнительную грамматику необходимо стало строить на сравненіи всѣхъ языковъ; индо-иранская группа теряла свое преувеличенное значеніе; и въ то же время, такъ какъ единственная крупная особенность, общая всѣмъ европейскимъ языкамъ и чуждая индо-иранскому, оказалась такимъ образомъ вѣрно отражающей индо-европейское состояніе, не было уже необходимости предполагать періодъ европейскаго единства послѣ отдѣленія индо-иранской группы. Всѣ разсужденія о первобытномъ характерѣ трехъ основныхъ гласныхъ *a, i, u* пали сами собою. Наконецъ, принципъ постоянства фонетическихъ законовъ получилъ новое подтвержденіе: а не раздѣлялось произвольно на *a, e, o* въ европейскихъ языкахъ; двойное отраженіе *k* въ индо-иранскихъ *k* и *č* оказалось въ зависимости отъ опредѣленныхъ условій; съ этого времени начинаютъ считать уже а priori неправдоподобнымъ всякое произвольное расщепленіе звука.

Вмѣстѣ съ тѣмъ усложнялся и индо-европейскій консонантизмъ. Шлейхеръ находилъ въ индо-иранскомъ языкѣ только одинъ рядъ гортанныхъ звуковъ. Но выдающійся италіанскій лингвистъ Асколи (умеръ въ 1907 году) открылъ два ряда различныхъ соотвѣтствій:

скр. *k* (*c*) = лит. *k* = лат. *qu* = гр. *π* (*τ*)

скр. *ç* = лит. *sz* = лат. *c* = гр. *k*.

Фикъ, Авэ (Havet) и I. Шмидтъ выяснили вполнѣ, что индо-европейскій языкъ имѣлъ два ряда гортанныхъ и что эти два ряда представляютъ совершенно различные звуки наравнѣ съ губными и зубными. Такъ какъ эти звуки отражаются различно въ индо-иранскомъ, балтійскомъ, славянскомъ, армянскомъ и албанскомъ съ одной стороны и въ греческомъ, латинскомъ, кельтскомъ и германскомъ съ другой —, то благодаря этому выяснялось діалектическое различіе внутри индо-европейскаго языка.

Въ 1876 году Бругманнъ доказалъ, что индо-европейскіе звуки, опредѣляемые рядами соотвѣтствій: скр. а, гр. α, лат. еп, гот. ип, лит. іп и скр. а, гр. α, лат. еш, гот. иш, лит. іш играли въ морфологическихъ элементахъ, содержащихъ звуки п и ш, ту же самую роль, какую играетъ скр. г въ элементахъ, содержащихъ г; другими словами, что существовали *п и *ш, то-есть гласные п и ш наряду съ согласными п и ш. Это открытіе оказало большое вліяніе на прогрессъ нашихъ свѣдѣній объ индо-европейскомъ вокализмѣ, показывая, насколько разнородные элементы отражаются въ санскритскомъ а и въ греческомъ α. Сверхъ того оно дало возможность выяснить понятіе сонантовъ и построить общую теорію индо-европейскаго вокализма.

Это было дѣломъ Фердинанда де Соссюра: его трудъ *Mémoire sur le système primitif des voyelles dans les langues indo-européennes*, помѣченный 1879 годомъ, но появившійся уже въ 1878 году, подвелъ итоги всѣмъ открытіямъ послѣднихъ годовъ и положилъ твердую основу теоріи индо-европейскаго вокализма; *і и *и перестали разсматриваться, какъ гласные, и стали простыми гласными формами звуковъ *у и *w совершенно такъ же, какъ *г, *о, *а, *т являются гласными формами звуковъ *г, *і, *п, *ш: въ сущности индо-европейскій языкъ имѣетъ одинъ только гласный, обладающій оттѣнками е и о или вовсе отсутствующій; каждый морфологическій элементъ имѣетъ либо вокализмъ ступени е, либо вокализмъ ступени о, либо ступень безъ гласнаго звука; важность этого чередованія гласныхъ въ индо-европейской морфологіи была теперь освѣщена со всѣхъ сторонъ. Изъ наблюденій надъ этими чередованіями вытекала полная теорія одного звука, на который до тѣхъ поръ не обращали вниманія: ступенямъ безъ е такихъ при-

лагательныхъ, какъ скр. $\varphi r u t á ħ$ = гр. $\chi \lambda \upsilon \tau \acute{o} \varsigma$ или скр. $t a t á ħ$ = гр. $\tau \alpha \tau \acute{o} \varsigma$ (изъ $*t n t \acute{o} s$) къ корнямъ $*k_1 l e u -$ „слышать“ и $*t e n -$ „тянуть“, соотвѣтствуетъ въ корнѣ $*s t h \bar{a} -$ „стоять“ гласный скр. i = гр. α = лат. a въ рядѣ скр. $s t h i t á ħ$ = гр. $\sigma \tau \alpha \tau \acute{o} \varsigma$ = лат. $s t a t u s$. Слѣдовательно ступень вокализма безъ звука e въ корняхъ съ долгимъ гласнымъ представляетъ звукъ, опредѣляемый соотвѣтствіемъ скр. i = гр. α (или ϵ, o) = лат. a и т. д. Но этотъ звукъ, который по примѣру Бругмана стали обозначать знакомъ $*\bar{e}$, является во второмъ слогѣ нѣкоторыхъ корней, какъ скр. $j a n i -$ = гр. $\gamma \epsilon \nu \epsilon -$ „рождать“: слѣдовательно существуютъ двухсложные корни; старая догма односложности индо-европейскихъ корней была разрушена. Сочетаясь съ предшествующимъ сонантомъ, этотъ звукъ даетъ такъ называемые долгие сонанты (фонетической природы которыхъ Соссюръ не касался: и не было въ этомъ надобности, такъ какъ она не измѣняетъ системы): $*\bar{u}$ есть $*u + *e$: скр. $p \bar{u} t á ħ$ „очищенный“ является наряду съ $r \acute{a} v i t u m$ „очищать“, между тѣмъ какъ мы имѣемъ $\varphi r u t á ħ$ „слышанный“ рядомъ съ $\varphi r o t u m$ „слышать“ (скр. o отражаетъ $a + u$); слѣдовательно группы $*v + *e$, $*r + *e$ можно назвать $*\bar{v}$, $*\bar{r}$: санскритъ имѣетъ $j \bar{a} - t á ħ$ „рожденный“ = лат. $n \bar{a} - t u s$ при скр. $j a n i - t u m$ „рождать“, но $h \bar{a} - t á ħ$ „убитый“ при $h a n - t u m$ „убивать“. Такимъ образомъ Соссюръ установилъ цѣлую систему той роли, какую игралъ въ индо-европейскомъ языкѣ звукъ $*\bar{e}$. Его взгляды получили интересное подтвержденіе благодаря оригинальному открытію, сдѣланному русскимъ ученымъ, Фортунатовымъ: литовскій ученый Куршатъ указалъ, что литовскіе долгие гласные и дифтонги могутъ имѣть двѣ интонаціи; Фортунатовъ показалъ, что литовскіе дифтонги $i r$, $i l$, $i n$, $i m$ имѣютъ ту или другую интонацію смотря по тому, соотвѣтствуютъ ли они скр. r , a или скр. $i r$ ($\bar{u} r$), \bar{a} (которые точно соотвѣтствуютъ Соссюровскимъ долгимъ сонантамъ): лит. $m i \bar{r} t a s$ соотвѣтствуетъ скр. $m \bar{r} t á ħ$ „мертвый“, но $g i r t a s$ „пьяный“ стоитъ рядомъ съ скр. $g i r n á ħ$ „проглоченный“ (съ другимъ суффиксомъ). Существованіе долгихъ сонантовъ было такимъ образомъ подтверждено съ иной точки зрѣнія, отличающейся отъ точки зрѣнія Соссюра. Изслѣдованіе его, подводя итоги всѣмъ прежнимъ открытіямъ въ области вокализма, благодаря одному капитальному и рѣшающему вопросу нововведенію, давало стройную систему, обни-

мающую всѣ факты, ставящую на соответствующее мѣсто уже извѣстныя явленія и открывающую цѣлый рядъ новыхъ. Съ этого времени уже непозволительно было въ какомъ бы то ни было вопросѣ оставлять безъ вниманія то обстоятельство, что каждый языкъ образуетъ такую систему, гдѣ все связано и гдѣ господствуетъ съ поразительной послѣдовательностью одинъ общій планъ. Появившіяся послѣ того работы по вокализму Гюбшмана (Hübschmann) и Гирта (Hirt) выяснили много подробностей, но не разрушили, а только подкрѣпили систему, созданную Ф. де Соссюромъ.

Принципъ постоянства фонетическихъ законовъ былъ плодотворенъ не только для одной фонетики и для теоріи вокализма, который со своимъ чередованіемъ гласныхъ составляетъ основу индо-европейской морфологии; онъ оказалъ рѣшительное вліяніе на прогрессъ науки еще въ двухъ направленіяхъ.

Прежде всего, онъ заставилъ лингвистовъ обратить вниманіе на важное значеніе аналогіи; конечно, въ общемъ признавалось, что новообразования по аналогіи играютъ нѣкоторую роль; но, пока допускалась возможность спорадическихъ фонетическихъ измѣненій, не было никакого средства для опредѣленія того, что объясняется аналогіей; когда же необходимо стало опредѣлять, какую форму слѣдуетъ ожидать на основаніи фонетическихъ законовъ, пришлось объяснять и то, что имъ не соответствовало, и было замѣчено, что большая часть этихъ отклоненій создается подъ вліяніемъ аналогіи. Если древнее *k* отражается въ санскритѣ какъ *k* передъ *a*, происшедшимъ изъ **o*, и переходитъ въ *s* передъ *a*, восходящимъ къ **e*, то слѣдуетъ ожидать скр. *sáscate* „слѣдуетъ“ въ виду гр. *ἔπειται*, но скр. **sakante* въ виду *ἔπονται*, лат. *sequuntur*; но въ скр. мы имѣемъ *sáscante* съ *s*: это *s* объясняется аналогіей съ формой *sáscate*; наоборотъ греческое *π* слова *ἔπειται* объясняется аналогіей съ формами *ἔπονται*, *ἔπονται* и т. д. Такимъ образомъ крупное открытіе относительно санскритскихъ *k* и *s* вызвало широкое примѣненіе аналогіи къ объясненію формъ. Въ 1880 году Пауль (Paul) въ своихъ *Principien der Sprachgeschichte* изложилъ психологическую теорію аналогіи: Острофъ и Бругманъ въ своихъ *Morphologische Untersuchungen* (1878 и слл.; см. также книгу Острофа

о перфектѣ, появившуюся въ 1884 году) привели множество примѣровъ новыхъ формъ, образованныхъ по аналогіи, а В. Анри (V. Henry, умеръ въ 1907 году) въ 1883 году изложилъ дѣйствіе этого фактора въ своемъ трудѣ *Étude sur l'analogie en général et sur les formations analogiques de la langue grecque*.

Но аналогія не можетъ объяснить всего того, что стоитъ въ противорѣчьи съ фонетическими законами. Множество отступленій объясняется тѣмъ, что мы въ такихъ случаяхъ имѣемъ дѣло не съ естественно развившимися формами, а съ формами заимствованными либо изъ сосѣдняго языка, либо изъ другого діалекта, либо даже изъ литературныхъ текстовъ. Но каждый мѣстный говоръ, каждый діалектъ имѣетъ свое самостоятельное развитіе; и область распространенія одного какого-нибудь явленія ничего не говоритъ о степени распространенія другого явленія, какъ это доказалъ Юг. Шмидтъ (*Die Verwandtschaftsverhältnisse der indo-germanischen Sprachen*, 1872). Такимъ образомъ принципъ постоянства фонетическихъ законовъ заставлялъ внимательно изслѣдовать всѣ историческія вліянія, слѣды которыхъ сохранялъ каждый языкъ. Благодаря этимъ изслѣдованіямъ выяснилось, что латинскій языкъ, на примѣръ, полонъ греческихъ словъ, германскій — словъ латинскихъ и т. д. Самый блестящій результатъ такого рода разысканій получилъ Гюбшманъ: исходя изъ разсмотренія словъ заимствованныхъ армянскимъ языкомъ изъ иранскаго, Гюбшманъ въ XXIII томѣ Журнала Куна (тамъ же напечатана и статья Вернера) показалъ, что армянскій языкъ содержитъ также и свой оригинальный элементъ, который нельзя свести къ индо-иранскому, и потому составляетъ особую группу діалектовъ; такимъ образомъ онъ положилъ основаніе сравнительной грамматикѣ армянскаго языка.

Приложеніе идеи постоянства фонетическихъ законовъ, идеи системы гласныхъ, аналогіи, діалектовъ и заимствованій и открытія, явившіяся слѣдствіемъ примѣненія этихъ идей, заставляли снова пересмотрѣть сравнительную грамматику каждаго языка во всѣхъ подробностяхъ. Кромѣ названныхъ уже ученыхъ, слѣдуетъ еще упомянуть имена Mahlow — для индо-европейскаго языка, Bartholomae — для индо-иранскаго, Wackernagel'a, Solmsen'a, W. Schulze — для греческаго, W. Sto-

kes'a, Windisch'a, Thurneysen'a, Zimmer'a — для кельтскаго, Paul'a, Kluge, Sievers'a — для германскаго, Bezzenberger'a — для балтійскаго, Бодуэна-де-Куртенэ — для славянскаго и многих другихъ. Еще не пришло время указывать, что въ сдѣланныхъ въ это время открытіяхъ принадлежитъ каждому лингвисту, а тѣмъ менѣе оцѣнивать роль тѣхъ ученыхъ, которые появились вслѣдъ за ними, какъ Kretschmer, Meringer, Streitberg, Hirt, Johansson, Ульяновъ, Pedersen и т. д.; заслуги Leskien'a въ области балтійско-славянскихъ языковъ, L. Havet — въ области латинскаго и Hübschmann'a — въ области армянскаго не могутъ быть достаточно оттънены въ краткомъ очеркѣ, имѣющемъ задачу отмѣтить лишь существенные моменты развитія сравнительной грамматики.

Въ промежутокъ времени отъ 1875 до 1880 года произошелъ полный пересмотръ фактовъ; четвертое издание *Compendium'a* Шлейхера въ 1874 году являлось еще полезнымъ; но въ 1880 году переизданіе трудовъ Боппа и Шлейхера имѣло бы только историческій интересъ. Греческая грамматика Густава Мейера, вышедшая въ 1880 году, является первымъ руководствомъ, гдѣ нашли приложеніе новые принципы языкознанія. Въ 1886 году начинается появляться обширный *Grundriss* Бругмана, который подводитъ итогъ всѣмъ работамъ послѣдняго десятилѣтія и пополняетъ ихъ; благодаря изслѣдованіямъ Густава Мейера и Hübschmann'a албанскій и армянскій языки впервые заняли подобающее имъ мѣсто въ руководствѣ по сравнительной грамматикѣ индоевропейскихъ языковъ. Въ своемъ *Grundriss'ѣ* Бругманъ излагаетъ только фонетику и морфологию; но стала ощущаться необходимость и въ новой части, которой еще не было ни у Боппа, ни у Шлейхера; уже стали понимать важность вопросовъ семантики, которые особенно интересовали Вгéal'a; В. Delbrück, положившій своими многочисленными трудами основаніе сравнительному синтаксису, написалъ для *Grundriss'a* Бругмана синтаксисъ, который сдѣлался необходимъ: послѣдній томъ этого сравнительнаго синтаксиса появился въ 1900 году. Вопросы значенія такимъ образомъ заняли наконецъ подобающее имъ мѣсто; въ то же самое время Вгéal удивительно тонко анализировалъ перемѣны значенія грамматическихъ формъ и въ особенности отдѣльныхъ словъ въ цѣломъ рядѣ замѣтокъ и въ своей книгѣ *Essai de sémantique* (1897).

Здѣсь не мѣсто давать оцѣнку тому, что сдѣлано послѣ 1880 года: было получено безконечное множество цѣнныхъ результатовъ въ частныхъ вопросахъ, особенно благодаря работамъ Іоганна Шмидта, и появились прекрасныя руководства въ различныхъ областяхъ науки; но ни ученые, съ самаго начала принявшіе участіе въ великомъ движеніи 1875 года, ни тѣ, которые присоединились къ нимъ послѣ, не внесли новыхъ принциповъ и, въ общемъ, главнымъ образомъ дѣлались выводы изъ принциповъ уже установленныхъ.

Въ Германіи различаютъ два главныхъ направленія. Въ Лейпцигѣ подъ вліяніемъ сначала Курціуса, а затѣмъ Бругмана укрѣпилась тенденція заниматься чистой лингвистикой, принимая филологическіе факты за установленныя, и составлять систематическія изложенія каждаго отдѣльнаго вопроса; въ Лейпцигѣ были точно сформулированы принципы движенія 1871—1880 годовъ; изъ Лейпцигской школы вышла большая часть руководствъ и словарей; органомъ Лейпцигской школы является журналъ *Indogermanische Forschungen*, редактируемый Бругманомъ и Штрейтбергомъ. Въ Берлинѣ подъ вліяніемъ сначала Боппа, затѣмъ Іог. Шмидта и въ настоящее время W. Schulze мы встрѣчаемся съ болѣе живымъ стремленіемъ изслѣдовать непосредственно филологическіе факты и нѣкоторое недоувѣріе къ построеніямъ цѣлыхъ системъ. Другіе лингвисты, главными представителями которыхъ являются Фикъ и Беценбергеръ, отличаются независимостью и иногда меньшею строгостью въ изслѣдованіи фактовъ. *Zeitschrift* Куна, выходящій въ настоящее время подъ редакціей А. Беценбергера, Е. Куна и В. Шульце, и недавно основанный Кречмеромъ и Скугчемъ журналъ *Glotta* являются представителями тенденцій, противоположныхъ лейпцигскому направленію. Эти различныя направленія весьма удачно дополняютъ другъ друга. За предѣлами Германіи можно указать только двѣ школы, достаточно характерныя: русскую школу, которая сложилась подъ вліяніемъ Бодуэна-Куртенэ и въ особенности Фортунатова, и французскую школу, основанную Бреалемъ и получившую свою особую окраску подъ вліяніемъ десятилѣтняго преподаванія Ф. де Соссюра въ *École des hautes études* (1881—1891); органомъ французской школы является журналъ *Mémoires de la Société de linguistique de Paris*. Въ общемъ между

всѣми этими школами не наблюдается никакой серьезной разницы въ принципахъ и въ методахъ изслѣдованія.

Но въ одномъ отношеніи мы, повидимому, достигли предѣла, дальше котораго трудно итти: нѣтъ такого извѣстнаго въ настоящее время языка, древняго или новаго, который могъ бы быть присоединенъ къ индо-европейской группѣ; нѣтъ также надежды на открытіе болѣе древнихъ текстовъ на уже извѣстныхъ діалектахъ; греческія, индійскія и другія надписи, которыя открываютъ отъ времени до времени, находятъ свое естественное мѣсто въ уже установленныхъ группахъ явленій и приносятъ только новыя подробности; недавняя неожиданная находка въ центральной Азіи текстовъ, открывшихъ намъ новую группу индо-европейскихъ языковъ, группу тохарскую, живыхъ представителей которой не сохранилось ниоднаго, повидимому, не принесетъ ничего кромѣ отдѣльныхъ подробностей или подтвержденія общихъ уже установленныхъ взглядовъ; только совершенно неожиданная находка могла бы принести факты, которые вынудили бы насъ перестроить наше представленіе объ индо-европейскомъ языкѣ; сравнительная грамматика индо-европейскихъ языковъ не находитъ болѣе совершенно новаго матеріала. Въ ожиданіи того, что удастся сблизить индо-европейскій языкъ съ какою-либо другою группою языковъ (напр. семитической или угрофинской) и такимъ образомъ составить себѣ представленіе относительно индо-европейскаго состоянія, или что общая лингвистика дастъ намъ новыя точки зрѣнія, мы можемъ только выяснять частности уже добытыхъ результатовъ; но и это одно требуетъ очень большого труда, такъ какъ нѣтъ ниоднаго вопроса, который могъ бы считаться обслѣдованнымъ вполне, особенно въ области словаря, изученіе котораго, нѣсколько заброшенное въ промежутокъ между 1875 и 1900 годомъ, снова сильно оживилось въ послѣднее время.

Но, если границы и строй индо-европейскаго языка уже опредѣлены даннымъ въ настоящее время состояніемъ извѣстныхъ намъ памятниковъ, то съ другой стороны мы только еще начинаемъ изслѣдовать развитіе каждаго діалекта во всей его полнотѣ, опредѣлять подробности историческихъ вліяній, сводить факты къ общимъ принципамъ и опредѣлять ихъ причины.

И такъ какъ исторія отдѣльныхъ индо-европейскихъ языковъ уже не представляется намъ, какъ упадокъ, и такъ какъ новообразованія, свойственныя каждому отдѣльному языку, оказываются настолько же или даже болѣе важными, чѣмъ то, что онъ утратилъ, — уже недостаточно, описавъ индо-европейскую систему, отмѣтить то, что случилось съ каждымъ элементомъ этой системы на почвѣ даннаго языка: каждый языкъ въ каждый моментъ своей исторіи представляетъ оригинальную систему, которую въ ея цѣломъ необходимо описать и объяснить въ ея возникновеніи. Сравнительная грамматика должна показать, какими путями индо-европейская система на почвѣ cadaго отдѣльнаго языка превратилась въ новую систему; и мы можемъ составить представленіе объ оригинальности этихъ системъ, только слѣдя за ея развитіемъ отъ начала исторической эпохи, наблюдая въ живыхъ нарѣчіяхъ тонкія подробности живого говора и такимъ образомъ освѣщая неясныя стороны фактовъ, засвидѣтельствованныхъ письменными памятниками прошлаго. Не говоря уже о языкахъ извѣстныхъ только въ новѣйшее время, какъ языкъ албанскій, исторію котораго позволили намѣтить только личныя наблюденія Г. Мейера и затѣмъ Педерсена, здѣсь нужно указать хорошія работы Ф. де Соссюра, въ области литовскаго языка: такъ въ своей статьѣ, помѣщенной въ IV томѣ *Indogermanische Forschungen* Ф. де Соссюръ показалъ на одномъ примѣрѣ, сколько предварительной критики нужно для того, чтобы дать толкованіе одной формы, взятой изъ древняго текста; своими изслѣдованіями литовскаго ударенія онъ показалъ, насколько необходимо наблюдать живые говоры, и въ то же время выяснилъ невозможность объяснить что-либо, не устанавливая теоріи, обнимающей всѣ факты.

Съ теченіемъ времени индо-европейскіе языки стали все менѣе и менѣе походить другъ на друга; это произошло отчасти отъ ихъ независимаго развитія; но также и отъ различія историческихъ вліяній, которыя они на себѣ испытывали. И, съ другой стороны, такъ какъ многіе изъ индо-европейскихъ языковъ подвергались общимъ вліяніямъ, то они представляютъ черты сходства, не объясняемыя общою исходною точкою: со времени распространенія христіанства и греко-римской цивилизаціи всѣ европейскіе языки обла-

даютъ большимъ количествомъ общихъ чертъ въ словарѣ и въ значеніи словъ: поэтому легче изучить новый западно-европейскій языкъ, нежели какой-нибудь древній или восточный. Понемногу выясняются многочисленныя и сложныя взаимныя вліянія языковъ другъ на друга, вызванныя историческими событіями; и мы все яснѣе и яснѣе понимаемъ, какъ далеки мы отъ дѣйствительности, когда ищемъ объясненій фактовъ даннаго нарѣчія, предполагая, что это нарѣчіе является результатомъ непрерывной передачи индо-европейскаго языка черезъ цѣлый рядъ поколѣній вплоть до исторической эпохи. Установленіе мелкой сѣти мѣстныхъ фактовъ въ лингвистическихъ атласахъ и особенно въ лингвистическомъ атласѣ французскихъ говоровъ Gilliéron'a и Edmont'a доказываетъ, что вліяніе нѣкоторыхъ центральныхъ говоровъ, и особенно общихъ языковъ, — громадно; теперь уже нельзя а priori предполагать самостоятельность развитія мѣстныхъ говоровъ, и роль заимствованія оказывается гораздо значительнѣе, чѣмъ раньше предполагали. Необходимо точно опредѣлять условія, въ которыхъ передается каждое отдѣльное слово, каждая форма.

Фонетическія и морфологическія измѣненія, наблюдаемыя въ каждомъ языкѣ, являются лишь частными фактами, хотя они и происходятъ въ рѣчи неограниченнаго числа лицъ. Но мы наблюдали до настоящаго времени большое число этихъ частныхъ фактовъ въ теченіе уже долгой исторіи различныхъ языковъ отъ индо-европейской эпохи до нашихъ дней; рядомъ со сравнительной грамматикой индо-европейскихъ языковъ создались и другія для языковъ семитскихъ, угро-финскихъ, малайско-полинезійскихъ, берберскихъ, банту и т. д. Такимъ образомъ мы располагаемъ обширнымъ собраніемъ фактовъ, и можемъ приступить къ изученію общихъ условій развитія языка: книга Grammont *La dissimilation consonantique dans les langues indo-européennes et dans les langues romanes* (1895) представляетъ первый опытъ изслѣдованія въ этомъ направленіи. Въ 1891 въ своемъ сочиненіи *Les modifications phonétiques du langage étudiées dans le patois d'une famille de Cellerouin Rousselot* впервые на основаніи точныхъ наблюденій изложилъ, какимъ образомъ возникаютъ фонетическія измѣненія. Благодаря все болѣе и болѣе точному знакомству

сь фізіологіей артикуляційныхъ движеній, благодаря точности, которой достигаютъ приемы экспериментальной фонетики (Rosapelly, Piping, Rousselot, Scripture и др.), строгое толкованіе историческихъ фактовъ уже оказывается возможнымъ. Изучается нервная система, ея строеніе и функціи, психологія теряетъ свой отвлеченный характеръ и устанавливаетъ положительныя факты, а Вундтъ прилагаетъ ея результаты къ языкознанію; такимъ образомъ вскорѣ уже нельзя будетъ ссылаться на явленія психической ассоціаціи безъ опредѣленныхъ принциповъ, лишь бы избѣжать затрудненій въ случаяхъ неподдающихся другому объясненію, какъ это дѣлалось долгое время, и уже недалеко то время, когда и здѣсь будутъ установлены опредѣленные правила.

Наконецъ, систематически начинаютъ изучаться и выясняться условія существованія и развитія обществъ; а языкъ, представляющій изъ себя въ высокой степени соціальное явленіе, не можетъ быть понятъ, если не будетъ обращено вниманіе на его соціальный характеръ. Даже опредѣленіе фонетическаго закона, какъ мы видѣли, не можетъ быть дано безъ предположенія измѣненій общихъ цѣлой общественной группѣ. Измѣненіе значенія словъ по большей части является результатомъ перехода словъ отъ одной соціальной группы къ другой.

Лингвистика, бывшая въ началѣ XIX в. частью общей грамматики, начинаетъ устанавливать общіе принципы, которые одни только и могутъ быть дѣйствительнымъ объектомъ науки; научное языкознаніе долго отождествлялось съ историческимъ языкознаніемъ; исторія языковъ въ настоящее время уже настолько изучена, что бросаетъ новый свѣтъ на необходимость изслѣдованій общихъ принциповъ; но, между тѣмъ какъ старая общая грамматика опиралась на логику и старалась объяснить а priori первоначальныя явленія предполагаемаго органическаго періода языка, современное языкознаніе опирается на изслѣдованіе явленій прошедшаго и настоящаго и старается выяснитъ не то, какимъ образомъ содался языкъ и какъ впервые возникли грамматическія формы, но имѣетъ одну только задачу опредѣлитъ, въ какихъ условіяхъ и по какимъ законамъ — либо ограниченнымъ мѣстомъ и временемъ, либо дѣйствующимъ постоянно и повсюду — наблюдаемыя явленія связаны между собою и слѣдуютъ другъ за другомъ.

II.

Бібліографическія указанія.

Указывая здѣсь главнѣйшіе труды, къ которымъ читатель могъ бы обратиться для пополненія и провѣрки свѣдѣній, сообщенныхъ въ нашей книгѣ, мы намѣренно опустили работы, появившіяся раньше послѣдней четверти XIX вѣка, такъ какъ всѣ онѣ въ настоящее время имѣютъ только исторической интересъ, каковы напр. популяризаціи Макса Мюллера; конечно, опущены также и работы, хотя и болѣе новыя, но такія, авторы которыхъ не примѣняютъ строго научнаго метода, какъ напр. работы P. Regnaud или Trombetti. Входить въ подробности было невозможно, и потому здѣсь отмѣчены только самые новые труды общаго характера, особенно тѣ, которые появились съ 1890 года: имена такихъ ученыхъ, какъ Фортунатовъ, Бодуэнъ-де-Куртенъ, L. Havet, Остгофъ, Циммеръ, Bloomfield, Solmsen, Zupitza не нашли здѣсь мѣста только потому, что они не писали руководствъ и не редактировали журналовъ.

Упомянутыя здѣсь книги содержатъ болѣе или менѣе обширныя бібліографическія указанія, которыя помогутъ каждому легко отыскать спеціальныя работы по каждому отдѣльному вопросу. Гораздо многочисленнѣе указанія на работы написанныя по-французски, такъ какъ онѣ болѣе доступны большинству читателей; но желающему серьезно изучать сравнительную грамматику необходимо знаніе нѣмецкаго языка.

1. Общіе вопросы.

H. Paul, *Prinzipien der Sprachgeschichte*
4. Aufl. Halle 1909 (сводъ принциповъ, руководившихъ лингвистическимъ движеніемъ послѣдней четверти XIX вѣка).

Wundt, *Völkerpsychologie* I томъ (въ двухъ книгахъ) *Die Sprache*, Leipzig 1900 (2-ое издание съ измѣненіями 1904); съ критикою Delbrück'a *Grundfragen der Sprachforschung*, Strassburg 1901, и съ отвѣтомъ Wundt'a *Sprachgeschichte und Sprachpsychologie*, Leipzig 1901; см. также нѣсколько замѣчаній въ *Année sociologique* Durkheim'a 5. годъ (Paris 1902) p. 595 и главу *Langue* въ слѣдующихъ годахъ того же собранія. [Д. Кудрявскій, *Психологія и языкознаніе* (По поводу новѣйшихъ работъ Вундта и Дельбрюка). *Извѣстія Отдѣленія русск. яз. и словесности И. Акад. Наукъ*, т. IX (1904) кн. 2 стр. 177—256. Отдѣльно: Юрьевъ 1905.]; см. также L. Sütterlin, *Das Wesen der sprachlichen Gebilde*, Heidelberg 1902, и Jan von Rozwadowski, *Wortbildung und Wortbedeutung*, Heidelberg 1904.

J. van Ginneken, *Principes de linguistique psychologique*, Paris 1907 (замѣчательно по точнымъ лингвистическимъ знаніямъ автора).

Charles Albert Sechehaye, *Programme et Méthodes de la Linguistique théorique, Psychologie du langage*, Paris 1908.

Rousselot, *Les modifications phonétiques du langage étudiées dans le patois d'une famille de Cellefrouin*, Paris 1892 (важно для изученія фонетическихъ измѣненій).

Jespersen, *Progress in language*, London. 1894.

V. Henry, *Antinomies linguistiques*, Paris 1896 (прекрасное опроверженіе нѣкоторыхъ весьма распространенныхъ заблужденій).

M. Bréal, *Essai de sémantique*, 3-ed., Paris 1904.

Wechssler, *Giebt es Lautgesetze?* Halle 1900, отдѣльный оттискъ изъ *Festgabe für H. Suchier* (лучшее изложеніе вопросовъ, связанныхъ съ фонетическими законами; съ библиографіей).

H. Oertel, *Lectures on the study of language*, New-York and London 1901 (поверхностно и часто ненадежно).

W. Meyer-Lübke, *Einführung in das Studium der romanischen Sprachwissenschaft*, 2. Aufl., Heidelberg 1909 (цѣнные общія замѣчанія относительно явленій романскихъ языковъ).

Mélanges linguistiques offerts à M. A. Meillet par Barbelenet, Dottin, Gauthiot, Grammont, Laronde, Niedermann, Vendryes, Paris 1902 (сборникъ статей, большинство изъ которыхъ касается общихъ вопросовъ).

Mélanges de Linguistique offerts à M. Ferdinand de Saussure, Paris 1908 (то же замѣчаніе).

Tucker, Introduction to the natural history of language, London 1908 (несамостоятельно, но даетъ общее представление).

A. Dauzat, Essai de méthodologie linguistique dans le domaine des langues et des patois romans, Paris 1906 (ясное изложеніе, но довольно поверхностное и общее).

Sweet, History of Language 1901 (популяризація).

Въ области фонетики слѣдующія книги могутъ дать представление о различныхъ теченіяхъ ея:

E. Sievers, Grundzüge der Phonetik, 5. Aufl., Leipzig 1901.

P. Passy, Etude sur les changements phonétiques, Paris 1890.

O. Jespersen, Lehrbuch der Phonetik, Leipzig 1904 (сокращенное нѣмецкое изданіе болѣе обширнаго труда, написаннаго по-датски) и Phonetische Grundfragen, Leipzig 1904.

Rousselot, Principes de phonétique expérimentale, Paris 1897—1909 (два тома; много мѣста занимаетъ изложеніе собственныхъ опытовъ и наблюденій автора).

E. Wheeler Scripture, The elements of experimental phonetics, New-York and London 1902 (сводъ тѣхъ свѣдѣній, которыя долженъ имѣть лингвистъ по физикѣ, анатоміи и физиологіи).

H. Gutzmann, Physiologie der Stimme und Sprache, Braunschweig 1909.

L. Roudet, Eléments de phonétique générale, Paris 1910.

[На русскомъ языкѣ:

Общее языковѣдѣніе. Лекціи Александра И. Томсона. Со многими рисунками въ текстѣ, 2-ое изданіе,

Одесса 1910 (обстоятельно изложена общая фонетика съ описаніемъ пріемовъ и приборовъ экспериментальнаго изслѣдованія).

В. А. Богородицкій, Опытъ физиологіи общерускаго произношенія въ связи съ экспериментально-фонетическими данными. Съ чертежами и 15 таблицами рисунковъ въ краскахъ. Казань 1909.

В. А. Богородицкій. Очерки по языковѣдѣнію и русскому языку. Пособіе при изученіи науки о языкѣ. Изд. 3-ье исправленное и значительно дополненное. Казань. 1910.

В. Поржезинскій. Введеніе въ языковѣдѣніе. 2-ое изд. Москва 1910.]

2. Общая сравнительная грамматика индо-европейскихъ языковъ.

Есть только одно изложеніе, представляющее современное состояніе нашихъ знаній въ области сравнительной грамматики индо-европейскихъ языковъ въ полномъ объемѣ:

К. Brugmann und B. Delbrück, Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen, Strassburg, 1-ый томъ, Einleitung und Lautlehre, 2-ое изданіе 1897 г.; 2-ой томъ, посвященный морфологіи, 1888—1892 (2-ое изданіе, измѣненное и дополненное, выходитъ въ настоящее время: 1-ая часть, 1907 г., 2-ая часть, 1-ый выпускъ, 1909 г.) написаны Бругманомъ, — 3-ий, 4-ый и 5-ый томы, посвященные синтаксису (1893—1900 г.) принадлежатъ Дельбрюку.

К. Brugmann, Kurze vergleichende Grammatik der indogermanischen Sprachen, Strassburg 1902—1904, основывается на только что упомянутомъ большомъ трудѣ; она значительно короче, и тамъ изучаются въ подробностяхъ только наиболѣе извѣстные языки: санскритъ, греческій, латинскій, германскій и славянскій. Французскій переводъ озаглавленъ *Abrégé de grammaire comparée, traduit par J. Bloch, A. Cuny et A. Ernout, sous la direction de A. Meillet et R. Gauthiot, Paris 1905.*

Эти сочиненія содержатъ безконечное множество правильныхъ научныхъ положеній и сообщаютъ вполне надежные факты.

Элементарныя руководства, которыми можно пользоваться, слѣдующія:

V. Henry, *Précis de grammaire comparée du grec et du latin*, 6-ое издание (воспроизводящее почти безъ измѣненій, 5-ое издание 1894 года), Paris 1908 (краткое изложение общей сравнительной грамматики въ примѣненіи къ греческому и латинскому языкамъ; единственное хорошее руководство общей сравнительной грамматики, существовавшее на французскомъ языкѣ до перевода „Краткой сравнительной грамматики“ Бругмана).

Meringer, *Indogermanische Sprachwissenschaft*, Leipzig, *Sammlung Götschen*, 3-е издание 1903 г. (очень кратко, популяризация).

Giles, *A short manual of comparative philology for classical students*, London 1901; нѣмецкій переводъ, Leipzig 1896.

Riemann et Goelzer, *Grammaire comparée du grec et du latin*, 2 тома, Paris 1897—1901 (просто параллельная грамматика греческаго и латинскаго языковъ; свѣдѣнія по сравнительной грамматикѣ — изъ вторыхъ рукъ и часто ошибочны).

Jos. Schrijnen, *Inleiding tot de studie der vergelijkende indogermanische taalwetenschap*, Leiden 1905 (мало самостоятельно; обширная, но несистематическая библиографія).

Существуетъ единственный этимологическій словарь всѣхъ индо-европейскихъ языковъ:

A. Fick, *Vergleichendes Wörterbuch der indogermanischen Sprachen* 1-й томъ, 4-е издание, Göttingen 1890 (книга цѣнная и оригинальная, но слишкомъ сухая и неудобная по группировкѣ матеріала; ею можно пользоваться только съ критикою, такъ какъ она содержитъ рядъ ошибокъ въ приводимыхъ словахъ, и авторъ не всегда достаточно строго соблюдаетъ фонетическія правила).

Слѣдуетъ указать также:

O. Schrader, *Reallexikon der indogermanischen Altertumskunde*, Strassburg 1901 (удобный сводъ того, что мы знаемъ объ именахъ животныхъ, утвари, учреждений и т. д.; не всегда надеженъ какъ съ точки зрѣнія лингвистики, такъ и съ точки зрѣнія археологій).

Чтобы подготовитъ себя къ усвоенію сравнительной грамматики, можно обратиться къ слѣдующимъ книгамъ:

B. Delbrück, *Einleitung in das Studium der indogermanischen Sprachen*, 5-е издание, Leipzig 1908 (интересно для исторіи сравнительной грамматики). [Есть русскій переводъ съ 3-го нѣмецкаго изданія, въ видѣ вступленія къ книгѣ проф. С. К. Булича, *Очеркъ исторіи языкознанія въ Россіи*. Т. I, съ приложеніемъ Веденія въ изученіе языка, Б. Дельбрюка, Спб. 1904.]

Fr. Bechtel, *Die Hauptprobleme der indogermanischen Lautlehre seit Schleicher*, Göttingen, 1892 (интересно для исторіи сравнительной грамматики).

S. Reinach, *L'origine des Aryens*, Paris 1892.

H. d'Arbois de Jubainville, *Les premiers habitants de l'Europe*, 2 издание, 2 тома, Paris 1889—1894).

P. Kretschmer, *Einleitung in die Geschichte der griechischen Sprache*, Göttingen 1896 (интересенъ разборъ многихъ общихъ вопросовъ въ первой части книги).

V. Thomsen, *Sprogvidenskabens historie*, Copenhagen 1902 (изложеніе всей исторіи языкознанія, исполненное со свойственной автору широтой взгляда и опредѣленностью).

Ratzel, *Geographische Prüfung der Thatsachen über den Ursprung der Völker Europas* (Berichte der sächsischen Gesellschaft der Wissenschaften, phil.-hist. Cl., 1900, стр. 25 и сл.)

M. Much, *Die Heimath der Indogermanen im Lichte der urgeschichtlichen Forschung*, 2-ое издание, Berlin 1904.

E. de Michelis, *L'origine degli Indo-Europei*, Turin 1903.

H. Hirt, *Die Indogermanen, ihre Verbreitung, ihre Urheimat und ihre Kultur*, Strassburg 1905—1907 (легко читается, интересно, сообщаетъ точныя свѣдѣнія).

Schrader, *Sprachvergleichung und Urgeschichte*, 3-е издание, Jena, 1907.

Feist, *Europa im Lichte der Vorgeschichte*, Berlin 1910 (на высотѣ современнаго знанія).

Наконецъ, слѣдуетъ указать нѣсколько работъ по спеціальнымъ вопросамъ, касающимся однако многихъ общихъ вопросовъ:

F. de Saussure, *Mémoire sur le système primitif des voyelles dans les langues indo-européennes*, Leipzig 1879, перепечатка: Paris 1887 (изложение основныхъ принциповъ индо-европейскаго вокализма; хотя и старый, но капитальный трудъ, который стоитъ изучить).

H. Hübschmann, *Das indogermanische Vokalsystem*, Strassburg 1885.

Joh. Schmidt, *Die Pluralbildungen der indogermanischen Neutra*, Weimar 1889 (самостоятельно, обильный материалъ).

H. Hirt, *Der indogermanische Akzent*, Strassburg 1895 (ненужныя и недоказуемыя гипотезы, но ясное изложение, богатство идей, обиліе новыхъ сопоставленій и интересныя предположеній и совершенно правильныя общія представленія о развитіи языковъ).

H. Hirt, *Der indogermanische Ablaut*, Strassburg 1900 (тѣ же замѣчанія).

M. Grammont, *La dissimilation consonantique dans les langues indo-européennes et dans les langues romanes*, Dijon 1895.

Dottin, *Les désinences verbales en r en sanskrit, en italique et en celtique*, Rennes 1896.

Audouin, *De la déclinaison dans les langues indo-européennes*, Paris 1898.

A. Meillet, *Les dialectes indo-européens*, Paris 1908 (первый томъ Collection linguistique, издаваемой фирмою Champion при содѣйствіи Société de linguistique de Paris).

Много нѣмецкихъ періодическихъ изданій специально посвящены сравнительной грамматикѣ индо-европейскихъ языковъ:

Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen, 1852 и слл., сначала Berlin, потомъ Gütersloh, основанъ Ad. Kuhn'омъ (откуда названіе „журналъ Куна“, Kuhn's Zeitschrift, сокращенно K. Z.), затѣмъ подъ редакціей E. Kuhn'a и Joh. Schmidt'a и наконецъ подъ редакціей E. Kuhn'a и W. Schulze. — *Beiträge zur Kunde der indogermanischen Sprachen*, Göttingen 1877 и слл., основанъ Ad. Bezenberger'омъ (откуда названіе Bezenberger's

Beiträge, сокращенно В. В.), затѣмъ подѣ редакцію Bezenberger'a и Prellwitz'a, появлялся до XXX тома, а потомъ соединился съ предшествующимъ журналомъ; оба журнала подѣ редакцію A. Bezenberger'a, E. Kuhn'a и W. Schulze появляются съ 1907 года въ Göttingen'ѣ подѣ названіемъ перваго изъ нихъ (K. Z.), сохраняя его нумерацію томовъ (K. Z. 41 ff.).

Indogermanische Forschungen (сокращенно I. F.), Zeitschrift für indogermanische Sprach- und Altertumskunde, основанъ и редактируется K. Brugmann'омъ и W. Streitberg'омъ, Strassburg 1892 и сл.; вышло 27 томовъ, 28-ой томъ (1-ый вып.) помѣченъ 1911 годомъ.

Glotta, Zeitschrift für griechische und lateinische Sprache, основанъ и редактируется Kretschmer'омъ и Skutsch'емъ, выходитъ съ 1907 года, появилось 2 тома и одна тетрадь третьяго.

Wörter und Sachen, подѣ редакціей R. Meringer'a, W. Meyer-Lübke, J. J. Mikkola, R. Much, M. Murko (первый томъ, Heidelberg 1909).

Эти важные журналы содержатъ также нѣсколько статей на англійскомъ и французскомъ языкахъ. Большинство французскихъ статей по сравнительной грамматикѣ появляется въ журналѣ:

Mémoires de la Société de linguistique de Paris (секретарь — M. Bréal), Paris 1868 и сл. (сокращенно M. S. L.); въ настоящее время выходитъ XVI томъ (Bulletin общества, выходящій только для членовъ общества, содержитъ отчеты о засѣданіяхъ, начиная съ 1907 года).

Нѣкоторыя англійскія работы помѣщены въ журналахъ:

The American Journal of Philology, Baltimore 1880 и сл. и Classical philology, Chicago 1906 и сл.

Итальянскія работы въ

Supplementi periodici основаннаго Ascoli Archivio glottologico.

Библиографія литературы сравнительной грамматики сводится въ журналѣ:

Anzeiger für indogermanische Sprach- und Altertumskunde, издаваемомъ Streitberg'омъ, какъ приложение (отдѣльно въ продажу не поступающее) къ указанному выше журналу Indogermanische Forschungen

(полный указатель всѣхъ появившихся за годъ работъ по всѣмъ древнимъ индо-европейскимъ языкамъ; 27-ой томъ содержитъ библиографію 1907 года; сокращенно I. F. Anz.).

Orientalische Bibliographie въ настоящее время подъ редакціею L. Scherman'a, Berlin 1887 и слл. (только работы, касающіяся общей сравнительной грамматики и группъ индо-иранской и армянской, но всегда au courant).

Критическіе журналы, именно *Revue critique* во Франціи, *Litterarisches Zentralblatt* и *Deutsche Literaturzeitung* въ Германіи сообщаютъ о появленіи и разбираютъ въ общихъ чертахъ главнѣйшіе труды по сравнительной грамматикѣ вскорѣ послѣ ихъ появленія.

3. Сравнительная грамматика отдѣльныхъ языковъ.

Здѣсь будутъ указаны только работы, касающіяся спеціально сравнительной грамматики. Грамматики, чисто описательныя, какъ превосходная грамматика Уитнея (*Whitney*), или какъ весьма полезная книга того же автора о санскритскихъ глагольныхъ корняхъ, или какъ большая грамматика пракритскихъ нарѣчій Пишеля (въ *Grundriss der indoarischen Philologie*, который долженъ дать общую картину всей индійской филологіи) или какъ работа Франке (*Franke*) по средне-индійскому (*Pali und Sanskrit*, Strassburg 1902), не будутъ здѣсь упомянуты.

A. Индо-иранскіе языки.

a. Санскритъ.

J. Wackernagel, *Altindische Grammatik*, I. Lautlehre, 1896 — II, 1 *Einleitung zur Wortlehre, Nominalkomposition*, 1905; Göttingen (прекрасная книга, съ подродной библиографіею по каждому вопросу; окончаніе морфологій, къ сожалѣнію, еще не появилось).

Thumb, *Handbuch des Sanskrit*, I, *Grammatik*, Heidelberg 1905.

A. A. Macdonell, *Vedic Grammar*, Strassburg 1910.

Uhlenbeck, *Kurzgefasstes etymologisches Wörterbuch der altindischen Sprache*, Amsterdam, 1898 (можно рекомендовать; очень краткое изложеніе, безъ библиографическихъ указаній). — *Etymologisches Wör-*

terbuch der Sanskrit-Sprache von Ernst und Julius Leumann, Leipzig 1907 (появились только первыя буквы).

в. Иранскіе языки.

Grundriss der iranischen Philologie, подъ редакціей Geiger'a и E. Kuhn'a, Strassburg, 1-ый томъ 1895—1901 (этотъ первый томъ даетъ полное изложеніе развитія иранскихъ діалектовъ отъ индо-европейскаго періода до настоящаго времени; всю иранскую сравнительную грамматику съ рѣдкою основательностью излагаетъ здѣсь Bartholomae).

Bartholomae, Altiranisches Wörterbuch, Strassburg 1904 (полный словарь древне-иранскихъ діалектовъ, съ общими указаніями на этимологию; надолго будетъ служить основаніемъ для дальнѣйшихъ разысканій); дополненія къ нему въ приложеніи къ XIX т. Indogerm. Forsch., Zum altiranischen Wörterbuch, Strassburg 1906.

Hans Reichelt, Avestisches Elementarbuch, Heidelberg 1909.

P. Horn, Grundriss der neupersischen Etymologie, Strassburg 1893, съ критикой Hübschmann'a, Persische Studien, Strassburg 1895, гдѣ можно найти прекрасную историческую фонетику персидскаго языка.

В. Греческій языкъ.

G. Meyer, Griechische Grammatik, 3-е изданіе, Leipzig 1896 (только фонетика и морфологія; немного устарѣло, но собраніе фактовъ все еще цѣнное).

K. Brugmann, Griechische Grammatik, 3-е изданіе, München 1900; составляетъ часть Handbuch der klassischen Altertumswissenschaft Iwan'a von Müller'a (это 3-е изданіе значительно дополнено; самое лучшее, полное и систематическое изложеніе сравнительной грамматики отдѣльнаго индо-европейскаго языка).

H. Hirt, Griechische Laut- und Formenlehre, Heidelberg 1902 (ясное и интересное изложеніе, но часто сомнительныя толкованія).

Kühner, Ausführliche Grammatik der griechischen Sprache, 3-е изданіе, Hannover, I-ая часть редактирована Blass'омъ, 2 тома, 1890—1892 (хорошее описаніе греческой морфологіи, но указанія по сравнительной грамматикѣ лишены всякаго значенія); 2-ая часть, подъ редакціей Gerth'a

1 томъ, 1898, 2-ой т. 1904 (синтаксисъ, безъ всякаго сравнительнаго элемента).

R. Wagner, Griechische Grammatik (въ Grundzüge der klassischen Philologie, Bd. II, 1. Abt.), Stuttgart 1908 (простой рефератъ; много фактическаго матеріала въ удобномъ расположеніи).

Otto Hoffmann, Die griechischen Dialekte, Göttingen, появились три тома, 1891—1898.

C. D. Buck, Introduction to the Study of the greek Dialects, Grammar, selected Inscriptions, Glossary, Boston 1910.

Albert Thumb, Handbuch der griechischen Dialecte, Heidelberg 1909.

Albert Thumb, Die griechische Sprache im Zeitalter der Hellenismus, Strassburg 1901.

G. Curtius, Grundzüge der griechischen Etymologie, 5-ое изданіе, Leipzig 1879 (устарѣло, но еще можетъ быть полезно).

Prellwitz, Etymologisches Wörterbuch der griechischen Sprache, 2-ое изданіе, Göttingen 1905 (пользоваться можно только съ критикой; второе изданіе значительно лучше).

Leo Meyer, Handbuch der griechischen Etymologie, Leipzig, 4 тома, 1901 и слл. (неудачно; несмотря на недавнее появленіе, отражаетъ состояніе науки тридцать лѣтъ тому назадъ).

Émile Boisacq, Dictionnaire étymologique de la langue grecque, Paris и Heidelberg 1907 и слл. (богатая библиографія; вышло пять выпусковъ).

J. Vendryes, Traité d'accentuation grecque, Paris 1904 (хорошая начальная книга, съ данными по сравнительной грамматикѣ).

Cuny, Le nombre duel en grec, Paris 1906 (хорошій образецъ историко-сравнительной монографіи).

С. Италійскіе языки.

а. Латинскій языкъ.

F. Stolz, Historische Grammatik der lateinischen Sprache, I, Einleitung, Lautlehre, Stammbildungslehre, Leipzig 1894. Продолженіе этой работы было поручено раз-

личнымъ ученымъ; томъ III, 1, не сравнительнаго характера, появился въ 1903 году.

F. Stolz и Schmalz, *Lateinische Grammatik*, 4-е издание, München 1910; составляетъ часть *Handbuch'a I. von Müller'a* (объ книги Stolz'a имѣютъ много библиографическихкихъ указаний и содержатъ богатый материалъ; синтаксисъ *Handbuch'a*, составленный Schmalz'емъ, не сравнительнаго характера).

Lindsay, *The latin language*, Oxford 1894; въ нѣмецкомъ переводѣ (пересмотрѣнномъ, исправленномъ и дополненномъ), *Die lateinische Sprache*, переводъ Nohl'a, Leipzig 1897 (хорошее изложение, главнымъ образомъ съ точки зрѣнія латинскаго языка, безъ синтаксиса).

F. Sommer, *Handbuch der lateinischen Laut- und Formenlehre*, Heidelberg 1902 (ясное и точное изложение, вполне на уровнѣ современныхъ знаній, и въ то же время оригинально; безъ библиографіи и безъ синтаксиса).

M. Niedermann, *Précis de phonétique historique de latin*, Paris 1906; нѣмецкая переработка (съ дополненіями) Ed. Hermann'a *Historische Lautlehre des Lateinischen*, Heidelberg 1907 (просто, ясно и надежно). Русскій переводъ: Историческая фонетика латинскаго языка, переводъ съ нѣмецкаго А. Грушки, Москва 1910.

Stolz, *Geschichte der lateinischen Sprache*, Leipzig 1911 (кратко).

A. Walde, *Lateinisches etymologisches Wörterbuch*, второе издание, Heidelberg 1910 (богатый материалъ и много указаній литературы; на уровнѣ современныхъ знаній).

Thesaurus linguae latinae, Leipzig 1900 ff. (вышли два тома; выходитъ буква С; монументальный словарь латинскаго языка, съ цѣнными и точными, но нѣсколько краткими указаніями Thurneysen'a по этимологій).

L. Job, *Le présent et ses dérivés dans la conjugaison latine*, Paris 1893.

J. Vendryes, *Recherches sur l'histoire et les effets de l'intensité initial en latin*, Paris 1902 (разборъ частнаго вопроса, имѣющаго однако доминирующее значеніе въ исторіи латинскаго языка).

A. Meillet, *De quelques innovations de la déclinaison latine*, Paris 1906.

A. Ernout, *Les éléments dialectaux du vocabulaire latin*, Paris 1909.

b. Осско-умбрскія нарѣчія.

R. von Planta, *Grammatik der oskisch-umbri-schen Dialekte*, 2 тома, Strassburg 1892—1897 (книга фундаментальная).

R. S. Conway, *The italic dialects*, 2 тома, Cambridge, 1897 (удачно дополняетъ предыдущую книгу во многихъ отношеніяхъ).

C. D. Buck, *A grammar of Oscan and Umbrian*, Boston 1904 (существуетъ также въ нѣмецкомъ сокращеніи, Heidelberg 1905; очень удобная книга, ясное изложеніе).

D. Кельтскіе языки.

W. Stokes и A. Bezzenger, *Wortschatz der keltischen Einheit, Urkeltischer Sprachschatz*, Göttingen 1894; составляетъ вторую часть четвертаго изданія указаннаго выше словаря Фика, *Vergleichendes Wörterbuch* (сочиненіе важное, но пользоваться можно лишь съ нѣкоторой критикой).

Macbain, *An etymological glossary of the gaelic language*, Inverness 1896.

V. Henry, *Lexique étymologique des termes les plus usuels du breton moderne*, Rennes 1900.

H. d'Arbois de Jubainville, *Eléments de la grammaire celtique, déclinaison, conjugaison*, Paris 1903 (простое и ясное изложеніе).

G. Dottin, *Manuel pour servir à l'étude de l'antiquité celtique*, Paris 1906 (стр. 53—109, о галльскомъ языкѣ).

H. Pedersen, *Vergleichende Grammatik der keltischen Sprachen*, Göttingen 1908—1909 (I томъ: *Einleitung und Lautlehre*).

R. Thurneysen, *Handbuch des Alt-irischen, Grammatik, Texte und Wörterbuch*, I-ая часть: *Grammatik*, Heidelberg 1909.

J. Vendryes, *Grammaire du vieil irlandais (phonétique, morphologie, syntaxe)*, Paris 1908.

Журналы: *Revue celtique*, *Annales de Bretagne*, Rennes, и *Zeitschrift für celtische Philologie* сооб-

щают о появлении работ по кельтской филологии, дают рецензии и печатают статьи; кроме того слѣдуетъ упомянуть журналъ *Ériu*, выходящій въ Дублинѣ съ 1904 года.

Е. Германскіе языки.

Grundriss der germanischen Philologie, издаваемый Н. Паулемъ, 1-ый томъ, 2-ое издание, Strassburg 1901, съ замѣчательной статьей Kluge, *Vorgeschichte der altgermanischen Dialekte* и съ очерками отдѣльныхъ германскихъ діалектовъ, составленными Kluge, Noreen, Behaghel, Te Winkel, Siebs.

Noreen, *Abriss der urgermanischen Lautlehre*, Strassburg 1894 (очень субъективно).

Streitberg, *Urgermanische Grammatik* (второе издание готовится къ печати), Heidelberg 1896 (ясное, точное и систематическое изложение).

F. Dieter, *Laut- und Formenlehre der altgermanischen Dialekte*, Leipzig 1900.

V. Henry, *Précis de grammaire comparée de l'anglais et de l'allemand*, 2-ое издание, Paris 1907.

Loewe, *Germanische Sprachwissenschaft*, Leipzig 1904 (маленькій томикъ, очень краткое изложение, Sammlung Göschen).

Uhlenbeck, *Kurzgefasstes etymologisches Wörterbuch der gotischen Sprache*, 2-ое издание, Amsterdam 1900 (удобно и точно). Третье издание, подъ редакціей Lidén'a готовится къ печати въ Heidelberg'ѣ.

Sigmund Feist, *Etymologisches Wörterbuch der gotischen Sprache mit Einschluss des sog. Krimgotischen*, Halle 1909.

H. Falk и A. Torp, *Wortschatz der germanischen Spracheinheit*, Göttingen 1909 (составляетъ 3-ій томъ 4-го изданія *Etymologisches Wörterbuch Fick'a*).

Fr. Kluge, *Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache*, 7-ое издание, Strassburg 1909 (превосходная книга, только въ послѣднемъ изданіи авторъ не былъ въ состояніи остаться на высотѣ современнаго состоянія лингвистики).

Jahresbericht über die Erscheinungen auf

dem Gebiete der germanischen Philologie, Leipzig 1880 и слл. (очень хорошие ежегодные отчеты).

Здѣсь слѣдуетъ упомянуть два прекрасныхъ собранія грамматикъ древнихъ германскихъ діалектовъ, одно подъ редакцію Braune (издатель Niemeyer, Halle) и другое подъ редакцію Streitberg'a (издатель Winter, Heidelberg), хотя сравнительному элементу здѣсь отводится мало мѣста.

Различныя періодическія изданія по германской филологии содержатъ много статей по сравнительной грамматикѣ германскихъ языковъ, особенно Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur, журналъ, основанный въ 1874 году Paul'емъ и Braune и въ настоящее время редактируемый Sievers'омъ (сокращенно цитируется P. V. V. или P. V. S. V.)

F. Балтійскіе языки.

Berneker, Die preussische Sprache, Texte, Grammatik, etymologisches Wörterbuch, Strassburg 1896 (слѣдуетъ пользоваться съ дополненіями по нѣкоторымъ работамъ, особенно Bezzenberger, K. Z. XLI, 65—127).

R. Trautmann, Die altpreussischen Sprachdenkmäler, Einleitung, Texte, Grammatik, Wörterbuch, Göttingen 1910.

O. Wiedemann, Handbuch der litauischen Sprache, Strassburg 1897 (посредственно, не устраняетъ необходимости прибѣгать къ Litauische Grammatik, Schleicher'a, Prag 1856 и къ Grammatik der litauischen Sprache, Kurschat'a, Halle 1876).

A. Leskien, Der Ablaut der Wurzelsilben im Littauischen въ IX томѣ Abhandlungen der phil.-hist. Klasse der kgl. sächs. Akad. d. Wiss.; и Die Bildung der Nomina im Littauischen въ XII томѣ тѣхъ же Abhandlungen (двѣ превосходныя работы съ многочисленными библиографическими указаніями).

R. Gauthiot, Le parler de Buividze, Paris 1903 (прекрасный образецъ изученія литовскаго говора съ важными общими замѣчаніями).

G. Славянскіе языки.

A. Leskien, Handbuch der altbulgarischen Sprache, 5-ое изданіе, Weimar 1910 (книга фундаменталь-

ная, но главнымъ образомъ описательнаго характера; 5-ое изданіе съ нѣкоторыми измѣненіями воспроизводитъ второе, 1886 года).

A. Leskien, *Grammatik der altbulgarischen (altkirchenslavischen) Sprache*, Heidelberg 1909.

Vondrák, *Vergleichende slavische Grammatik*, 2 тома, Göttingen 1906—1908 (недостаточно надежный лингвистическій методъ, но au courant современныхъ изслѣдованій).

Miklosich, *Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen*, Wien 1886 (главнымъ образомъ съ точки зрѣнія славянскихъ языковъ; устарѣло).

Erich Berneker, *Slavisches etymologisches Wörterbuch*, Heidelberg 1908 ff. (прекрасная книга; появилось 6 выпусковъ).

О. Брокъ, *Очеркъ физиологіи славянскои рѣчи*, С.-Петербургъ 1910. (Энциклопедія Слав. Филологіи, V, 2. Превосходная книга.)

О. Hujer, *Slovanské deklinacie jmenna*. (Rozpravu Pražskoi Akademie, III, № 33.) Прага 1910 (на высотѣ современной науки).

Отчеты о главнѣйшихъ работахъ по славянскимъ языкамъ и оригинальныя статьи печатаются главнымъ образомъ въ журналѣ *Archiv für slavische Philologie*, издаваемомъ Jagićемъ въ *Listy filologické*, въ Прагѣ, и въ *Извѣстіяхъ Отдѣленія русскаго языка и словесности Имп. Акад. Наукъ въ Петербургѣ*. Критическая библиографія: *Rocznik slawistyczny*, Краковъ, T. I 1908 (библиографія 1907 года).

Н. Албанскій языкъ.

G. Meyer, *Etymologisches Wörterbuch der albanesischen Sprache*, Strassburg 1891 (съ обширной библиографіей).

G. Meyer, *Albanesische Studien*, III. *Lautlehre der indogermanischen Bestandtheile des Albanesischen*, Wien 1892 (изъ *Sitzungsberichte Вѣнской Академіи, phil.-hist. Cl.*, томъ 125). *Albanesische Grammatik* того же автора не имѣетъ сравнительнаго характера.

Ж. Армянскій языкъ.

Н. Hübschmann, *Armenische Grammatik, I Theil, Armenische Etymologie*, Leipzig 1895 (образцовый этимологическій словарь; къ сожалѣнію продолженіе грамматики не появилось).

A. Meillet, *Esquisse d'une grammaire comparée de l'arménien classique*, Vienne 1903 (краткое изложеніе).

Для современнаго состоянія армянской филологіи см. кромѣ работъ, появившихся послѣ 1903 года, въ особенности статьи Pedersen'a, K. Z. XXXVI—XXXIX и книгу Lidén'a *Armenische Studien*, Göteborg 1906.

Указатель.

- Аблативъ 295.
Авеста 50.
албанскій языкъ 60.
аналогія 28.
анафорическое мѣстоименіе 278.
англо-саксонскій языкъ 57.
аористъ 162, его основа 205.
арійскіе языки 47.
армянскій языкъ 60.
атематическія основы 151.
аттичскій діалектъ 51.
Балтійскіе языки 57.
bahuvrīhi 243.
безличный глаголь 202.
бретонскій говоръ 55.
британскій діалектъ 55.
Ведическій языкъ 48.
верхне-нѣмецкій діалектъ 56.
взрывные звуки 65.
взрывъ 65.
винительный падежъ 290.
возвратное мѣстоименіе 286.
возможныя измѣненія звуковъ 33.
возстановленіе индо-европейскаго языка 36.
вопросительныя предложенія 315.
vrddhi 216.
вторичныя окончанія 187, 204.
Галльскій языкъ 54.
гаты 50.
гельскій діалектъ 55.
германскіе діалекты 55.
глаголь 155.
глагольное предложеніе 302.
гласные звуки 101.
глухіе придыхательные 71.
глухіе согласные 65.
гортанные звуки 66.
готскій языкъ 55.
группы согласныхъ 103.
губные звуки 66.
Дательный падежъ 294.
двойственное число 155.
деноминативные глаголы 176.
deverbativa (verba) 177.
дифтонги 88.
діалектъ 20, 45.
длительное значеніе глагола 163.
долгіе сонанты 99 и сл.
долгій слогъ 104.
дорическіе говоры 52.
древне-англійскій языкъ 57.
древне-персидскій языкъ 49.
древне-пруссскій языкъ 57.
древне-славянскій языкъ 58.
дѣйствительный залогъ 203, его окончанія 187.
Единичность лингвистическихъ явлений 18.
Желательное наклоненіе 185.
женскій родъ 156, 237.
Задненебные звуки 66, 74.
заимствованіе 23—24.
законы (фонетическіе) 26.
звательный падежъ 290.
звонкіе согласные 65, 68.
звонкіе придыхательные 69.
зендскій языкъ 7.

- зубные звуки 66.
 Измѣненіе языка 107.
 изъявительное наклоненіе 184.
 имена животныхъ и растений 335.
 именительный падежь 290.
 именное предложеніе 302.
 имплозія 103.
 имя 156.
 индо-европейскія племена 63.
 индо-европейскія слова 323.
 индо-европейскіе языки 34.
 индо-иранская группа языковъ 47.
 интенсивное удвоеніе см. удвоеніе.
 интенсивъ 167.
 интонація 80.
 инфиксъ 124, — (носовой) 174.
 исландскій діалектъ 56.
 италійскіе діалекты 53.
 Іоническій діалектъ 51.
 Каузативъ 171.
 кельтскіе діалекты 54.
 кимрскій говоръ 55.
 конецъ слова 112.
 корень 121, 123, 143, — двусложный 132, — односложный 144.
 корнскій говоръ 55.
 краткій слогъ 104.
 Лабіо-веларные звуки 73.
 латинскій языкъ 53.
 латышскіе діалекты 58.
 литовскіе діалекты 57.
 лицо 156.
 Мужескій родъ 156.
 музыкальное удареніе 125.
 мѣстный падежь 296.
 мягкіе (долгіе гласные) 83.
 мягкій двугласный 80.
 Названія родства 332.
 нарѣчіе 158.
 нарѣчіе см. діалектъ.
 настоящее время 162; его основа 206, 207; — въ собственномъ смыслѣ 207.
 неопредѣленное наклоненіе 236.
 непрерывность (языковыхъ измѣненій) 23.
 неударяемый слогъ 115.
 нижне-нѣмецкій діалектъ 56.
 нулевое окончаніе 121.
 нулевой суффиксъ 121.
 нуль 127.
 Обще- (греческій, — славянскій и т. д.) 372.
 окончаніе 120, 121, 153.
 опредѣлитель (коренной) 145.
 основа 120.
 осскій языкъ 54.
 относительныя придаточныя предложенія 320.
 отрицательныя предложенія 315.
 Падежи 155.
 первичныя окончанія 187, 204.
 передне-небные звуки 66.
 perfectum 181.
 пехлевійскій языкъ 50.
 plusquamperfectum 183.
 повелительное наклоненіе 193.
 повышеніе 115.
 повышенный слогъ 115.
 подстановка 123.
 порядокъ словъ 310.
 пракритскія нарѣчія 49.
 предлогъ 158.
 предложеніе 301.
 предложныя приставки 158, 297.
 преходящее время (imperfectum) 207.
 придаточныя предложенія 317.
 придыхательные взрывные звуки 66.
 прилагательныя 210, 238.
 приращеніе 201, 204.
 притяжательныя сложныя слова 243.
 причастіе 156, 233 сл.
 прошедшее время 201, 204.
 Раса 62.
 религія 341.
 Ригведа 48.
 ритмъ 118.
 родительный падежь 292.
 родство языковъ 19.
 родъ 156.
 Санскритъ 48.
 семья языковъ 19.
 сильныя взрывные звуки 65.
 склоненіе мѣстоименій 280.
 слабыя взрывные звуки 65.
 славянскіе языки 58.

- слово 111, 301.
слогъ 101 сл., 104.
сложение основъ 242.
сложная основа 242.
согласные звуки 102.
согласование 308.
сонанты 83.
соотвѣтствія 29.
сослагательное наклоненіе 184.
спиранты 74.
сравнительная грамматика 17, 41.
средне-небные звуки 66.
средній залогъ 203, его окончанія 187.
средній родъ 156.
страдательный залогъ 203.
ступени вокализма 127.
суффиксъ 121, 150.
суффиксы вторичные 152.
суффиксы первичные 152.
Твердые долгіе гласные 83.
твердый двугласный 80.
творительный падежь 295.
тематическія основы.
Удареніе 115.
ударяемый слогъ 115.
удвоение 148, — интенсивное 148.
умбрскій языкъ 54.
Части тѣла 346.
частицы 159, 299.
чередование гласныхъ 126.
числительныя 350.
число 155.
Эволюція языка 23.
эксплозія 65, 103.
элементъ, предшествующій оконча-
нію 151.
элементъ, предшествующій суффиксу
151.
элидскій говоръ 52.
энклитика 313 сл.
эолийскій языкъ 52.

дается въ Евангеліи) и бывъ ницъ разсядеса посредѣ, како можно живу быти челоуѣку бывшу, идѣже многажды ни едино удареніе по главѣ нанесено возмоглъ бы кто стерпѣти, но абіе мертвъ лежа зрится; предателю же не едино удареніе по головѣ стерпѣвшу, но всю утробу свою погубившу, сирѣчь печень, плючо, селезнь и вся кишки, кто здравъ сый умомъ речеть оного потомъ живна хотя въ мегновеніи ока?“ (Соч. III, 125). Другое опроверженіе Максима („Сказаніе къ глаголющимъ, яко во всю свѣтлую недѣлю солнце не заходя стояло, и того ради глаголють единъ день всю свѣтлую недѣлю“: Соч. III № 24) направлено на извѣстный апокрифъ о „свѣтлой недѣлѣ“: когда Христосъ воскресъ, то будто отъ шестого часа взошло солнце и стояло на востокъ два дня, потомъ на югъ три дня и на западъ два дня; на восьмой день солнце зашло; поэтому и говорится обо всей недѣлѣ „великъ день“¹⁾ Въ своемъ возраженіи Максимъ стоитъ исключительно на почвѣ сопоставленія этого разсказа съ тѣмъ, что передается въ евангеліяхъ и, конечно, относится къ нему совершенно отрицательно. Наконецъ, обличенію Максима Грека подвергся и т. наз. „Луцидаріусъ“, вызвавшій его „Посланіе къ нѣкому мужу поучительно на обѣты нѣкоего латынина мудреца“ (Соч. III № 28). Сборникъ этотъ западнаго происхожденія и ведетъ свое имя отъ схоластико-богословскаго трактата „*Elucidarium sive dialogus de summa totius christianae theologiae*“, составленіе котораго приписывается Гонорію Отенскому, популярному латинскому писателю XI—XII в.; на западной литературной почвѣ этотъ трактатъ, б. м. уже въ XII вѣкѣ, далъ начало нѣмецкой народной книгѣ, при чемъ богословская сторона оригинала подверглась сокращенію, а взамѣнъ ея внесены были общія свѣдѣнія о мірѣ, людяхъ, животныхъ, странахъ и другихъ предметахъ — главнымъ образомъ на основаніи другого

1) Памятники старинной русской литературы. Изд. гр. Кушелевымъ - Безбородко, вып. III, стр. 153.

труда того же Гонорія Отенскаго „Imago mundi“¹⁾. По мнѣнію Тихонравова, Луцидаріусъ переведенъ былъ на русскій языкъ въ XVI вѣкѣ, при чемъ наличность германизмовъ заставляетъ предполагать нѣмецкій оригиналь для перевода²⁾; это мнѣніе было документально поддержано и проф. Архангельскимъ (назв. соч., стр. 78—170). Впрочемъ, въ опредѣленіи времени русскаго перевода, сдѣланномъ Тихонравовымъ, возможны сомнѣнія³⁾. Въ своемъ возраженіи Максимъ обращается къ нѣкому „кирь Георгію“ (подъ которымъ Тихонравовъ склоненъ былъ разумѣть князя Георгія Ивановича Токмакова, составившаго повѣсть о Выдропужской иконѣ Божіей Матери: Соч. I, прим. стр. 92—93), но былъ ли онъ авторомъ русскаго перевода Луцидаріуса или лишь почитателемъ этого памятника — сказать трудно. Въ краткомъ предисловіи къ своему „посланію“ Максимъ Грекъ предостерегаетъ Георгія отъ увлеченія Луцидаріусомъ: этой книгой латиняне „зѣло прельстишася“, какъ и всегда прельщаются „еллинскими и римскими ученіи и книгами еврейскими и арабскими“, тогда какъ книга эта „во множайшихъ лжетъ и сопротивно пишетъ православнымъ преданіемъ и повѣстемъ“ (Соч. III. 184). Слѣдующія

1) Тихонравовъ, Н. С. Сочиненія. Т. I, стр. 304. Архангельскій, А. Къ исторіи древне-русскаго Луцидаріуса. Казань 1899, стр. 178—182.

2) Тамъ же, стр. 302. 304—305. Изданъ Тихонравовымъ въ „Лѣт. русской литературы и древности“. Т. I (1859) и Порфирьевымъ: Апокр. сказ. о новоз. лиц. и событіяхъ, стр. 417—471.

3) Онъ ссылается на упоминаніе въ Луцидаріусѣ „стрѣлокъ громныхъ“ и „топорковъ сѣровидныхъ“ (по изд. Тихонравова, стр. 57) и сопоставляя упоминаніе этихъ же предметовъ въ Домостроѣ, полагаетъ, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ заимствованіемъ послѣдняго памятника изъ Луцидаріуса (Соч. I. 302). Но, во-первыхъ, изъ этого заимствованія, если бы оно составляло неоспоримый фактъ, еще не слѣдуетъ невозможность существованія Луцидаріуса въ русскомъ переводѣ и до XVI вѣка, а во-вторыхъ, указанное мѣсто могло быть перенесено въ Домострой и изъ другого источника, напр. Кормчей книги, какъ это указано Ѳ. Керенскимъ: Древне-русскія отреченныя вѣрованія и календарь Брюса. Ж. М. Н. Пр. 1874 № 3, стр. 61.

далѣе возраженія Максима имѣють цѣлю опровергнуть сужденія и свѣдѣнія Луцидаріуса о разныхъ предметахъ, доказать ихъ нелѣпость и небогословскій характеръ. Сообразно діалогической формѣ самаго памятника, и возраженіямъ Максима приданъ діалогическій распорядокъ, но трудно сказать, принадлежитъ ли этотъ распорядокъ самому Максиму или является дѣломъ одного изъ редакторовъ его сочиненій. Вотъ пѣсколько мѣстъ изъ этого произведенія Максима. „Ученикъ: (первый ангелъ) коль долго бѣяше на небеси? Учитель: не бѣ болѣ токмо полчаса. Максимъ: ни того, ни которое писаніе богодохновенное не знало ни отеческое“ (Соч. III. 187). „Ученикъ: коль долго Адамъ былъ въ рай? Учитель: нѣсть токмо болѣ два часа. Максимъ: святой Иванъ Златоустый глаголетъ 3. часовъ. Сего ради и новый Адамъ Исусъ Христосъ на шестомъ часѣ распять бысть“ (189). „Ученикъ: коль долго жилъ Адамъ? Учитель: цл. лѣтъ, тогда умре во Іерусалимѣ и погребенъ баше въ Евронѣ, тогда бѣ та яма имъ наполнена, отнюду же богъ сотвори его. Максимъ: и то кромѣ преданія церковнаго“ (190). „Ученикъ: кто первый человекъ, иже писаніе обрѣте? Учитель: той Енохъ. Максимъ: и въ томъ лжетъ явѣ твой не лучинаріусъ, но обтенебаріусъ, еже есть темнитель, а не просвѣтитель. Сиеъ бо третій сынъ Адамовъ первый обрѣте писмена, яко же явѣ пишетъ Іосифъ іудеянинъ“ (191) и т. д. Ясно, что и самъ Максимъ, при всей своей учености, не былъ свободенъ отъ „апокрифическихъ“ сужденій и толкованій.

Историческое значеніе Максима Грека и его литературной дѣятельности опредѣляется не только самой личностью этого человека, мѣстомъ и временемъ его дѣятельности, но также тѣмъ специальнымъ положеніемъ, которое выпало на его долю въ Россіи. Въ Максимѣ мы имѣемъ дѣло съ лицомъ, получившимъ обширное богословское и отчасти

свѣтское образованіе. Своихъ такого рода людей въ Россіи XVI вѣка не было, а между тѣмъ потребность въ наукѣ и ученыхъ людяхъ, хотя смутно и лишь въ тѣсныхъ кругахъ, сознавалась. Облеченный авторитетомъ рекомендаціи съ Аеона, Максимъ совмѣщалъ въ себѣ подлинное православіе съ основательными филологическими и богословскими познаніями, что на первыхъ порахъ должно было обезпечить ему полное довѣріе въ московскихъ административныхъ сферахъ; но когда дѣло дошло до примѣненія на практикѣ этихъ познаній, то не спасли Максима ни его ученость, ни аеонскій авторитетъ: узкая теоретичность богословскихъ воззрѣній московскихъ книжниковъ, преданность буквѣ, невѣжество и застарѣлость понятій сдѣлали то, что вмѣсто учителя и руководителя Максимъ оказался еретикомъ, нуждавшимся въ наученіи и достойнымъ наказанія. Эти обстоятельства, непосредственно вытекавшія изъ условій мѣста и времени дѣятельности Максима Грека, опредѣлили собою его жизненную судьбу, придавъ ей трагическій характеръ, а также не остались безъ вліянія и на послѣдующіе результаты дѣятельности Максима въ Россіи. Положеніе его было одно изъ самыхъ трудныхъ. Однажды, въ бесѣдѣ съ опальнымъ бояриномъ И. Н. Берсенемъ-Беклемишевымъ, Максимъ Грекъ спрашивалъ: „какой отъ меня польза быть?“, т. е. чѣмъ собственно онъ можетъ быть полезенъ въ Москвѣ; Берсень отвѣчалъ: „Ты чело-вѣкъ разумный и можешь насъ пользоваться, и пригоже было намъ тебя спрашивать, какъ устроить государю землю свою, и какъ людей жаловати и какъ митрополиту жити“. Такъ думали московскіе люди, расположенные къ ученому пришельцу. Конечно, удовлетворить подобныя ожиданія Максиму было невозможно — и не только по обширности и важности поставленныхъ тутъ вопросовъ, но и по крайней трудности проведенія въ жизнь тѣхъ совѣтовъ и указаній, которыя могъ и желалъ бы дать Максимъ Грекъ. Въ самомъ дѣлѣ,

что можно было сдѣлать Максиму, когда огромная часть московскаго общества крѣпче, чѣмъ когда-либо стояла за старину? Тотъ же Берсень говорилъ Максиму: „вѣдаешь и самъ, а и мы слышали у разумныхъ людей: которая земля переставливаетъ обычи свои, и та земля не долго стоитъ“; на это Максимъ отвѣтилъ: „господине, которая земля преступаетъ заповѣди, та и отъ Бога казничаетъ, а обычаи царскіе и земскіе государи перемѣняютъ, какъ лучше государству его“; Берсень однако съ этимъ не согласился, полагая, что „лучше старыхъ обычаевъ держатися“¹⁾. Берсений въ Россіи въ ту пору было множество, и весьма умѣренная точка зрѣнія Максима Грека была для нихъ непріемлема. Тѣмъ не менѣе воззрѣнія его не остались безрезультатными. Возлѣ него образовался кружокъ лицъ, съ довѣріемъ обращавшихся къ нему со своими недоумѣніями и вопросами. Таковы были князь Иванъ Токмаковъ, Вас. Мих. Тучковъ, Ив. Дан. Сабуровъ, Юрій Тютинъ, князь Андрей Холмскій, которые „говаривали съ нимъ книгами и спиралися межъ себя о книжномъ“; ходилъ къ Максиму на бесѣды Петръ Шуйскій, бралъ у него для себя какія-то тетрадки дьякъ Ѳедоръ Жареный. Мы уже видѣли, что писалъ Максимъ, подавая совѣты по книжнымъ и инымъ вопросамъ Ѳедору Карпову и какому-то „кирь Георгію“; къ нему обращался за разрѣшеніемъ сомнѣнія касательно одного страннаго изображенія на иконѣ сотрудникъ его по переводу Толковой Псалтыри Дмитрій Герасимовъ, который потомъ и отписалъ объ этомъ въ Псковъ извѣстному дьяку Мисюрю Мунехину. Сужденія Максима Грека не остались безъ вліянія и на постановленія Стоглаваго собора²⁾. Литератур-

1) Акты Археографической Экспедиціи, № 172: Иконниковъ, В. С. Максимъ Грекъ. Кіевскія Университетскія Извѣстія 1866 № 7, стр. 27. 37—38.

2) Иконниковъ, назв. соч., стр. 28. 31—34; (Горскій, А. В.), назв. соч., въ Приб. къ Тв. Св. Отцовъ, ч. XVIII, стр. 189—192.

ныя занятія Максима Грека собрали вокругъ него нѣсколько учениковъ: Силуана, Михайла Медоварцева, Нила Курлятева; близкими по духу къ нему и не оставшимися безъ его вліянія являются извѣстный авторъ „Истины показанія“ Зиновій Отенскій и князь А. М. Курбскій. Но главная доля вліянія Максима Грека выразилась въ томъ броженіи, которое производила его жизнь и литературная дѣятельность въ русской средѣ современнаго ему и отчасти послѣдующихъ поколѣній, и не подлежитъ сомнѣнію, что, въ интересахъ просвѣщенія, вліяніе это было глубоко благотворно.

3.

„Бесѣда“ валаамскихъ чудотворцевъ. — Вопросъ объ авторѣ этого произведенія; степень литературной обработки; черты содержанія и связь ихъ съ современностью. — „Ино сказаніе“; вопросъ объ его политической тенденціи.

Въ тѣсной связи съ затронутыми Вассіаномъ Патрикѣевымъ и Максимомъ Грекомъ вопросами о монастырскихъ вотчинахъ и о царской власти находится одинъ весьма любопытный памятникъ XVI вѣка, извѣстный подъ именемъ „Бесѣда преподобныхъ Сергія и Германа валаамскихъ чудотворцевъ“. Первый издатель этого памятника Бодянский¹⁾ находилъ возможнымъ, безъ особыхъ колебаній, приписать его Вассіану Патрикѣеву; однако это мнѣніе встрѣтило возраженія со стороны Буслая, проф. А. С. Павлова и др.; того же отрицательнаго взгляда держатся и редакторы новаго изданія „Бесѣды“²⁾; они находятъ только возможнымъ видѣть въ неизвѣстномъ авторѣ мірянина и написаніе произведенія относятъ ко времени послѣ 1553—1554 годовъ. Съ внѣшней стороны „Бесѣда“, какъ литературный памятникъ

1) Чтенія въ Общ. Ист. и Др. 1859 № 3.

2) В. Дружининъ и М. Дьяконовъ. Бесѣда преподобныхъ Сергія и Германа валаамскихъ чудотворцевъ. Апокрифическій памятникъ XVI вѣка. Спб. 1890.

никъ, производитъ неблагопріятное впечатлѣніе: въ ней нѣтъ опредѣленнаго плана, изложеніе растянута, изобилуетъ повтореніями, языкъ неправильный и по мѣстамъ неясный; но затронутые въ ней вопросы взяты изъ живой современности и обсуждаются смѣло и съ совершенно опредѣленной точки зрѣнія. Первымъ такимъ вопросомъ являются монастырскія владѣнія. Авторъ — рѣшительный врагъ обладанія монастырей имуществами, и, вѣроятно, именно эта точка зрѣнія, защищаемая инокомъ-княземъ Вассіаномъ, и была причиной приписанія ему „Бесѣды“ со стороны ея перваго издателя. Онъ полагаетъ, что „подобаетъ инокомъ пріимати годовая урочная милостыня“, но „вотчинъ и волостей со христіаны отнюдь инокомъ не подобаетъ давати“ (изд. 1890, стр. 3—4); богатые иноки, эти „непогребенные мертвецы“, приближенные къ царю и принимающіе участіе въ мірскихъ дѣлахъ, вмѣсто исполненія своего прямого назначенія — духовныхъ подвиговъ и молитвы — обнаруживаютъ „высокоумство и величество“: они считаютъ себя „разумнѣе всѣхъ человекъ въ мірѣ и не скажутъ и не чають въ бѣльцахъ такова разума, какова въ себѣ мняще“ (стр. 7). Отсюда истекаетъ и другой вопросъ, затронутый въ „Бесѣдѣ“: лишь „простотой“ царской объясняетъ авторъ сильное вліяніе иноковъ въ „совѣтѣ царскомъ“; авторъ совѣтуетъ царю, вмѣсто иноческихъ мнѣній, „внимати“ божественнымъ книгамъ и „по часту ихъ прочитати и бесѣды Іосифа Прекраснаго повѣсти дозирати“: „сего царіе не вѣдають и не внимають, что мнози княжници во иноцѣхъ по дьявольскому наносному умышленію изъ святыхъ божественныхъ книгъ и изъ преподобныхъ житія выписываютъ и выкрадываютъ изъ книгъ подлинное преподобныхъ и святыхъ отецъ писаніе и на то же мѣсто въ тѣ же книги приписываютъ лучшая и полезная себѣ, носятъ на соборы во свидѣтельство будто подлинное святыхъ отецъ писаніе“ (стр. 10. 11); все это есть „царское небреженіе и простота несказанная, а

иноческая безконечная погибель“ (стр. 13); болѣе естественными совѣтниками царю и исполнителями его воли являются „мірскія власти“. Наконецъ, авторъ „Бесѣды“ высказывается и по болѣе общему вопросу тогдашней русской жизни. Онъ — строгій консерваторъ и предрекаетъ „бѣду и скорбь и погибель роду христіанскому“ не только за оставленіе православной вѣры и „измѣну царю и государю своему“, но и за разнаго рода внѣшнія заимствованія отъ чужеземцевъ: „позавидѣхомъ иже на невѣрныхъ ризамъ ихъ отъ главы и до ногу и ихъ обычаемъ“: „богомерзко и незаконно — говоритъ онъ объ иностранцахъ — ихъ житіе и обычай ихъ непрятенъ, занеже не дано имъ разумѣти про нану новую благодать, и имъ наше ничтоже завидно есть; они прочать сесвѣтное житіе, а мы угождаемъ на будущее житіе“ (стр. 14); „горе роду христіанскому — предостерегаетъ въ другомъ мѣстѣ авторъ — прельстившимся въ невѣрныхъ порты и шлыки и имущимъ ихъ на себѣ, держащимъ ихъ невѣрныхъ прелести и впускающе ихъ въ землю свою и ищущимъ отъ нихъ помощи и хранящимся ими“ (стр. 22); онъ совѣтуетъ установить „царскою смиренною грозю“ „брадъ и усовъ не брѣти, ни торшити и сану своего ничѣмъ не вредити, крестное знаменіе на лицѣ своемъ сполна вообразати, каятиса, говѣти по вся годы всякому челоуѣку вездѣ, исповѣдатиса Господеви и отцамъ духовнымъ отъ двюнадесяте лѣтъ мужеска полу и женска“ (стр. 24). Сужденія эти, являясь живымъ отголоскомъ времени, свидѣтельствуютъ о глубокомъ переломѣ въ народной жизни и о начинавшемся знакомствѣ съ Западомъ, которыя наполняли тревогою умы и сердца болѣе впечатлительныхъ современниковъ: къ числу послѣднихъ несомнѣнно принадлежалъ и авторъ „Бесѣды“.

Въ нѣкоторыхъ спискахъ „Бесѣды“ къ ней присоединена особая небольшая статья („Ино сказаніе“: по изд. 1890, стр. 29—31), написанная, по всей вѣроятности, другимъ авторомъ, но современная „Бесѣдѣ“ и заключающая въ себѣ одно

очень интересное мѣсто. Авторъ обращается къ „царемъ“ и „великимъ княземъ“ русской земли съ совѣтомъ „избранные воеводы своя и войско свое скрѣпити и царство во благоденство соединити и распространити отъ Москвы сѣмо и овамо, сюду и туду“ „не своею царскою храбростію, ниже своимъ подвигомъ, но славнымъ воинскимъ валитовымъ разумомъ и царскою премудрою мудростію“, а для этого находить нужнымъ, чтобы духовенство благословило „царей и великихъ князей русскихъ московскихъ“ на „единомысленный вселенскій совѣтъ“. Нѣкоторые историки (напр., проф. Ключевскій и новѣйшіе издатели „Бесѣды“) склонны видѣть въ этомъ „вселенскомъ совѣтѣ“ указаніе на „земскій соборъ“, выраженное въ столь отдаленную эпоху, но, судя по дальнѣйшему теченію мыслей автора „Иного сказанія“ („вѣдомо да будетъ царю самому про все всегда самодержства его, и можетъ скрѣпити отъ грѣха власти и воеводы своя и приказные люди...“; „царю самому крѣпко и крѣпко печися паствы своя о спасеніи міра, о всегодномъ посту всегодными прямыми постными людьми во благоденство міру всего“: стр. 30—31), едва ли можно усматривать здѣсь намекъ на выраженіе подобнаго политическаго идеала: въ этомъ отношеніи мнѣніе А. Н. Пыпина ближе къ истинѣ¹⁾.

4.

Старецъ Артемій; его жизнь. — Приписываемыя ему посланія; связь съ А. М. Курбскимъ; идейный характеръ дѣятельности Артемія.

Въ числѣ литературныхъ дѣятелей XVI вѣка, примыкающихъ къ „заволжскому“ направленію, долженъ быть упомянуть и старецъ Артемій, хотя его авторство относительно приписываемыхъ ему 14 посланій²⁾ является лишь

1) Исторія русской литературы. Т. II, изд. 2, стр. 128—129.

2) Напечатаны, по единственному списку В. М. Ундольскаго, XVI вѣка, въ IV томѣ „Русской исторической бібліотеки“, изд. Археографической Комиссіей, подъ наблюденіемъ П. А. Гильдебрандта: Спб. 1878.

весьма вѣроятнымъ предположеніемъ. Жизнь Артемія сложилась не совсѣмъ обыкновенно, о чемъ можно судить даже и на основаніи имѣющагося весьма скуднаго біографическаго матеріала. Мы не знаемъ точно ни года, ни мѣста рожденія Артемія, ни той среды, изъ которой онъ вышелъ. Новѣйшій біографъ¹⁾ дѣлаетъ однако же предположеніе, что родился онъ въ началѣ XVI вѣка въ Псковѣ или прилегающей къ нему мѣстности. Первоначально онъ проживалъ въ Псково-Печерскомъ монастырѣ и здѣсь началъ усердно читать разныя книги духовнаго содержанія, переводныя и оригинальныя: интересъ къ религіознымъ вопросамъ побуждалъ его ходить въ близъ лежащій лифляндскій городокъ Нейгаузъ, чтобы познакомиться съ проникавшимъ тогда въ Ливонію протестантизмомъ. Около 1545 года Артемій удалился въ одну изъ заволжскихъ пустынь и основательно познакомился здѣсь съ направленіемъ Нила Сорскаго въ теоріи и въ практикѣ монастырской жизни. Около 1548 онъ сдѣлался уже настолько извѣстенъ, что получилъ приглашеніе въ настоятели Корниліева монастыря, однако отъ этого отказался, а въ 1551 году, по волѣ царя Ивана Васильевича IV, пользовавшагося его совѣтами по организациіи Стоглаваго собора, былъ назначенъ игуменомъ Троице-Сергіева монастыря. На это мѣсто Артемій шелъ неохотно, предвидя борьбу съ братіей, стяжательныхъ стремленій которой онъ не раздѣлялъ, будучи противникомъ монастырскаго землевладѣнія. Принимая игуменство, Артемій испросилъ у царя согласіе на освобожденіе Максима Грека изъ тверскаго заточенія и на переселеніе его въ Троицкій монастырь, вѣроятно ища въ немъ себѣ нравственную поддержку. Однако опасенія Артемія вскорѣ не замедлили оправдаться, и онъ почувствовалъ себя у Троицы настолько

1) В и л и н с к і й, С. Г. Посланія старца Артемія (XVI вѣка). Одесса 1906, стр. 38.

не на мѣстѣ, что черезъ полгода покинулъ игуменство и удалился въ одинъ изъ заволжскихъ скитовъ, въ Порфиріеву пустынь. Но этого врагамъ Артемія было мало; они желали болѣе очевиднаго его паденія. Когда въ 1553 году собранъ былъ соборъ противъ ереси Башкина, то на него приглашенъ былъ и Артемій, подъ предлогомъ содѣйствовать разъясненію истины, а на самомъ дѣлѣ для того, чтобы самого Артемія запутать въ опасное дѣло. Артемій понялъ это и отказался явиться; тогда его привезли въ Москву на соборъ уже въ качествѣ обвиняемаго. Къ нему предъявленъ былъ рядъ обвиненій: въ неправильномъ толкованіи догматовъ, сочувствіи новгородскимъ еретикамъ и „латынамъ“, несоблюденіи поста, хожденіи въ нѣмецкую землю для бесѣдъ о вѣрѣ и проч. Артемій былъ сурово осужденъ и въ 1554 году отправленъ на заточеніе въ Соловецкій монастырь. Не имѣя надежды на улучшеніе своего положенія въ близкомъ будущемъ, онъ бѣжалъ отсюда въ слѣдующемъ 1555 году въ Литву, черезъ Витебскъ. Здѣсь онъ нашель пріютъ у князя Юрія въ Слуцкѣ и пользовался расположеніемъ многихъ видныхъ дѣятелей въ краѣ, напр. Евстафія Воловича, кн. А. М. Курбскаго и др. Здѣсь получила главное развитіе и его литературная дѣятельность, направленная главнымъ образомъ на защиту православія противъ протестантовъ; въ этомъ дѣлѣ у него оказались не только помощники, но и ученики, напр. Маркъ Сарыгозинъ, которому писалъ кн. Курбскій. Умеръ Артемій, по видимому, въ 70-хъ годахъ XVI вѣка¹⁾.

Такова личность старца Артемія, типичная для извѣстнаго круга дѣятелей XVI вѣка по своей идейности. Литературная его дѣятельность²⁾, если исключить изъ нея два посланія къ царю Ивану IV, писанныя въ 1551—1552

1) Вилинскій, назв. соч., стр. 121.

2) Соображенія о ея подлинности относительно Артемія см. въ назв. соч. С. Г. Вилинскаго, стр. 282—296.

годахъ, относится ко времени пребыванія Артемія въ Литвѣ; она облечена въ форму посланій къ разнымъ лицамъ (Симону Будному, Ивану Зарѣцкому, Евстафію Воловичу, къ „брату отступившему“ и др.) и посвящена разъясненію вопросовъ православнаго вѣроученія и обрядности въ условіяхъ церковно-религіозной жизни и просвѣщенія въ Западной Руси XVI вѣка. Это была та самая атмосфера и то религіозное настроеніе, въ которомъ одновременно съ Артеміемъ дѣйствовалъ и князь А. М. Курбскій. Послѣдній былъ глубокимъ почитателемъ старца Артемія и въ упомянутомъ письмѣ къ ученику его Марку Сарыгозину писалъ объ одной своей бесѣдѣ „о книжныхъ дѣлахъ“ съ „преподобнымъ исповѣдникомъ Артеміемъ“: она касалась перевода сочиненій Василія Великаго на славянскій языкъ, при чемъ Артемій, просившій Курбскаго отыскать подходящее для такого дѣла лицо, съ увлеченіемъ говорилъ: „азъ съ потщаніемъ во старости моей, аще бо и пѣшему случилось ми ся, препоясався, пойду съ Луцка тамъ, гдѣ ми кажешь, и буду пособляти въ переводѣ, склоняючи на словенскій“¹⁾. Будучи въ пору исканій религіозно-нравственного идеала сначала раціоналистомъ, потомъ мистикомъ въ духѣ Нила Сорскаго, Артемій въ пору своей жизни на Литвѣ удержалъ отъ этихъ увлеченій прошлаго лишь гуманистическій характеръ „заволжскихъ“ воззрѣній, широкую терпимость и духъ свободы въ обсужденіи вопросовъ вѣры: поэтому, оставаясь въ своихъ произведеніяхъ на почвѣ защиты православія не только въ догматахъ, но и въ церковныхъ обрядахъ, онъ вездѣ держится примирительнаго тона по отношенію къ своимъ противникамъ, пишетъ не столько обличенія — какъ это мы видимъ у большинства церковныхъ полемистовъ его эпохи — сколько увѣщанія и разъясненія; бытовыхъ данныхъ онъ касается очень мало. Въ

1) Сказанія князя Курбскаго. Ч. II. 1833, стр. 163—164.

теоретическихъ вопросахъ вѣры Артемій былъ самоучкой и единственнымъ источникомъ его свѣдѣній является его начитанность въ греческихъ писаніяхъ отцовъ церкви, какъ Василій Великій, Ефремъ Сиринь, Іоаннъ Златоустъ, Діонисій Ареопагитъ, Іоаннъ Дамаскинъ и др.; изъ русскихъ авторовъ онъ всего болѣе опирается на Нила Сорскаго. Такимъ образомъ, подобно другимъ дѣятелямъ „заволжской“ школы, Артемій представляетъ намъ сочетаніе старыхъ элементовъ византійскаго преданія и книжности съ однимъ изъ новыхъ теченій русской жизни; особенности его личнаго характера внесли въ его произведенія ту мягкость, которой не было, напр., у его единомышленниковъ по многимъ вопросамъ, Вассіана Патрикѣева и Максима Грека. Изложеніе содержанія посланій Артемія (касающихся вопросовъ о священномъ преданіи и священномъ писаніи, о троичности и оправданіи вѣроу, о почитаніи креста и иконъ, о постѣ, иночествѣ и другихъ видахъ христіанскаго благочестія) не представляется здѣсь необходимою¹⁾, такъ какъ главный интересъ ихъ въ этомъ отношеніи входитъ скорѣе въ область исторіи русской церкви, нежели исторіи литературы.

5.

Митрополитъ Даніиль и его посланія.

Выше (стр. 257—260. 267—269) было указано на то участіе, которое принималъ митрополитъ Даніиль въ борьбѣ съ Вассіаномъ Патрикѣевымъ и Максимомъ Грекомъ. Онъ дѣйствовалъ въ качествѣ сторонника и даже руководителя партіи „іосифлянъ“, пользуясь въ то же время сочувствіемъ и расположеніемъ великаго князя Василія Ивановича. По смерти послѣдняго (1533) и особенно послѣ смерти правительницы Елены (1538) положеніе Даніила сдѣлалось труднѣе, и въ послѣдовавшей

1) См. объ этомъ у г. Вилинскаго, стр. 155—281.

затѣмъ борьбѣ боярскихъ партій онъ принужденъ былъ поступиться и своими воззрѣніями, и своимъ авторитетомъ; приставъ къ партіи Ивана Бѣльскаго, онъ вооружилъ противъ себя Шуйскихъ, и когда послѣдніе восторжествовали, то съ арены борьбы долженъ былъ сойти и Даніиль: дѣйствительно, 2 февраля 1539 года Даніиль былъ „сведенъ“ съ митрополіи и сосланъ въ тотъ самый Волоколамскій монастырь, который раньше, по его назначенію, не разъ служилъ мѣстомъ заточенія его политическимъ противникамъ; тамъ онъ и оставался до самаго конца своей жизни 22 мая 1547 года. Будучи человѣкомъ книжнымъ, онъ оставилъ послѣ себя цѣлый рядъ литературныхъ произведеній, написанныхъ въ формѣ „словъ“ и „посланій“. Дошедшія до насъ 16 „словъ“ Даніила составляютъ въ совокупности его „Сборникъ“; они касаются главнымъ образомъ вопросовъ вѣроученія и религіозной морали. Затѣмъ, ему принадлежатъ 14 написанныхъ на подобныя же темы („о наказаніи“, „о цѣломудріи и чистотѣ“, „о духовномъ вниманіи и трезвеніи и бжеженіи“ и т. п.) „посланій“, также объединенныхъ въ особый сборникъ. Кромѣ того, Даніиломъ написаны еще четыре посланія: „о смиреніи, о съединеніи, и о согласіи и о любви“, къ старцу Діонисію Звенигородскому, къ князю Юрію Дмитровскому и къ неизвѣстному лицу. Этимъ не исчерпываются книжныя труды Даніила¹⁾, но они не могутъ занимать въ настоящемъ обзорѣніи сколько-нибудь значительнаго мѣста, имѣя лишь біографическое или узко-церковное значеніе. Даніиль былъ по преимуществу церковный моралистъ и мало давалъ мѣста въ своихъ сочиненіяхъ живой дѣйствительности: даже „іосифлянскія“ его симпатіи и идеалы нашли сравнительно весьма блѣдное отраженіе въ его литературной дѣятельности. Но,

1) Жмакинъ, В. Митрополитъ Даніиль и его сочиненія, стр. 274—281.

съ другой стороны, этот именно характер церковности, въ связи съ общей литературной манерой Даниїла и его близостью къ старой византійско-русской письменности, обезпечили сочиненіямъ Даниїла значеніе въ глазахъ многихъ книжныхъ людей XVI и даже XVII вѣка своего рода „церковной энциклопедіи“, изъ которой можно было черпать богатый матеріалъ для сужденій по разнымъ церковно-богословскимъ и нравственно-религіознымъ вопросамъ; „исконный“ характеръ этихъ сочиненій и вѣрность ихъ основнымъ преданіямъ церковной старины пріобрѣли имъ симпатіи въ средѣ раскольниковъ, такъ что еще въ началѣ XVIII вѣка авторы извѣстныхъ „Поморскихъ отвѣтовъ“ ссылались на сочиненія митрополита Даниїла, какъ на авторитетъ неоспоримаго значенія ¹⁾).

6.

Князь А. М. Курбскій. — Его жизнь. — Общія условія его литературной дѣятельности. — Посланія къ Ивану многоученому и Вассіану Муромцеву, къ разнымъ лицамъ въ Литвѣ. — Переписка съ Іоанномъ Грознымъ; ея литературный и историческій интересъ. — Переводы Курбскаго.

Въ ряду литературныхъ дѣятелей на Руси въ XVI вѣкѣ мы должны остановиться еще на двухъ лицахъ — князѣ А. М. Курбскомъ и И. С. Пересвѣтовѣ, объединяемыхъ между собою, въ отличіе отъ ранѣе разсмотрѣнныхъ писателей, своимъ недуховнымъ происхожденіемъ и интересомъ къ нѣкоторымъ политическимъ вопросамъ эпохи, но въ остальномъ совершенно противоположныхъ другъ другу, начиная съ воспитанія и общественнаго положенія и кончая основными чертами міровоззрѣнія и общественно-политическихъ идеаловъ.

Князь Андрей Михайловичъ Курбскій принадлежалъ къ родовитому русскому боярству и считалъ себя потомкомъ Владиміра Мономаха. Въ XV вѣкѣ Курбскіе являются на

1) Тамъ же, стр. 756. 759—761.

службу къ московскому государю и въ 1500 году дѣдъ нашего писателя былъ первымъ казанскимъ воеводой. Название Курбскихъ связано съ именемъ села Курбы, въ нынѣшней Ярославской губерніи и уѣздѣ, и сами Курбскіе носили титулъ князей Ярославскихъ, получивъ эту вотчину по женской линіи еще въ очень давнее время. Князь А. М. родился въ 1528 году и, по примѣру своихъ предковъ, рано успѣлъ отличиться воинскими успѣхами: на 21 году онъ сопровождалъ Іоанна IV въ походъ на Казань, а въ слѣдующемъ затѣмъ 1550 году назначенъ былъ воеводой въ Пронскъ, гдѣ ожидалось нападеніе крымскихъ татаръ. Въ 1552 году мы уже видимъ его участникомъ окончательнаго похода подъ Казань, гдѣ онъ обнаружилъ выдающуюся личную храбрость и высокія качества военачальника. Во время тревожныхъ дворцовыхъ событій въ мартѣ 1553 года, когда царь былъ тяжело болѣнъ и въ окружившей его боярской и придворной средѣ образовалось два противоположныхъ и враждебныхъ другъ другу теченія, Курбскій велъ себя, повидимому, очень осторожно и удержалъ расположеніе царя, пріобрѣтенное имъ до болѣзни: въ 1553—1554 годахъ онъ принимаетъ участіе въ умиротвореніи Казанской области, а въ 1558 году, въ качествѣ виднаго военачальника, отправляется въ Ливонскій походъ; здѣсь былъ возложенъ на него цѣлый рядъ важныхъ порученій — вплоть до главнаго начальства надъ всѣми московскими войсками въ 1560 году. Но въ маѣ 1564 года мы видимъ его бѣжавшимъ изъ Дерпта въ Вольмаръ, подъ начальство и въ распоряженіе польскаго короля Сигизмунда-Августа, въ сопровожденіи 12 „боярскихъ дѣтей“; схваченный при побѣгѣ слуга Курбскаго, Василій Шибановъ, былъ казненъ въ Москвѣ. Причиной этого столь рѣшительнаго и опаснаго шага со стороны Курбскаго нужно считать, вѣроятно, опасеніе сдѣлаться жертвой царя Іоанна, возникшее не на почвѣ служебныхъ обязанностей Курбскаго (служилъ онъ вѣрно и пользовался

въ трудной Ливонской войнѣ сравнительной удачей: „никогда же полковъ твоихъ хребтомъ къ чужимъ обратихъ“, писалъ онъ царю въ своемъ письмѣ: Сказанія кн. Курбскаго, подъ ред. Н. Устрялова, 3 изд., стр. 133), а, надо думать, въ силу усвоенныхъ имъ общихъ политическихъ воззрѣній, неблагопріятныхъ идеѣ царскаго единодержавія въ томъ видѣ, въ какомъ она нашла себѣ выраженіе въ Грозномъ въ 50-хъ и 60-хъ годахъ XVI вѣка, и его извѣстнаго царю сочувствія партіи Адашева и Сильвестра. Въ Литвѣ Курбскій былъ принятъ съ почетомъ и надѣленъ однимъ изъ самыхъ большихъ королевскихъ имѣній — Ковельскимъ. Дальнѣйшая жизнь Курбскаго протекла на чужбинѣ — въ военныхъ услугахъ польскому королю, въ спорахъ съ магнатами, въ хозяйственныхъ и семейныхъ заботахъ, а затѣмъ въ работахъ на пользу русскаго просвѣщенія и литературы и на защиту православія отъ иновѣрцевъ. Скончался А. М. Курбскій въ Ковлѣ, въ маѣ 1583 года.

Литературная дѣятельность кн. А. М. Курбскаго протекла главнымъ образомъ, если не исключительно, въ періодъ его литовской жизни, но едва ли можетъ подлежать сомнѣнію, что интересъ къ литературному труду, широкое умственное развитіе и извѣстное образованіе вынесены были имъ съ родины; надо думать, что среди тревогъ своей военной и административной дѣятельности онъ находилъ время и охоту для книжныхъ занятій, и выдающуюся роль въ этомъ отношеніи для Курбскаго, долженъ былъ сыграть Максимъ Грекъ, хотя личныя ихъ отношенія, вслѣдствіе подвижной жизни Курбскаго и главнаго его пребыванія не въ Москвѣ, а въ Ярославлѣ, не могли быть особенно продолжительны и непрерывны. О Максимѣ Курбскій не разъ упоминаетъ въ своихъ сочиненіяхъ, отдавая дань его мудрости, учености и высокимъ нравственнымъ качествамъ (напр., Сказанія, стр. 35), указываетъ на свои бесѣды съ нимъ и называетъ его своимъ „превозлюбленнымъ учителемъ“. Есть предположе-

ніе ¹⁾, что это сближеніе Курбскаго съ Максимомъ могло имѣть мѣсто при посредствѣ семейства Тучковыхъ, изъ котораго происходила мать Курбскаго и къ которому принадлежалъ В. М. Тучковъ, находившійся, какъ упомянуто выше (стр. 293), въ дружескихъ отношеніяхъ къ Максиму Греку; это весьма возможно, но личность послѣдняго въ Москвѣ была настолько извѣстной, что сближеніе могло произойти и независимо отъ какихъ-либо родственныхъ связей и отношеній. Для насъ важно тутъ главнымъ образомъ то, что Курбскій усвоилъ отъ Максима его критическое воззрѣніе на окружающее и гармонировалъ съ цѣльностью его православныхъ воззрѣній, съ гуманистическими симпатіями въ области нравственно-религіозныхъ вопросовъ въ духѣ ученія „заволжскихъ старцевъ“.

Главные литературные труды кн. Курбскаго относятся къ области гражданской и церковной исторіи Россіи: таковы „Исторія князя великаго московскаго“ и „Исторія Флорентійскаго собора“. Историко-литературный интересъ имѣютъ главнымъ образомъ посланія Курбскаго къ разнымъ лицамъ, въ томъ числѣ и входящія въ его переписку съ Иваномъ Грознымъ, а также переводные труды.

Мы имѣемъ очень мало данныхъ для хронологическаго распредѣленія сочиненій Курбскаго и для приуроченія ихъ къ опредѣленнымъ годамъ его жизни. Въ такомъ положеніи, напр., находится вопросъ о „посланіи“ Курбскаго къ нѣкому „Ивану многоученому“ ²⁾. Кто этотъ Иванъ, мы также не знаемъ и не видимъ основаній усматривать въ немъ какого-то русина, принявшаго лютеранство, о которомъ говоритъ Курбскій въ одномъ изъ своихъ писемъ къ князю Острожскому, какъ это допускаетъ издатель посланія ³⁾.

1) Ясинскій, А. Сочиненія князя Курбскаго какъ историческій матеріалъ. Кіевъ 1889, стр. 85—86.

2) Издано въ „Православномъ Собесѣдникѣ“ 1863, II, стр. 343—348. 451—462.

3) Тамъ же, стр. 156.

Содержаніемъ посланія служить разъясненіе догматическаго вопроса о происхожденіи Св. Духа, причемъ возраженія автора направлены какъ противъ лютеранства, такъ и противъ католичества. Въ другомъ родѣ посланіе Курбскаго къ старцу Псково-Печерскаго монастыря Вассіану, очень цѣнное въ автобіографическомъ отношеніи ¹⁾. Это тотъ самый Вассіанъ Муромцевъ, о которомъ Курбскій пишетъ въ своей „Исторіи“: „мужъ ученый и искусный и во священныхъ писаніяхъ послѣдователь“, убитый Іоанномъ (Сказ., стр. 108). Интереснѣе въ литературномъ смыслѣ два посланія къ нѣкому „старцу“ ²⁾, подѣ которымъ, вѣроятно ³⁾, надо разумѣть того же Вассіана Муромцева. Два послѣднія посланія писаны, повидимому, одно вскорѣ послѣ другого, и если принять во вниманіе слова автора въ концѣ второго посланія о книгахъ „Скорины Полоцкаго“, что онѣ „преведены не въ давнихъ лѣтахъ, аки лѣтъ 50 или мало къ симъ“ (переводъ Скорины изданъ въ 1517-19 годахъ), то время написанія обоихъ посланій опредѣляется около 1570 года. Въ томъ и другомъ посланіи рѣчь идетъ главнымъ образомъ о книгахъ. Въ первомъ Курбскій благодаритъ за присылку ему книги „Райской“ (т. е. подѣ заглавіемъ „Рай“), а другую посланную ему книгу осуждаетъ: это — извѣстное апокрифическое „Никодимово Евангеліе“ ⁴⁾, въ которомъ передаются вещи „отъ пророкъ умалчанна, отъ апостоль не слышано, евангелистомъ супротивно, отъ учитель вселенскихъ во свидѣтельство не приемо“ (стр. 550—551). Въ концѣ авторъ проситъ „помолитися обо мнѣ окаянномъ, понеже

1) Сказанія кн. Курбскаго, стр. 253—255.

2) Изданы въ „Православномъ Собесѣдникѣ“ 1863, II, стр. 550—571. Ср. Строевъ, П. Рукописи И. Н. Царскаго, стр. 577: № 461, л. 309 об.

3) М. П-ій. Князь А. М. Курбскій, Историко-библіографическія замѣтки по поводу послѣдняго изданія его „Сказаній“. Казань 1873, стр. 38.

4) Напечатано у Порфирьева: Апокрифическія сказанія о новоз. лицахъ и событіяхъ, стр. 164—190.

паки напасти и бѣды отъ Вавилона на насъ кипѣти многи начинаютъ“ (стр. 553). Второе посланіе гораздо обширнѣе. Въ началѣ Курбскій благодаритъ за присылку книгъ „Герасимово житіе“ и „Счетъ лѣтомъ“, но потомъ опять возвращается къ Никодимову Евангелію, очевидно вызванный на то Вассіаномъ, который въ особой „памятцѣ“, приложенной къ „писаньецу“ Курбскому, защищалъ эту книгу, ссылаясь на авторитетъ Григорія Богослова. Въ отвѣтъ своемъ Курбскій вооружается противъ тѣхъ „лжесловесниковъ“, которые цишутъ противныя Евангелію „повѣсти“ и выставляютъ на нихъ самовольно святыя имена, вродѣ Никодима, „да удобно ихъ писаніе пріимется простыми и ненаученными“, и далѣе вообще обращается къ критикѣ современнаго положенія вещей въ Россіи. Пастыри церкви, на обязанности которыхъ лежитъ знать истину и разъяснять недоумѣнія, „оставя твердыя и священныя словеса, бабскими баснями и растлѣнными словеса услаждаются“, а „апостольская и пророческая словеса и святыхъ преподобныхъ великихъ учителей точію кожами красными и златомъ со драгоценнымъ каменіемъ и бисеры украсивъ и въ казнахъ за твердыми заклепы положи и тщеславующеся ими и цѣны слагающе толики и толики сказуютъ приходящимъ“; если же и случится кому прочесть эти книги, то „мы смѣющеся межю себя, а не глаголю ругающеся, глаголемъ: Ефремовы, рече, словеса подобны горестію хрѣну обрѣтаются“ (стр. 558—559). „Державные призванны есть и на власть Бога поставленны, да судомъ праведнымъ подвластныхъ разсудятъ и въ кротости и въ милости державу управятъ, и грѣхъ ради нашихъ, вмѣсто кротости, свирѣпѣ звѣрей кровоядцевъ обрѣтаются. . . О нераздѣленіи же державы и кривинѣ суда и о несытствѣ, грабленіи чужихъ имѣній ни изрещи риторскими языки сеяднешнія бѣды возможно“ (стр. 564). О священникахъ авторъ говоритъ, что они „начало и образъ всякому законопреступленію собою полагаютъ“;

не глаголють предъ цари, не стыдятся о свидѣніи Господни, но паче потоковники бываютъ; не вдовиць и сиротъ заступаютъ, ни напастованныхъ и бѣдныхъ избавляютъ, ни плѣнниковъ отъ плѣненія искупаютъ, но села себѣ устрояютъ, и великія храмы поставляютъ, и богатствы многими кипятъ и корыстями, яко благочестіемъ, украшаются“ (стр. 564). А иноки? „(Дьяволъ увѣщаетъ ихъ) забывъ обѣты своя многими богатствы подавлятися и безмѣрныхъ имѣній и многихъ сель властелемъ быти, и отъ тѣхъ себѣ великіе богатства собирать и въ твердыхъ хранилищахъ ихъ затворяти. . . . Многіе же мятежи и крови, отъ тѣхъ имѣній бываемая, и межюособныя брани и клятвамъ преступленіе хто можетъ изглаголати? Росты же и мшелоимства іудейскіе и прѣзреніе убогихъ братьей, гладомъ и мразомъ и нуждами всяческими мучащихся, кто можетъ сказать? И иная же злая и неисповѣдимая дѣла, ихже и писанію предати невозможно: совѣсть ихъ да вѣдаетъ“ (стр. 566). Мрачными красками охарактеризовано далѣе положеніе „воинскаго“ и „купецкаго чина“: „бѣдно видѣніе и умилень позоръ!“ восклицаетъ авторъ (стр. 567). А между тѣмъ ему дорога русская земля и простой народъ, вѣрный своей православной вѣрѣ: „вся земля наша русская отъ края и до края, яко пшеница чистая, вѣрою Божіей обрѣтается; храмы Божіи на лицѣ ея подобни частостію звѣздъ небесныхъ водруженны; множество монастырей создани, имже числа не вѣмъ хто вѣсть. . . .“ (стр. 562—563). Такова эта замѣчательная филиппика публициста XVI вѣка, выраженная въ частномъ „посланіи“.

Въ особую группу могутъ быть выдѣлены письма Курбскаго къ разнымъ лицамъ въ Литвѣ: князю К. К. Острожскому, Марку Сарыгозину, Козьмѣ Мамоньчу, Фодору Бокею, княгинѣ Чарторижской и др. ¹⁾ Главнымъ содержа-

1) Сказанія князя Курбскаго, стр. 221—252. 255—258.

ніемъ этихъ писемъ являются вопросы вѣры, просвѣщенія и книжности; многія изъ нихъ составляютъ отвѣты на полученныя Курбскимъ письма и запросы. Въ этихъ письмахъ Курбскій является прежде всего вѣрующимъ православнымъ человѣкомъ не только крѣпко стоящимъ на почвѣ греко-восточной церковной догматики, но и готовымъ вступить въ споръ по каждому такому вопросу съ иновѣрцемъ; конечно, главнымъ образомъ онъ имѣетъ въ виду католиковъ и лютеранъ, обличая ихъ неправомысліе и хитрую пропаганду; затѣмъ, очень много говорится въ письмахъ о книгахъ, получаемыхъ Курбскимъ или рассылаемыхъ имъ своимъ корреспондентамъ — опять съ той же цѣлю религіознаго просвѣщенія въ духѣ православной церкви; не мало отведено мѣста въ письмахъ указаніямъ на необходимость переводовъ выдающихся сочиненій греческихъ церковныхъ учителей, чтобы дать православнымъ въ руки вѣрное и неотразимое орудіе въ борьбѣ съ иновѣрцами и еретиками; къ одному изъ писемъ прилагается даже отрывокъ, въ видѣ цитаты (изъ Діонисія Ареопагита), для доказательства выраженной въ письмѣ мысли. Въ нѣкоторыхъ письмахъ, наконецъ, Курбскій сообщаетъ цѣнныя въ біографическомъ отношеніи данныя о себѣ и о своей дѣятельности на пользу книжнаго просвѣщенія. Отдѣльно должны быть поставлены письма Курбскаго къ Ивану Грозному, входящія въ составъ этой знаменитой и въ своей родѣ единственной по содержанію и по положенію корреспондентовъ переписки. У Устрялова ¹⁾ отмѣчено изъ шести писемъ, составляющихъ переписку, четыре отдѣльных письма, принадлежащихъ Курбскому: первое, открывающее переписку, 1563 года изъ Вольмара (на которое послѣдовала обширная отвѣдь царя Ивана отъ 1564 года); затѣмъ — второе письмо Курбскаго, писанное, вѣроятно, вскорѣ послѣ

1) Сказанія князя Курбскаго, стр. 131—217.

полученія отвѣта Грознаго, что видно изъ позднѣйшихъ словъ самого Курбскаго („азъ давно уже на широковѣщательный листъ твой отписахъ ти, да не возмогохъ послати непохвальнаго ради обыкновенія земель тѣхъ, иже затворилъ еси царство русское“: Сказанія, стр. 204). Это — первая половина переписки, которая возобновляется, уже по почину царя, въ 1578 году изъ Вольмара; въ отвѣтъ на царскую „грамоту“ Курбскій пишетъ третье свое письмо царю, въ сентябрѣ 1579 года изъ Полоцка, за которымъ слѣдуетъ т. наз. четвертое письмо Курбскаго, помѣченное тѣмъ же годомъ и мѣсяцемъ, но въ сущности составляющее продолженіе предшествующаго, своего рода *post-scriptum*, какъ уже на это не разъ было указано¹⁾. Такимъ образомъ, мы имѣемъ въ этой перепискѣ со стороны Курбскаго три письма и со стороны Грознаго два.

Въ своихъ письмахъ къ царю Курбскій является обвинителемъ Грознаго, сосредоточивая эти обвинения главнымъ образомъ на отношеніяхъ царя къ служилому боярству: доблестныхъ и вѣрныхъ слугъ, въ родѣ Курбскаго, онъ преслѣдуетъ жестокими средствами до смертной казни включительно, а своекорыстнымъ наушникамъ и случайнымъ любимцамъ потакаетъ; отъ этого царство терпитъ внутри и извнѣ: съ одной стороны — бѣдствія народа, пожары и голодъ, а съ другой — позорныя военныя неудачи. Рядомъ съ этимъ, много мѣста удѣляетъ Курбскій объясненіямъ и по своему личному дѣлу: онъ съ негодованіемъ отклоняетъ обвиненіе въ измѣнѣ, въ придворныхъ интригахъ и, напротивъ, выставляетъ свои заслуги передъ царемъ и отечествомъ, которыя не только не были оцѣнены, но поставили его въ необходимость покинуть Россію. Во второй половинѣ своего послѣдняго письма Курбскій, оставляя въ

1) Строевъ, П. Рукописи И. Н. Царскаго, стр. 191: № 224, л. 140; М. П-скій, назв. соч., прим. на стр. 11.

сторонѣ самого себя, становится на болѣе общую точку зрѣнія; властнымъ тономъ независимаго обличителя говорить онъ о бѣдствіяхъ Россіи и рисуеъ печальную картину разложенія, безнравственности и варварства, объясняя это смѣной прежняго благотворнаго вліянія Сильвестра на царя теперешнимъ угодничествомъ царю разныхъ шутовъ, тунеядцевъ и развратниковъ. Письма царя являются своего рода исповѣдью и объясненіемъ, но съ другой стороны — и суровымъ, беспощаднымъ обвиненіемъ Курбскаго въ измѣнѣ. Царь входитъ въ большія подробности, говоря о своей несчастной юности, о боярскихъ интригахъ, подробно рассказываетъ исторію своихъ отношеній къ Сильвестру и Адашеву; онъ негодуеъ на воеводъ, и въ томъ числѣ на Курбскаго, за ихъ лѣность, нерадѣніе и желаніе постоянно играть видную роль въ ущербъ царской законной власти и праву. Царь съ гордостью указываетъ Курбскому, во второмъ письмѣ, на свои побѣды, усматривая въ нихъ божію помощь своему правому дѣлу. Оба корреспондента стоятъ на совершенно противоположныхъ точкахъ зрѣнія какъ принципиально, такъ и по личнымъ отношеніямъ; письма съ той и другой стороны имѣютъ характеръ открытой, рѣзкой, по мѣстамъ желчной полемики, съ преобладаніемъ у царя горячаго, страстнаго темперамента, надъ которымъ смѣется Курбскій, выставляя свое образованіе и сдержанность. Отправляясь отъ личнаго дѣла, оба автора переходятъ къ общимъ положеніямъ, выставляя каждый свой идеалъ поведенія и гражданскихъ обязанностей. Съ внѣшней стороны, письма царя гораздо обширнѣе: его два письма превосходятъ своимъ объемомъ болѣе чѣмъ вдвое три письма Курбскаго. Это является результатомъ не только того, что царь считалъ нужнымъ высказать больше, чѣмъ Курбскій, но отчасти и своеобразныхъ литературныхъ приѣмовъ перваго, обширныхъ цитатъ и вообще хаотичности изложенія, на что насмѣшливо указываетъ Курбскій, считая этотъ слогъ

„варварскимъ“ и напоминая, что не хорошо такъ писать „въ чужую землю, идѣже нѣкоторые челоувѣцы обрѣтаются не токмо въ граматическихъ и риторскихъ, но и въ діалектическихъ и философскихъ ученіяхъ искусные“ (Сказ., стр. 191). Историческое значеніе переписки Курбскаго и Грознаго очень велико, но здѣсь нѣтъ необходимости входить въ оцѣнку этого значенія, равно какъ нѣтъ нужды въ разрѣшеніи вопроса и о томъ, кто изъ этихъ двухъ антагонистовъ заслуживаетъ большаго сочувствія, на чьей сторонѣ правда. По этому послѣднему вопросу существуютъ очень давнія разногласія: Карамзинъ, напр., всецѣло сталъ на сторону Курбскаго, а Арцыбашевъ оправдывалъ Ивана IV. Въ позднѣйшее время этотъ вопросъ породилъ цѣлыя спеціальныя сочиненія, написанныя противъ Курбскаго или въ его защиту: таковъ, съ одной стороны, трудъ С. Горскаго (Жизнь и историческое значеніе князя А. М. Курбскаго. Казань 1858), а съ другой — З. Оппокова (Князь А. М. Курбскій. Кіевск. Унив. Извѣстія 1872, № 6—8). Такой интересъ къ этой сторонѣ вопроса уже самъ по себѣ является вѣскимъ доказательствомъ ея выдающейся важности, независимо отъ того, имѣла ли эта переписка при самомъ своемъ происхожденіи характеръ государственности или носила лишь исключительно личный характеръ¹⁾. Здѣсь должно отмѣтить лишь, что въ данной перепискѣ рядомъ съ Курбскимъ выдѣляется и другая недюжинная литературная индивидуальность, въ лицѣ царя Ивана IV, которому принадлежитъ также рядъ другихъ писаній, тщательно обслѣдованныхъ покойнымъ И. Н. Ждановымъ²⁾.

Очень много трудовъ положилъ Курбскій на переводы, но результаты этой дѣятельности имѣли отрывочный характеръ и потому не получили въ свое время того значенія, на

1) Ср. объ этомъ у М. Пскаго, назв. соч., стр. 6—24.

2) Сочиненія царя Ивана Васильевича: Сочиненія И. Н. Жданова. Т. I. Спб. 1904, стр. 81—170.

которое рассчитывалъ переводчикъ. Къ переводческой дѣятельности Курбскій подготовленъ былъ очень мало: онъ совсѣмъ не зналъ по-гречески и за латинскій языкъ взялся уже очень поздно. Переводческая дѣятельность Курбскаго исключительно относится къ литовскому періоду его жизни, но интересъ къ этому дѣлу возникъ у него раньше и, надо думать, главнѣйшимъ образомъ подъ вліяніемъ Максима Грека. Самъ Курбскій, въ предисловіи къ „Новому Маргариту“, вспоминаетъ одну свою бесѣду съ Максимомъ. Курбскій спрашивалъ его, переведены ли книги великихъ восточныхъ отцовъ греческой церкви на славянскій языкъ — если не у русскихъ, то по крайней мѣрѣ у другихъ славянскихъ народовъ; Максимъ отвѣтилъ, что не переведены, но что когда Константинополь былъ взятъ Турками, то царь отпустилъ царицу на корабляхъ съ казной и съ книгами въ Венецію, гдѣ итальянцы съ жадностью набросились на книжныя сокровища и стали переводить ихъ на латинскій языкъ. Тяжело было Курбскому услышать такой рассказъ и примириться съ мыслию, что „нашихъ (т. е. греческихъ) учителей чуждые наслаждаются, а мы гладомъ духовнымъ таемъ на свои зряще“. И вотъ онъ рѣшается, уже живя въ Литвѣ и будучи въ лѣтахъ, засѣсть за изученіе латинскаго языка, чтобы приняться за переводы этихъ книгъ съ латинскаго на славянскій. Когда онъ приобрѣлъ достаточную подготовку, то пригласилъ къ себѣ въ руководители и товарищи нѣкоего „юношу именемъ Амброжія, отъ родителей христіанскихъ рожденна, зѣло въ писаніяхъ искусна суща и верхъ философіи внѣшнія достигша“¹⁾. Другую подобную же бесѣду „о книжныхъ дѣлахъ“ велъ Курбскій съ старцемъ Артеміемъ, о чемъ сообщаетъ въ письмѣ къ ученику этого послѣдняго Марку Сарыгозину; здѣсь онъ также

1) И в а н и ш е в ъ, Н. Жизнь князя Курбскаго въ Литвѣ и на Волыни. Т. II. Кіевъ 1849, стр. 310—311.

разсказываетъ о своемъ рѣшеніи „уже въ сѣдинахъ“ учиться латинскому языку и о томъ, что, кромѣ Амброжія, былъ у него и одинъ русскій сотрудникъ — князь Михайлъ Оболенскій, котораго онъ „умолил“, чтобы тотъ, „въ младомъ еще будучи вѣцѣ, навѣкъ вышнихъ наукъ въ языцѣ римскомъ“, и тотъ дѣйствительно, „оставя домъ, жену и дѣтки“, поѣхалъ въ Краковъ и въ Италію и вернулся „въ праотеческомъ благочестіи цѣль; яко корабль преполонъ дражайшихъ корыстей“ (Сказ., стр. 224—225).

Хронологія переводныхъ трудовъ Курбскаго не установлена; кромѣ того, многое изъ переводческой дѣятельности его до сихъ поръ еще находится въ рукописяхъ и мало изучено. Поэтому, касательно данной стороны литературныхъ трудовъ нашего автора приходится ограничиться лишь отрывочными замѣчаніями.

На первомъ мѣстѣ должны быть поставлены работы Курбскаго надъ сочиненіями Іоанна Златоуста. Было уже указано на составленіе имъ сборника изъ сочиненій этого учителя церкви, подъ именемъ „Новаго Маргарита“, названнаго такъ въ отличіе отъ существовавшаго въ старой русской письменности однороднаго сборника подъ названіемъ „Маргаритъ“ (напр., рук. Рум. Музея, пис. въ 1530 году, № 195). Содержаніе составленнаго Курбскимъ сборника весьма разнообразно: тутъ имѣются толкованія Іоанна Златоуста на Евангелія отъ Матѳея и Іоанна, толкованія его на апостольскія посланія, епистоли Іоанна къ разнымъ лицамъ, бесѣды на церковные праздники и по разнымъ общимъ вопросамъ и т. п. Въ выборѣ матеріала для перевода изъ обширнаго круга литературныхъ произведеній великаго учителя церкви Курбскому помогалъ упомянутый „юноша Амброжій“, но самый переводъ, повидимому, сдѣланъ былъ Курбскимъ самимъ. Занятіе этимъ было трудно Курбскому и по существу дѣла, и по его новизнѣ для переводчика; особенно стѣсняли его, по его собственному признанію, раз-

ныя грамматическія затрудненія. Главной заботой переводчика было „не растлѣть разума“, т. е. не извратить смысла подлинника; въ несовершенствѣ же своего переводнаго стиля онъ охотно признается, прося болѣе искусныхъ исправить его. Въ особой, присоединенной къ упомянутому „предисловію“, главѣ „о знакахъ книжныхъ“ переводчикъ подробно объясняетъ употребленные имъ въ своей книгѣ знаки препинанія (И в а н и ш е в ъ, назв. соч., II, стр. 314—315). Языкъ перевода западно-русскій, въ общемъ тотъ самый, какимъ написаны и посланія Курбскаго къ разнымъ лицамъ. Курбскій, желая прійти на помощь читателямъ своего сборника, снабдилъ отдѣльныя мѣста своего перевода интересными примѣчаніями филологическаго и реальнаго характера¹⁾. Въ предисловіи къ „Новому Маргариту“, изобилующемъ любопытными указаніями историческаго и автобіографическаго характера (И в а н и ш е в ъ, назв. соч., II, стр. 306), есть, кромѣ того, и сообщеніе его о томъ, что Курбскій имѣлъ въ виду перевести цѣликомъ толкованія Златоуста на Павловы посланія и искалъ для содѣйствія этому дѣлу опытныхъ людей, но не могъ найти: „мниси отрекошася, уничижающесе непохвальне, не глаголю лицемѣрне або лѣностне, отъ того достохвальнаго дѣла; мірскіе не восхотѣша, объяты будучи суетными міра сего и подавляюще сѣмя благовѣрія терніемъ и осотомъ“ (И в а н и ш е в ъ, назв. соч., II, стр. 311). Объ этомъ же намѣреніи относительно Златоустовыхъ толкованій на посланія ап. Павла говоритъ Курбскій и въ одномъ посланіи къ Марку Сарыгозину (Сказанія, стр. 225), и результатомъ его явился переводъ 9-ой бесѣды Іоанна Златоуста, какъ это видно изъ посланія Курбскаго къ Семену Сѣдларю въ 1580 году (Сказанія, стр. 251. 365). Кромѣ того, въ письмѣ къ

1) Примѣры см. у А. С. Архангельскаго: Къ изученію древнерусской письменности. Спб. 1888, стр. 73—75. 77—80.

князю К. К. Острожскому Курбскій сообщает о посылкѣ ему своего перевода „Бесѣды о вѣрѣ и любви и о надеждѣ, еже толковалъ Хризостомъ апостоломъ Павломъ глаголемыя словеса“ (Сказанія, стр. 222). „Новый Маргаритъ“ Курбскаго до сихъ поръ не напечатанъ¹⁾. Наконецъ, б. м., слѣдомъ интереса Курбскаго къ Іоанну Златоусту является и сдѣланный имъ переводъ части Бесѣды этого учителя церкви на Евангеліе отъ Іоанна (именно бесѣды съ половины 22 до половины 23, затѣмъ 44—47), хотя достовѣрность совершенія этого труда Курбскимъ еще оспаривается: во всякомъ случаѣ, въ дальнѣйшемъ онъ подвергся важнымъ редакціоннымъ измѣненіямъ; остальная часть была переведена Максимомъ Грекомъ, и, какъ уже упомянуто (прим. на стр. 270), переводъ этотъ былъ напечатанъ въ 1665 году²⁾. Есть мнѣніе, приписывающее Курбскому же переводъ одного „Слова на Пятидесятницу о св. Духѣ“, принадлежащаго Іоанну Златоусту³⁾.

Немало вниманія удѣлено было Курбскимъ сочиненіямъ Іоанна Дамаскина. Въ рукописи Рум. Музея XVII в. № 193 находятся творенія этого отца церкви, догматическаго и иного содержанія. Весьма вѣроятно, что переводъ этотъ сдѣланъ Курбскимъ: хотя онъ и не носитъ имени переводчика, но на него указываетъ характерный для Курбскаго языкъ перевода и объяснительныя примѣчанія. Напр., послѣ Іоанна Дамаскина о ересяхъ переводчикъ прибавляетъ: „У насъ ани ни десятыя части книгъ учителей нашихъ старыхъ

1) Рукописные его списки: одинъ въ Вольфенбюттельской библиотекѣ (въ герц. Брауншвейгскомъ), другой въ Рум. Музеѣ, изъ собранія В. М. Ундольскаго № 187. Описаніе послѣдней рукописи и извлеченія изъ нея см. у А. С. Архангельскаго: Очерки изъ исторіи западно-русской литературы XVI—XVII вв. Чт. въ Общ. Ист. и Др. 1888. I, прилож. стр. 1—87.

2) Ср. рукопись Рум. Музея № 196 XVI вѣка: Описаніе, стр. 251; М. П-скій, назв. соч., стр. 32—33.

3) Горскій и Невоструевъ. Опис. рук. Синод. б-ки, II, 2, стр. 569.

не переведено лѣности ради и нерадѣнія властелей нашихъ, бо нынѣшняго вѣку мящіеся учителя грѣхъ ради нашихъ больше въ болгарскіе басни або паче въ бабскіе бредни упражняются, прочитають и похваляютъ ихъ, нежели въ великихъ учителей разумѣхъ наслаждаются“. Затѣмъ, въ другомъ примѣчаніи, по поводу названія книгъ св. Писанія „апостольскими“, переводчикъ говоритъ, что нѣкоторые не вѣрятъ этой подлинности, подозрѣвая подлогъ: „Сію бо ересь на Москвѣ слышахъ отъ нѣкоторыхъ кирилловскихъ мниховъ, понеже между нѣкоторыхъ мнихъ таковая секта крыется, яко и межи іосифлянскихъ мниховъ небытная ересь. Того бо ради люты, безчеловѣчны и лукавы зѣло и властей и имѣній желатели, иже не надѣются за всѣ прегрѣшенія отвѣта дати на судѣ. Въ томъ то ихъ монастыри преподобномученикъ Вассіанъ вѣнецъ мученія пріялъ, иже былъ отъ поколѣнія великихъ княжатъ литовскихъ, и Максимъ философъ заключеніе темничное и оковы много лѣтъ претерпѣлъ отъ нихъ, и иные мнози святые и преподобные мужи отъ нихъ различне пострадали, бо готови суть со тщаніемъ по зависти правовѣрныхъ оклеветати“¹⁾. Въ другой рукописи Рум. Музея XVII в. № 376 находится любопытное предисловіе Курбскаго къ переводу книги Іоанна Дамаскина „Небеса“. Тутъ, между прочимъ, авторъ повторяетъ свою старую мысль о недостаткѣ въ его время русскихъ переводовъ святоотеческихъ твореній, и далѣе прибавляетъ совершенно въ духѣ старца Артемія: „Бога ради не потакаемъ безумнымъ, паче же лукавымъ, мящимся быти учителями, паче же прелестникомъ, яко самъ азъ отъ нихъ слышахъ, еще будучи въ оной русской земли подъ державой московскаго царя; глаголють бо они, прельщаючи

1) Описаніе Рум. Музея, стр. 242—243. Ср. А. Поповъ. Описаніе рукописей библиотеки А. И. Хлудова, стр. 99—119; Архангельскій, А. Очерки изъ исторіи западно-русской литературы XVI—XVII вв., прилож. стр. 88—154.

юнонѣ тщаливыхъ къ науцѣ, хотящихъ навыкати писанія, понеже во оной земли еще многіе обрѣтаются пекущесе о своемъ спасеніи и съ прещеніемъ заповѣдывають имъ глаголюще: „не читайте книгъ многихъ“ и указують на тѣхъ, кто ума изступилъ: „и онъ сица во книгахъ зашолся и онъ сица во ересь впалъ“. О бѣда! Отъ чего бѣси бѣгають и исчезаютъ и чимъ еретици обличаются, а нѣкоторые исправляются, сіе они оружіе отъемлють и сіе врачество смертоноснымъ ядомъ нарицають“¹⁾. Есть нѣкоторыя указанія на то, что работы Курбскаго надъ Іоанномъ Дамаскинымъ совершены были между 1575 и 1579 годами²⁾.

Имѣются также указанія и на другія переводныя работы Курбскаго: изъ Григорія Богослова и Василия Великаго (въ письмѣ къ Марку Сарыгозину: Сказанія, стр. 225), Діонисія Ареопагита (письма къ кн. К. К. Острожскому и Козьмѣ Мамонычу: Сказанія, стр. 223. 229.); кромѣ того, есть предположенія о переводѣ имъ съ „еллино-римскаго“ языка повѣсти о Варлаамѣ и Іоасафѣ³⁾, „Діалога“ патріарха Константинопольскаго Геннадія⁴⁾, повѣсти Энея Сильвія о взятіи Царьграда⁵⁾ и сочиненія Іоганна Спангенберга „Trivii erotemata“⁶⁾.

1) Описаніе Рум. Музея, стр. 557. Ср. М. П-скій, назв. соч., стр. 33—35.

2) Архангельскій. А. Очерки, стр. 109—124. Есть еще предположеніе о принадлежности Курбскому изъ І. Дамаскина перевода „Прѣнія христіанина съ Сарациномъ“: Горскій и Невоструевъ, Опис. рук. Синод. б-ки, II, 2, стр. 567.

3) Рукописи В. М. Ундольскаго, стр. 166.

4) Горскій и Невоструевъ, II, 2, стр. 567.

5) Соболевскій, А. И. Эней Сильвій и Курбскій, стр. 13—15.

6) Харламповичъ, К. Новая бібліографическая находка. „Переводная статья князя А. М. Курбскаго „Отъ другіе діалектики Іоана Спанинъберга о силогизме вытолковано“. Кіевъ 1900.

7.

И. С. Пересвѣтовъ. — Вопросъ о его личности; факты его жизни, придворное и общественное положеніе. — Сочиненія Пересвѣтова; его политическіе идеалы. — Историческое значеніе П. и его связь съ современными ему теченіями русской мысли.

О жизни Ивана Семеновича Пересвѣтова, замѣчательнаго русскаго публициста времени Ивана Грознаго, мы знаемъ очень мало, и даже самый фактъ дѣйствительнаго существованія этого лица долгое время подвергался сомнѣнію; имя его считалось вымышленнымъ псевдонимомъ, а политическія сочиненія его написанными какъ бы *post factum* и т. о. лишенными реальнаго, историческаго значенія. Такъ думали, напр., Карамзинъ, первый обратившій вниманіе на Пересвѣтова, Соловьевъ, отчасти А. Н. Пыпинъ. Однако въ настоящее время едва ли можетъ подлежать сомнѣнію, что „Ивашко Пересвѣтовъ“, какъ онъ называетъ себя въ обѣихъ челобитныхъ къ царю Ивану IV, дѣйствительно существовалъ и написалъ рядъ публицистическихъ трудовъ, не оставшихся безъ вліянія на ходъ внѣшней и внутренней политики Ивана Грознаго. Для опредѣленія происхожденія Пересвѣтова, мѣста и времени его рожденія нѣтъ данныхъ, хотя отрывочныя упоминанія о родѣ Пересвѣтовыхъ имѣются отъ XVII и даже отъ XVI вѣка¹⁾. Въ Россію явился онъ въ качествѣ выходца изъ Литвы, а до того служилъ у трехъ королей — венгерскаго, чешскаго и польскаго, былъ нѣкоторое время и въ Молдавіи; въ Москву прибылъ Пересвѣтовъ около 1538 года и порученъ былъ боярину Мих. Юрьев. Захарьину, который однако вскорѣ умеръ; Пересвѣтовъ предложилъ московскому правительству дѣлать щиты для войска, и такъ какъ представленная имъ модель понравилась, то онъ получилъ заказъ и былъ награжденъ помѣстьемъ.

1) Р ж и г а, В. Ф. И. С. Пересвѣтовъ, публицистъ XVI вѣка. Съ приложеніемъ сборника его сочиненій. М. 1903, стр. 23—24.

скій съѣздъ считалъ созывъ королеми настоящихъ сеймиковъ дѣломъ незаконнымъ и признавалъ собраніе на нихъ шляхты не ея обязанностью, а дѣломъ ея доброй воли, ради неотложныхъ нуждъ государства.

Надо думать, что пониманіе повѣтоваго сеймика II-мъ статутомъ, выдвинутое Волковскимъ съѣздомъ 1577 года, было принято и Стефаномъ Баторіемъ и государственною канцеляріею Великаго Княжества Литовскаго: въ листахъ того же короля, посланныхъ изъ Львова 18 іюля 1578 года въ повѣты Княжества и созывающихъ собранія повѣтовой шляхты передъ Виленскимъ съѣздомъ этого года¹⁾, слова „сеймики“ уже не встрѣчаемъ. Эти листы отъ имени Стефана Баторія говорятъ: „про то рассказали есмо писати до пановъ-радъ нашихъ Великаго Князства Литовскаго, абы на день певный до Вильни зъехалисе ку вынайденю обычаю, чимъ се таковая небеспечность на тотъ часъ ратовати можетъ, поки податковыя пенези на служебныя собраны и жолънеры приняты будутъ, якожь и васъ, всихъ становъ, жадаемъ, абы по дъве особы з воеводствъ и поветовъ до Вильни ку паномъ-радамъ ихъ милости на тотъ день зъехалися и тамъ зъ ихъ милостью около того намовяли и обычай того вынашли“²⁾. Сеймикъ, такимъ образомъ, не названъ; не говорится и о господарскихъ посольствахъ въ повѣты, но выборъ пословъ въ повѣтахъ совершиться долженъ, а, стало быть, повѣтовая шляхта должна была въ дѣйствительности собраться въ такія же собранія, какими были и предсеймовые сеймики.

Созывъ повѣтовыхъ сеймиковъ 1577 года и этихъ собраній шляхты повѣтовъ въ 1578 году не могъ не способствовать расширенію понятія повѣтоваго сеймика въ сознаниі народа-шляхты Великаго Княжества Литовскаго. Въ 1580, 1582 и 1584 годахъ вновь собрались Литовско-Русскіе съѣзды: въ 1580 и 1584 годахъ въ Вильнѣ, въ 1582 году въ Волковийскѣ. На этихъ съѣздахъ опять вмѣстѣ съ панамі-радою Княжества находились и представители шляхты его повѣтовъ³⁾. Между

1) См. И. И. Лаппо, *op. cit.*, стр. 176 и сл.

2) Приложенія. Стр. 120.

3) Объ этихъ съѣздахъ см. И. И. Лаппо, *op. cit.*, стр. 174 и сл. См. также ниже, Приложенія, стр. 123—139 и А. Вил. VII, стр. 179—182.

тѣмъ въ то же время совершалась работа депутатовъ и отчасти повѣтовой шляхты надъ составленіемъ III-го Литовскаго статута. Опытъ по созыву шляхетскихъ повѣтовыхъ собраній, не укладывавшійся въ пониманіе сеймика статутомъ 1566 года, долженъ былъ оказывать свое вліяніе на выработку болѣе широкаго пониманія этого собранія шляхты повѣтовъ. Кромѣ созыва не предсеймовыхъ собраній повѣтовой шляхты, отмѣченнаго сейчасъ, нельзя упускать изъ виду военные сѣзды повѣтовыхъ обывателей Великаго Княжества Литовскаго во время Московской войны, а также и сѣзды эпохи перваго и втораго безкоролевій. При учрежденіи въ 1581 году трибунала Княжества сеймиками уже официально были названы собранія повѣтовой шляхты для выбора членовъ этого судилища отъ повѣтовъ¹⁾. Работа надъ текстомъ III-го статута, не имѣвшая прямого отношенія къ вопросамъ сеймовъ, общихъ для Короны и Княжества, должна была еще болѣе утверждать широкое пониманіе сеймика какъ собранія повѣтовой шляхты. Наконецъ третье безкоролевье окончательно повліяло на выработку этого широкаго понятія сеймика.

Статутъ 1588 года называетъ три вида сеймика Великаго Княжества Литовскаго: предсеймовый²⁾, посеимовый³⁾ и сеймикъ-сѣздъ „головный“ передъ вальнымъ сеймомъ⁴⁾. Послѣдній видъ сеймика не былъ уже собраніемъ повѣтовой шляхты. Онъ былъ сѣздомъ радныхъ пановъ и повѣтовыхъ пословъ Литовско-Русскихъ для выработки общихъ дѣйствій на предстоящемъ сеймѣ. Представители Литовско-Русскаго „панства“, прежде чѣмъ явиться на Польско-Литовскій сеймъ, на этомъ сѣздѣ сводили инструкціи, данныя различными повѣтами Княжества своимъ сеймовымъ

1) Способъ правъ трибунальскихъ. Стр. 4—5 (Временникъ Имп. Моск. Общ. Ист. и Др. Р. XXV). Названіе сеймика собранію шляхты повѣта для выбора трибуналистовъ было дано, конечно, не безъ вліянія устава Короннаго трибунала, утвержденного въ 1578 году и называющаго такія собранія сеймиками (Volumina Legum II, Petersburg 1859, str. 182 sqq. Русскій переводъ конституціи Варшавскаго сейма 1578 года см. въ XXIII-й книгѣ Временника Имп. Моск. Общ. Ист. и Др. Р. — стр. 212—216).

2) III ст., III, 6.

3) III ст., III, 9.

4) III ст., III, 8.

посламъ, и совершали „межы себе намовы спольные въ милости братерской“, чтобы тѣмъ успѣшнѣе выступить на этомъ сеймѣ представителями и защитниками интересовъ своей Литовско-Русской „речи посполитой“¹⁾. Такимъ образомъ, какъ повѣтовые сеймики III статутъ знаетъ лишь сеймики предсеймовый и посеимовый. Собрание повѣтовой шляхты для выбора членовъ земскаго суда и этимъ кодексомъ еще называется „зъездомъ“²⁾, а не сеймикомъ, какъ его называетъ и статутъ 1566 года. Не говоритъ о сеймикѣ III статутъ, излагая способъ назначенія повѣтовыхъ хоружихъ³⁾ и подкоморіевъ⁴⁾, которые такъ же, какъ и члены земскаго суда, должны назначаться господаремъ послѣ избранія повѣтовою шляхтою ея кандидатовъ. Тенденція пониманія сеймика статутомъ 1588 года ясна: статутъ хочетъ понимать его какъ собраніе шляхты, связанное непосредственно съ вальнымъ сеймомъ. Эта тенденція заставляетъ статутъ даже отказаться отъ пониманія сеймика какъ собранія повѣтовой шляхты, которое несомнѣнно имѣлось въ виду при учрежденіи его въ 1565 году, и статутъ 1588 года называетъ сеймикомъ даже главный Литовско-Русскій съѣздъ, который, какъ мы сейчасъ видѣли, вовсе не былъ повѣтовымъ собраніемъ. Съ другой стороны, III статутъ упускаетъ изъ виду, что повѣтовый сеймикъ, не связанный непосредственно съ вальнымъ сеймомъ, уже былъ признанъ закономъ Великаго Княжества Литовскаго. О сеймикѣ для выбора членовъ трибунала говоритъ „Способъ правъ трибунальскихъ“, напечатанный Виленскою типографіей Мамоничей въ 1586 году и затѣмъ составившій даже одну книгу съ III-мъ статутомъ, напечатаннымъ въ той же типографіи⁵⁾. Такимъ образомъ, самъ законъ расширилъ понятіе сеймика, отказавшись отъ обязательной его связи съ вальнымъ сеймомъ, хотя статутъ 1588 года еще и продолжаетъ какъ бы не замѣчать этого. Что же касается до

1) О значеніи выраженія „речь посполитая“ см. выше, стр. 77, прим. 2.

2) III ст., IV, 1.

3) III ст., II, 5.

4) III ст., IX, 1.

5) Объ изданіяхъ III-го статута см. С. Л. Пташицкій, Къ вопросу объ изданіяхъ и комментаріяхъ Литовскаго статута (СПБ. 1893).

пониманія сеймика, вырабатывавшагося жизнью, то оно стало мало по малу отождествлять сеймикъ со всякимъ собраніемъ шляхты цѣлаго повѣта, на которое она обязана являться, по крайней мѣрѣ въ идеѣ, вся, согласно закону, по оповѣщеніямъ верховной власти или облеченной правомъ ея созыва власти мѣстной, или же и безъ этого оповѣщенія въ случаяхъ, установленныхъ закономъ же. Сеймикомъ сталъ называться и сѣздъ повѣтовой шляхты для выбора членовъ земскаго суда, подкоморіевъ и хоружихъ, и ея собраніе въ военномъ рушеньѣ повѣта¹⁾. Когда былъ учрежденъ въ XVII столѣтіи скарбовый трибуналъ, появился и сеймикъ для выбора членовъ этого трибунала отъ повѣтовъ²⁾.

Итакъ, жизнь расширила понятіе сеймика по сравненію съ тѣми рамками, которыми имѣлось въ виду его ограничить при его учрежденіи. Но мы не рѣшились бы всякое собраніе повѣтовой шляхты признать имѣющимъ право на имя сеймика. Для того, чтобы собраніе шляхты повѣта могло считаться сеймикомъ, необходима была наличность двухъ условій его созыва: 1) сеймикъ долженъ быть созванъ властью, компетентною въ его созывѣ, или собраться по закону, въ назначенный закономъ регулярный срокъ собранія и 2) на сеймикъ долженъ быть приглашаемъ весь шляхетскій повѣтъ, въ полномъ его составѣ, что дѣлалось или черезъ посредство листовъ и универсаловъ компетентной власти, или разъ навсегда закономъ, установившимъ опредѣленные сроки для собранія нѣкоторыхъ видовъ сеймика.

1) „seymik terażniejszy popisowy“ (1649 г.) А. Вил. I, стр. 187. Ср. ibidem, стр. 184 („którzýmy się . . . na popis do Grodna ziachali“), или А. Вил. IV, № 258 (1670 г.).

2) Нпр., Ист.-Юрид. Матеріалы, XXI, стр. 174.

Глава V.

Документы, составлявшіеся въ канцеляріи Великаго Княжества Литовскаго при созывѣ пред- сеймовыхъ сеймиковъ.

Дѣятельность центральныхъ и повѣтовыхъ органовъ Великаго Княжества Литовскаго при созывѣ предсеймовыхъ сеймиковъ. Документы, сохранившіеся въ Литовской Метрицѣ по созыву предсеймовыхъ сеймиковъ времени отъ ихъ учрежденія до заключенія Люблинской Уніи. Повѣтовые господарскіе листы-универсалы, созывающіе сеймы и предваряющіе ихъ повѣтовые сеймики. Записи разсылки этихъ универсаловъ. Составъ господарскихъ пословъ на предсеймовые повѣтовые сеймики. „Науки“—инструкція господарскимъ посламъ на сеймики. „Листъ вѣрующій“ или „креденсъ“. Господарскіе листы, поручающіе исполненіе посольскихъ обязанностей на повѣтовыхъ сеймикахъ. Господарскіе листы къ панамъ—радѣ передъ сеймиками предсеймовыми. Документы Литовской Метрики, относящіяся къ созыву предсеймовыхъ и предсѣздовыхъ сеймиковъ эпохи отъ заключенія Люблинской Уніи до утвержденія III-го статута. Господарскіе повѣтовые листы-универсалы, созывающіе сеймы и предсеймовые и предсѣздовые повѣтовые сеймики. Предписанія повѣтовымъ властямъ объ опубликованіи этихъ универсаловъ. Господарскіе листы къ княжатамъ, панятамъ и урядникамъ земскимъ и дворнымъ передъ сеймиками. Записи разсылокъ господарскихъ листовъ передъ сеймиками. Господарскіе листы къ панамъ—радѣ передъ сеймиками. Составъ господарскихъ пословъ на предсеймовые повѣтовые сеймики. Документы, для этихъ пословъ составляемые: порученіе посольства, „креденсъ“ и „наука“. Сравненіе документовъ, составляемыхъ при созывахъ повѣтовыхъ предсеймовыхъ сеймиковъ въ Литовской канцеляріи, съ документами, составляемыми передъ сеймиками одновременнаго созыва въ канцеляріи Коронной.

Источники, по которымъ изучается предсеймовый сеймикъ, раздѣляются по двумъ моментамъ исторіи каждаго сеймика: его созыву и его дѣятельности. Первый изъ этихъ моментовъ, въ свою очередь, дѣлится на два: подго-

товительную работу органовъ центральныхъ и подготовительную работу органовъ мѣстныхъ. Первые рѣшаютъ вопросъ о времени созыва сеймиковъ, какъ и сейма, передъ которымъ сеймики собираются, вырабатываютъ текстъ листовъ въ повѣты, содержащихъ въ себѣ вопросы, передаваемые на обсужденіе повѣтовой шляхты передъ предстоящимъ сеймомъ, назначаютъ господарскихъ пословъ на сеймики и снабжаютъ ихъ соотвѣтствующими инструкціями, рассылаютъ господарскіе листы въ повѣты и даютъ распоряженія органамъ мѣстной администраціи относительно созыва повѣтовыхъ сеймиковъ; вторые собираютъ самые сеймики. Созванный сеймикъ приступаетъ къ своимъ занятіямъ, заслушиваетъ господарскаго посла, выбираетъ своихъ пословъ на вальный сеймъ, снабжаетъ ихъ своей инструкціей и своими указаніями и дѣлаетъ свои постановленія.

Какъ мы видѣли выше¹⁾, вновь учрежденные повѣтовые сеймики были впервые созваны передъ Берестейскимъ сеймомъ 1566 года. Литовская Метрика, какъ государственнй архивъ Великаго Княжества Литовскаго, сохранила слѣдующіе слѣды работы Литовской государственной канцеляріи по подготовкѣ этихъ сеймиковъ: 1) списокъ адресатовъ, которымъ понесли сеймовые листы лица, посланные отъ канцеляріи изъ Кнышина 24 марта 1566 года, или которымъ эти листы были розданы въ Кнышинѣ²⁾; 2) текстъ универсаловъ „о зложенію“ сейма³⁾; 3) списокъ господарскихъ пословъ на повѣтовые сеймики⁴⁾; 4) „листъ до всихъ вобецъ о уставе серебщизну и иныхъ платовъ и о готовности на войну, яко на рушенье посполитое“⁵⁾, который присое-

1) Стр. 292—293.

2) Лит. Метр. $\frac{\text{III A}}{7}$ л. л. 92—94. Издано М. К. Любавскимъ (Л.-Р. сеймъ, Приложенія, стр. 164—165).

3) Ibidem, л. л. 94—95 об. Издано тамъ же (стр. 166—167) и Н. А. Максимейкомъ (Сеймы Л.-Р. государства, Приложенія, стр. 153—154). Тотъ же текстъ универсала — Лит. Метр. $\frac{\text{III A}}{7}$ л. л. 109 об. — 111 („Универсалъ до шляхты о еханью на сеймъ до Берестя пословъ ихъ и данью податковъ водле уфалы“).

4) Ibidem, л. л. 99—99 об. Издано Н. А. Максимейкомъ (тамъ же, стр. 154—155. Въ изданіи не исправлена описка рукописи: „Нышина“ вмѣсто „Кнышина“).

5) Ibidem, л. л. 96—99. Дата: Вильна, 3 января 1566 года.

диненъ къ сеймиковымъ документамъ въ виду того, что повѣтовымъ сборщикамъ („бирчимъ“) было предписано на этихъ сеймикахъ дать справку объ этомъ денежномъ сборѣ¹⁾ и 5) текстъ инструкціи и удостовѣренія господарскимъ посламъ на повѣтовые сеймики²⁾.

Въ томъ же 1566 году долженъ былъ собраться и другой сеймъ. Мѣстомъ для него сначала было избрано опять Берестье, но затѣмъ оно было замѣнено Городной³⁾. Для подготовки сеймиковъ передъ этимъ сеймомъ въ Литовской Метрицѣ сохранились: 1) запись отъ 18 октября 1566 года о разсылкѣ сеймовыхъ листовъ⁴⁾; 2) „универсаль о сейме, у Берести зложеномъ“⁵⁾; 3) списокъ господарскихъ пословъ на повѣтовые сеймики⁶⁾; 4) текстъ инструкціи и удостовѣренія господарскимъ посламъ на повѣтовые сеймики⁷⁾; 5) запись разсылки листовъ о перенесеніи мѣста предстоящаго сейма изъ Берестья въ Городну⁸⁾ и 6) „листы до пановъ-радъ, писанные о зложенъе сейму, естли у Берестю поветрее было, тогды въ Городне, або въ Кнышине, на тотъ же часъ назначаючы“⁹⁾.

Для сеймиковъ передъ Городенскимъ сеймомъ 1568 года Литовская Метрика сохранила: 1) „листъ до всихъ вобецъ, пи-

1) „... тогды на соймакахъ поветовыхъ, которые есмо всимъ поветомъ з ласки наше дали, вземъши отъ бирчихъ земъскихъ ведомость...“ См. выше, стр. 276.

2) Ibidem, л. л. 115 об. — 117. Издано М. К. Любавскимъ (тамъ же, стр. 167—169) и Н. А. Максимейкомъ (тамъ же, стр. 157—159).

3) См. М. К. Любавскій, Л.-Р. сеймъ, стр. 757—758.

4) Лит. Метр. $\frac{III A}{7}$ л. л. 125—127. Издано М. К. Любавскимъ (Л.-Р. сеймъ, Приложенія, стр. 175—178) и Н. А. Максимейкомъ (Сеймы Л.-Р. государства, Приложенія, стр. 166—168).

5) Ibidem, л. л. 127 об. — 128 об. Издано М. К. Любавскимъ (тамъ же, стр. 178—179) и Н. А. Максимейкомъ (тамъ же, стр. 168—169).

6) Ibidem, л. л. 128 об. — 129 об. Издано М. К. Любавскимъ (тамъ же, стр. 179—180) и Н. А. Максимейкомъ (тамъ же, стр. 169—170).

7) Ibidem, л. л. 129 об. — 131. Издано М. К. Любавскимъ (тамъ же, стр. 180—182) и Н. А. Максимейкомъ (тамъ же, стр. 170—172).

8) Ibidem, л. л. 132 об. — 133 об. Издано М. К. Любавскимъ (тамъ же, стр. 182—183) и Н. А. Максимейкомъ (тамъ же, стр. 173).

9) Ibidem, л. л. 133 — 134. Издано М. К. Любавскимъ (тамъ же стр. 183—184) и Н. А. Максимейкомъ (тамъ же, стр. 173—174).

санный о зложенью сойму“¹⁾. И, наконецъ, для сеймиковъ передъ Люблинскимъ сеймомъ 1568—1569 годовъ въ Литовской Метрикѣ имѣются: 1) запись разсылки сеймовыхъ листовъ вмѣстѣ съ листами къ повѣтовымъ „поборцамъ“ о медленномъ сборѣ податковъ²⁾; 2) „универсалы до поветовъ на сеймъ для сконченья уни“³⁾; 3) текстъ инструкции и удостовѣренія господарскимъ посламъ на повѣтовые сеймики⁴⁾. Какъ известно, во время Люблинскаго сейма потребовался созывъ новыхъ повѣтовыхъ сеймиковъ Великаго Княжества Литовскаго⁵⁾. Для созыва этихъ сеймиковъ въ Литовской Метрикѣ сохранились: 1) текстъ господарскихъ листовъ въ повѣты съ записью ихъ разсылки⁶⁾; 2) текстъ удостовѣренія господарскимъ посламъ на повѣтовые сеймики⁷⁾; 3) текстъ порученія этимъ посламъ посольства отъ господаря⁸⁾; 4) текстъ инструкции господарскимъ посламъ на повѣтовые сеймики⁹⁾; 5) текстъ тридцати двухъ сеймовыхъ листовъ

1) Лит. Метр. $\frac{III A}{9}$ л. л. 73 — 74 об. Издано М. К. Любавскимъ (тамъ же, стр. 198—200) и Н. А. Максимейкомъ (тамъ же, стр. 192—193).

2) Лит. Метр. $\frac{III A}{7}$ л. л. 181—186. Издано М. К. Любавскимъ (тамъ же, стр. 204—207).

3) Лит. Метр. $\frac{III A}{7}$ л. л. 186—187. Издано М. К. Любавскимъ съ опущеніемъ приведеннаго нами въ текстъ заголовка (тамъ же, стр. 207—209).

4) Лит. Метр. $\frac{III A}{9}$ л. л. 132 об. — 134. Издано М. К. Любавскимъ (тамъ же, стр. 209—211). 9-я книга Литовскихъ Публичныхъ Дѣлъ Метрики Литовской имѣетъ двойную пагинацію: 1) старую — буквенными числовыми знаками, 2) новую — арабскими цифрами. Новая пагинація считаетъ и оба оглавленія (новѣйшее на польскомъ языкѣ — 18 листовъ и старинное, на русскомъ языкѣ, 19—31 листы). Мы принимаемъ въ обозначеніи листовъ книги цифровую пагинацію; М. К. Любавскій — буквенную.

5) См. И. И. Лаппо, Великое Княжество Литовское, томъ I, стр. 37 и М. К. Любавскій, Литовско-Русскій сеймъ, стр. 830—831.

6) Лит. Метр. $\frac{III A}{7}$ л. л. 187—192 об. Издано М. К. Любавскимъ (Л.-Р. сеймъ, Приложенія, стр. 220—225).

7) Лит. Метр. $\frac{III A}{10}$ л. л. 11—11 об. Издано М. К. Любавскимъ (тамъ же, стр. 215).

8) Ibidem, л. 12. Издано М. К. Любавскимъ (тамъ же, стр. 215—216).

9) Ibidem, л. л. 16 об. — 20 об. и Лит. Метр. $\frac{III A}{7}$ л. л. 192 об. — 195. Издано М. К. Любавскимъ (тамъ же, стр. 216—220).

къ раднымъ панамъ¹⁾, въ которомъ говорится объ участіи ихъ въ занятіяхъ созываемыхъ повѣтовыхъ сеймиковъ²⁾.

Остановимся на этихъ документахъ времени до Люблинской Уніи и постараемся опредѣлить, въ чемъ должна была выражаться въ эту эпоху работа государственной канцеляріи Великаго Княжества Литовскаго по созыву Литовско-Русскихъ повѣтовыхъ сеймиковъ. Документами, которые должна была составлять государственная канцелярія Великаго Княжества Литовскаго за это время, были: 1) универсалы въ повѣты, назначающіе сеймики и сеймъ и сообщающіе вопросы и дѣла, которые на предстоящемъ сеймѣ будутъ обсуждаться; 2) инструкціи господарскимъ посламъ, по которымъ они будутъ говорить или которыя они будутъ читать собранной на повѣтовые сеймики шляхтѣ; 3) удостовѣренія этихъ посольствъ, которыя могли сливаться въ одинъ документъ съ инструкціями посламъ, но могли выдѣляться въ особые „креденсы“; 4) листы, извѣщающіе назначенныхъ господарскими послами лицъ о порученіи имъ этого посольства; 5) особые листы къ раднымъ панамъ, какъ наиболѣе вліятельнымъ участникамъ повѣтовыхъ сеймиковъ; 6) особые листы къ князьямъ, панамъ и урядникамъ, получающимъ личныя извѣщенія о предстоящихъ сеймикахъ и сеймѣ. Кромѣ того государственная канцелярія должна была записать разсылку этихъ документовъ и записать имена господарскихъ пословъ, которые отправляются на повѣтовые сеймики. Присмотримся поближе къ документамъ, которые составлялись въ государственной канцеляріи Великаго Княжества Литовскаго при созывѣ предсеймовыхъ Литовско-Русскихъ повѣтовыхъ сеймиковъ.

На 10 апрѣля 1566 года были созваны первые предсеймовые сеймики Великаго Княжества Литовскаго. Въ универсалахъ Сигизмунда Августа по Литовско-Русскимъ повѣтамъ, созывающихъ эти сеймики, новизна сеймикованья, какъ и новизна новыхъ повѣтоваго дѣленія и строя, выступаютъ ясно передъ читателемъ. Образецъ господарскаго универсала, приведенный въ VII-ой книгѣ Литовскихъ Пуб-

1) Въ ихъ числѣ и къ столовымъ урядникамъ.

2) „Листы соймовые до пановъ-радъ тыхъ, нижей имени помененыхъ, писаны изъ Люблина, посланы въ року [15]69, м[е]с[я]ца мая (sic) 27 дня, то есть...“ Лит. Метр. $\frac{III A}{10}$ л. л. 12 об. — 16 об. Дата: Люблинь, 27 апрѣля 1569 года.

личныхъ Дѣлъ Метрики, обращается отъ имени Сигизмунда Августа къ „княземъ, паномъ, врадникомъ земьскимъ, въ повете . . . отъ насъ г[о]с[по]д[а]ра уставленнымъ, и всимъ бояромъ-шляхте, обывателемъ того повету, которые за листы нашими г[о]с[по]д[а]рскими первой того въ границахъ своихъ певныхъ постановено есть.“ Передъ нами и только что учрежденные новые земскіе уряды только что установленныхъ повѣтовъ, и новыя границы этихъ послѣднихъ. Далѣе универсалъ говоритъ о томъ, что на „теперешнемъ“ Виленскомъ сеймѣ господарь со всею своею радю и „зо всеми землями здешнего панѣства“ своего, Великаго Княжества Литовскаго, „за прозбою всихъ становъ“, постановилъ „соймики поветовые въ чотырехъ неделяхъ передъ вальнымъ великимъ соймомъ складати ку зѣханю всимъ обывателемъ стану рыцарского для обираня пословъ на съемъ валный въ потребахъ тыхъ, которые листы“ его господарскими „ознаймены будутъ“. Говоритъ этотъ универсалъ отъ имени великаго князя и о томъ, что на прошломъ сеймѣ просили его паны-рада „съ прозбами покорными отъ всихъ становъ рыцарства, на тотъ съемъ зобранныхъ“, объ увеличеніи числа радныхъ пановъ и урядовъ въ каждомъ повѣтѣ, а также упоминаетъ и о томъ, что „особливе донесена прозба“ Сигизмунду Августу о спольномъ съ Короною вальномъ сеймѣ для заключенія съ нею уніи, прибавляя къ этому о постановленіи тѣмъ же прошлымъ сеймомъ податка „на оборону и тежъ служебнымъ новопринятымъ и старымъ жолнеромъ на заплату“. Все это, „бачачи з добрымъ и пожиточнымъ речи посполитой“, Сигизмундъ Августъ принялъ и „ласкаве на то призволилъ.“ Установивъ воеводъ и каштеляновъ „въ земляхъ и въ поветехъ, а у иншихъ поветехъ маршалковъ для служббы речи посполитой“, великій князь „умыслилъ“ созвать вновь вальный сеймъ и назначилъ его мѣстомъ Берестье, а временемъ созванія — черезъ двѣ недѣли „по Велице Дни, свята близко прійдучого“. Для дѣла Уніи участники этого сейма поѣдутъ изъ Берестья для сѣзда съ Польскими сенаторами и земскими послами на мѣстѣ при Польской границѣ, которое назначить Сигизмундъ Августъ. Пасха въ 1566 году падала на 14 апрѣля. Слѣдовательно днемъ открытія предстоящаго сейма предполагалось 28 апрѣля, и повѣтовые сеймики должны были со-

браться лишь за восемнадцать дней до начала сейма, въ то время какъ только что утвержденный II статутъ требовалъ четырехнедѣльнаго промежутка времени между днями собранія повѣтовыхъ сеймиковъ и вальнаго сейма. Мотивируетъ это нарушеніе требованія закона универсалъ слѣдующимъ образомъ отъ имени великаго князя: „ведже ижъ сесь часъ скротилъ за выеханьемъ нашимъ господарскимъ“. Это измѣненіе статутоваго срока для назначенія повѣтовыхъ сеймиковъ передъ вальнымъ сеймомъ „не маеть быти на переказе часу и року, въ статуте описаному на соймике поветовые“, и впредь послѣдніе будутъ созываться согласно со статутомъ. Самые сеймики универсаломъ именуется еще „соймиками малыми“ рядомъ съ ихъ обозначеніемъ „соймиками поветовыми“, какъ они стали именоваться впоследствии постоянно. Обывателямъ повѣта универсаломъ предписывается собраться 10 апрѣля „на соймике до поветовъ своихъ“ и тамъ „намовлять“ съ повѣтовыми урядниками и со всѣмъ рыцарствомъ шляхетскаго стана „въ тыхъ потребахъ речи посполитое, вышей помененыхъ, и в ыныхъ справахъ земьскихъ“. вмѣстѣ съ тѣмъ, на этихъ же сеймикахъ предписывается „отъ бирчихъ земьскихъ“ взять „ведомость отъ великости сумы податьку поголовного“ и договориться между собою о сборѣ этого податка. На сеймикахъ должны быть выбраны послы на предстоящій сеймъ „зъ зупольною моцью становити въ тыхъ речахъ вышей помененыхъ и у иншихъ потребахъ земьскихъ“, какъ это будетъ господаремъ „ширей ознаймено“. О связи повѣтоваго сеймика съ вальнымъ сеймомъ универсалъ отъ имени великаго князя говорить: „а тамъ, за волею нашою господарською и за намовами пановъ-радъ нашихъ ихъ милости, духовныхъ и свецкихъ, и о всихъ обывателей панѣства нашего Великого Князѣства Литовского стану шляхетского, о такихъ потребахъ речи посполитое становити будете, яко бы, за помочью Божю, дела земьскіе слушнымъ порядкомъ ку доброму застановенью приведены были“. Дата этого универсала: Кнышинъ, 22 марта 1566 года. Подъ его текстомъ стоитъ подпись писаря и секретаря Матыса Савицкаго¹⁾.

1) Тотъ же документъ - Лит. Метр. $\frac{III A}{7}$ л. л. 109 об.—111. Заголовокъ его въ этомъ мѣстѣ книги: „Универсалъ до шляхты о еханью

Таково содержаніе господарскихъ универсаловъ по Великому Княжеству Литовскому, созывающихъ первые предсеймовые сеймики его повѣтовъ. Можно отмѣтить въ нихъ слѣдующее для характеристики этого начальнаго момента реализаціи законодательнаго постановленія о введеніи повѣтоваго сеймика — универсалъ о созывѣ апрѣльскихъ сеймиковъ 1566 года, вѣдь, является первымъ шагомъ верховной власти Княжества къ осуществленію предсеймоваго повѣтоваго сеймика. Во-первыхъ, бросается въ универсалѣ въ глаза новизна дѣла сеймикованья: въ началѣ настоящаго документа имѣемъ на это указаніе въ словахъ о границахъ новыхъ повѣтовъ, о новыхъ урядахъ послѣднихъ и объ учрежденіи повѣтоваго сеймика; въ концѣ документа — слова, поясняющія участіе шляхетскихъ повѣтовъ въ дѣятельности вальнаго сейма черезъ ихъ пословъ; новизна дѣла чувствуется и въ выраженіи „соймики малые“, которымъ повѣтовые сеймики отдѣляются отъ прежнихъ областныхъ сеймовъ и сейма вальнаго. Во-вторыхъ, должно быть отмѣчено нарушеніе универсаломъ только что утвержденнаго статута, при первомъ же созывѣ повѣтовыхъ сеймиковъ великимъ княземъ. Наконецъ, въ-третьихъ, отмѣтимъ и соединеніе въ сеймикованьѣ податковаго дѣла, обсужденія сбора податка въ повѣтѣ, съ занятіями по подготовкѣ предстоящаго сейма черезъ выборъ повѣтовыхъ пословъ и „намовы“ о дѣлахъ, сообщаемыхъ отъ государя.

Отъ этого перваго по созыву предсеймовыхъ Литовско-Русскихъ сеймиковъ универсала обратимся къ универсаламъ, созывающимъ ихъ передъ послѣдующими вальными сеймами Великаго Княжества Литовскаго, вплоть до Уніи 1569 года. Послѣ Берестейскаго сейма 1566 года былъ предположенъ созывъ слѣдующаго сейма въ Берестѣ же 1 декабря того же 1566 года. Какъ образецъ универсаловъ о созывѣ повѣтовыхъ сеймиковъ передъ этимъ сеймомъ, въ VII-ую книгу Литовскихъ Публичныхъ Дѣлъ Метрики внесень господарскій листъ въ Кіевскій повѣтъ. Этотъ универсалъ отъ имени великаго князя обращается къ „княземъ, паномъ, старостамъ и всимъ вранникомъ дворнымъ и земъ-

на сеймъ до Берестя пословъ ихъ и данью податковъ водле уфалы“. Даты и писарской подписи въ этомъ списокѣ нѣтъ.

скимъ и поветовымъ, земляномъ и двораномъ нашимъ, тымъ, которые мають имена свои въ повете Кіевскомъ.“ Въ началѣ его говорится о посылкѣ Сигизмундомъ Августомъ, „за прозбою и порадою“ радныхъ пановъ Княжества, пословъ къ великому князю Московскому, за пропускомъ¹⁾ посольства для заключенія мира. Этихъ пословъ, однако, Московскій государь отпустилъ безъ всякаго „застановенья заприсяжного з ними“²⁾. Этого мало. Когда послы Сигизмунда Августа находились въ Московскомъ государствѣ, Иванъ IV построилъ замокъ на Усвятѣ и еще болѣе готовится къ войнѣ съ Великимъ Княжествомъ Литовскимъ. Въ виду этого Сигизмундъ Августъ, „съ повинное и звыклое милости ку оному панъству, отчизне“ своей, „опустивши sprawy“ Польши, рѣшилъ прибыть въ Литовско-Русскіе предѣлы и „съемъ вальный для намовы и потужнейшее вальки съ паны-радами“ своими „и зо всеми землями мети“. Сеймъ назначается на 1 декабря 1566 года, а повѣтовые предсеймовые сеймики созываются, согласно статуту, за четыре недѣли до него, т. е. на 3 ноября. Какъ имѣють „намовляти“ на этихъ сеймикахъ повѣтовые обыватели „около потужное вальки и обороны и о иныхъ потребахъ пилныхъ земскихъ“ — объ этомъ будетъ „достаточно“ обывателямъ „ознаймено“ отъ господара черезъ его пословъ на сеймики. Обывателямъ Кіевскаго повѣта приказывается съѣхаться въ Кіевъ на сеймикъ въ назначенный день и тамъ „намовлять и радить“ при послѣ господарскомъ. Повѣтоваго сеймика и вальнаго сейма никто не долженъ „омешкати“, такъ какъ „недбалостью и неспешнымъ еханьемъ на соймы и на войны шкодливое омешканье деламъ земскимъ деется.“ На сеймикахъ предписывается въ первый же день сеймикованья, „а надалей другого на[за]втрее“, т. е. утромъ слѣдующаго дня, не ожидая еще не прибывшихъ, „намовивши“ при господарскомъ послѣ съ тѣми, кто съѣдется, выбрать послами повѣта, согласно статуту, двухъ человекъ, „людей бачныхъ и ростропныхъ, зъ зупольною моцью ку намовамъ сполнымъ зо всеми станы“ и „выправить“ ихъ на вальный сеймъ. Далѣе въ универсалѣ стоитъ такое приказаніе: „а иншихъ

1) За „листомъ кглейтовнымъ“.

2) Ср. М. К. Любавскій, Литовско-Русскій сеймъ, стр. 755—758.

зъездовъ въ поветехъ ни якихъ ку предлуженью справамъ земьскимъ по томъ соймику бы есте чинити не смели, кгдажъ з ласки наше г[о]с[по]д[а]рское, за прозьбою всихъ становъ, надали есмо вамъ тые соймики порадкомъ Корунъ Польское; про то водле то того жъ обычаю Корунъного маеть ся заховати, бо мы г[о]с[по]д[а]ръ, не жъдучи иныхъ, одно съ тыми, хто до насъ на часъ, сойму зложонный, приедеть, з Божьею помочью отпраовати будемъ съемъ.“ Въ виду великихъ военныхъ потребностей, въ томъ же универсалѣ предписывается вѣмъ, „хто повиненъ войну служити“, безъ замедленія становиться около гетмана на мѣстѣ, которое будетъ позднѣе назначено. Въ заключеніе универсалъ требуетъ, чтобы для точнаго опредѣленія границъ повѣта, съ вѣдома воеводы Кіевскаго, Кіевскіе подкоморій, судья и подсудокъ, снесшисъ съ урядниками сосѣднихъ съ Кіевскимъ повѣтовъ, сообща объѣхали границы, до которыхъ простирается судебный округъ Кіевскаго повѣта, и тамъ, гдѣ нужно, положили бы граничные знаки. Описаніе границъ должно быть затѣмъ представлено черезъ повѣтовыхъ пословъ господарю на сеймъ для соответствующаго утвержденія и постановленія великаго князя послѣ его совѣщанія съ нами-радою¹⁾.

Присматриваясь къ этому универсалу и сравнивая его съ предыдущимъ, необходимо сдѣлать такіа замѣчанія. Обращеніе его къ повѣтовымъ обывателямъ представляется болѣе выработаннымъ и болѣе полно и опредѣленно перечисляетъ группы, на которыя распадалась повѣтовая шляхта. Далѣе, въ немъ встрѣчаемъ уже полное соблюденіе требованія статута о четырехнедѣльномъ промежуткѣ времени между днемъ собранія повѣтовыхъ сеймиковъ и началомъ засѣданій вальнаго сейма. Но въ этомъ же универсалѣ видимъ и желаніе бороться съ тѣми недостатками, которые уже успѣла обнаружить, хотя и столь недавняя, практика сеймикованья, а именно съ опаздываніемъ участниковъ сеймиковъ ко дню ихъ открытія и отсутствіемъ опредѣленія продолжительности времени для занятій предсеймоваго сеймика. Обѣ эти стороны дѣла не были предусмотрѣны ста-

1) См. выше, стр. 67.

тутомъ 1566 года¹⁾. Неудобство запаздыванія участниковъ сеймиковъ универсалъ старается устранить тѣмъ, что онъ приказываетъ сеймиковать и безъ опоздавшихъ, не ожидая ихъ прибытія. Что же касается времени продолжительности предсеймовыхъ сеймиковъ, то универсалъ опредѣляетъ его въ одинъ день, съ добавленіемъ лишь утра слѣдующаго дня, если это окажется необходимымъ. Но, кромѣ отмѣченнаго сейчасъ, въ томъ же универсалѣ обращаютъ на себя вниманіе еще нѣкоторыя его черты. Одна изъ нихъ, какъ и сейчасъ отмѣченныя, указываетъ на новизну строя, созданнаго реформою 1565—1566 годовъ. Это — требованіе точнаго опредѣленія границъ повѣтовъ, которое было необходимо не только для выясненія территориальнаго района, на который простирается судебная и административная компетенція повѣтовыхъ урядовъ, но и для точнаго опредѣленія состава „повѣтниковъ“, а стало быть, и лицъ, которыя имѣютъ право присутствовать на сеймикѣ повѣтовомъ. Затѣмъ нужно отмѣтить указаніе универсала на сѣзды, которые, помимо сеймиковъ, имѣли мѣсто въ повѣтахъ. Это указаніе можетъ говорить 1) о томъ, что новый видъ шляхетскаго собранія не сталъ еще вполне привычнымъ для шляхты новыхъ повѣтовъ и что она продолжала еще собираться своими собраніями до-реформеннаго времени, и 2) о томъ, что, въ виду близости Уніи и военныхъ опасностей, настроеніе шляхты Великаго Княжества Литовскаго было тревожнымъ, и она, собираясь помимо поставленныхъ подъ извѣстный контроль верховной власти предсеймовыхъ сеймиковъ, отбывавшихся въ присутствіи господарскихъ пословъ и съ опредѣленными указаніями дѣль для обсужденія и даже съ даннымъ верховною властью направлениемъ этого обсужденія, въ своихъ рѣшеніяхъ могла пойти по пути, противоположному желаніямъ этой власти или съ ними несходному. Наконецъ, отмѣтимъ и присоединеніе въ универсалѣ къ вопросамъ предстоящаго сейма дѣла, не имѣющаго къ нему прямого отношенія. Это приказъ великаго князя шляхтѣ повѣтовъ собираться земскимъ войскомъ около гетмана. Господарь, обращаясь къ шляхтѣ по поводу

1) II ст., III, 5.

предстоящаго сейма, пользуется случаемъ, чтобы передать ей заодно и другое свое приказаніе, котораго исполненіе не терпитъ отлагательства, въ виду крайне назрѣвшихъ военныхъ надобностей.

Сеймъ въ Берестѣ, однако, въ декабрѣ 1566 года собрать не удалось. Помѣшали усилившіяся опасности для Княжества со стороны Москвы. Пришлось измѣнить мѣсто для собранія вальнаго сейма, т. е. создалось положеніе, опять статутомъ не предвидѣнное. Повѣты Великаго Княжества Литовскаго были извѣщены о переносѣ сейма господарскими листами-универсалами. Въ VII-ой книгѣ Литовскихъ Публичныхъ Дѣлъ Метрики, какъ образецъ этихъ универсаловъ, приведенъ листъ въ Берестейскій повѣтъ. Этотъ листъ обращается отъ имени великаго князя къ Берестейскимъ воеводѣ (панъ Юрій Васильевичъ Тишкевича) и каштеляну (панъ Янъ Миколаевичъ Гайко) и къ „княземъ, паномъ, маршалкомъ, державцамъ, вранникомъ земскимъ, бояромъ и двораномъ нашимъ, всимъ тымъ, которые имена и оселости свои въ повете Берестейскомъ мають“. Универсалъ говоритъ, что великій князь уже назначилъ было сеймъ въ Берестѣ на 1 декабря 1566 года, какъ объ этомъ были извѣщены повѣты и листами, и послами господаря; но теперь до Сигизмунда Августа дошла „ведомость“ такая: Московскій великій князь строить замокъ уже на этой сторонѣ Двины, на устьѣ Улы, а попытка господарскихъ украинныхъ урядниковъ помѣшать ему окончилась неудачею. Хотя великій князь Московскій и обѣщаль послать своихъ пословъ къ Сигизмунду Августу, но намѣреніе его еще болѣе развить военныя дѣйствія совершенно ясно. Въ виду этого господаръ желалъ, чтобы сеймъ собрался въ Вильнѣ, но, такъ какъ, „за небезъпечностью поветрея, то быти не можетъ“¹⁾, то, желая „глубей“ пріѣхать въ предѣлы Великаго Княжества Литовскаго для обсужденія средствъ противодѣйствія Москвѣ, Сигизмундъ Августъ хочетъ видѣть сеймъ собравшимся уже не въ Берестѣ, но въ Городнѣ, а если за повѣтріемъ сеймъ и въ Городнѣ не

1) Разсказъ современника объ этомъ повѣтріи въ Вильнѣ — Мемуары, относящіеся къ исторіи Южной Руси, вып. II, стр. 7—8 (Дневникъ Новгородскаго подсудка Феодора Евлашевскаго).

могъ бы „дойти“, то онъ назначаетъ мѣстомъ собранія его Кнышинъ, время же этого собранія остается прежнее, т. е. 1 декабря 1566 года. Обыватели повѣтовъ должны объ этомъ знать и, „ослухавши ся“, гдѣ будетъ стоять своимъ дворомъ великій князь (въ Городнѣ, или въ Кнышинѣ), туда, „не омешкиваючи“, выслать своихъ пословъ къ 1-му декабря, „давши имъ науку достаточную и моць зуполную“ на сеймѣ „радити и становити“ о средствахъ борьбы съ Москвою, такъ какъ „то идетъ о васъ самыхъ и о волости ваши“ — прибавляетъ универсалъ. Что касается тѣхъ, кто не поѣдетъ на сеймѣ, то имъ повелѣвается быть „со всимъ, што ку войне належить, въ готовности скоро по сейме ку рушению на службу военную конечно“.

Разсматривая текстъ этого универсала, замѣчаемъ новый шагъ впередъ въ выработкѣ господарскаго обращенія къ повѣтамъ: въ этомъ обращеніи радные паны введены въ составъ остальныхъ повѣтовыхъ обывателей. Далѣе. Кромѣ измѣненія мѣста предстоящаго сейма отмѣтимъ въ универсалѣ опять соединеніе съ дѣломъ сейма распоряженія о военной земской службѣ повѣтовой шляхты. Въ этомъ отношеніи настоящій универсалъ дѣлаетъ то же, что и предыдущій, т. е. пользуется обращеніемъ къ шляхтѣ по поводу сейма, чтобы сдѣлать распоряженіе и о военной земской службѣ. Датированъ настоящій универсалъ 5-мъ ноября, и, конечно, онъ былъ полученъ въ повѣтахъ, когда сеймики уже разошлись, такъ что повѣтовымъ раднымъ панамъ и урядникамъ пришлось принимать особыя мѣры для оповѣщенія шляхты и даже, вѣроятно, направлять сеймиковыхъ пословъ въ городъ, гдѣ соберется сеймъ, не извѣстивъ о немъ предварительно всей шляхты. Быть можетъ, отчасти этимъ и нужно объяснять обращеніе универсала къ нимъ во главѣ повѣтовыхъ обывателей.

Слѣдующій сеймъ Великаго Княжества Литовскаго былъ созванъ въ Городну на 25 апрѣля 1568 года. Образецъ универсала объ этомъ сеймѣ, внесенный въ IX-ю книгу Литовскихъ Публичныхъ Дѣлъ Метрики, начинается такимъ обращеніемъ отъ имени Сигизмунда Августа: „княземъ, паномъ, старостамъ и всимъ врадъникомъ нашимъ дворнымъ и земскимъ поветовымъ, земляномъ и двораномъ нашимъ и всимъ тымъ, которые именья свои мають“ въ

данномъ повѣтѣ. Великій князь напоминаетъ объ извѣстной не только панамъ-радѣ, но и всему рыцарству, обывателямъ „земль тутошнихъ панства Великого Княжества“, его дѣятельности на пользу этого государства. Теперь, въ виду военныхъ опасностей отъ Москвы, „границы украинные“ Княжества „вси“, за роспускомъ земскаго войска, должны остаться „безъ слушнаго опатрєня“. Поэтому великій князь дважды посылалъ пана Остафія Воловича¹⁾ изъ Койданова въ Борисовъ къ панамъ-радѣ и всѣмъ станамъ, тамъ стоявшимъ земскимъ войскомъ, сообщая имъ „таковые потребности речи посполитое и напоминаючи, абы ся змовляли и вынайдовали обычай, чимъ бы, такимъ небезпечностямъ забегаячи, границы змоцнити“. Но паны-рада и вся шляхта просили для этого дѣла собрать сеймъ. Сигизмундъ Августъ его и назначаетъ на 25 апрѣля, черезъ недѣлю послѣ Пасхи²⁾. Мѣстомъ сѣзда пановъ-рады „и тежъ князей, пановъ, вѣрадъниковъ дворныхъ и земскихъ и пословъ поветовыхъ, и всихъ становъ, сойму належачихъ“, назначается Городна. Повѣтовые сеймики „во всихъ судовыхъ поветехъ“, согласно статуту, назначаются на 28 марта, т. е. за четыре недѣли до вальнаго сейма. На этихъ сеймикахъ „около потрѣбъ земскихъ яко маете намовляти, отъ насъ г[о]с[по]д[а]ра черезъ посла нашего вамъ озънаймено будетъ“ — говоритъ обывателямъ повѣтовъ универсалъ отъ имени великаго князя. Повѣтовая шляхта должна сѣхаться въ назначенный выше день въ центральные пункты своихъ повѣтовъ на сеймики и тамъ, „при после“ господарскомъ „около обороны и ubezпечєня границъ зъ собою намовивъши и порозумевъшися и обравъши послами, водлугъ статуту, двухъ особъ, людей бачъныхъ и ростропныхъ“, ихъ „выправить“ и „послать“ на предстоящій вальный сеймъ „зъ зуполною моцю ку намовамъ сполнымъ“. Эти послы будутъ вмѣстѣ съ другими „сойму належачими“ станами разсуждать и постановлять объ оборонѣ и нуждахъ „того панства“. Прибыть на сеймъ они должны безъ опозданія. Послѣ этихъ сообщеній и указаній, имѣющихъ прямое отношеніе къ дѣламъ пред-

1) Подканцлеръ Великаго Княжества Литовскаго, маршалокъ дворный, староста Берестейскій и Кобринскій.

2) Пасха въ 1568 году падала на 18-е апрѣля.

стоящаго сейма, универсалъ переходитъ къ порученію сеймику относительно сбора податковъ, установленныхъ предшествовавшимъ сеймомъ. Собравшаяся на повѣтовые сеймики шляхта должна распорядиться, чтобы повѣтовые поборцы, отправившись въ Вильну, передали тамъ „бирчимъ головнымъ“ свой отчетъ и „ревидованя“ всѣхъ имѣній князей, пановъ и шляхты своего повѣта каждый — „съ чего войну служити повинни и тые поборы дали.“ Главные же бирчіе принесутъ „ведомость достаточную на с[ъ]емь“ о томъ, „якъ великую суму оные податки вчинили“.

Такимъ образомъ, въ этомъ универсалѣ видимъ уже приказаніе великаго князя повѣтовымъ сеймикамъ проявить распорядительную власть въ предѣлахъ своихъ повѣтовъ — дать приказъ повѣтовымъ бирчимъ по исполненію порученнаго имъ предшествовавшимъ сеймомъ сбора податковъ и по составленію ими описаній имѣній повѣтовыхъ обывателей для опредѣленія ихъ способности къ несенію тѣхъ или другихъ размѣровъ военной земской службы и къ уплатѣ тѣхъ или иныхъ размѣровъ податковъ. Этимъ займется и предстоящій сеймъ, такъ что, собственно говоря, данное дѣло можетъ считаться также его подготовкою, но тутъ имѣемъ, конечно, во всякомъ случаѣ болѣе приведеніе въ исполненіе постановленія прошлаго сейма, чѣмъ обсужденіе дѣла сейма предстоящаго.

Слѣдующимъ послѣ Городенскаго сейма 1568 года былъ уже сеймъ Люблинскій 1568—1569 годовъ, спольный съ Поляками, „для сконченья Уніи“. Универсалъ о созывѣ этого сейма, выданный Сигизмундомъ Августомъ въ Новгородскій повѣтъ и вписанный въ VII-ю книгу Литовскихъ Публичныхъ Дѣлъ Метрики, какъ образецъ универсаловъ въ Литовско-Русскіе повѣты передъ этимъ сеймомъ, отъ имени господаря обращается къ „княземъ, паномъ, старостамъ¹⁾ и всимъ вранникомъ нашимъ дворнымъ, земскимъ, въ поветехъ отъ насъ г[о]с[по]д[а]ра уставленнымъ, земляномъ и двораномъ нашимъ, всимъ тымъ, которые именья и оселости свои мають въ повете Новгородскомъ“. Великій князь далѣе говоритъ о томъ, что на съѣздъ земскаго войска

1) Въ оригиналѣ это слово излишне повторено.

Княжества въ Лебедевѣ пріѣзжали послы отъ пановъ-рады и становъ Польши къ раднымъ панамъ, княжатамъ, панятамъ, земскимъ и дворнымъ урядникамъ и всѣмъ станамъ рыцарства, обывателямъ Великаго Княжества Литовскаго, прося объ установленіи между обоими государствами, „сполъными намовами и зволеньемъ сполнымъ,“ уніи, предками Сигизмунда Августа и предками обывателей обоихъ государствъ „зачатое.“ Тогда въ Лебедевѣ всѣ станы Княжества, „около того з собою намовивши и сполъне а згодливе на то зволивши“, Сигизмунду Августу „донесли и оповедили“, что они „ни съ которое иное причины и якого мушенья, одно з доброе воли своее а съ таковое жъ хути и милости, зъ якою ся обыватели Корунъные, братья и суседы ваши,“ говоритъ великій князь, обращаясь къ шляхтѣ, „черезъ пословъ своихъ ку вамъ оповедають, есть есте прихильни до принятя и становенья з ними сполку братьского, то есть уніи, въ таковомъ взвязьку милости-згоды братьское, который бы былъ однако и заровно во всемъ пожиточнымъ обеюмъ тымъ панъствамъ“, Коронѣ и Княжеству. Время созыва этого „зеханья“ обывателей обоихъ государствъ поручено было въ Лебедевѣ выбрать Сигизмунду Августу, съ тѣмъ, однако, чтобы онъ назначилъ какъ его, такъ и мѣсто для этого съѣзда въ текущемъ 1568 году. Великій князь далъ на это постановленіе свое согласіе и утвердилъ его своимъ „речесомъ“. Затѣмъ, на Городенскомъ сеймѣ 1568 года, продолжаетъ универсалъ отъ имени Сигизмунда Августа, обращаясь къ повѣтовымъ обывателямъ, „за прозьбою васъ, всихъ становъ, обывателей тамошняго панъства нашего, постановили есмо зложити и черезъ листы наши ознаймити соймаки поветовые“, а съ этихъ сеймиковъ „зъехане“ всѣмъ станамъ Короны и Княжества „при границахъ же для становеня Уніи“ въ текущемъ году, что „достаточне на уфале сойму Городенского описано“¹⁾. Въ виду всего этого, Сигизмундъ Августъ назначаетъ теперь повѣтовые сеймики на 11 ноября²⁾, а черезъ четыре недѣли послѣ нихъ съѣздъ обывателей Великаго Княжества Литовскаго къ себѣ въ Воинь на четвергъ 9 декабря. От-

1) Ср. Док. Моск. Арх. Мин. Юст. I, стр. 482.

2) День св. Мартина.

туда уже они съѣдутся „для становенья Уніи з станы Коруну Польское до Любли[на] на съемъ вальный спольный“, который назначенъ на 23 декабря 1568 года. Далѣе универсалъ поясняетъ, что государь хотѣлъ этотъ сеймъ собрать, согласно постановленію Городенскаго сейма, „при границахъ же,“ въ Парчовѣ или въ Ливѣ, но эти мѣстечки погорѣли, и въ нихъ теперь будетъ недостатокъ построекъ, а онѣ нужны „для стояня подъ часомъ зимнымъ.“ Новгородскимъ обывателямъ великій князь предписываетъ собраться въ Новгородкѣ въ назначенный имъ для повѣтоваго сеймика день и, согласно статуту, выбрать двухъ пословъ, „бачныхъ и ростошныхъ, которые бы со всякою учтивостью“, будучи при государѣ, „речи посполитой въ таковой великой важной потребе служити могли и умели.“ Ихъ отправить приказывается „з моцю супольною“, и они не должны опоздать пріѣздомъ въ Воинь къ назначенному дню. „За тою жъ моцю“ послы эти должны при великомъ князѣ, вмѣстѣ съ панами-радою и съ иными „сойму належачими“ станами, постановлять „около тое речи и потребы а спольного звязьку доконченъя Уніи на сойме.“ Обо всемъ этомъ будетъ еще „достаточне приложено“ повѣтовымъ обывателямъ отъ государя на ихъ сеймикѣ черезъ посла государскаго.

Новое въ этомъ универсалѣ — съѣздъ членовъ вальнаго сейма Великаго Княжества Литовскаго передъ спольнымъ съ Поляками сеймомъ, назначенный впервые со времени учрежденія повѣтовыхъ сеймиковъ и не предусмотрѣнный II-мъ статутомъ. Постановленіе статута о четырехнедѣльномъ разстояніи времени примѣняется универсаломъ ко дню собранія Воиньскаго съѣзда, а не Люблинскаго сейма. Въ эпоху послѣ Уніи, какъ увидимъ ниже, оно примѣнялось, согласно статуту, къ дню открытія Польско-Литовскаго вальнаго сейма, а для времени предсеймоваго съѣзда представителей Великаго Княжества Литовскаго установился другой срокъ. Что касается дѣль, которыя предлагаетъ разсматриваемый универсалъ, то они составляютъ одно цѣлое — вопросъ о заключеніи уніи между Княжествомъ и Короною.

Какъ извѣстно, во время засѣданій Люблинскаго сейма радные паны и послы Великаго Княжества Литовскаго покинули Люблинъ въ исходѣ февраля 1569 года, не считая

возможнымъ продолжать дальнѣйшія занятія, въ виду непримиримости взглядовъ ихъ и Поляковъ на характеръ и значеніе обсуждаемаго соединенія государствъ. Чтобы возстановить Литовско-Русское представительство на Люблинскомъ сеймѣ, Сигизмундомъ Августомъ были созданы новые повѣтовые сеймики Великаго Княжества Литовскаго, на вторникъ 10 мая 1569 года. Образцомъ государскихъ универсаловъ, разосланныхъ передъ этими сеймиками въ повѣты Княжества, является внесенный въ VII-ю книгу Литовскихъ Публичныхъ Дѣлъ Метрики господарскій листъ къ панамъ Зеновьевичамъ¹⁾. Въ этихъ универсалахъ отъ имени Сигизмунда Августа обстоятельно излагается исторія подготовки заключенія Уніи на сеймахъ и сѣздахъ Великаго Княжества Литовскаго въ 60-хъ годахъ XVI столѣтія: упоминаются просьбы Литовско-Русскихъ становъ къ господарю о заключеніи Уніи съ начала Московской войны, сеймы Виленскій и Бѣльскій, Варшавскій сѣздъ съ Поляками, Польскій Парчовскій сеймъ, собраніе земскаго войска Княжества въ Молодечнѣ, Городенскій сеймъ и, наконецъ, созывъ настоящаго Люблинскаго сейма, спольнаго съ Поляками. Причина разрыва, происшедшаго на Люблинскомъ сеймѣ между представителями Короны и Княжества, излагается въ этомъ листѣ такъ: „въ томъ згодитися не могли, жебы отъ старыхъ списовъ, альбо отъ намовъ на соймехъ прошлыхъ справу Унеи починати мели, кгдажъ яко панове рады Великаго Князьства, такъ и иные вси станы далися въ томъ слышати намъ г[о]с[по]д[а]ру, ижъ отъ братьи своее отпавлены, абы не отъ старыхъ списовъ, але з милости братерское знову Унею установили“, паны же рада и станы Польскіе требовали того, чтобы держались старыхъ привилеевъ и договоровъ. Сигизмундъ Августъ, очевидно, стараясь сгладить это столкновеніе, прибавляетъ далѣе, что Поляки „и въ томъ ся слышети давали, естли бы и въ томъ привилію короля Александра²⁾ што противного видело милости и сполку братьскому, и о томъ хочечи на-

1) Ср. II ст., III, 5. О разсылкѣ передъ повѣтовыми сеймиками господарскихъ листовъ отдѣльнымъ лицамъ см. ниже.

2) Рѣчь идетъ объ извѣстномъ привилеѣ 1501 года, выданномъ Александромъ Казимировичемъ въ Мельникѣ.

мовляти и въ ровность всякого доброго братерства каждый артыкуль приводячи около езекуции добръ або имень, отъ столу нашего г[о]с[по]д[а]р[с]кого отдаленыхъ“. Представители Великаго Княжества Литовскаго уѣхали съ сейма, продолжаетъ универсаль, и послѣ ихъ отъѣзда станы Польскіе потребовали отъ Сигизмунда Августа приведенія въ исполненіе привилеевъ и осуществленія правъ, которые имѣеть Корона отъ прежнихъ королей и отъ него самого. Этого „на сторону“ ему „откладати не годило, звлаща за таковымъ отеханьемъ, никоторого упевненя не вчинивши“. Повѣтовымъ обывателямъ „не тайно, што около некоторыхъ земель, ку границамъ Короны Польское прилеглыхъ, дееть“. Паны-рада Княжества, „которые ся на тотъ часъ до Вильни зъехати могли“, прислали въ Люблинъ къ Сигизмунду Августу и Короннымъ раднымъ панамъ пословъ, прося о назначеніи другого сейма для заключенія Уніи, но Сигизмундъ Августъ, въ виду вѣстей о военныхъ опасностяхъ отъ непріятелей, помня прежнія просьбы Литовско-Русскихъ обывателей объ Уніи и желая довести ея дѣло до конца, назначаетъ собраніе новыхъ повѣтовыхъ сеймиковъ въ Княжествѣ. Эти сеймики должны собраться во всѣхъ Литовско-Русскихъ повѣтахъ во вторникъ 10 мая. По отношенію къ назначенію этого дня для сеймиковъ повѣтовые обыватели не должны принимать во вниманіе „роковъ около збиранья соймиковъ поветовыхъ, въ статуте описаныхъ, и никоторыхъ причинъ инъшихъ“, такъ какъ созывомъ ихъ Сигизмундъ Августъ не хочеть нарушать статута и, оставляя его въ силѣ, дѣлаеть исключеніе только для настоящаго „зъезда“ и то лишь для важнѣйшихъ причинъ — ради заключенія Уніи и еще не состоявшагося постановленія объ оборонѣ¹⁾. Все это помня, паны Зеновьевичи должны ѣхать „до повету того, въ которомъ большую, головнейшую оселость“ имѣють, „на соймикъ поветовый“, и, на немъ „зъ ыными станы намозивъши“, выслать или тѣхъ же пословъ, которые уже были на Люблинскомъ сеймѣ, или же другихъ лицъ, „людей бачныхъ и ростропъныхъ“, притомъ „не зъ замероною моцью науку“ имъ дать, какъ это было сдѣлано пред-

1) Деньги, собранныя земскими податками на наемныя войска, уже вышли, какъ сообщаетъ господарскій листь.

шествующими сеймиками¹⁾, но „зъ зупольною и достаточною“ для окончанія дѣла Уніи и „для объмышлеваня около обороны“ Великаго Княжества Литовскаго. Къ господарю на Люблинскій сеймъ эти послы должны быть отправлены „спешне“, чтобы они были уже въ Люблинѣ въ понедѣльникъ „святюкъ пришлыхъ“ 30 мая²⁾. Здѣсь они безъ всякаго нарушенія „правъ, свободъ и всякихъ волностей“ Княжества и съ исключеніемъ для него екзекуціи, принятой Короною, окончивъ дѣло Уніи и занявъ на вальномъ сеймѣ вмѣстѣ съ Поляками мѣста, назначенныя имъ господаремъ — паны-рада съ панами-радоу, земскіе послы съ земскими послами, — будутъ разсуждать „о вѣсемъ добромъ, славномъ и пожиточномъ обоихъ панъствъ“ Сигизмунда Августа, послѣдній же будетъ стараться „таковые речи ку доброму сконченью зъ славнымъ, учтивымъ и пожиточнымъ обоихъ панъствъ такъ приводити, яко бы ку чти и фале Божой з вечнымъ споминанемъ имени“ его господарскаго „таковое братерское межи тыми панъствы“ его „зъедночене на вечные часы въ доброй милости и въ ровномъ одиноцтвѣ зобополне держано и ховано было“. Паны Зеновьевичи приглашаются ѣхать на сеймики того повѣта, въ предѣлахъ котораго они имѣютъ „головнейшую оселость свою“. Если не всѣ станы съѣдутся на сеймикъ въ назначенное для него время, пословъ съ „зупольною моцью“ должны выправить тѣ, кто соберется. Господарскій листъ къ панамъ Зеновьевичамъ приглашаетъ ихъ и самихъ поспѣшить къ господарю въ Люблинъ къ назначенному сроку. Въ этомъ же листѣ имѣется и такое приказаніе: „абы есте, вжо на иншій часъ соймиковъ собе вси споломъ, альбо которые кольвекъ особы, прекладати не смеючи, але певне и неотменъне дня вышей менованого зъехавшися до повету“, выбрали пословъ.

Пересказанный господарскій листъ, созывающій сеймики 1569 года, какъ изданный въ исключительное время, конечно, отличается отъ подобныхъ листовъ времени болѣе

1) Въ „замеронной моци“, т. е. въ ограниченіи полномочій повѣтовыхъ пословъ, Сигизмундъ Августъ видитъ главную причину остановки дѣла Уніи.

2) Т. е. такъ называемыхъ „зеленыхъ святюкъ“.

нормальнаго. Этимъ листомъ предсеймовые сеймики созываются вторично для того же самаго сейма, для котораго уже отбыты сеймики предыдущаго созыва. О срокѣ, отдѣляющемъ эти сеймики отъ сейма, говорить не приходится, такъ какъ сеймъ уже засѣдалъ, хотя и безъ представителей Великаго Княжества Литовскаго, въ то время, когда сеймики только еще собирались. Но отмѣтимъ и въ этомъ листѣ ту же борьбу верховной власти съ собраніями повѣтовыхъ обывателей помимо созываемыхъ ею сеймиковъ, которую мы уже видѣли выше. Неоднократныя указанія на эти собранія и запрещенія ихъ въ господарскихъ листахъ по созыву сеймиковъ на короткомъ протяженіи времени говорятъ, что они составляли серьезную заботу верховной власти и были далеко не исключительнымъ явленіемъ.

Подведемъ итоги подъ нашими наблюденіями надъ господарскими листами по созыву предсеймовыхъ повѣтовыхъ сеймиковъ за время отъ ихъ учрежденія до Люблинской Уніи, т. е. въ короткій періодъ времени существованія повѣтоваго сеймика въ Княжествѣ, какъ совершенно самостоятельномъ и отдѣльномъ государствѣ, не вошедшемъ еще въ составъ соединенной Польско-Литовской Речи Посполитой.

Прежде всего нужно отмѣтить развитіе сеймовыхъ универсаловъ, какъ вида документовъ, входящихъ въ составъ такъ называемыхъ „справъ сеймовыхъ“. Мы видѣли извѣстное постепенное выработываніе, такъ сказать, нормальной формы сеймоваго листа практикою созыва предсеймовыхъ повѣтовыхъ сеймиковъ, которая заставляла съ собою считаться при составленіи этого еще новаго вида документовъ въ государственной канцеляріи Великаго Княжества Литовскаго. Переходя къ содержанію этихъ листовъ, отмѣтимъ слѣдующее. Во-первыхъ, сеймовые универсалы не являются документами, вполне вводными на созываемыхъ сеймикахъ шляхту повѣтовъ въ дѣла и занятія предстоящаго сейма. Необходимымъ дополненіемъ къ сообщаемому ими должна быть рѣчь господарскаго посла, и сеймовые универсалы прямо указываютъ, что обстоятельнѣе съ дѣлами предстоящаго сейма повѣтовая шляхта познакомится изъ этой рѣчи. Во-вторыхъ, сеймовые универсалы могутъ соединять въ себѣ съ сообщеніями и распоряженіями великаго князя,

имѣющими прямое отношеніе къ предстоящему сейму и его занятіямъ, распоряженія, для этого сейма постороннія. Такими были въ изученныхъ сеймовыхъ листахъ приказы по созыву земскаго войска и по организаціи сбора податковъ и уплатѣ послѣднихъ, причемъ за сеймиками признавалась распорядительная власть въ податковомъ дѣлѣ. Наконецъ, пересказанные сеймовые универсалы обнаруживаютъ и такія явленія въ сеймикованѣ, съ которыми центральная власть считаетъ себя вынужденной упорно бороться, а именно сѣзды шляхты помимо закономъ утвержденнаго повѣтоваго сеймика и устанавливавшаяся практика сеймиковъ по ограниченію своихъ пословъ въ ихъ рѣшеніяхъ на вальномъ сеймѣ — сеймики даютъ своимъ сеймовымъ посламъ „замероную мощь“, т. е. строго ограничиваютъ ихъ въ дѣятельности на предстоящемъ сеймѣ инструкціею отъ повѣта, обязательнымъ образомъ опредѣляющею ихъ отношеніе къ вопросамъ, которые будутъ разрѣшаться на предстоящемъ вальномъ сеймѣ. Таковы общіе выводы, которые вытекаютъ изъ разсмотрѣнія сеймовыхъ универсаловъ въ повѣты за время между 1566-мъ и 1569-мъ годами.

Обратимся теперь къ записямъ разсылки господарскихъ универсаловъ передъ предсеймовыми повѣтовыми сеймиками. Универсалы, созывающіе предсеймовые сеймики 1566 года были адресованы: 1) шляхетскимъ повѣтамъ Великаго Княжества Литовскаго, 2) должностнымъ лицамъ и 3) князьямъ и панамъ, должностей не занимавшимъ. Повѣты, въ которые посланы эти листы, запись объ ихъ разсылкѣ, указываетъ слѣдующіе: Витебскій, Оршанскій, Мстиславскій, Минскій, Новгородскій, Луцкій, Владимірскій, Кремянецкій, Браславля и Вѣницы (Браславля Подольскаго), Кіевскій, Рѣчицкій, Вилькомирскій, Троцкій, Ковенскій, Упитскій, Браславля Литовскаго, Городенскій, Лидскій, Ошменскій, Виленскій¹⁾, Волковыскій, Слонимскій, Пинскій, Дорогицкій, Бѣльскій и Мельницкій и земля Жомойтская, т. е. 27 изъ всѣхъ тридцати Литовско-Русскихъ повѣтовъ. Не обозначены, такимъ образомъ, повѣты Мозырскій, Полоц-

1) Этотъ повѣтъ обозначенъ дважды: 1) въ числѣ адресатовъ, которымъ понесъ листы Адамъ Шембель, и 2) въ числѣ адресатовъ, которымъ понесъ листы Домашовскій.

кій и Берестейскій. Должностнымъ лицамъ были разосланы листы слѣдующимъ: воеводамъ Подляшскому, Кіевскому¹⁾, Мстиславскому, Новгородскому, Минскому; каштелянамъ Мстиславскому (онъ же и староста Мстиславскій), Полоцкому, Новгородскому, Витебскому и Берестейскому; старостамъ Луцкому и Житомирскому; земскому и дворному подскарбіямъ; маршалкамъ — пану Загоровскому, пану Воловичу, пану Каленицкому Тишковича, пану Григорію Тризнѣ, пану Михаилу Елу; хоружію дворному, чашинику, мечному, подчашію, стольнику, Троцкимъ конюшію и тивуну и Виленскому тивуну. Наконецъ — князьямъ и панамъ, а именно: князьямъ — Слуцкому, Збаражскимъ, Вишневецкимъ, Гедройтямъ, Кропшинскимъ и Свирскимъ; панамъ — Ильиничамъ, Хребтовичамъ, Остикамъ, Кищичамъ, Завишамъ, Нарбутамъ, Воловичамъ, Оникею Горностаю, Михаилу Козинскому, Глѣбовичу и Сологубамъ.

Сеймиковые универсалы передъ сеймомъ 1566—1567 годовъ, предположенномъ въ Берестѣ и собранномъ въ Городнѣ, записью объ ихъ разсылкѣ обозначены посланными въ повѣты Слонимскій, Новгородскій, Оршанскій²⁾, Минскій, Ошменскій, Витебскій, Мстиславскій, Дорогицкій, Мельницкій, Бѣльскій, Волковыйскій, Луцкій, Владимірскій, Кремянецкій, Пинскій, Мозырскій, Кіевскій, Жомойтскій³⁾, Городенскій, Ковенскій, Троцкій, Лидскій, Виленскій, Вилькомирскій, Браславскій и Полоцкій⁴⁾, т. е. въ 26 повѣтовъ. Пропущены повѣты: Упитскій, Берестейскій, Браславля Подольскаго и Рѣчицкій. Воеводамъ: Подляшскому, Браславскому, Волынскому, Минскому, Кіевскому, Берестейскому, Новгородскому, Троцкому, Виленскому, Мстиславскому и старостѣ Жомойтскому; Витебскому воеводѣ былъ посланъ приказъ не съѣзжать со своего замка для сейма. Каштелянамъ: Подляшскому, Новгородскому, Луцкому, Берестейскому, Браславскому, Кіевскому⁵⁾, Виленскому, Троцкому и Жомойт-

1) Въ оригиналъ повторено дважды.

2) Въ оригиналъ названъ дважды.

3) „До князей, пановъ, земли Жомойтское.“

4) „До всихъ пановъ, которые имена свои въ земли Полоцкой мають.“

5) Ему посланъ и другой листъ: „абы на съемъ не ехаль, але въ Кіеве на местцы воеводиномъ зосталь“.

скому; каштеляну Полоцкому приказано не выѣзжать изъ своего замка¹⁾. Бискупамъ: Жомонтскому, Луцкому, Киевскому и Виленскому. Подчапію, земскому подскарбію, земскому хоружію, Троцкому конюшію, подканцлеру, стольнику, чашнику, Виленскому тивуну. Маршалкамъ: Дорогицкому маршалку Адаму Косинскому²⁾, пану Ивану Яцыничу, пану Волчку, пану Миколаю Сапегѣ, пану Елу, пану Ивану Воловичу и Островицкому. Тивунамъ Жомойти: Ужвенскому, Бержелянскому, Вешвенскому, Поюрскому, Гондинскому, Коршовскому, Шовдовскому, Ретовскому, Дирванскому, Берженьскому, Ойраголскому, Тверскому, Дирваньскому (т. е. другихъ Дирванъ). Князьямъ: Соколенскимъ, Лукомскимъ, Друцкимъ, Ружинскимъ, Вишневецкимъ, Збаражскимъ, Слуцкому, Ярославу, Сангушковичамъ, Свирскимъ, Лукашу Свирскому и Гедройтямъ. Панамъ: Нарбутамъ, Загоровскому, Хребтовичамъ, Олизару Кирдею, Оникею Горностаю, Каленицкому, Глѣбовичу, Завишамъ, Воловичамъ, Шимковичу, Остигамъ и Зеновьевичамъ. Кромѣ того, нѣсколькимъ лицамъ были посланы господарскіе листы съ повелѣніемъ не выѣзжать на сеймъ и не покидать своихъ замковъ, а именно воеводѣ Витебскому, старостѣ Оршанскому, старостамъ Мстиславскому и Кричевскому, князю Корецкому³⁾, старостѣ Острскому, каштеляну Киевскому⁴⁾, каштеляну Полоцкому⁵⁾ и пану Боркулабу⁶⁾.

Записи разсылки сеймиковыхъ универсаловъ передъ Городенскимъ сеймомъ 1568 года намъ не удалось встрѣтить въ Литовской Метрицѣ. Неизвѣстна она и въ изданіяхъ Литовско-Русскихъ документовъ. Такимъ образомъ, слѣдующею записью, подлежащею нашему разсмотрѣнію, является запись разсылки господарскихъ листовъ передъ Воиньскимъ съѣздомъ 1568 года и Люблинскимъ сеймомъ 1568—1569 годовъ. Эта запись отличается отъ предыдущихъ системою, въ которой обозначены адресаты сеймиковыхъ лис-

1) Т. е. изъ Лепеля. См. выше, стр. 98.

2) Онъ же былъ и писаремъ земли Дорогицкой.

3) „абы на съемъ не ехаль, але въ старостахъ зосталъ.“

4) См. выше, прим. 5 на стр. 331.

5) См. выше.

6) Т. е. пану Боркулабу Корсаку, старостѣ Дисненскому.

товъ и которой не имѣютъ записи, приведенныя нами выше. Въ предшествующихъ записяхъ разсылки и раздачи листовъ адресатамъ имена послѣднихъ занесены безъ всякой системы, по случайнымъ соединеніямъ листовъ къ нимъ въ рукахъ одного и того же лица, которое должно было доставить эти листы по назначенію. Въ этой записи адресаты записаны по повѣтамъ. Вотъ ихъ списокъ. Виленскій повѣтъ — бискупу, воеводѣ и каштеляну Виленскимъ, крайчю¹⁾, Виленскому тивуну, князьямъ, панамъ и всей шляхтѣ Виленскаго повѣта; Ошменскій повѣтъ — маршалку пану Островицкому, князьямъ, панамъ и шляхтѣ повѣта; Браславскій повѣтъ (т. е. Браславля Литовскаго) — маршалку князю Болку, шляхтѣ повѣта; Вилькомирскій повѣтъ — маршалку пану Яну Шимковичу, шляхтѣ повѣта; Упитскій — шляхтѣ повѣта; Трокій — воеводѣ и каштеляну Троцкимъ, шляхтѣ повѣта; Городенскій — маршалку пану Ивану Воловичу, всѣмъ панамъ Воловичамъ, шляхтѣ повѣта; Ковенскій — шляхтѣ повѣта; земля Жомойтская — бискупу, старостѣ и каштеляну Жомойтскимъ, стольнику²⁾, чашнику³⁾, шляхтѣ земли Жомойтской; Луцкій повѣтъ — бискупу Луцкому, воеводѣ Волинскому, старостѣ Луцкому, шляхтѣ повѣта; Владимірскій — маршалкамъ панамъ Петру и Василію Загоровскимъ, князьямъ Четвертенскимъ, шляхтѣ повѣта; Кремянецкій — князьямъ Вишневецкимъ, Ружинскимъ и Збаражскимъ, шляхтѣ повѣта; повѣтъ Браславля Подольскаго — воеводѣ и каштеляну Браславскимъ, шляхтѣ повѣта; Кіевскій повѣтъ — бискупу, воеводѣ и каштеляну Кіевскимъ, шляхтѣ повѣта; Бѣльскій — маршалку пану Николаю Сапегѣ, шляхтѣ повѣта; Дорогичій — воеводѣ и каштеляну Подляшскимъ, подчашю⁴⁾, шляхтѣ повѣта; Мельницкій — маршалку пану Адаму Косинскому, шляхтѣ повѣта; Волковыйскій — шляхтѣ повѣта; Слонимскій — маршалку пану Палуцкому, князьямъ Деречинскимъ, шляхтѣ

1) Т. е. Криштофу Николаевичу Радивилу, князю на Биржахъ и Дубингахъ.

2) Т. е. пану Николаю Монвиду Олехновичу Дорогостайскому (Кухмистровичу).

3) Т. е. пану Матвѣю Станиславовичу Петкевичу.

4) Т. е. пану Николаю Петровичу Кишкѣ.

повѣта; Новгородскій — воеводѣ и каштеляну Новгородскимъ, панамъ Хребтовичамъ, князьямъ Масальскимъ, шляхтѣ повѣта; князю Слуцкому; Минскій повѣтъ — воеводѣ и каштеляну Минскимъ, шляхтѣ повѣта; Полоцкая земля — каштеляну Полоцкому, шляхтѣ тамошней; Мстиславскій повѣтъ — воеводѣ и каштеляну Мстиславскимъ, шляхтѣ повѣта; Оршанскій — князьямъ Друцкимъ, Лукомскимъ и Соколенскимъ, шляхтѣ повѣта; Лидскій — шляхтѣ повѣта; Берестейскій — воеводѣ и каштеляну Берестейскимъ, шляхтѣ повѣта; Пинскій — маршалку пану Кирдею Мылскому, шляхтѣ повѣта; Мозырскій — маршалку пану Каленицкому, шляхтѣ повѣта; Рѣчицкій — шляхтѣ повѣта. Кромѣ того посланными обозначены господарскіе листы въ Витебскій повѣтъ черезъ служебника воеводы Витебскаго, но адресаты этихъ листовъ не указаны.

Въ этомъ спискѣ находимъ перечень всѣхъ тридцати повѣтовъ, на которые дѣлилось Великое Княжество Литовское въ эпоху до Уніи 1569 года, уменьшившей число ихъ. Кромѣ перечня адресатовъ, приведеннаго сейчасъ, эта записъ разсылки господарскихъ листовъ передъ повѣтовыми предсеймовыми сеймиками говоритъ о посылкѣ ихъ поборцамъ повѣтовымъ въ каждый повѣтъ. Только по отношенію къ Витебскому повѣту сдѣлано исключеніе: листы, направленные въ него, не перечислены по адресатамъ, и мы имѣемъ лишь общую записъ — „въ поветъ Витебскій послано листы черезъ служебника пана воеводы Витебскаго.“

Попробуемъ теперь сдѣлать общія наблюденія надъ приведенными записями Литовской Метрики о разсылкѣ господарскихъ листовъ передъ повѣтовыми предсеймовыми сеймиками въ первые годы ихъ существованія, до Люблинской Уніи 1569 года, и постараемся извлечь изъ нихъ указанія, которыя могутъ служить для характеристики какъ работы государственной канцеляріи Великаго Княжества Литовскаго по созыву предсеймовыхъ сеймиковъ, такъ и для самихъ этихъ шляхетскихъ собраній въ первые годы ихъ существованія.

Первый вопросъ, который долженъ быть поставленъ по отношенію къ подлежащимъ нашему наблюденію записямъ, это вопросъ объ ихъ полнотѣ и соответствіи ихъ данныхъ съ дѣйствительностью. На этотъ вопросъ нужно отвѣтить

отрицательно. Въ самомъ дѣлѣ, даже повѣты не всѣ перечислены въ большинствѣ ихъ, и только одна, послѣдняя, называетъ всѣ тридцать Литовско-Русскихъ повѣтовъ. Кромѣ того мы не имѣемъ ни въ одной изъ нихъ полнаго перечня воеводъ, каштеляновъ и высшихъ урядниковъ Великаго Княжества Литовскаго, между тѣмъ какъ статутъ 1566 года¹⁾ требуетъ вызова ихъ всѣхъ на вальные сеймы листами господарскими. Это заставляетъ относиться недовѣрчиво въ этихъ записяхъ и къ списку не-должностныхъ князей и пановъ, которые также, „подлѣ старого обычая,“ должны вызываться на вальные сеймы лично имъ адресованными господарскими листами²⁾. Объясняется эта неполнота можетъ или канцелярской небрежностью при составленіи записей³⁾, или невыработанностью самаго дѣла при новизнѣ повѣтоваго сеймикованья. Весьма вѣроятно, что имѣемъ въ дѣйствительности обѣ причины, которыя лишаютъ изслѣдователя возможности получить отъ этихъ записей тѣ цѣнныя указанія, которыя онѣ могли бы ему дать при своей полнотѣ. Но, несмотря на отсутствіе этой послѣдней, изучаемыя записи могутъ дать возможность постановки вопроса о томъ, чѣмъ руководствовалась государственная канцелярія Великаго Княжества Литовскаго при составленіи списковъ лицъ, которымъ посылались именныя господарскіе листы передъ сеймами, а стало быть, и предсеймовыми сеймиками, ставшими предварительною ступенью ко входу на сеймъ. На этотъ вопросъ изучаемыя записи разсылки могутъ отвѣтить при сопоставленіи ихъ съ другими источниками, а именно со статутомъ 1566 года и записями разсылки военныхъ листовъ той же эпохи. Статутъ 1566 года гласитъ отъ имени великаго князя: „вѣдже князей, пановъ, маршалковъ и иныхъ всихъ урядниковъ земскихъ и дворныхъ, подлѣ старого обычая, маемъ листы нашими на таковой вальный соймъ взывати, и тые вси въ радѣ посполитой мѣстца и

1) II ст., III, 5.

2) Ibidem.

3) Несмотря на всю обычную тщательность работы писарей и переписчиковъ въ Литовской Метрицѣ, книги ея имѣютъ и рядъ „омылокъ“ и погрѣшностей, которыя совершенно естественны при перепискѣ такой массы документовъ.

воты свои будутъ мѣти способомъ звычайу стародавнего, а послове земскіе мѣстца и воты свое мають мѣти водлѣ по-
радку, нижей написаного“¹⁾.

Такимъ образомъ, всѣ княжата, панята и урядники земскіе и дворные должны были получать передъ сеймомъ и предшествующими ему сеймиками особые пригласительные листы отъ господаря. Можетъ быть поставленъ въ этомъ отношеніи вопросъ лишь о полученіи такихъ листовъ вновь созданными реформою 1565—1566 годовъ повѣтовыми урядниками, которые, какъ вновь учрежденные, не могли претендовать на это полученіе листовъ „подлѣ старого звычайу“²⁾. Итакъ, на основаніи требованія II-го статута, списокъ лицъ, получающихъ предъ сеймами и предсеймовыми сеймиками особые господарскіе листы, долженъ быть, сравнительно съ ихъ записями, дополненъ значительно. Сдѣлать это дополненіе дають возможность записи такъ называемыхъ военныхъ листовъ той же эпохи, сохранившихся въ Литовской Метрикѣ. Военные листы были призывными листами на земскую военную службу. Они направлялись въ повѣты и къ князьямъ, панамъ и должностнымъ лицамъ, выставлявшимъ свои почты отдѣльно отъ повѣтовъ³⁾. 3 апрѣля 1566 года изъ Берестя были разосланы по Великому Княжеству Литовскому военные листы съ приказаніемъ обывателямъ его становиться земскимъ войскомъ въ Друцкѣ черезъ недѣлю послѣ Троицына дня⁴⁾. Въ записи разсылки этихъ листовъ, сохранившейся въ Литовской Метрикѣ, обозначены князья, паны, бискупы, воеводы, каштеляны, маршалки, старосты, урядники, тивуны Жомойти и повѣты. Князья въ этой записи обозначены слѣдующіе: Вишневецкіе,

1) П ст., III, 5. Подтверженіе этого Городенскимъ сеймомъ 1566—1567 годовъ — Док. Моск. Арх. Мин. Юст. I, стр. 451.

2) Однако о доставленіи повѣтовымъ урядникамъ особыхъ сеймовыхъ листовъ говоритъ уже рецессъ Городенскаго сейма 1566—1567 годовъ. Док. Моск. Арх. Мин. Юст. I, стр. 451.

3) См. выше, стр. 280.

4) „Року [15]66, апреля 3 писаны листы военные по всему паньству Великому Князеству Литовскому, абы въ тыдень по Светой Троицы у-во Друцку становилися. И розосланы тые листы з Берестя того жь м[е]с[я]ца апреля 20 дня“. Запись разсылки этихъ листовъ — Лит. Метр. $\frac{III A}{7}$ л. л. 100—102.

въ немъ помѣщены не только **собственные имена** (личные и географическія), но и **нарицательныя** (предметный указатель). Пропуски есть во всѣхъ трехъ указателяхъ: личномъ, географическомъ¹⁾ и предметномъ²⁾. Въ предметный указатель занесены не всѣ термины, характерныя для тогдашней общественной и государственной жизни; не приняты, напр., такія слова, какъ *anewelle*, *questa*, *scotatio*, *placitum commune* и др.

б) Путаница при ссылкахъ на собственные имена, встрѣчающіяся въ текстѣ. Въ указатель къ первому тому попадаютъ, напр., такія ошибки: приводится не та страница, гдѣ встрѣчается собственное имя, а другая, гдѣ это имя не упоминается; свѣтское лицо причисляется къ духовнымъ; каштелянъ называется капелланомъ; два лица сливаются въ одно; мѣсто жительства лица указывается неправильно; неправильно указывается время, когда лицо впервые упоминается въ грамотахъ³⁾.

сены въ указатель): *villa Teuthunicorum* (I, 39), *Roszwarus* (I, 125), *Andreas tribunus* (I, 176), *Andreas* (I, 188), *Andreas de Cyrbrezin* (I, 224), *Wicezlaus Wotemiz* (I, 227), *Vrowinus* (I, 228), *Wiceslaus Wotmitz* (I, 228), *Zlauko* (I, 232), *Wedgo* (I, 254), *Bartholomeus* (I, 328), *Stephanus de Nemitz* (I, 403), *Conerowe* (I, 438).

1) Напр., *Cedelin* (II, 21), *Görke* (II, 181), *Guriza* (II, 181), *Piateke* (II, 192), *Tammeton* (II, 206), *Rysicker* (II, 320), *Petrus Warolt* (II, 343), *Gobelenhagen*, или *Hagen* (II, 356).

2) Въ предметномъ указателѣ пропущены, напр., слѣдующія страницы, на которыхъ попадаютъ соответствующія слова: *fundus* (II, 12), *placitum commune* (II, 23), *chorus* (II, 28), *familiaris* (II, 40), *curia de Soldin* (II, 70), *questa* (II, 88), *famulus* (II, 101), *personatus* (II, 103), *carena* (II, 150), *peticio* (II, 328), *anewelle* (II, 345); изъ III-го тома: *scotatio* (III, 441).

3) Примѣры ошибочныхъ показаній въ указателѣ къ первому тому. *Bodewi* упоминается въ грамотѣ на стр. 44; эта страница въ Указателѣ не отмѣчена, но отмѣчена стр. 45-я, на которой нѣтъ имени *Bodewi*, или *Budewoy*.

Wlodizlaus dux Polonie. Указатель ошибочно отсылаетъ къ 143-й стр., но не упоминаетъ о 142-й.

Belitz. Указатель ошибочно отсылаетъ къ 273-й стр., но не упоминаетъ о 237-й.

Dobeslaus filius Rochilli, I, 216, ясно причисляется къ свѣтскимъ (*testimonium* — — *personarum* — — *laicorum*, *quorum hec nomina sunt*: *Zstoizlaus de Camin*, *Suirc*, *Dobeslaus filius Rochilli*). А указатель относить его къ духовнымъ лицамъ.

Priscebur, *castellanus de Stetyn*, I, 213; въ указателѣ онъ называется капелланомъ (I, 2, 563).

Simon, I, 234. Здѣсь названы два Симона; въ указателѣ они слиты въ одно лицо.

Въ указателѣ ко второму (и третьему) тому также попадаютъ ошибочныя ссылки на страницы: та страница, гдѣ встрѣчается собственное имя, въ указателѣ не называется, а называется та, гдѣ нѣтъ этого имени. Кромѣ того, есть случаи: слитія двухъ деревень въ одну; неудачнаго отождествленія географическихъ названій; бездоказательнаго опредѣленія мѣстности, какъ пустоши. Есть одинъ и такой случай: лицо, которое грамота уже объявила человѣкомъ „блаженной памяти“, двѣнадцать лѣтъ спустя послѣ такого удостовѣренія, продолжаетъ все-таки, по свѣдѣнїямъ указателя, вчинать иски, соглашаться на мировую и договариваться о будущихъ дѣлахъ¹⁾.

Nantkviz, I, 2, p. 557 (Personenregister). Здѣсь онъ называется: Burgmanne zu Demmin; ссылка на 123 и 125 стр. Но на 123-й стр. текстъ грамоты относитъ его къ жителямъ Камина, а не Дымина; а на 125-й стр. въ грамотѣ № 163 его мѣсто жительства не указано, мѣсто же совершенія акта — опять-таки Каминь.

Strauss Gottfried. Время появленія имени этого лица въ поморскихъ грамотахъ указатель относитъ къ 1220 году; между тѣмъ онъ, по приводимымъ тѣмъ же указателемъ страницамъ, впервые выступаетъ въ 1236 г.

Venzmer, I, 211. Объ этой страницѣ указатель не упоминаетъ, а отсылаетъ къ 210-й стран., гдѣ имя Venzmer не встрѣчается.

1) Примѣры путаницы въ указателѣ къ II (и III) тому.

Warsin, II, 60. Этой страницы указатель не упоминаетъ, но упоминаетъ 59 стр., гдѣ слово Warsin не встрѣчается.

Jaseniz. Съ такимъ названіемъ была и деревня и рѣка (рукавъ Одера). На стр. 66-й II-го тома упоминается и деревня и рѣчка (molendinum inferius super Jaseniz adjacens). Деревню указатель упоминаетъ, а о томъ, что на 66-й стр. встрѣчается названіе и рѣчка Jaseniz, — умалчиваетъ.

Cedelin, II, 290. Въ указателѣ приведена не эта страница, а 289-я, на которой Cedelin не упоминается.

Guriza, Göritz, Görke. Тройная несправность: а) упоминаемая въ текстѣ грамоты № 843 (II, 181) деревня Guriza отождествляется въ заглавіи этой грамоты съ деревней Görke (Görke принадлежала Гробскому монастырю, а Guriza = Göritz — Буковскому); б) и все-таки страница 181-я II-го тома, гдѣ, по мнѣнію издателя, встрѣтилась деревня Görke, не отмѣчена въ указателѣ (III, p. 624) подъ словомъ Görke; в) не отмѣчена эта страница и при словѣ Guriza-Göritz.

№ 882, p. 209—210. Здѣсь перечисляются владѣнія Бельбукскаго монастыря. Нѣкоторыя мѣстности болѣе нигдѣ въ грамотахъ не встрѣчаются, и о тогдашнемъ (около 1269 года) ихъ состояніи ничего неизвѣстно; а между тѣмъ, въ указателѣ одни изъ этихъ мѣстностей произвольно опредѣлены, какъ „пустынные мѣстности“, „пустоши“ (wüster Ort), а другія — какъ деревни, и во всякомъ случаѣ — не какъ мѣста

в) Невыдержанность плана¹⁾, а также такие недосмотры, которые частью должны быть отнесены къ неоговореннымъ (въ изданіи) опискамъ въ рукописяхъ, а частью, вѣроятно, къ опечаткамъ, также нигдѣ не оговореннымъ²⁾.

опустѣвшія. Къ первой категоріи почему-то отнесены: Wostrotze, Semow, Scridlo; ко второй: Chino, Starnin.

Rochillus, III, 564. По указателю, въ грамотахъ говорится только объ одномъ Рохиллѣ, который былъ учредителемъ Левинской церкви. Къ этому Рохиллу и отнесены показанія двухъ грамотъ: одной отъ 1257 года (II, 44) и другой — отъ 1289 года (II, 210—211). — Однако уже текстъ первой грамоты называетъ его „блаженной памяти Рохилломъ, основателемъ Левинской церкви“ (bone memorie Rochillus eiusdem ecclesie fundator). Съ этимъ-то человѣкомъ, уже тогда покойнымъ, указатель отождествляетъ Рохилла, который двѣнадцать лѣтъ спустя претендуетъ на три деревни Даргунскаго монастыря, получаетъ отъ монаховъ нѣкоторое удовлетвореніе и договаривается съ нами насчетъ нѣкоторыхъ событій въ будущемъ.

1) Напр., при перечисленіи каштеляновъ. Въ указателѣ при названіи главнаго города каштеляніи обыкновенно приводятся и имена мѣстныхъ каштеляновъ. Такія имена приводятся при словѣ Wollin (I, 2, p. 634), Wolgast (I, 2, p. 634), и др. Но при словѣ Usedom (I, 2, 631) не названъ ни одинъ каштелянъ. А между тѣмъ, въ I томѣ, на стр. 128-й, упоминается Henricus castellanus Vznomie.

2) Примѣры.

Pomm. Urk., I, 2, на стр. IV, 9-я строка снизу: № 85 der Regesten.
Надо: № 86.

Ib., p. 525, лѣвый столбецъ, 3-я строчка снизу: не взята въ скобки цифра 1177.

Ib., p. 549, 10-я строчка снизу: 1204. Надо: 1234.

Ib., p. 571, 2-й столбецъ, строчка 22-я сверху: Sohn das Stoizlaw.
Надо: des.

Ib., p. 573, 25-я строчка сверху: Verwandter: Hermann. Надо: Verwandter: Dhehenhardus.

Pomm. Urk., II, p. 27, 6-я строчка сверху: hunt. Надо: sunt.

Ib., p. 34: посрединѣ страницы: cunctisque. Надо: cunctisque.

Ib., p. 70, 6-я строчка сверху: buplice. Надо: publice.

Ib., p. 72: примѣчаніе надо отнести не къ 72-й, а къ 71-й страницѣ.

Ib., p. 148, 11-я строчка снизу: in monto salis. Надо: monte.

Ib., p. 204, 14-я строчка снизу: contilit. Надо: contulit.

Ib., p. 215: трижды употреблено: fratre. Надо: fratri.

Ib., p. 249, 4-я строчка сверху: nicholominus — вм. обычнаго въ то время: nichilominus, рѣдко — nihilominus.

Ib., p. 255, посрединѣ страницы: villaram. Надо: villarum.

Ib., p. 260, 11-я строчка снизу: pratrix. Надо: patris.

Ib., p. 262, 5-я строчка сверху: marcus. Надо: marcas.

ГЛАВА III.

Общій обзоръ литературы по социальной исторіи. Порядокъ изслѣдованія.

Внутренняя исторія Поморья, или Славін, была предметомъ изслѣдованій нѣмецкихъ и отчасти русскихъ ученыхъ. Польскіе историки также неоднократно касались древнѣйшаго Поморья, что и понятно: сосѣдство странъ (Польши и Поморья), племенное родство и политическія связи (хотя и кратковременныя) располагали къ изученію поморской исторіи. Но изслѣдованія польскихъ историковъ, въ общемъ направлены болѣе къ изученію исторіи восточнаго или привислинскаго Поморья; социальныя отношенія западнаго Поморья затрагиваются рѣже и мимоходомъ¹⁾. Еще менѣе удѣляла вниманія социальному строю древняго Поморья чешская историческая литература.

Обстоятельнѣ всего исторія Поморья разрабатывается нѣмецкими историками. Территорія прежняго Поморья отчасти совпадаетъ съ землею нынѣшней прусской провинціи Помераніи. Мѣстные померанскіе историки и любители древностей съ замѣчательнымъ усердіемъ и заботливостью собираютъ, приводятъ въ извѣстность и изучаютъ все, относящееся къ прежнимъ судьбамъ страны и населенія. Появилось много изслѣдованій отдѣльныхъ,

Ib., p. 284, 10-я строчка снизу: ob omni sol. Надо: ab omni sol.

Ib., p. 339, 3-я строчка снизу: per. Надо: per.

Ib., p. 345, посредникъ страницы: dimisit nos. Надо: dimisit nobis.

Ib., p. 356, 17-я строчка снизу: constitut. Надо: ?

Ib., p. 375, 9-я строчка сверху: 1178. Надо: 1278.

Ib., p. 378, между 7-ю и 14-ю строчками пропущено сказуемое, можетъ быть: vendidimus.

Ib., p. 383, 4-я строчка снизу: adsit. Надо: absit.

Pomm. Urk. III, p. 181, 3-я стр. сверху: N 447. Надо: 417.

Ib., p. 625: Goresowe, Dorf, bei Colberg III, 320. Надо: II, 320.

1) Кромѣ статей, помѣщенныхъ въ разныхъ журналахъ, должны быть отмѣчены между другими слѣдующія изслѣдованія: Sieniawski: Pogląd na dzieje Słowian zachodnio-północnych między Labą a granicami dawnej Polski od czasu wystąpienia ich na widowię dziejową aż do utraty politycznego bytu i znamion narodowych. Gniezno, 1881. — Kazimierz Wachowski: Słowiańszczyzna zachodnia. Warszawa, 1903. — Franciszek Duda: Rozwój terytoryalny Pomorza polskiego (wiek XI—XIII). W Krakowie. 1909.

которыя не объединены взаимно какими-нибудь внѣшними рамками; еще болѣе такихъ трудовъ, которые помѣщены въ періодическихъ изданіяхъ, особенно — мѣстныхъ. Не говоря уже о прежнихъ изданіяхъ¹⁾, во второй половинѣ XIX в. и въ XX вѣкѣ приобрѣли особенное значеніе: *Baltische Studien* (изд. съ 1832 г.), *Monatsblätter* и *Pommersche Jahrbücher*. Эти журналы издаются двумя мѣстными историческими обществами: *Gesellschaft für pommersche Geschichte und Altertumskunde* (въ Штетинѣ, издаетъ *Balt. St.* и *Monatsbl.*) и *Rügisch-pommersche Geschichtsverein* (въ Грейфсвальдѣ, издаетъ *Pomm. Jahrb.*). Недавно началъ издаваться и такой журналъ, который посвященъ специально пѣлямъ фолклора въ Помераніи: *Pommersche Heimatsblätter für Geschichte, Sage und Märchen, Sitte und Brauch, Lied und Kunst*. Herausg. v. L. Hamann. Stargard (съ 1907 г.).

Въ журналахъ помѣщены тысячи статей, большихъ и малыхъ. Содержаніе ихъ самое разнообразное; описаніе и объясненіе вещественныхъ памятниковъ, внѣшняя исторія, династическая, церковная, исторія отдѣльныхъ мѣстностей, городовъ, монастырей, церквей, сель, описаніе обычаевъ, обрядовъ, пѣсней, сказокъ и т. д., — все это было предметомъ тщательныхъ изученій.

Хотя поморская историческая литература вообще сильно разрослась, въ ней имѣется не особенно много сочиненій, которыя были бы специально посвящены социальной исторіи въ древнѣйшее время. Можно даже сказать, что и тѣ результаты, къ которымъ пришла позднѣйшая и современная литература по вопросу о древнѣйшей социальной исторіи Поморья, не безспорны или недостаточно опредѣленны.

Въ нѣмецкой исторической литературѣ за послѣдніе сто десять лѣтъ не существуетъ полного согласія по вопросу о социальномъ строѣ древнѣйшаго Поморья. Впрочемъ, разногласія открываются главнымъ образомъ во взглядахъ на положеніе простонародной массы; о положеніи же высшаго класса населенія высказывались сужденія болѣе или менѣе сходныя. Даже нѣкоторыя стороны жизни низшихъ слоевъ поморскаго общества какого-либо раскола въ мнѣніяхъ ученыхъ не производили; такъ, менѣе всего

1) Въ третьемъ десятилѣтіи XIX в. издавались: *Pommersche Provinzial-Blätter für Stadt und Land*. Herausg. von J. Haken. Treptow a. d. Rega. 1820—1825. — Stettin. 1827—1829. Тамъ было помѣщено немало историческихъ статей.

высказывалось сомнѣній въ великой тяжести разнообразныхъ повинностей поморянъ.

Во взглядахъ на положеніе простого народа историки разошлись главнымъ образомъ при рѣшеніи вопроса: свободенъ ли былъ простой народъ, въ частности — крестьяне?

Громадное большинство изслѣдователей за указанный періодъ времени (1800—1910) и даже въ болѣе раннее время рѣшало этотъ вопросъ отрицательно; для удобства послѣдующаго изложенія условимся считать сторонниковъ такого рѣшенія вопроса принадлежащими къ отрицательному направленію. Противоположное рѣшеніе вопроса давалось очень немногими; по аналогичнымъ основаніямъ, сторонниковъ этого рѣшенія — поскольку извѣстно, всего только двухъ — отнесемъ къ направленію положительному.

Отрицательное рѣшеніе поставленнаго вопроса наиболѣе полно выразилось въ сочиненіяхъ Л. Гизебрехта ¹⁾, Бартольда ²⁾, Билова ³⁾, Падберга ⁴⁾, Фукса ⁵⁾, Брюннека ⁶⁾, Зоммерфельда ⁷⁾, Шпана ⁸⁾, Массы ⁹⁾, Ниссена ¹⁰⁾; сюда же примыкаютъ издатели кодекса по-

1) Ludwig Giesebrecht: Die Bauern im Lande Stettin zur Zeit Barnims des Guten. Neue Pommersche Provinzialblätter, ersten Bandes zweites Heft, Stettin, 1827, S. 256—272. Того же автора: Die Wendische Geschichten.

2) F. Barthold: Geschichte von Pommern. I, Hamburg, 1839, S. 511 ff.

3) F. Bilow: Geschichtliche Entwicklung der Abgaben-Verhältnisse in Pommern und Rügen seit der Einführung des Christentums bis auf die neuesten Zeiten. Baltische Studien, VII Jahrg., 2-es Heft, S. 23—99.

4) A. Padberg: Die ländliche Verfassung in der Provinz Pommern. Stettin, 1861.

5) C. Fuchs: Geschichte des Bauernstandes in Pommern und Rügen bis zum dreissigjährigen Krieg. Strassburg. 1888.

6) W. v. Brünneck: Die Leibeigenschaft in Pommern. Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte, IX Band (XXII Band der Zeitschrift für Rechtsgeschichte). Weimar, 1888. Germanistische Abtheilung, S. 104—152.

7) W. v. Sommerfeld: Geschichte der Germanisierung des Herzogtums Pommern oder Slavien bis zum Ablauf des XIII Jahrhunderts. Staats- und socialwissenschaftliche Forschungen, herausg. v. Schmoller, XIII B., 5 H. Leipzig, 1896.

8) M. Spahn: Verfassungs- und Wirtschaftsgeschichte des Herzogtums Pommern von 1478 bis 1625. Staats- und socialwiss. Forsch., herausg. v. Schmoller, XIV B., 1 H., Leipzig, 1896.

9) K. Mass: Pommersche Geschichte. Stettin, 1899.

10) P. von Niessen: Geschichte der Neumark im Zeitalter ihrer Entstehung und Besiedlung. Landsberg. 1905. Schriften des Vereins für Geschichte der Neumark.

морскихъ грамотъ (Гассельбахъ-Козегартенъ), Клемпинъ¹⁾, Визенеръ²⁾ и др.

Сущность мнѣній, которыя съ нѣкоторыми вариациями высказываются названными изслѣдователями, сводится къ слѣдующему.

Славянское населеніе Поморья предъ началомъ онѣмеченія было рѣзко раздѣлено на сословія. Высшее сословіе, дворянство, было могущественно. Сила его опиралась на владѣніе населенными и ненаселенными землями и на занимаемыя имъ должности; она была наслѣдственною. Дворяне были единственнымъ свободнымъ сословіемъ; всѣ остальные поморяне были несвободны³⁾, —

1) Кромѣ разсѣянныхъ по первому тому сборника поморскихъ грамотъ (Pomm. Urk., I) замѣчаній, косвенно выдающихъ взгляды Клемпина, о принадлежности его къ отрицательному направленію свидѣтельствуесть и отношеніе его къ книгѣ Падберга. Padberg, Die ländl. Verfass. in d. Prov. Pommern, Vorwort: Dem Letzteren (т. е. Клемпину) fühlt sich der Verfasser durch eine wissenschaftliche und genau eingehende Revision der geschichtlichen Einleitung zur zweiten Abtheilung in hohem Grade verpflichtet.

2) Wiesener: Die Geschichte der christlichen Kirche in Pommern zur Wendenzeit. Berlin. 1889.

3) Giesebrecht: Die Bauern in L. St., S. 259—260. Bilow, S. 24: Um diese Zeit (in d. ersten Hälfte des XII Jahrh.) gab es ausser dem Adel, den Vornehmen des Landes, keinen eigentlich freien Stand in jenem langen Striche am Meere, der von der Weichsel bis über das linke Ufer der Peene hinaus unser Pommern begreift. Тамъ же, стр. 60: Der Zehnte — — traf hauptsächlich — — nur den Fürsten und die Vornehmen, — — man möchte sagen, die einzigen Freien. — Padberg, S. 192. — Fuchs, Gesch. d. Bauernstandes, S. 3: wir finden von einem eigentümlichen Grundbesitz freier Bauern — etwa gleich den schlesischen „Lazaki“, den deutschen Lassen — damals wenigstens urkundlich keine Spur. Vielmehr war, als die Kolonisation begann, nur der Adel der eigentlich voll freie Stand, die Masse des Volkes dagegen hörig. — — S. 4: Sachlich muss festgehalten werden, dass nach den urkundlichen Zeugnissen in unserem Sinne freie wendische Bauern, welche auf ihrem eigenen Erbe sassen, nicht existiert haben. Vielmehr ist der wendische Bauer, da die Kolonisation beginnt, durchweg mindestens hörig. — — Es ist dadurch (ссылкою на двѣ руянскія грамоты) auch die Existenz wirklicher Leibeigenschaft neben der geschilderten Hörigkeit festgestellt. — Sommerfeld, Gesch. d. Germanis. des Herz. P., S. 56: Ob es zwischen Horigen und dem Adel noch einen Stand von kleinen Freien in Pommern gab, wissen wir mit Sicherheit nicht anzugeben. Einmal allerdings ist in einer Urkunde Herzog Kasimirs I von freien Leuten desselben (homines nostri liberi) die Rede, doch ist es möglich, dass dabei nur an Adlige gedacht ist; im übrigen finden sich in den Quellen nur niederer Volk und Nobilität von einander unterschieden. — Какъ видно изъ приведенныхъ цитатъ, Зоммерфельдъ выра-

они были рабами, крѣпостными, и по меньшей мѣрѣ зависимыми людьми¹⁾. Собственной земли у незнатныхъ поморянъ не было; они работали на землѣ дворянъ и князя. Состояніе поморянъ было чрезвычайно приниженнымъ и жалкимъ. Ихъ угнетали многочисленными, разнообразными и тяжелыми повинностями землевладѣльцы-дворяне и князь; всяческіе платежи, взносы натурою, работы обременяли его постоянно. Масса народная была совершенно безправною, тяготѣвшія надъ нею повинности и произволь были безграничны²⁾. При такихъ условіяхъ „крестьянинъ-славя-

жается осторожнѣ своихъ предшественниковъ; но и онъ сомнѣвается въ существованіи свободныхъ поморянъ. — И Ниссенъ, говоря о несвободѣ поморянъ, дѣлаетъ слабыя оговорки; все таки въ концѣ концовъ онъ приходитъ къ заключенію: im Besitze der vollen persönlichen und dinglichen Freiheit war nur der Adel; die ganze übrige Bevölkerung war in ihrer Freiheit mehr oder weniger beschränkt. P. v. Niessen, Gesch. d. Neu-mark, S. 96.

1) Fuchs, op. cit., p. 37: Der slavische Bauer war — — in seiner grossen Masse hörig, zum Teil leibeigen, so besonders Knechte und Tagelöhner. — См. также предшествующія и послѣдующія примѣчанія.

2) Въ выясненіи повинностей поморянъ наибольшее вліяніе на позднѣйшія изслѣдованія оказала и оказываетъ вышеназванная работа Билова. Падбергъ не разъ прямо говоритъ словами Билова (напр., стр. 194 у Падберга = 26 стр. у Билова; стр. 211—212 у Падберга = 51 стр. у Билова, и т. д.); для другихъ изслѣдователей работа Билова служитъ основою, какъ „источникъ оеновательный и точный“ (Fuchs, Gesch. d. Bauernstandes in Pomm. u. R., S. 1, Bemerk. 1), или вообще часто цитируется, какъ авторитетная.

Важнѣйшія, наиболѣе обобщающія мѣста изъ различныхъ работъ по вопросу о повинностяхъ. Bilow, S. 24: das eigentliche Volk dagegen, vornemlich die Bewohner des platten Landes und der damaligen kleinen Landstädte, lebte in dem Zustande einer stark belasteten Hörigkeit.

Fuchs, Gesch. des Bauernstandes in P. u. R., S. 4: der wendische Bauer ist — — durchweg mindestens hörig, nämlich in hohem Grade abgaben- und dienstpflichtig — und zwar nicht nur dem Landesherrn, sondern auch dem Grundherrschaft — und an die Scholle gebunden. S. 5: wenden uns zu den Leistungen, Diensten und Abgaben, welche im 12 Jahrhundert jedenfalls auf der ganzen hörigen Bevölkerung lasteten. Diese erscheinen uns, wie wir sie aus den verschiedenen Befreiungen der Kolonisationszeit kennen lernen, als ausserordentlich zahlreich und drückend. Sie bestanden, wie es in den Urkunden mehrfach heisst, nach alter Gewohnheit des slavischen Volkes und zerfielen entsprechend dem zwischen Fürst und Adel getheilten Eigentum an Grund und Boden bereits in zwei Klassen, in öffentliche und private.

W. Wiesener: Die Geschichte der christl. Kirche in Pommern, S. 167. Spahn, Verf. u. Wirtschaftsgesch. d. Herz. P., S. 2: Um das Jahr 1000

нинъ не жить, а прозябать,“ по мнѣнію одного ученаго¹⁾); по мнѣнію другого, онъ если и жить, то „онъ жизни не былъ радъ“²⁾. Чрезвычайная тяжесть повинностей поморянъ есть явленіе общепризнанное среди историковъ, есть аксіома, по признанію новѣйшаго изслѣдователя³⁾.

Связанное съ повинностями подневольное положеніе славянъ, по мнѣнію историковъ, не только само по себѣ есть неоспоримый фактъ; оно отразилось и на имени ихъ и на положеніи поселившихся рядомъ съ ними свободныхъ нѣмцевъ;

bestand Pommern aus einer grossen Anzahl von Gntsherrschaften, deren Inhaber völlig selbstherrlich waren nach oben wie nach unten und nicht zuletzt gegenüber den eigenen Standesgenossen, während ihre Untersassen in willen- und rechtloser Abhängigkeit von ihnen verkümmerten.

Mass, Pomm. Gesch., S. 36: Die grosse Masse des Volkes bestand aus Bauern; diese waren zum geringeren Teile Leibeigene. — Sie waren völlig rechtlos und mussten für ihre Herren und Bedrücker die schwersten Arbeiten verrichten. Zum grösseren Teil waren die Bauern Grundhörige, die mit Grund und Boden zusammen veräussert wurden; auch sie waren den Grundherren zu Dienstleistungen verpflichtet, die rechtlich wohl unbegrenzt waren.

P. v. Niessen: Geschichte der Neumark. Landsberg, 1905, S. 115: Da Grundbesitz (des Adligen) zum grössten Teile an die Bauern ausgetan war und diese ihre Abgaben und Unpflichten in natura leisteten, da auch für die Bestellung ihrer Eigenwirtschaft ihnen die Dienste der Hörigen und Knechte hinlänglich zur Verfügung standen, so wuchs ihnen alles ins Haus, aus eigener Wirtschaft wie aus der ihrer Grundholden. — (Der Hörige oder leibeigene Bauer) hatte sein kleines Besitztum vom Herrn und zahlte dafür den Zins mit seiner Hände Arbeit, zum Teil in gewerblichen Produkten. — Es gilt als ein Axiom, dass die slavische Landbevölkerung zur Zeit der deutschen Einwanderung schwer mit Lasten aller Art bedrückt gewesen sei. In der Tat wird das niemand bestreiten können. Ниссенъ показываетъ далѣе, что въ тягости податей не было чего-нибудь свойственнаго только славянамъ, но все таки замѣчаетъ (стр. 118): Freilich, im Vergleich zu den Lasten des bäuerlichen deutschen Kolonisten des XIII Jahrhunderts waren sie hoch, drückend, z. T. entwürdigend; der zu ihnen Verpflichtete konnte ebenso wenig wie der deutsche Bauer des XVIII Jahrhunderts irgend welches höhere Interesse besitzen, er lebte nicht, er vegetierte, und so besass er keine Widerstandskraft.

1) См. предшествующее примѣчаніе, цитату изъ работы Ниссена.

2) P. Wehrmann: Kloster Kolbatz und die Germanisierung Pommerns. Pyritz, 1905, S. 5: Nur kleine wendische Ansiedlungen waren vorhanden, und die Bewohner fristeten ein kümmerliches Dasein. — Sie waren von ihren Herren so hart bedrückt, dass sie ihres Lebens nicht froh wurden.

3) См. примѣчаніе 2-е на стр. 56—57, цитата изъ сочиненія Ниссена.

оно даже доселѣ чувствуется въ нѣкоторыхъ качествахъ современнаго померанскаго нѣмца. Такъ, по мнѣнію Шпана, отождествленіе понятій: „рабъ“ и „славянинъ“ (Slave, Sklave) произошло именно оттого, что поселяне находились въ постоянномъ порабощеніи отъ крупныхъ землевладѣльцевъ-славянъ¹⁾. Брюннекъ доказываетъ, что крестьяне, жившіе на нѣмецкомъ правѣ, испытывали на себѣ неблагопріятное вліяніе славянскаго права: монахи, на земляхъ которыхъ жили и нѣмцы и славяне, находили выгоднымъ славянское право съ его безграничными повинностями и стремились перевести нѣмцевъ на славянское право²⁾. Наконецъ, Падбергъ, подмѣчая въ характерѣ современнаго нѣмца, жителя задней Помераніи, „лстивую покорность“, считаетъ это качество признакомъ славянскаго происхожденія³⁾.

1) Spahn, Verf. und Wirtschaftsgeschichte des Herz. Pommern, S. 2: Die Notwendigkeit eines Richters im Dorfe wie das Übergewicht, welches grösserer Grundbesitz stets behauptet, führte zu der gänzlichen Unterwerfung der Dorfgenossen unter den Willen ihres Dynasten, so dass für die Völker des Mittelalters Slave und Knecht Begriffe gleichen Inhalts wurden.

2) Brünnecq: Die Leibeigenschaft in Pommern. Zeitschr. d. Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte, IX (XXII), Weimar, 1888, S. 127: (Kloster Eldena) hatte auf seinen festländischen Besitzungen neben Bauern, die nach deutschem Recht lebten, auch solche, die unter der Herrschaft des slavischen Rechts standen und darum zu ungemessenen Diensten verbunden galten. Diese Ungemessenheit der Frohnpflicht suchten nun die Klostervostehere auch auf ihre Mönchgüter Bauern zu erstrecken. Wenn sie damit nicht vollständig durchdrangen, so wird man dies auf Rechnung des in Rügen herrschend gewordenen deutschen Rechtes zu setzen haben. Dies erwies sich andererseits jedoch nicht stark genug, um eine Ausdehnung der Frohnpflicht über das sonst auf der Insel übliche Mass zu verhindern. — Cp. H. Knothe: Die verschiedenen Klassen slavischer Höriger in den wettinischen Landen während der Zeit vom 11 bis zum 14 Jahrhundert (Neues Archiv für sächsische Geschichte und Alterthumskunde, herausg. v. Ermisch, IV B., Dresden, 1883, S. 36): Gerade dieses theilweise Fortbestehen der altslavischen Hörigkeit scheint, unterstützt allerdings auch noch durch andere Umstände, seit Ende des 15 Jahrh. die Neigung sehr vieler adliger Gutsbesitzer, auch ihre freien Gutsunterthanen als Hörige zu betrachten und zu behandeln, wesentlich gefördert zu haben.

3) Padberg, Die ländl. Verfassung in d. Prov. Pommern, S. 93: Nur einzelne Verschiedenheiten im Charakter des Bauerstandes weisen auf das Wendische Element, das anderwärts gänzlich verschwunden ist, hin. — Bei den Bauern im südlichen Theile, zumal in Hinterpommern, weisen die Beweglichkeit des Charakters, eine schmeichlerische Unterthänigkeit, im schnellen Wechsel mit einer störrischen Hartnäckigkeit, auf das slavische Element zurück.

Историки, которые отрицали существование свободы у поморского народа, последовательно развивая свое мнѣніе, наткнулись только на два препятствія. Во-первыхъ, ихъ затруднялъ вопросъ о церковной десятинѣ. Сами же эти историки признали, что „десятину давалъ только свободный“; а между тѣмъ представлялось невозможнымъ допустить, чтобы церковь отказалась отъ десятины въ Поморьѣ. Да и притомъ на платежъ десятины какъ будто указывало то, что въ странѣ существовалъ цѣлый классъ людей, которые назывались десятинниками (*rustici decimarii, decimi*). — Во-вторыхъ, цѣльность принятаго тѣвеса нарушалась извѣстіями о городахъ и горожанахъ. Независимыя другъ отъ друга и разновременныя указанія источниковъ настойчиво удостовѣряли богатство и торговлю поморскихъ городѣвъ; одновременно обнаруживались и явно свободныя дѣйствія горожанъ.

Первое препятствіе преодолевалось въ прежнее время такимъ объясненіемъ. Десятину церковь получала въ Поморьѣ, но — не со всѣхъ; ее давали, конечно, свободные, т. е. князь и дворяне. Кромѣ того, давали ее и десятинники, названіе которыхъ предположительно и производилось отъ этого платежа. Но чтобы по возможности не поступаться обоимъ принципами (о несвободѣ поморянъ и о платежѣ церковной десятины только свободными людьми) пришлось повысить рангъ десятинниковъ, не выводя ихъ, однако, изъ рядовъ зависимаго люда: классъ десятинниковъ объявленъ былъ „вышею ступенью зависимости“.

Результатъ не измѣнялся и при иномъ толкованіи названія десятинниковъ, которое также допускалось. Если названіе этого класса произошло не отъ платежа церковной десятины, а отъ размѣра арендной платы за землю (десятая часть всѣхъ плодовъ), то это былъ признакъ договорныхъ отношеній. Слѣдовательно, этотъ классъ, не выходя изъ зависимаго состоянія, все-таки былъ сравнительно въ лучшемъ положеніи, и его привлекали къ уплатѣ и церковной десятины¹⁾.

1) Bilow, op. cit., 60: Der Zehnte, der nach Einführung des Christentums als eine dem Bischof zu lösende Pflicht dem slavischen Pommern auferlegt wurde, trat hauptsächlich nur den Fürsten und die Vornehmen, die einzigen Grundbesitzer und Inhaber solcher Nutzungen, welche die Kirche in ihr Besteuerungsrecht zog, ja man möchte sagen, die einzigen Freien. Die Mehrheit der Einwohner, die Leibeignen, die ihre Kräfte hergeben mussten, diese Besitzungen zum Vortheil des Herrn zu bearbeiten, konnten nach dem Grundsatz, dass nur der Freie zu zehnten war, dem Bischofe natürlich

Однако уже Фуксъ заявилъ (въ 1888 г.), что ему неизвѣ- стень принципъ, въ силу котораго церковную десятину давали только свободные люди¹⁾. Съ подрывомъ этого принципа устраи- валось одно изъ препятствій для послѣдовательнаго проведения другого принципа — о несвободѣ поморянъ. Не было повода и десятинниковъ считать особо привилегированными изъ состава зависимыхъ людей.

Восемь лѣтъ спустя послѣ появленія работы Фукса въ изслѣдованіи Зоммерфельда десятинники низводятся въ самый низшій слой зависимаго состоянія; ихъ продаютъ, вымѣни- ваютъ, жертвуютъ и вообще отчуждаютъ, какъ товаръ самъ по себѣ, внѣ всякой связи съ землею. Десятинники — крѣпостные въ полномъ смыслѣ этого слова. Мало того: извѣстіе о десятин- никахъ оказывается вмѣстѣ съ тѣмъ и доказательствомъ того, что въ Поморьѣ существовали крѣпостные; по крайней мѣрѣ, Зом- мерфельдъ, хотя вообще не сомнѣвается въ существованіи крѣ- постнаго состоянія, крѣпостными считаетъ съ полною увѣренностію только десятинниковъ²⁾.

Второе препятствіе, какъ уже сказано было, представляли

nicht verpflichtet sein, wohl aber jene Pachtbauern (rustici decimarii). Ib., S.25: (Rustici decimarii haben diese Benennung) entweder von dem Pacht- verhältnisse zu ihrem Grundherrn, dem sie von den ihnen zugewiesenen Aeckern den zehnten Theil aller Früchte geben mussten, oder von ihrer Zehntpflicht gegen die Kirche, welche Annahmen beide eine höhere Stufe der Hörigkeit voraussetzen lassen.

Barthold, op. cit., p. 513: noch gab es eine geringe Zahl freier kleiner Hofbesitzer, in christlicher Zeit Zehntenbauern, Decimarii genannt, die persönlich frei sein mussten, weil der kirchliche Zehnte nur von freien Land- leuten gefordert wurde.

Padberg, op. cit., p. 194: Zu den bevorzugten Hörigen hörten zweifels- ohne die in den Schenkungsbriefen des ersten Bogislaw erwähnten rustici decimarii, Zeitpächter, welche von den ihnen zugewiesenen Aeckern den zehnten Teil aller Früchte geben mussten.

1) Fuchs, op. cit., p. 10: Der Grundsatz, dass nur der Freie zu zehnten sei, ist uns nicht bekannt. Getragen wurde die Abgabe auf jeden Fall von dem hörigen Ackerbauer.

2) Sommerfeld, op. cit., p. 54: Über die Leibeigenen, deren Kennzeichen darin zu erblicken ist, dass sie losgelöst vom Grund und Boden, als Ware an sich, veräußert werden konnten, erfahren wir in den Quellen nur wenig. Jedenfalls gehörten zu ihnen die auf Usedom und Wollin gegen Ende des 12 Jahrhunderts einigemal erwähnten Zehntbauern (decimi rustici, decimarii), vielleicht auch jene podacii, die uns zu Beginn des 13. unweit Altdamm begegnen.

города; то, что извѣстно о поморскихъ городахъ и горожанахъ, трудно было примирить съ крѣпостнымъ или даже зависимымъ состояніемъ горожанъ. О положеніи городовъ прежде всего было принято, что самоуправленія городского не было, не было и особыхъ правъ горожанъ по сравненію съ селянами; жители „такъ называемыхъ городовъ“ ничѣмъ не могли отличаться отъ крестьянъ¹⁾. Но крестьяне сплошь были крѣпостными и зависимыми; слѣдовательно, заключали ученые, и горожане не могли быть свободными. Если же они, т. е. жители городовъ, по источникамъ представляются якобы свободными, то это только видимость. Жители городовъ могли пользоваться только „фактически“, „практически“, „на дѣлѣ“ нѣкоторою свободою, а въ правовомъ отношеніи они стояли не выше крестьянъ²⁾.

Все вышесказанное характеризуетъ наиболѣе общія и важныя черты отрицательнаго направленія по вопросу о свободѣ по-

1) Sommerfeld, op. cit., p. 54: Eine jede dieser „Städte“, welche aber keine gesonderten Gemeinwesen im Rechtssinne darstellten, bildete den — Mittelpunkt — — Landesdistriktes. — Подобно этому и Верманъ (Wehrmann, Geschichte von Pommern, I. B., 1904, S. 30): Eigentliche Städte, die in Recht und Verwaltung vom Lande geschieden waren, haben die Wenden nicht gehabt.

2) Bilow, op. cit., p. 24: Vornehmen scheinen sich neben dem Fürsten, der aus ihrer Mitte hervorgegangen war, sogar in einer aristokratischen Selbstständigkeit erhalten zu haben; das eigentliche Volk dagegen, vornemlich die Bewohner des platten Landes und der damaligen kleinen Landstädte lebte in dem Zustande einer stark belasteten Hörigkeit. Ib., p. 25: die praktisch freien Seestädte.

Barthold, op. cit., I, p. 510—511.

Padberg, op. cit., p. 194: Einen rechtlich freien Mittelstand zwischen dem Adel und den Hörigen anzunehmen, dafür fehlt es an hinreichenden Beweisen. Aber eine nicht geringe Anzahl von faktisch Freien wird sich allmählig herangebildet haben, wenn Hörige sich dem Betriebe des Handels, der Schifffahrt, oder der Jagd und Fischerei ausschliesslich zugewendet haben. Handel und Schifffahrt blüheten aber schon frühe auf Rügen und in den an der Küste gelegenen Handelsstädten Colberg, Stettin, Demmin und Usedom; Jagd und Fischfang ernährten zahlreiche Anwohner der fischreichen Binnenwasser und der Küste.

Fuchs, op. cit., p. 3: Einerseits mögen nämlich die Bewohner der damaligen Seestädte, von deren ehemaligen Glanz und Reichtum Unglaubliches gefabelt worden ist, wenigstens faktisch frei gewesen sein.

v. Niessen, Gesch. d. Neumark, S. 97: Die unter den Wällen und im Schutze eines Grod etwa angesiedelte Bevölkerung war eben rechtlich nicht freier, selbstständiger als die Dorfleute, mochte sie sich auch tatsächlich grösserer Bewegungsfreiheit erfreuen.

морянъ. Это направленіе безспорно господствовало и нынѣ господствуетъ въ наукѣ. Но оно не было единственнымъ. Было высказано, хотя и очень давно, болѣе ста лѣтъ тому назадъ, и другое мнѣніе по тому же вопросу. Его высказалъ Арндтъ, родомъ изъ острова Рюгена ¹⁾, самъ происшедшій изъ крѣпостной семьи (его отецъ получилъ вольную отъ господина). Въ своей книгѣ по исторіи крѣпостного состоянія въ Помераніи и на островѣ Рюгенѣ онъ горячо и съ силою протестуетъ противъ крѣпостничества ²⁾. Онъ доказываетъ величайшую несправедливость крѣпостничества, котораго нельзя извинить ни давностью (*es gibt keine Verjährung des Unrechts*), ни происхожденіемъ, ни заразительнымъ примѣромъ славянъ. Славяне и не были крѣпостными; они были свободны, пока ихъ не покорили. О народной массѣ поморянъ и вообще балтійскихъ славянъ „и о ея состояніи“, замѣчаетъ Арндтъ, „анналисты, которые вообще болтали обо всемъ, не упомянули ни единымъ словомъ. И однако въ сотнѣ новыхъ и новѣйшихъ книгъ можно читать вполне опредѣленно о томъ, что у славянъ были самыя суровыя повинности, что весь простой народъ былъ крѣпостнымъ, и это будто бы такъ пришлось по вкусу переселявшимся нѣмцамъ, что они въ отношеніи къ своимъ крестьянамъ-саксонцамъ стали подражать этому, какъ спокойному и хорошему порядку. Увѣряютъ также, что это хорошо доказывается примѣромъ еще существующихъ славянъ — русскихъ и поляковъ. Славяне имѣли якобы природный рабскій духъ, такъ что *Sklav* и *Slav* — одно только слово“ ³⁾. „Мы не хотимъ думать, что наши Балтійскіе славяне были совершенно чисты отъ рабства; о рабствѣ ничего не упоминается, но это не доказываетъ, что его тамъ и не было. Въдъ мы не знаемъ въ исторіи ни одного народа настолько чистымъ, чтобы въ его средѣ большіи никогда не пытался угнетать меньшаго. Поэтому, вѣроятно, и здѣсь были рабы и крѣпостные, и возможно — если судить съ точки зрѣнія общественности народа —, что и обращеніе съ ними не было самымъ мягкимъ; но нелѣпо утверждать, что масса народа или хотя бы его больша часть была въ рабствѣ“. „Я спрашиваю всякаго,

1) Въ то время островъ Рюгенъ и сѣверо-западная часть Помераніи принадлежали Швеціи.

2) Ernst Moritz Arndt: Versuch einer Geschichte der Leibeigenschaft in Pommern und Rügen, nebst einer Einleitung in die alte teutsche Leibeigenschaft. Berlin, 1803.

3) Arndt, *op. cit.*, p. 77.

хотя бы полузрячаго: что за интересъ былъ рабамъ идти и отдавать себя на убой за высокородныхъ господъ въ постоянныхъ войнахъ и такъ упорно бороться за чужую свободу, — если они не теряли собственной? Если они уже были рабами, то по сравнению съ тѣмъ, что они терпѣли, подъ игомъ саксовъ не могло быть имъ хуже“ 1).

Лѣтъ восемнадцать спустя послѣ появленія книги Арндта такую же мысль объ отсутствіи у поморянъ крѣпостничества высказывалъ Гомейеръ. Онъ указывалъ на то, что для общепринятаго мнѣнія о крѣпостномъ состояніи поморянъ не находится въ источникахъ ни малѣйшаго основанія 2).

Въ сущности, изслѣдованіемъ Гомейера въ 1821 году обрывается положительное направленіе въ исторіи по вопросу о свободѣ поморянъ. Изъ послѣдующихъ историковъ только Бэлау можетъ быть приравненъ въ этомъ отношеніи къ вышеупомянутымъ двумъ авторамъ; но трудъ Бэлау касается Поморья только отчасти. Бэлау выясняетъ происхожденіе и сущность крѣпостничества въ Мекленбургѣ. Нѣкоторыя мѣста въ его изслѣдованіи имѣютъ въ виду соціальное развитіе не однихъ только Мекленбургскихъ славянъ, но и Балтійскихъ славянъ вообще 3).

Есть нѣсколько такихъ историковъ, которые не примкнули

1) Arndt, op. cit., p. 78—79.

2) Carolus Gustavus Homeyer: *Historiae juris Pomeranici capita quaedam*. Berolini, 1821. Pag. 17: *Servitutum eam, quam nos dicimus „Leibeigenschaft“ Slavis fuisse cognitam, auctores complures contendere conati sunt. Nullum vero ejus vestigium nec in scriptoribus antiquis nec in diplomatis reperitur.* Pag. 24: *Multum interest utrum gens quaedam universa tributis publicis prematur, an singuli ejusdem gentis dominio privato corporibus addicti sint. Hujusmodi vero addictionis nullum ex hoc aevo documentum proferri poterit.*

3) Hugo Böhlau: *Über Ursprung und Wesen der Leibeigenschaft in Mecklenburg*. *Zeitschrift für Rechtsgeschichte*, X-er Band, Weimar, 1872. S. 365: *Dienste sind an sich kein Beweis der Leibeigenschaft.* S. 366: *Finden sich nun Dienste der Bauern in den Urkunden erwähnt, so werden sie als Beweis für die Existenz einer Leibeigenschaft nicht eher angesprochen werden dürfen, als feststeht, dass sie zu den servitia secundum communia terrae jura debita nicht gehören. Ein Nachweis, welcher in jedem einzelnen Falle mehr, als sehr schwierig sein dürfte.* S. 367: *Alles, was wir von einer bei den Ostsee-Slaven bestandenen Unfreiheit wissen, reducirt sich auf die Existenz einer Schuldknechtschaft und auf die Thatsache, dass andern Stämmen angehörige Kriegsgefangene von denselben als Knechte verkauft worden sind.*

ни къ отрицательному ни къ положительному направленію; таковы: Леманъ, Шуманъ, Верманъ. Они не дали специальныхъ изслѣдованій по соціальной исторіи и касаются вопроса о свободѣ поморянъ только мимоходомъ; и этотъ вопросъ рѣшается ими всего въ одной или нѣсколькихъ строчкахъ; доказательства своего мнѣнія никакихъ не приводятъ. Но уже то заслуживаетъ быть отмѣченнымъ, что эти авторы, не вполне присоединяясь къ господствующему отрицательному направленію, допускаютъ существованіе въ Поморьѣ хотя бы нѣкотораго количества свободныхъ людей¹⁾.

Въ русской исторической литературѣ есть нѣсколько изслѣдованій, касающихся общественнаго быта Балтійскихъ славянъ и въ частности — поморянъ. Таковы работы Гильфердинга²⁾, Котляревскаго³⁾ и Первольфа⁴⁾. Въ общемъ, эти ученые дер-

1) Н. Lehmann: Pommern zur Zeit Otto's von Bamberg. Sammlung gemeinverständlicher wissenschaftlicher Vorträge, herausg. von R. Virchow und F. Holtzendorff, XIII Serie, Heft 299, Berlin, 1878. Брошюра состоитъ изъ 36 стр. На стр. 10-й говорится, что горожане считались свободными; на стр. 11 — что существовали и „нишіе свободные“, на стр. 12 — что среди несвободныхъ были и поморяне.

Prakt. Arzt H. Schumann: Cultur Pommerns in vorgeschichtlicher Zeit: Baltische Studien, XLVI Jahrg., Stettin, 1896. На стр. 203 (Landesverfassung und Herrschaft) сдѣлано одно замѣчаніе, касающееся соціального строя: In den ältesten Zeiten waren die Wenden in der Hauptsache freie Bauern.

M. Wehrmann: Geschichte von Pommern. Allgemeine Staatengeschichte, herausg. von K. Lamprecht. 3-e Abt.: Deutsche Landesgeschichten. Gotha, 1904. Здѣсь замѣчаніямъ о соціальномъ строѣ поморянъ удѣлено около двухъ страницъ (32—34); замѣчанія эти не сопровождаются какими либо доказательствами или ссылками на источники. По мнѣнію Вермана, въ Поморьѣ было множество рабовъ (die zahlreichen Sklaven), были зависимые, несвободные, но были и свободные (die niedere Bevölkerung bestand aus Freien und Unfreien).

2) А. Гильфердингъ: Исторія Балтійскихъ славянъ. Собраніе сочиненій. Томъ 4-й. СПБ. 1874.

3) А. Котляревскій. Древности юридическаго быта балтійскихъ славянъ. Опытъ сравнительнаго изученія славянскаго права. Собраніе сочиненій, томъ IV-й, СПБ. 1895. Другой трудъ того же автора, вышедшій одновременно съ первымъ (въ 1874 г.): Книга о древностяхъ и исторія поморскихъ славянъ въ XII в. Сказанія объ Оттонѣ Бамбергскомъ въ отношеніи славянской исторіи и древности. Томъ III-й собранія сочиненій, СПБ. 1891. Стран. 438-я (второго сочиненія): народъ, какъ кажется — пользовался правами личной свободы.

4) I. Первольфъ: Германизация Балтійскихъ славянъ. СПБ. 1876.

жатся положительнаго направленія. Но труды Гильфердинга и Котляревскаго остались незаконченными. Не окончено и изслѣдованіе Павинскаго о полабскихъ славянахъ, которое явилось продолженіемъ труда Гильфердинга; напечатанъ только очеркъ внѣшней исторіи¹⁾. — Польская историческая литература, поскольку она касается социальнаго строя Славян, также въ общемъ придерживается положительнаго направленія.

Общій обзоръ исторической литературы по вопросу о социальномъ строѣ поморянъ приводитъ къ убѣжденію, что далеко не все, даже самыя важныя стороны общественной жизни раскрыты съ надлежащею полнотою и опредѣленностію.

Положительное направленіе указывало на важный недостатокъ отрицательнаго направленія; но само оно не выставило такихъ изслѣдованій, въ которыхъ полно и убѣдительно, на основаніи всего сохранившагося актовaго матеріала, была бы освѣщена его главная мысль.

Труды писателей, занявшихъ средину между двумя крайними направленіями, особаго значенія имѣть не могутъ, потому что они касаются спорнаго вопроса бѣгло, мимоходомъ и не приводятъ никакихъ доказательствъ.

Отрицательное направленіе мало считалось съ критическими замѣчаніями положительнаго. Современемъ это послѣднее и совсѣмъ было какъ бы забыто; по крайней мѣрѣ новыя и новѣйшія изслѣдованія не много собираютъ доказательствъ для его опроверженія.

Этимъ, однако, не сказано, что изслѣдованія историковъ отрицательнаго направленія не опираются на источники. Именно этими историками и разрабатывались какъ грамоты, такъ и повѣствовательные источники. Ученые отрицательнаго направленія собрали главнѣйшіе источники, издали ихъ и снабдили ихъ соответствующими поясненіями (Гассельбахъ-Козегартенъ, Клемшичъ, Прюмерсъ); они опубликовали изслѣдованія, которыя имѣютъ своимъ предметомъ исторію крестьянскаго сословія въ Поморьѣ

1) А. Павинскій: Полабскіе славяне. СПБ. 1871. Стр. II: Мы изложили внѣшнія событія, намѣреваясь въ слѣдующей за симъ части дать очеркъ внутренней жизни и устройства Полабскихъ славянъ.

Вопросъ о свободѣ славянъ на островѣ Руянѣ рѣшается въ положительномъ смыслѣ въ статьѣ г. Яковенка: Сельское населеніе въ руянскомъ княжествѣ во время правленія мѣстныхъ князей. Журналъ Миннет. Нар. Просв., нов. сер., 29, 1910, № 10.

(Гизебрехтъ, Фуксъ, Брюннекъ), исторію замѣны однихъ группъ населенія другими (Зоммерфельдъ), хозяйственную и административную исторію (Шпанъ), исторію податныхъ отношеній (Билловъ); имъ же принадлежать труды по общей исторіи Поморья (Бартольдъ, Гизебрехтъ, Массъ), по исторіи отдѣльныхъ сторонъ тогдашней жизни: церкви, въ частности монастырей и орденовъ, политическихъ событій и т. д.

Выводы ученыхъ этого направленія приняты, такъ сказать, въ научный оборотъ; ими пользуются въ болѣе общихъ историческихъ трудахъ для дальнѣйшихъ заключеній¹⁾; ихъ же приводятъ въ соотвѣтствіе съ ходомъ исторіи у другихъ славянскихъ народовъ²⁾. Безспорно, отрицательное направленіе было и доселѣ остается господствующимъ.

При всемъ томъ, это направленіе, поскольку оно доселѣ выразилось въ разныхъ изслѣдованіяхъ, не свободно отъ недостатковъ. Недостатки эти, которые разсѣяны по многимъ работамъ, трудно представить въ цѣльномъ и полномъ видѣ; слабыя стороны опубликованныхъ изслѣдованій могли бы быть предметомъ критическаго разбора каждой книги порознь; или же ихъ возможно было бы отмѣчать на соотвѣствующихъ мѣстахъ систематическаго изслѣдованія соціальной исторіи Поморья.

Въ настоящемъ вводномъ отдѣлѣ сочиненія не предполагается ни то ни другое. Здѣсь умѣстно только указать на такіе болѣе общія черты и приемы предшествовавшихъ изслѣдованій, которые ослабляютъ прочность сдѣланныхъ выводовъ по соціальной исторіи и располагаютъ къ болѣе тщательнымъ справкамъ по сохранившимся источникамъ.

Къ болѣе общимъ слабымъ сторонамъ предшествовавшихъ изслѣдованій по соціальной исторіи слѣдуетъ отнести: 1) перенесеніе въ княжество Славію такихъ чертъ соціальнаго строя, которыя не упоминаются источниками, хотя онѣ, дѣйствительно, существовали у сосѣдей; 2) пользованіе подложными грамотами; 3) устойчивость тезиса при модификаціи доказательствъ.

1. Въ Славію переносятся извѣстія о бытѣ въ Польшѣ, Восточномъ, или привислинскомъ Поморьѣ и Рунѣ. Основаніе для такого перенесенія, очевидно, заключается въ томъ, что эти страны

1) Напр., въ трудѣ Шредера по исторіи нѣмецкаго права.

2) Напр., въ трудѣ Рахфала по исторіи Силезіи.

не только были сосѣдными, но и населены были родственными славянскими племенами.

Основаніе — серьезное. Въ самомъ дѣлѣ, для уясненія многихъ сторонъ общественной жизни необходимо сопоставлять и сближать племена, даже далеко размѣстившіяся одно отъ другого. Сравненіе даетъ чрезвычайно плодотворные результаты; съ его помощію возможно бываетъ и понимать многое казавшееся непонятнымъ и даже въ извѣстныхъ случаяхъ возстановлять цѣлое по немногимъ отрывкамъ.

Однако сравнительный методъ не уполномочиваетъ изслѣдователя утверждать, что въ данной странѣ, напр., въ Поморьѣ, существовали буквально тѣ же самые способы обложенія населенія повинностями, что и въ сосѣдней странѣ, напр., въ Польшѣ. Повинности государственный могутъ возникать или создаваться искусственно. Онѣ въ данную эпоху въ разныхъ государствахъ довольно сходны; и въ то же время онѣ не вполнѣ совпадаютъ въ различныхъ государствахъ, такъ какъ онѣ стоятъ въ связи съ стадіею развитія даннаго государства, зависятъ отъ особенностей времени и мѣста, потребностей группъ населенія, вкусовъ и прिवычекъ правящихъ сферъ, и т. д.

По отношенію къ тремъ странамъ: Руянѣ, Поморью Восточному и Польшѣ Поморье Западное въ политическомъ отношеніи до XIV в. не имѣло почти ничего общаго, т. е. оно представляло изъ себя независимое отъ нихъ княжество, которое только временно, во время походовъ Болеслава I и Болеслава III попадало подъ власть польскаго князя; но даже и въ эти времена оно имѣло своего князя и собственный строй. Въ другія же времена Славія жила и развивалась совершенно независимо отъ Польши. Еще менѣе политическихъ связей было у Поморья Западнаго съ Руяною и Поморьемъ Восточнымъ; князь, население и территория у каждаго изъ этихъ государствъ были свои, хотя границы не были неизмѣнны.

Между тѣмъ, начиная съ Гизебрехта¹⁾ и Билова переносятся въ поморскую жизнь цѣликомъ установленія, въ частности — повинности сосѣдныхъ государствъ. При этомъ называются въ числѣ поморскихъ такія повинности, о которыхъ въ источникахъ для

1) Giesebrecht, Die Bauern im Lande Stettin, p. 260: Hier (im Lande Rügen) war mithin vollständige Leibeigenschaft und es wird dadurch wahrscheinlich genug, es sei im Herzogthume Stettin nicht anders gewesen.

собственно - поморской исторіи нѣтъ никакого упоминанія; таковы, напр., Psare¹⁾, glaciei sectio, pover, pzewod, podwoda²⁾, и т. д. Такое смѣшеніе извѣстій польскихъ и поморскихъ источниковъ допускалъ Биловъ; послѣдовавшіе за нимъ историки примѣняли тотъ же приемъ, то цитируя не-поморскіе источники, то — трудъ самого Билова³⁾. Биловъ говоритъ, напр., о соколиной повинности, опираясь на источники (восточно-поморскіе) и съ нѣкоторою оговоркою⁴⁾; Падбергъ не только увѣренно говоритъ о соколиной повинности поморянъ — о чемъ въ источникахъ нѣтъ и намека, — но сообщаетъ и размѣръ штрафа за небрежное исполненіе этой повинности: 70 марокъ за утрату сокола⁵⁾. Ссылаются на не-поморскіе источники, ставя ихъ, видимо, наравнѣ съ поморскими Фукусъ, Брюннекъ⁶⁾ и др.

Заключенія о поморской жизни изъ не-поморскихъ источниковъ дѣлаются только изъ источниковъ польской, восточно-поморской и руянской исторіи: замѣчательно, что по отношенію къ мекленбургскимъ источникамъ этого приема не наблюдается⁷⁾.

1) Bilow, Geschichtl. Entwicklung der Abgaben-Verhältnisse in Pommern und Rügen, p. 35; за Биловымъ — Падбергъ (стр. 197), Фукусъ (стр. 7), и т. д.

2) Bilow, op. cit., p. 36.

3) Сочиненіе Падберга вполне зависимо отъ труда Билова. Фукусъ начинаетъ ссылаться на Билова съ первой же страницы, а также изрѣдка на того же Падберга и Гизебрехта. И Зоммерфельдъ „въ общемъ по существу не отделяется“ отъ Билова, Гизебрехта, Падберга и др. (Sommerfeld, op. cit., p. 51).

4) Bilow, op. cit., p. 37—38.

5) Padberg, Die ländl. Verf. in d. Prov. Pommern, S. 197.

6) Не имѣя въ виду полного перечисленія подобныхъ ссылокъ, укажу только для примѣра на слѣдующія мѣста: Fuchs, op. cit., p. 4, текстъ и примѣч. 2-е (ссылка на 53-ю стран. кодекса Дрегеря) и 4-е; Brünnick, op. cit., p. 116, примѣч. 2-е.

7) А между тѣмъ Мекленбургъ, или страна лютичей, непосредственно сосѣдиль съ Поморьемъ; восточная часть лютицкой земли уже съ начала XII в. находится въ составѣ Поморья. Даже и названіе „Славія“, которое употреблялось для обозначенія западно-поморскаго княжества, въ Мекленбургѣ, въ свою очередь, употреблялось для обозначенія собственной страны.

Пользованіе источниками Польши, Восточнаго Поморья и Руяны для внутренней исторіи Западнаго Поморья, или Славін, въ то самое время, когда не происходитъ такого же пользованія источниками Славін-Мекленбурга, наводитъ на мысль, что здѣсь не одно сосѣдство и племенное родство играло роль; вѣдь въ такомъ случаѣ былъ бы затронутъ и Мекленбургъ. Повидимому, здѣсь имѣла значеніе и позднѣйшая судьба каждой страны. Мекленбургъ никогда не былъ въ составѣ

2. Подложность многих грамот доказана въ 1868 Клеминымъ въ изданномъ имъ сборникѣ. До 1868 г. ссылались безразлично на всѣ грамоты, какъ на подлинныя. Нѣкоторыя изъ доказательствъ историковъ отрицательнаго направленія почерпнуты были изъ подложныхъ грамотъ; особенно важною представлялась мнимая грамота Казимира I Бродскому монастырю, помѣченная 1170-мъ годомъ ¹⁾).

бранденбургско-прусскаго государства, и доселѣ онъ составляетъ особое герцогство (или даже два). Источники и исторія его разрабатываются отдѣльно отъ Поморья; кажется, и попытки не было обозначить мекленбургскіе источники и исторію, какъ источники или исторію „Славян“, или „Славянскую“: это было бы слишкомъ неопредѣленно. Но съ Руяной или Восточнымъ Поморьемъ послѣдующая исторія сблизила Западное Поморье-Славію тѣснѣе. Руяна вмѣстѣ съ Поморьемъ и теперь составляетъ одну провинцію Пруссіи; оттого и исторія и начальные источники издавались совмѣстно для той и другой страны (Дрегеръ, Бартольдъ, Фокъ, Брюннекъ, и т. д.); совмѣстно же историческія общества занимались и занимаются разработкою исторіи, совмѣстно издавались и историческія журналы. Въ сущности, такое сближеніе научной работы можетъ имѣть полное основаніе. Но отсюда отнюдь еще не слѣдуетъ, что до XIV в. Руянское княжество, никогда дотолѣ не жившее вмѣстѣ съ Поморьемъ общею государственною жизнью, имѣло тождественныя съ Поморьемъ государственныя порядки. Что касается Восточнаго Поморья, то хотя оно теперь входитъ въ составъ не Помераніи, а другой провинціи (Westpreussen), но — въ предѣлахъ одной и той же Пруссіи. А главное: Восточное Поморье и Западное Поморье въ XII—XIII в. имѣли совершенно одинаковое названіе: *Pomerania*, и это названіе употреблялось безъ какого-нибудь другого опредѣленія; напр.: *Anastasia Pomeranie ducissa*, — здѣсь подразумѣвается Западное Поморье, или Славія (Pomm. Urk., I, № 126, p. 96); *Suantopolcus dux Pomeranie*, — здѣсь подразумѣвается Восточное Поморье (Pommerellisches Urkundenbuch, bearbeitet von Perlbach, Danzig, 1882, № 102, p. 87). И всетаки оба эти княжества другъ отъ друга были все время совершенно независимы. Вслѣдствіе тождества названій, источники того и другого Поморья долго обозначались безразлично, хотя и неопредѣленно, „Поморскими“ (только впоследствии придумано искусственное слово *Pommerellen*). А это располагало изслѣдователя западно-поморской исторіи привлекать для работы восточно-поморскіе источники и обратно. Наконецъ, склонность къ пользованію польскими источниками для исторіи Поморья объясняется и позднѣйшею общею государственною жизнью западной и сѣверо-западной Польши съ Пруссіей и древнѣйшимъ, хотя и кратковременнымъ завоеваніемъ Поморья Польшею и раннимъ появленіемъ обстоятельнаго изслѣдованія бывшихъ частей Польши (Schlesisch-Lausitzische Urkundensammlung, herausg. von Tzschoppe und Stenzel, 1832; ср. Bilow, op. cit.).

1) С. Р. Д., № 30, p. 71—73; Pomm. Urk., I, № 54, p. 27—29. На

Однако, изслѣдованія Клемпина особенныхъ перемѣнъ въ аргументаціи историковъ этого же направленія не произвели; и послѣ 1868 года продолжаютъ ссылки на подложныя грамоты и въ частности — на отмѣченную выше Бродскую грамоту. На эту грамоту ссылаются, напр., Эрнстъ, Брюннекъ, Визенеръ.

Доказательства подложности грамоты, выставленныя Клемпинымъ, не были никѣмъ опровергнуты; но относящуюся сюда статью Клемпина просто игнорировали, причемъ Эрнстъ въ 1875 году ссылается на то изданіе грамоты, которое предшествовало Клемпиновскому на пять лѣтъ¹⁾, а Брюннекъ въ 1888 году на изданіе 1843 года²⁾; и замѣчаніями Клемпина по поводу этой грамоты (отъ 1868 г.) оба эти историка не пользуются и ихъ не опровергаютъ.

Что касается Визенера, то онъ ссылается на изданіе Клемпиновское, и извлекаетъ изъ грамоты (какъ изъ подлинной) выводы, но совсѣмъ не хочетъ замѣтить того, что Клемпинъ и въ началѣ и въ концѣ отмѣчаетъ эту грамоту, какъ подложную³⁾.

Такъ же поступаетъ Визенеръ и по отношенію къ другимъ грамотамъ⁴⁾. Можно было бы предположить, что онъ почему-либо несогласенъ съ соображеніями Клемпина; однако, Визенеръ не только не высказываетъ и не доказываетъ этого, но въ другомъ мѣстѣ онъ упоминаетъ объ итогахъ Клемпиновскихъ изслѣдованій о подложныхъ грамотахъ. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ

эту грамоту ссылался, напр., Бартольдъ (*Geschichte von Pommern und Rügen*, I, S. 512—513), выводя заключеніе о крѣпостничествѣ; Винтеръ (*Die Prämonstratenser des zwölften Jahrhunderts und ihre Bedeutung für das nordöstliche Deutschland*, Berlin, 1865, S. 199 ff.), и др.

1) H. Ernst: *Die Colonisation Mecklenburgs im XII. und XIII. Jahrhundert*, Rostock, 1875. S. 41: Die Burg Wustrow wird schon 1170 an Broda — als Feldmark ausgethan (примѣч. 3-е; здѣсь дѣлается ссылка на стр. 90-ю сборника: *Mecklenburgisches Urkundenbuch*, Schwerin, 1863). S. 67.

2) Brünneck: *Die Leibeigenschaft in Pommern*, стр. 112, текстъ и примѣчаніе 1-е. Эта грамота служитъ, между прочимъ, Брюннеку для утвержденія тезиса, что въ Поморьѣ были несвободные люди (*mancipia*).

3) Wiesener, *Die Geschichte der christlichen Kirche in Pommern*, Berlin, 1889, S. 160: Auf's Bereitwilligste wurden dem Herzoge Kasimir I, als er bei der Domweihe in Havelberg mit Erzbischof Wiechmann zusammentraf, Brüder vom dortigen Prämonstratenserstifte zugesagt, welche ihm sein wüstes Land cultiviren sollten. Примѣчаніе шестое, стран. 328-я.

4) Wiesener, *op. cit.*, S. 168: Am 6. Juni 1181 schenkte er (Herzog Kasimir) noch dem Kloster Stolp ein Fischwehr bei Lebbin. Ср.: *Pomm. Urk.*, I, № 88, p. 68—69.

Визенеръ имѣеть въ виду не подробныя и въ высшей степени цѣнные комментаріи Клемпина къ каждой подложной грамотѣ въ отдѣльности, а только общій подсчетъ подложныхъ грамотъ, сдѣланный Прюмерсомъ въ предисловіи ко второй части перваго тома сборника грамотъ ¹⁾.

3. Уже только-что сказанное обнаруживаетъ постоянство основной мысли у историковъ отрицательнаго направленія, которые не считаются съ серьезными доказательствами подложности грамотъ. То же самое постоянство наблюдается и въ другихъ случаяхъ: важнѣйшія извѣстія о социальномъ строѣ истолковываются самымъ различнымъ образомъ, доказательства отыскиваются прямо противоположныя, но — принятый тезисъ остается неизмѣннымъ. Это обнаруживается по отношенію къ вопросамъ: а) о десятичникахъ, б) о признакахъ свободы въ населеніи, в) о признакахъ несвободы, г) о положеніи аристократіи.

а) Десятники то служатъ иллюстраціею высшаго слоя зависимыхъ людей, то едва ли не единственнымъ видомъ и доказательствомъ крѣпостничества; но положеніе о несвободѣ населенія отъ этого не измѣняется ²⁾.

б) Признаки свободы поморянъ, въ изложеніи историковъ отрицательнаго направленія, отнюдь не доказываютъ свободы. Одни историки говорятъ, что здѣсь подразумѣвать надо „фактическую“, или „практическую“ свободу, настаивая на томъ, что теоретической или правовой свободы не было ³⁾; другіе историки того же направленія примѣняютъ пріемъ противоположный: нѣкоторыя группы населенія „въ принципѣ — свободны“, а „на дѣлѣ, разумѣется, складывалось иначе“ ⁴⁾.

в) Однимъ изъ доказательствъ несвободы населенія служить ссылка на многочисленныя отчужденія туземныхъ деревень ⁵⁾. Но никому и на мысль не приходитъ примѣнить ⁶⁾ такое же доказа-

1) Wiesener, op. cit., S. 187; S. 330, примѣч. 5-е.

2) См. выше, стр. 59—60.

3) См. выше, стр. 61.

4) P. von Niessen, Gesch. d. Neumark, 1905, S. 96: So ist denn auch durchaus anzunehmen, dass die decimi bzw. cmetones persönlich wenigstens im Princip frei waren. Tatsächlich freilich stellte sich dies anders.

5) Объ этомъ подробнѣе будетъ сказано нѣсколько ниже.

6) Или по крайней мѣрѣ объяснить, почему наблюденія одинаковыхъ историческихъ фактовъ въ одной и той же странѣ даютъ различные результаты.

тельство по отношенію къ положенію колонистовъ, хотя уже въ самый ранній періодъ колонизаціи (въ XII в. и особенно — XIII в.) отчуждаются и деревни колонистовъ (названія деревень оканчиваются на *hagen, dorp*, и т. д.).

г) По отношенію къ аристократіи остается неизмѣннымъ тезисъ о ея могуществѣ. Въмѣстѣ съ тѣмъ, однако, одни историки основываютъ ея силу на земельной собственности, которая представляется аллодіальною¹⁾; другіе говорятъ, что знать имѣла только лены, а не аллоды²⁾, и доказываютъ, что безъ разрѣшенія князя знать не могла свободно распоряжаться своими землями³⁾; встрѣчается и признаніе того, что въ сущности „у насъ нѣтъ вообще ни одной грамоты, которая имѣла бы своимъ предметомъ переходъ имѣнія отъ одного свѣтскаго славянина къ другому“⁴⁾. Нѣтъ единогласія и во взглядѣ на значеніе должностей: однимъ кажется, что занятіе должностей было опорой дворянскаго сословія⁵⁾, а другіе находятъ, что право этого сословія на занятіе высшихъ должностей есть только предположеніе⁶⁾; и вообще не знаютъ, что же собственно обуславливало принадлежность лица къ этому сословію: происхожденіе ли, или владѣніе наследственной и отчуждаемою земельною собственностію и т. п.⁷⁾

Всѣ указанные въ исторической литературѣ болѣе общіе недостатки или спорныя мѣста возможно было бы дополнить рядомъ другихъ столь же спорныхъ мѣстъ. Но уже и изъ приведенныхъ краткихъ и общихъ замѣчаній видно, что въ литературѣ по со-

1) Spahn: Verfassungs- und Wirtschaftsgeschichte des Herzogtums Pommern, S. 2. Paul van Niessen: Zur Entstehung des Grossgrundbesitzes und der Gutsherrschaft in der Neumark. Stettin, 1903, S. 3 (объ отсутствіи ленныхъ отношеній въ концѣ XIII в. — въ 1297 году).

2) Giesebrecht: Die Bauern im Lande Stettin, p. 257.

3) Bilow, Geschichtl. Entwicklung der Abgaben-Verhältnisse in Pommern und Rügen, S. 30. О томъ, что дворянство не иначе могло отчуждать свои имѣнія, какъ только съ согласія князя, говоритъ и Ниссенъ (Zur Entstehung d. Grossgrundbesitzes und der Gutsherrschaft in der Neumark, S. 3). Sommerfeld: Gesch. d. Germanisierung d. Herz. Pommern, S. 58.

4) Sommerfeld, op. cit., S. 216, Bemerkung.

5) Bilow, op. cit., p. 25. Padberg, Die ländliche Verfassung in d. Provinz Pommern, S. 213 (о подписяхъ дворянъ съ указаніемъ на ихъ должности, а не на имѣнія).

6) Sommerfeld, op. cit., p. 57.

7) Sommerfeld, op. cit., p. 56—57.

ціальної історії єсть немало неясностей, неубѣдительныхъ или недоказанныхъ положеній.

Нужно, впрочемъ, замѣтити, что за послѣдніе десятка полтора лѣтъ начали появляться, наряду съ другими, и такія изслѣдованія, которыхъ нельзя упрекнуть ни въ перенесеніи на Поморье извѣстій о внутрѣнней жизни сосѣднихъ странъ, ни въ ссылкахъ на подложные документи. Таковы изслѣдованія Вермана, Зоммерфельда, Ниссена.

Труды Вермана, однако, какъ уже замѣчено было, почти не касаются соціальної історії, трудъ Ниссена касается Поморья лишь отчасти. Только изслѣдованіе Зоммерфельда даєть картину внутрѣнней жизни Поморья, въ частности — соціального строя и основывается на изученіи подлинныхъ поморскихъ грамотъ. Но и въ этомъ изслѣдованіи єсть неясныя и неубѣдительныя мѣста. Произошли они, повидимому, оттого, что изслѣдователь почти цѣликомъ удержалъ тезисы отрицательнаго направленія и въ то же самое время не находилъ (по его собственному признанію) для ихъ доказательства соотвѣтствующихъ указаній въ источникахъ.

Мало согласованными одно съ другимъ являются сужденія Зоммерфельда а) о крѣпостныхъ, б) о прикрѣпленіи къ землѣ, в) о повинностяхъ и г) объ аристократіи.

а) Зоммерфельдъ, съ одной стороны, признаєть наличность крѣпостнаго состоянія въ Поморьѣ. Съ другой стороны, онъ принужденъ констатировать, что „о крѣпостныхъ мы узнаємъ мало въ источникахъ“. Къ этимъ малочисленнымъ извѣстіямъ о крѣпостныхъ онъ относить извѣстія о десятичникахъ.

Однако и эта единственная ссылка автора на источники неудачна: самъ-же Зоммерфельдъ усматриваетъ „признакъ людей крѣпостныхъ въ томъ, что они могутъ быть отчуждаемы, какъ товаръ самъ по себѣ, независимо отъ земли“¹⁾; а, между тѣмъ, тѣ извѣстія о десятичникахъ, которыя онъ имѣетъ въ виду, не обнаруживаютъ такого признака: десятичники отчуждаются вмѣстѣ съ землею²⁾.

1) Sommerfeld, op. cit., 54: Über die Leibeigenen, deren Kennzeichen darin zu erblicken ist, dass sie losgelöst vom Grund und Boden, als Ware an sich, veräußert werden konnten, erfahren wir in den Quellen nur wenig. Jedenfalls gehörten zu ihnen die auf Usedom und Wollin gegen Ende des 12 Jahrhunderts einigemal erwähnten Zehntbauern.

2) Гр. кн. Богуслава отъ 1186 г. (С. Р. Д., № 60, р. 142; Pomm. Urk.,

б) Зависимость того класса, который обозначается Зоммерфельдомъ, какъ Grundhörige, представляется, съ одной стороны, довольно сильною: крестьянинъ обязанъ былъ помѣщику повинностями въ безграничныхъ предѣлахъ и былъ отчуждаемъ вмѣстѣ съ землею. Съ другой стороны, доказательствъ его прикрѣпленія къ землѣ не имѣется, нѣтъ извѣстій и о частно-владѣльческихъ повинностяхъ; есть только извѣстія о такихъ случаяхъ, когда крестьянинъ покидалъ мѣсто жительства по собственному желанію¹⁾.

в) Повинности помѣщикамъ и князю Зоммерфельдъ, подобно своимъ предшественникамъ, считаетъ чрезвычайно тяжелыми и безграничными. Съ другой стороны, онъ же заявляетъ, что „намъ извѣстны почти только публичныя повинности, да и эти — только по ихъ главнѣйшимъ категоріямъ, такъ что невозможенъ болѣе точный подсчетъ того, что каждый въ отдѣльности обязанъ былъ въ теченіе опредѣленнаго времени“²⁾.

г) Зоммерфельдъ не противится созданному до него понятію объ аристократіи, какъ обособленному и могущественному сословію. Съ другой стороны онъ же констатируетъ, что въ источникахъ не имѣется свѣдѣній „о перемѣнахъ во владѣніи имѣніями славянскихъ свѣтскихъ лицъ“³⁾. Далѣе: авторъ говоритъ, что исключительное право дворянства на занятіе даже высшихъ должностей есть только допустимое предположеніе⁴⁾, а объ отношеніи дворянъ-

1, № 102, p. 78—79): Nec igitur ad eundem locum (Lubbin) pertinent. — mansus unus in villa Szolbino cum decimo rustico Szolbiz.

Гр. княгини Анастасіи отъ 1187 г. (по Гассельбаху Козегартену и тексту грамоты — 1188 г. С. Р. Д., № 65, p. 160; Pomm. Urk., I, № 106, p. 81—82): donamus . villam scilicet zglattiz . cum omnibus terminis et appendiciis suis . vbiunque prope uel procul constitutis . et quinque rusticos in ea ex hiis . quos decimarios usitato nomine appellare solemus . Partem quoque prouincie wanzloue que Lipa dicitur integraliter totam . id est villulas et agros . prata et arbusta . loca plana et aspera . rusticos decimarios . et vniuersa que in ea juris nostri fuerant . libere et absolute ab omni exactione . predicti serui dei (Grobenses monachi) possideant . excepto quod ad instaurandam munitionem — rustici eorum sicut quilibet alii comprovinciales sui adiuuabunt.

1) Sommerfeld, op. cit., p. 55.

2) Sommerfeld, op. cit., p. 55, 61.

3) Sommerfeld, op. cit., p. 216. Нужно замѣтить, что указанія на такія перемѣны были бы важны не только сами по себѣ, но и какъ единственный почти поводъ для обнаруженія крупнаго славянскаго землеуладѣнія вообще, его размѣровъ и качествъ.

4) Sommerfeld, op. cit., p. 57. Характерно, что въ другомъ мѣстѣ

помѣщиковъ къ простому народу выражается съ большею увѣренностію, что они не имѣли надъ населеніемъ публичныхъ правъ ¹⁾).

Въ виду того, что въ источникахъ, такимъ образомъ оказалось затруднительнымъ отыскать оправданіе ученію о могуществѣ аристократіи, Зоммерфельдъ не находитъ иного выхода, какъ — отодвинуть значеніе дворянства на болѣе древнее время, т. е. на такое время, отъ котораго о сословіяхъ ужь совсѣмъ никакихъ извѣстій нѣтъ. „Большая часть дворянства“, замѣчаетъ онъ, „уже ко времени епископа Оттона, кажется, не имѣла болѣе средствъ изъ собственныхъ имуществъ вести образъ жизни, соответствующій сословію“ ²⁾).

Итакъ, всего сказаннаго объ исторической литературѣ достаточно, чтобы убѣдиться въ неясности и даже бездоказательности многихъ сужденій о социальномъ строѣ Поморья; новое изслѣдованіе по исторіи этого строя представляется поэтому своевременнымъ.

Порядокъ изложенія въ изслѣдованіи по социальной исторіи отчасти намѣчается предшествовавшюю литературою. Господствующее въ ней направленіе выставляетъ разныя доказательства несвободы всего простого народа; но изъ всѣхъ этихъ доказательствъ документальнымъ и самымъ вѣскимъ надо считать одно: многочисленные извѣстія грамотъ объ отчужденіи деревень и вообще населенныхъ мѣстъ.

Дѣйствительно, если жертвуется, продается или вымѣнивается земля вмѣстѣ съ людьми, безъ всякаго ихъ на это согласія, то легко возникаетъ мысль не только о ихъ подчиненности, но даже несвободѣ или крѣпостномъ состояніи. Подобный выводъ и сдѣлали историки отрицательнаго направленія.

„Насупротивъ помѣщиковъ мы находимъ (въ Поморьѣ) только несвободныхъ, homines, и эти, поскольку они отнесены были къ отдѣльнымъ мѣстностямъ, incolae villarum, считались принадлежностію этихъ мѣстностей и вмѣстѣ съ послѣдними переходили изъ рукъ въ руки“, замѣчаетъ одинъ историкъ.

„Славянинъ-крестьянинъ сплошь — по меньшей мѣрѣ зависимъ, а именно — онъ въ высокой степени обязанъ къ податямъ и службамъ, и притомъ не только по отношенію къ князю, но и по отношенію къ помѣщику, — и прикрѣпленъ къ землѣ.

Зоммерфельдъ сомнѣвается въ томъ, чтобы въ Поморьѣ существовали свободные люди, кромѣ дворянъ.

1) Sommerfeld, op. cit., p. 56.

2) Sommerfeldt, op. cit., p. 58.

Его продають или отдають въ даръ вмѣстѣ деревнею, гдѣ онъ живетъ.“ Таковы слова другого историка.

Такъ же и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ еще опредѣленнѣе выражается третій историкъ: „Послѣ приведенныхъ актовыхъ свидѣтельствъ едва ли станеть кто сомнѣваться въ томъ, что крестьяне, живущіе по славянскому праву, лишены были права свободнаго перехода съ одного мѣста на другое. Въ качествѣ прикрѣпленныхъ къ землѣ людей они оказывались связанными съ имѣніями ихъ господъ такимъ образомъ, что они съ женами и дѣтьми обоого пола присчитывались къ принадлежностямъ имѣній и переселялись между этими принадлежностями.“

Отчужденіе деревень считали доказательствомъ или признакомъ крѣпостнаго состоянія Падбергъ ¹⁾, Фуксъ ²⁾, Брюннекъ ³⁾, Зоммерфельдъ ⁴⁾, Массъ ⁵⁾, Ниссенъ ⁶⁾ и др.

1) Padberg, op. cit., p. 193—194: Den Grundherren gegenüber finden wir nur Unfreie, homines, und diese, soweit sie den einzelnen Ortschaften zugewiesen waren, incolae villarum, galten als deren Pertinenz, gingen mit denselben aus einer Hand in die andere.

2) Fuchs, op. cit., p. 4: Der wendische Bauer ist — — durchweg mindestens hörig, nämlich in hohem Grade abgaben- und dienstpflchtig — und zwar nicht nur dem Landesherrn, sondern auch dem Grundherrn — und an die Scholle gebunden. Er wird mit dem Dorf, das er bewohnt, verkauft oder verschenkt.

3) Brünneck, op. cit., S. 118: Wohl aber wird man nach den beigebrachten urkundlichen Zeugnissen nicht daran zu zweifeln haben, dass die nach slavischem Recht lebenden Bauern in Pommern der Freizügigkeit darben. In der Eigenschaft von grundbehörigen Leuten galten sie mit den Gütern ihrer Herren derartig verbunden, dass sie mit Weib und Kindern beiderlei Geschlechts zu deren Pertinenz gerechnet und unter diesen mit aufgezählt wurden.

4) Sommerfeld, op. cit., p. 55: Die Grundhörigen, welche anscheinend die grosse Mehrheit der ganzen Einwohnerschaft Pommerns bildeten, lebten als Ackerbauer, Vieh- und Bienenzüchter, Fischer und Jäger, jedenfalls auch als Handwerker und Kleingewerbtreibende, auf öffentlichem oder auf fürstlichem oder adligem Privatgrunde, hatten an den Landes- und eventuell an den Grundherrn Dienste und Abgaben zu leisten und wurden bei Vergabungen des Bodens, auf dem sie sassen, vom Fürsten oder Adligen *implicite* mit veräussert.

5) Mass, op. cit., p. 36: Zum grösseren Teil waren die Bauern Grundhörige, die mit Grund und Boden zusammen veräussert wurden; auch sie waren den Grundherren zu Dienstleistungen verpflichtet, die rechtlich wohl unbegrenzt waren.

6) P. v. Niessen, *Gesch. d. Neumark*, p. 92: Die ganze übrige Be-

Такая постановка вопроса предшествовавшей литературой может намѣчать порядокъ новаго изслѣдованія по соціальной исторіи. Если отчужденіе деревень выдвигается, какъ доказательство несвободы поморянъ, то представляется нелишнимъ оцѣнить силу этого доказательства; любопытно разобрать случаи отчужденія и выяснитъ ихъ характеръ, а если можно, то — и происхождение. Тогда будетъ видно, въ какой степени извѣстія объ этомъ явленіи могутъ служить доказательствомъ несвободы поморянъ.

Вопросы, касающіеся отчужденія деревень, должны быть поэтому тщательно изучены. Это изученіе могло бы совершаться вмѣстѣ съ исторіею землевладѣнія или соціального строя. Однако, представляется болѣе удобнымъ выдѣлить вопросъ объ отчужденіи деревень особо и дать попытку его разрѣшенія прежде изложенія общаго соціального развитія. Такое выдѣленіе умѣстно не только потому, что на отчужденіе деревень ссылались сторонники отрицательнаго направленія, но и потому, что этого требуетъ самое существо дѣла.

При чтеніи поморскихъ грамотъ обнаруживается замѣчательное однообразіе извѣстій, которыя въ нихъ заключаются. Содержаніе извѣстій — отчужденіе какого-либо населеннаго мѣста. Сами по себѣ эти извѣстія ничего особеннаго не представляютъ; отъ среднихъ вѣковъ такихъ извѣстій сохранилось немало и изъ исторіи другихъ странъ.

Но поморскіе источники представляютъ ту особенность, что извѣстій объ отчужденіи населенныхъ мѣстъ въ грамотахъ чрезвычайно много, если взять во вниманіе величину территории съ населеніемъ и ограниченныя хронологическія рамки. Грамоты поморскія постоянно и настойчиво удостовѣряютъ, что князья жертвуютъ церкви такія-то деревни. Это составляетъ почти исключительное содержаніе грамотъ поморскихъ князей; право

völkerung des Landes Bahn wurde bei der Abtretung überhaupt nicht erwähnt. Sie besass also kein echtes, freies Eigen; so muss man folgern. Darf man aber auch den weiteren Schluss ziehen, dass sie persönlich unfrei war? Die slavische bäuerliche Bevölkerung war in jener Zeit noch keineswegs gleichartig; ein sehr grosser Teil von ihr war an die Scholle gefesselt, persönlich und dinglich unfrei, hatte eine Menge Lasten zu tragen und konnte mit dem gesamten Dorf veräussert oder aus ihrem Besitz auch wohl verdrängt werden, um diese Zeit bereits hier und da sogar durch den Grundherren ohne Entschädigung, aber im übrigen ist es kaum möglich im einzelnen etwas näheres anzugeben.

церковныхъ учреждений на владѣніе тѣми или другими деревнями въ Поморьѣ не разъ подтверждается папою, епископомъ, аббатами и даже сосѣдными государями.

Доказываетъ ли эта односторонность поморскихъ актовыхъ извѣстій то, что и въ дѣйствительности, въ общественно-экономической жизни Поморья въ изучаемый періодъ происходилъ какой-то особенный, также своеобразный, соответствующій односторонности извѣстій, процессъ?

Заключать о своеобразіи жизненнаго процесса на основаніи одного только своеобразія извѣстій въ источникахъ было бы преждевременно; многія стороны общественной, экономической и государственной жизни не отразились въ источникахъ. Количество свѣдѣній о разныхъ сторонахъ прошедшей жизни не пропорціонально количеству фактовъ этой жизни: дѣлать выводы изъ одностороннихъ источниковъ о томъ, что въ прошлой жизни одна сторона перевѣшивала или исключала всѣ прочія, еще нельзя.

Но въ отношеніи Поморья и основного тона поморскихъ грамотъ (пожертвованіе княземъ населеннаго мѣста церкви) все-таки надо признать, что въ тогдашней жизни дѣйствительно совершался особенный процессъ, который былъ виновникомъ однообразія актовъ. Что обильное отчужденіе населенныхъ мѣстъ было особенностію тогдашней поморской жизни, это видно: во-первыхъ, изъ сравненія поморскихъ грамотъ съ грамотами ближайшихъ къ Поморью государствъ, и, во вторыхъ, изъ сопоставленія отчуждавшихся мѣстностей съ предполагаемымъ общимъ количествомъ поселеній.

Сравненіе съ сосѣдными грамотами показываетъ, что въ этихъ послѣднихъ, въ отличіе отъ Поморья, очень часто трактовались и другія темы, не только отчужденіе населенныхъ мѣстъ. Сличеніе всѣхъ отчуждавшихся мѣстностей съ географическою картою оставляетъ незатронутыми мало земель; большая половина населенныхъ мѣстъ княжества въ описываемую эпоху подвергалась отчужденію въ пользу церкви, впоследствии — отчасти и въ пользу свѣтскихъ лицъ.

Итакъ, чувствуется что-то чрезвычайное въ этомъ количествѣ отчужденій. Такого количества отчужденій со стороны князей не было прежде, до половины XII в., да и впоследствии не могло быть. До половины XII в. этого не могло быть потому, что во время 1153 г. — 1278 г. распоряжался населенными землями почти

исключительно князь; очевидно, что онъ съ половины XII в. могъ развить такую щедрую дѣятельность только потому, что раньше онъ ее не развивалъ; а съ 1278 года онъ не могъ такъ много жертвовать, потому что къ этому времени уже была раздарена большая часть Поморья. Можно даже сказать, что и новые разнокалиберные владѣльцы населенныхъ мѣстъ и ихъ наслѣдники едва ли безъ нужды, безъ давленія особенныхъ обстоятельствъ, нашли бы впослѣдствіи выгоднымъ для себя совершать всѣмъ вмѣстѣ въ соотвѣтствующій періодъ времени столько отчужденій, сколько раньше совершилъ одинъ только князь. Такая усиленная мобилизація землевладѣнія, такое множество отчужденій населенныхъ мѣстъ, какое совершилось между 1140 и 1278 годомъ, есть явленіе, несомнѣнно, чрезвычайное.

Многочисленность отчужденій деревень и ихъ чрезвычайность есть главнѣйшее основаніе къ тому, чтобы выдѣлить ихъ для особаго изученія и изложенія. Ясно, что для соціального развитія эти отчужденія не могли быть безразличными; они неизбѣжно должны были отразиться на немъ; да и самое ихъ возникновеніе стало возможнымъ вслѣдствіе особо сложившихся благоприятныхъ обстоятельствъ.

Остановливаясь, прежде выясненія общаго соціального развитія, на исторіи отчужденія населенныхъ мѣстъ, изслѣдователь встрѣчается съ вопросами: какъ произошли отчужденія населенныхъ мѣстъ? Въ чемъ состояла сущность этихъ отчужденій (и владѣнія)? Какія послѣдствія для соціального развитія имѣли эти отчужденія?

Для рѣшенія этихъ столь важныхъ для соціальной исторіи вопросовъ имѣется немалое количество матеріала: какъ уже сказано, отчужденіе деревень — главнѣйшая тема актовъ. Отсюда можно извлечь еще одно побужденіе для того, чтобы предварительно изучать отчужденіе населенныхъ мѣстъ: при такомъ порядкѣ изученіе начинается съ болѣе извѣстнаго (сравнительно) и постепенно переходитъ къ малоизвѣстному или оставленному безъ вниманія источниками. Грамоты, правда, однообразны и скупы на сообщенія; какъ часто онѣ ни говорятъ объ отчужденіи деревень, — онѣ и здѣсь не даютъ точныхъ разъясненій; но въ другихъ соціальныхъ проблемахъ онѣ еще менѣе вразумительны. Въ дѣлѣ отчужденія деревень онѣ всетаки даютъ нѣкоторыя точки опоры: такъ, на первый разъ уже то важно, что удается установить чрезвычайность отчужденій по количеству.

Но что такое эти отчужденія по своему качеству? Какова

была ихъ сущность? Исторія вообще знаетъ самыя различныя формы отчужденій деревень. Въ разныхъ странахъ бывали поселенія рабовъ, которыми распоряжались по произволу; бывали деревни крѣпостныхъ крестьянъ, которыхъ также продавали, закладывали и т. д.; но были и такія отчужденія населенныхъ мѣстъ, которыя отнюдь не свидѣтельствовали, но крайней мѣрѣ въ началѣ, о несвободѣ обитателей; при передачѣ населеннаго мѣста императоромъ или княземъ могла подразумѣваться уступка доходовъ съ него, но не право собственности надъ несвободнымъ населеніемъ.

Къ которому изъ разныхъ типовъ отчужденій относится отчужденіе поморскихъ деревень? Если здѣсь подразумѣвались земли съ крѣпостнымъ или рабскимъ населеніемъ, то это не могло бы остаться скрытымъ при наличности многихъ сотенъ извѣстій объ отчужденіяхъ; разсмотрѣніе отчужденій можетъ дать безспорныя доказательства несвободы населенія.

Если же здѣсь, при поморскихъ отчужденіяхъ, затронуто было вмѣстѣ съ землями населеніе, обнаруживавшее всѣ признаки предшествовавшаго свободнаго состоянія, то изученіе такихъ отчужденій имѣетъ особенную важность: въ такомъ случаѣ, населеніе отчуждаемыхъ деревень группами подпадало подъ зависимость того учрежденія или лица, которому деревня была дана княземъ. Тутъ было бы установленіе такой зависимости, которая не вытекала изъ экономической несостоятельности отдѣльныхъ лицъ или изъ завоеванія; напротивъ, это было бы перенесеніе дѣйствительныхъ или мнимыхъ государственныхъ правъ на частныя лица или учрежденія, и это перенесеніе подчиняло бы группы сельскаго населенія новымъ помѣщикамъ.

Очевидно, такое или иное рѣшеніе вопроса объ отчужденіи населенныхъ мѣстъ кореннымъ образомъ должно отразиться на всемъ изображеніи соціальной эволюціи; соотвѣтствующимъ образомъ освѣщается и развитіе государственной власти и развитіе народнаго хозяйства.

Итакъ, порядокъ изслѣдованія соціальной исторіи Поморья обуславливаютъ слѣдующія обстоятельства: 1) чрезвычайное количество отчужденій населенныхъ мѣстъ, которое произведено было князьями въ теченіе ста съ лишнимъ лѣтъ предъ 1278-мъ годомъ и которое не могло не имѣть громаднаго вліянія на положеніе поморянъ; 2) сущность документальнаго и важнѣйшаго доказательства несвободы поморянъ (ссылка на массовыя отчужденія

деревень), приводимаго господствующимъ направлениемъ въ исторической литературѣ; 3) крайняя скудость извѣстій о строѣ и развитіи славяно-поморскаго общества; 4) методъ раскрытія трудныхъ и спорныхъ вопросовъ: отъ болѣе извѣстнаго и удостовѣреннаго къ менѣе извѣстному или оставленному источниками безъ вниманія. — По всѣмъ этимъ соображеніямъ отчужденіе населенныхъ мѣстъ и владѣніе ими будетъ предметомъ изложенія въ ближайшихъ главахъ настоящаго изслѣдованія.

Отдѣлъ второй.

Извѣстія о славяно-поморскомъ владѣніи
населенными имѣніями.

ГЛАВА I.

Терминологія грамотъ. Первая группа извѣстій: владѣнія родственниковъ князя.

Для сужденія о происхожденіи и сущности владѣнія населенными мѣстами поморскіе источники не даютъ много данныхъ. Историкъ долженъ довольствоваться только заявленіями (правда, — многочисленными) грамотъ объ отчужденіи деревень и лаконическими указаніями на принадлежность деревни тому или другому лицу или учрежденію.

Извѣстія объ отчужденіи населенныхъ мѣстъ и о владѣніи ими въ какой-либо странѣ не всегда въ одинаковой степени способствуютъ выясненію положенія населенія. Когда, напр., источникъ удостовѣряетъ пріобрѣтеніе кѣмъ-либо земли, имѣнія или села, „съ зданіями, челядью обоого пола, полями, лѣсами, птицами“¹⁾, „съ людьми и со всѣми доходными статьями, настоящими и будущими“²⁾, то сразу же получается довольно опредѣленное общее представленіе о правовомъ положеніи населенія (о его свободѣ или несвободѣ) въ отчуждаемой мѣстности.

Но если отчуждается деревня со всѣми принадлежностями, которыя тутъ же подробно перечисляются (поля, лѣса, воды и т. д.), и если при этомъ о передачѣ людей не говорится ни слова, то — правовое положеніе населенія не такъ понятно.

Извѣстія съ отчужденійхъ деревень въ Поморьѣ всецѣло относятся къ этому послѣднему роду извѣстій. Объ отчужденіяхъ въ грамотахъ рѣчь идетъ очень часто, не разъ упоминается и

1) Гр. короля Оттона III монастырю Reepsholtъ отъ 988 г. Ostfriesisches Urkundenbuch, herausg. von E. Friedländer, I, Emden, 1878, № 4, p. 4—5.

2) Гр. Мѣшка Стараго Лондскому цистерціанскому монастырю отъ 1145 г. Codex diplomaticus Poloniae, ed. Ryszczewski et Muczkowski, T. I, Varsaviae, 1847, № I, p. 2—3.

просто о владѣннн деревнями, часто говорится и объ освобожденн населенн отъ повинностей¹⁾; но какомъ было и какомъ будетъ правовое положенн населенн, отдается ли и населенн наряду съ угодьями или оно не подлежитъ передачѣ, — объ этомъ не говорится ничего.

Несмотря на это молчанн, едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что акты, касавшнся деревень, одновременно затрагивали въ той или другой степени и населенн этихъ деревень. Поэтому, чѣмъ яснѣ представится изслѣдователю отчужденн деревень и владѣнн ими, т. е. происхожденн, сущность и послѣдствня того и другого, тѣмъ понятнѣ станетъ и положенн затронутого населенн. Съ точки зрѣнн соціальнй исторнн частновладѣльческнй операцин съ деревнями заслуживаютъ полнаго вниманн.

Но даютъ ли источники поморской исторнн возможность отличать населеннн мѣста отъ ненаселенннхъ?

Тѣ населеннн мѣста, которыя были предметомъ владѣнн или отчужденн, обыкновенно обозначались, какъ деревни (*ville*). Кромѣ деревень, предметами владѣнн и отчужденн были: опустѣвшнй деревни, пустоши, имѣнн, земли, поля и т. п. (*deserte ville, loca villarum, solitudines, bona, possessiones, praedia, hereditates, loca, terre, campri, agri, mansi*). Между отдѣльннми терминми установить разницу не всегда можно для каждаго случая; не во всякой грамотѣ есть безспорное указанн на то, какую именно землю она имѣетъ въ виду — населенную или ненаселенную.

Наиболѣе опредѣленнми въ этомъ отношенн и противоположнми другъ другу словами представляются: деревня (*villa*) и пустошь (*deserta*). Менѣе опредѣленное значенн имѣютъ остальння слова; такъ слова: *bona, possessiones*, и т. п., которыя вообще не содержатъ въ себѣ указанн на населенн, какъ на существеннй признакъ, — употребляются иногда для обозначенн всей совокупности недвижимаго имущества, не исключая и деревень.

Но и столь, кажется, опредѣленння понятнн, какъ *villa* и *deserta* иногда выступаютъ съ своеобразннми поясненнми: при даренн деревни нерѣдко выражаются такъ, какъ будто это даренн имѣетъ въ виду только мансы²⁾, а при упоминанн о пу-

1) При этомъ выясняется только то, что повинности не носятъ частно-владѣльческаго характера.

2) Pomm. Urk., I, № 324, p. 245 (*villa Tristingowe*); № 426, p. 337 (*villa Cabowe*). Pomm. Urk., II, № 752, p. 115—116; № 777, p. 131—132 (*villa Virogh*); № 830, p. 171 (*villa Lethsin*); № 998, p. 295 (*villa Malchowe*).

стоши говорится однажды о церковной десятинѣ, которую должно было платить населеніе этой пустоши¹⁾.

Если источники допускаютъ подобную неопредѣленность (съ точки зрѣнія вопроса о населенности) въ употребленіи терминовъ: деревня, имѣніе, пустошь и др., — то есть ли какой-либо смыслъ при изученіи различать всѣ эти термины? Возможно ли улавливать разницу въ оттѣнкахъ этихъ терминовъ²⁾, имѣетъ ли это какую-нибудь важность и необходимость?

Изученіе источниковъ соціальной исторіи приводитъ къ утвердительному отвѣту на эти вопросы. Различать оттѣнки въ значеніи словъ, обозначающихъ разныя имѣнія, въ общемъ возможно, важно и необходимо.

Различеніе это возможно: грамоты употребляютъ термины, правда, не вполне послѣдовательно, строгой выдержанности они не проявляютъ, но это употребленіе все-таки не было совершенно безсознательнымъ. Какъ и въ другихъ случаяхъ, — напр., при перечисленіи „принадлежностей“³⁾, — составителямъ грамотъ нельзя отказать въ извѣстной осмотрительности.

Правда, иногда одно и то же географическое собственное имя опредѣляется неодинаково (напр., одинъ разъ — какъ имѣніе, другой разъ — какъ деревня), и это обстоятельство какъ будто указываетъ на беззаботность въ употребленіи терминовъ.

Не говоря уже о томъ, что деревня (villa), попавшая кому-либо въ собственность или во владѣніе, могла быть съ полнымъ правомъ обозначена, какъ имѣніе, замѣна терминовъ одного другимъ могла вызываться особыми обстоятельствами. Иногда надо было придумать общее названіе для деревни и ненаселенныхъ земель; такимъ и было слово „имѣніе“. Иногда могло произойти дареніе для церкви неполное по ея мнѣнію: или князь не выказывалъ желанія подарить цѣликомъ всю деревню, или изготовленіе грамоты не удовлетворяло монаховъ.

Тогда обращались къ князю съ просьбою, и въ результатѣ давались подтвержденія, причемъ неоднократно дѣлались расши-

1) Pomn. Urk., II, № 976, p. 278.

2) Въ исторической литературѣ и при изданіи источниковъ этотъ вопросъ рѣшался не столько теоретически, сколько практически, т. е. разные термины употреблялись безъ особаго разбора. Отвѣтъ, слѣдовательно, предполагался отрицательный. См. выше, стр. 24, примѣч. 2 стр. 27; стр. 38.

3) См. выше, стр. 6—8.

ренія по сравненію съ первоначальнымъ даромъ. Если расширеніе происходило немедленно послѣ совершенія акта даренія, то во второмъ изготовленіи грамоты дѣлались нужныя поясненія, исправленія и дополненія, а во всемъ остальномъ второе изготовленіе было тождественно съ первымъ.

Что именно вызывало вторичное изготовленіе грамоты или подтвержденіе прежняго дара, — это для каждаго случая въ отдѣльности неизвѣстно. Можно только сказать, что общія условія вторичнаго изготовленія, какъ и подтвержденія, — тѣ же самыя, что и для первичнаго дара: просьба монаховъ и набожность князей.

Исходя изъ этихъ условій, можно было бы и на вторичное изготовленіе и подтвержденіе взглянуть, какъ на новое проявленіе вниманія и щедрости князя по отношенію къ церкви. Дѣйствительно, что касается терминовъ, то подмѣчается обыкновенно слѣдующее.

Когда къ одному и тому же географическому собственному имени прилагаются разныя опредѣленія, то эти послѣднія размѣщаются въ порядкѣ ихъ возрастающей важности и точности. Въ окончательной стадіи пріобрѣтенія имѣніе называется уже прямо деревнею¹⁾.

1) Примѣры постепеннаго обозначенія даримыхъ или пріобрѣтаемыхъ имѣній.

Доберанскій монастырь. а) 1232 г. Первое изготовленіе: *predium in tribus locis, scilicet Racowe majori et Racowe minori et Pritochine ad triginta mansos* (Pomm. Urk., I, № 286, p. 223). б) 1232 г. Второе изготовленіе: *fundus sine numero mansorum indeterminate, tribus tamen disternatum vocabulis ac distinctum, Racowe videlicet majus et Racowe minus et tertium Pretuzhine* (ib., № 287, p. 223—224). в) 1235 г. *predium, quod tribus determinatur vocabulis, Racowe uidelicet majus et Racowe minus ac tertium Pretuzhine* (ib., № 316, p. 240). г) 1248 г. *ville Racowe majus et minus et Pretûtse sine numero mansorum* (ib., № 361, p. 282).

Кольбацкій монастырь. а) 1220—1227 г. Первое изготовленіе: *quicquid jure hereditario et paterna successione possedimus in Brucho et Dambine* (Pomm. Urk., I, № 202, p. 147). б) 1220—1227 г. Второе изготовленіе: *ville Bruchow et Dambine* (ib., № 203, p. 148).

Кольбацкій монастырь. а) 1186 г. Первое изготовленіе: *locus Broda* (Pomm. Urk., I, № 103, p. 80). б) 1186 г. Второе изготовленіе: *locus Broda* (владѣлецъ — Вальтеръ), *villa Broda* (собственникъ — монастырь). Ib., № 104, p. 80.

Кольбацкій монастырь. а) 1202—1208 г. *Воп(um) Szasiua* (жертвователь — Славеборъ, знатный поморянинъ). Pomm. Urk., I, № 141,

Строгаго и вполне послѣдовательнаго употребленія терминовъ, какъ уже замѣчено было выше, тогда не было, да и быть не могло, — въ виду несходства составителей грамотъ, разницы во времени и чужого (латинскаго) языка. Неопредѣленность терминовъ существовала, и съ ней надо считаться. Она затрудняетъ выводы при изслѣдованіи, но она менѣе всего должна давать изслѣдователю поводъ смѣшивать разные типы имѣній.

Нѣтъ основанія считать (или утверждать, что въ то время считали) всякое имѣніе (*possessio, locus, predium* и т. п.) равнымъ деревнѣ или населеннымъ на подобіе деревни. Хотя имѣніе и могло быть иногда населеннымъ и хотя иную деревню (конечно, только — владѣльческую) могли назвать имѣніемъ, но тождества обоихъ этихъ понятій нѣтъ, да едва ли и тогда было. Въ одномъ понятіи (*villa*) признакъ населенности является существеннымъ, въ другомъ — случайнымъ. Поэтому было бы со стороны изслѣдователя ошибкою замѣнять слово „имѣніе“ словомъ „деревня“ или утверждать, что подъ всякимъ имѣніемъ само собою должно подразумѣваться населенное имѣніе¹⁾.

Обыкновенно думаютъ, что въ то время земля безъ населенія не представляла цѣнности, въ отличіе, напр., отъ настоящаго времени. Соответственно такому мнѣнію, при всякомъ отчужденіи недвижимости нужно было бы подразумѣвать и находившееся на землѣ населеніе; при этомъ само собою предполагается нѣкоторая связь населенія съ отчуждаемой землею, болѣе или менѣе принудительная.

р. 106—107. 6) 1223 г.: *villa parua Scossoua* (жертвователю — князю). *Ib.*, I, № 213, р. 159.

Такіе и подобные случаи неодинаковыхъ опредѣленій отчуждаемой мѣстности съ большимъ трудомъ поддаются удовлетворительному объясненію. Неизвѣстно, что вліяло въ отдѣльныхъ случаяхъ на позднее употребленіе слова „деревня“: исключительность ли княжескаго авторитета надъ населенными мѣстами, непривычка ли отчуждать съ землей и населеніе, нерѣшительность ли въ употребленіи слова „деревня“ въ качествѣ образнаго выраженія (тропа, см. выше, стран. 15—17) для обозначенія приобретаемыхъ пространствъ земли, или еще какія-нибудь причины.

Во всякомъ случаѣ такое распредѣленіе терминовъ едва ли слѣдуетъ объяснять одною только случайностію.

1) Выраженіе: „населенное имѣніе“ здѣсь употребляется въ значеніи такого имѣнія, въ которомъ живутъ крѣпостные и вообще подвластные собственнику люди.

Противоположеніе соціально-економічнихъ условій тогдашняго Поморья условіямъ, напр., настоящаго времени не можетъ привести къ заключенію о томъ, что на всякой отчуждаемой землѣ находилось непрѣнно населеніе.

Конечно, тогда земля не цѣнилась безъ населенія. Но, въ сущности, она и въ настоящее время не цѣнится безъ населенія. Хотя работники, необходимые для эксплуатаціи теперешняго обширнаго имѣнія, многимъ отличаются отъ тогдашнихъ зависимыхъ людей, крѣпостныхъ и т. п., — они одинаково нужны нынѣшнему землевладѣльцу, и при полномъ ихъ отсутствіи и постоянной невозможности ихъ получить едва ли имѣніе представляло бы изъ себя какую-либо цѣнность.

Если теперь ненаселенная земля цѣнится, то только потому, что не предвидится затрудненій въ дѣлѣ приложенія къ ней рабочихъ рукъ. Нѣчто подобное (хотя въ другой формѣ) могло быть и дѣйствительно было въ ту пору: на Балтійскомъ Поморьѣ пустыя земли также цѣнились¹⁾; и цѣнились онѣ потому, что возможно было поселить на нихъ колонистовъ, которые доставляли собственнику немалый доходъ; относительно такихъ вновь нарождающихся доходовъ и производились расчеты и соглашенія на той пустоши, о которой упомянуто выше²⁾. Оттого-то въ прибалтійскихъ славянскихъ земляхъ бывали неоднократные случаи искусственнаго образованія пустоши, т. е. прежнее населеніе вытѣснялось съ тѣмъ, чтобы замѣнить его новымъ, изъ колонистовъ.

Такимъ образомъ, нѣтъ основанія считать всякое жертвуемое или отчуждаемое имѣніе или землю уже населенною обязанными людьми; нельзя также считать понятій *villa*, *possessio*, *hereditas*, *locus*, и т. п., — понятіями тождественными.

Даже тогда, когда самый текстъ грамотъ какъ бы предполагаетъ тождество понятій — напр., „40 мансовъ въ деревнѣ Lethsin“ кажутся равнозначущими „деревнѣ Lethsin“³⁾ — цѣлесообразнѣе попытаться вскрыть причины и условія такого отождествленія,

1) См., напр., Pomm. Urk., I, № 237, p. 187—188 (*uilla Bralin, longo tempore deserta*). — Были и подлоги съ цѣлю овладѣнія опустѣвшими деревнями или пустошью. Гр. Барнима I и Вартислава III Бродскому монастырю отъ 1244 г. (Pomm. Urk., I, № 429, p. 341—342. *Deserte ville*). — Гр., приписанная Святобору и помѣченная 1220 г. (Pomm. Urk., I, № 205, p. 149—155. *Solitudo Golinog*).

2) Стр. 86—87.

3) Pomm. Urk., II, № 830, p. 171.

чѣмъ вполнѣ ему довѣряться. Если даже подѣ мансомъ подразумѣвать не одну только мѣру поверхности, а и человѣка, который тамъ находится (manet), — полного тождества все-таки здѣсь нѣтъ.

„Деревня N.“ есть нѣчто цѣлокупное, нѣчто большее, чѣмъ „40 мансовъ въ деревнѣ N“. Это хорошо понимали Доберанскіе монахи, когда вмѣсто 30 мансовъ, которые имъ далъ князь въ трехъ деревняхъ, они выпросили тамъ же просто имѣніе „безъ числа мансовъ“, намѣченное только именами этихъ трехъ деревень¹⁾. Подобнымъ образомъ поступали Кольбацкіе монахи²⁾, и др. Отождествленіе грамотами этихъ понятій не столько доказываетъ дѣйствительное тождество, сколько обнаруживаетъ способъ мышленія, а также — неудобство или невозможность выражаться иначе.

Въ Поморѣ тогда готовы были считать равнозначущими выраженіями: „продать 40 мансовъ въ деревнѣ“, и „продать деревню“. Но въ другое время и въ другой странѣ продажа деревни означала нѣчто иное; „продать деревню“, значило, напр., „продать 300 душъ крѣпостныхъ“. Понятно, что такія двѣ продажи — далеко не одно и то же и свидѣтельствуютъ о разныхъ ступеняхъ развитія, или — если ступени были параллельны — о разныхъ путяхъ этого развитія.

Различеніе терминовъ важно именно въ томъ отношеніи, что оно облегчаетъ историку возможность уяснить эти ступени и пути. Хотя бы заинтересованные въ актѣ и дѣлали такой видъ, какъ будто бы пожалованіе касалось только земли, но населенію деревни отнюдь не могла быть безразличною передача этой „деревни во всей цѣлости“³⁾ какому-либо собственнику или владѣльцу.

Термины даютъ нѣкоторыя указанія и на то, жило ли въ данной отчуждаемой мѣстности населеніе изстари или оно вновь поселилось; помимо прочихъ условій, и время поселенія могло вліять на положеніе жителей. Пустошь (въ собственномъ значеніи этого слова), которая принадлежала какому-нибудь собственнику, въ концѣ концовъ населялась, въ ней устраивались деревни и даже иногда города; такимъ образомъ и она становилась населенною. Но положеніе населенія, которое осѣло на пустоши по договору съ собственникомъ, было инымъ по сравненію съ насе-

1) Pomm. Urk., I, № 286—287, p. 223—223.

2) Pomm. Urk., I, № 202—203, p. 147—148.

3) C. P. D., № 501, p. 976.

леніемъ старинной деревни: когда послѣднюю князь отдаетъ цѣликомъ въ полное распоряженіе собственника и освобождаетъ населеніе этой деревни отъ повинностей, то понятно, что жители старинной деревни будутъ чувствовать зависимость отъ собственника въ большей мѣрѣ, чѣмъ тѣ, которые устроились на договорныхъ отношеніяхъ.

Наконецъ, различіе терминовъ, обозначающихъ всяческія имѣнія, слѣдуетъ признать необходимымъ: прямыхъ и надежныхъ извѣстій о состояніи населенія почти нѣтъ, такъ что составить понятіе о положеніи населенія чрезвычайно трудно безъ изученія судебъ населенныхъ мѣстъ вообще. Поэтому, если только различіе терминовъ возможно, — то оно вмѣстѣ съ тѣмъ и необходимо. Исслѣдователь долженъ употребить всѣ усилія, чтобы разглядѣть населеніе въ той отчуждаемой мѣстности, гдѣ оно было, и чтобы убѣдиться въ его отсутствіи въ другихъ случаяхъ. При общей скудости извѣстій о социальномъ бытѣ, историкъ долженъ дорожить всѣми подробностями и намеками на населеніе, какъ бы они малозначущими ни казались.

Всѣмъ сказаннымъ и опредѣляется различіе терминовъ. Различіе это не можетъ быть безусловнымъ и рѣзкимъ, если допустить, что и сами грамоты полной и строгой послѣдовательности въ употребленіи словъ не проявляли. Вопреки мнѣнію издателей поморскихъ грамотъ и примкнувшихъ къ этому мнѣнію историковъ, есть причины для того, чтобы воздерживаться отъ превращенія понятія *campus*, *possessio* и т. п. въ понятіе *villa*¹⁾; но едва ли возможно искать и находить разницу, напр., между *possessiones* и *bona*. Умѣстнѣе всего въ изслѣдованіи по социальной исторіи улавливать по возможности разницу между такими выраженіями, которые само собою предполагаютъ присутствіе населенія въ отчуждаемомъ имѣніи, — и такими, которыя мыслимы безъ признака населенности.

Цѣль при различеніи терминовъ — уяснить правовое положеніе славяно-поморскаго сельскаго населенія, степень его свободы или несвободы. Та же самая цѣль настоящимъ изслѣдованіемъ имѣется въ виду и при изученіи вообще всѣхъ извѣстій объ отчужденіи деревень и о владѣніи ими.

Отсюда вытекаетъ, что предметомъ настоящаго изслѣдованія не будутъ институты гражданскаго права въ древнѣйшемъ Поморьѣ. Отчужденіе деревень и владѣніе ими будутъ разсматриваться не съ точки зрѣнія обязательственнаго и вещнаго

1) См. выше, стр. 24, примѣч. 2; стр. 27; стр. 38, примѣч. 2.

права, а съ точки зрѣнія соціальной эволюціи поморскаго славянства.

Собирая съ этой точки зрѣнія всѣ признаки чьихъ-либо правъ на населенныя мѣста, невозможно ограничиваться извѣстіями только о деревняхъ; вслѣдствіе нѣкоторой неопредѣленности въ терминахъ, необходимо обращать вниманіе на землевладѣніе вообще. Если имѣть въ виду всѣ упоминаемыя источниками поморскія мѣстности, населенныя и ненаселенныя, какими бы терминами онѣ ни опредѣлялись, то надо признать, что упоминаній обо всѣхъ такихъ мѣстностяхъ сохранилось довольно много — до восьмисотъ.

Изъ этого количества около двухсотъ мѣстностей называются безъ всякаго указанія на ихъ принадлежность кому-либо на частномъ правѣ; о нихъ говорится по случаю, напр., описанія границъ, передачи патронага надъ церковію, сдѣлки на церковныя десятины, и т. п.

Остальныя населенныя и ненаселенныя мѣста, въ количествѣ около 570, въ большей или меньшей степени показываютъ признаки принадлежности или передачи кому-либо (со стороны князя) на частномъ правѣ.

Далѣе, свыше ста такихъ деревень и имѣній, которыя оказываются во владѣніи какихъ-либо учреждений или лицъ (не славянъ) безъ указанія на роль поморскаго князя или знатныхъ поморянъ въ дѣлѣ пріобрѣтенія. Однѣ изъ такихъ деревень и имѣній даны были руанскимъ княземъ, другія — мекленбургскимъ, иныя — польскимъ, — все это давалось въ моментъ господства сосѣдняго князя надъ тою или другою пограничною областію Поморья. Сюда же относятся такія овладѣнія или претензіи, которыя носятъ явочный характеръ или опираются на подлогъ; въ такихъ случаяхъ не видно полномочій со стороны мѣстной государственной власти, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ.

Всѣ другіе случаи, въ количествѣ сотенъ четырехъ съ половиною, распределяются такъ.

а) Князь передаетъ разнымъ учреждениямъ и лицамъ право на 338 мѣстностей разной величины, преимущественно — деревень¹⁾.

1) Слѣдуетъ оговориться, что подсчетъ отчужденій и владѣній имѣніями, какъ въ общемъ количествѣ, такъ и по группамъ, — только приближенителенъ. Онъ и не можетъ быть точнымъ. Прежде всего надо замѣтить, что далеко не о всѣхъ владѣніяхъ и отчужденіяхъ сохранились упоминанія. Но даже и подсчетъ сохранившихся извѣстій и группировка ихъ по необходимости страдаетъ неточностію. Точности подсчетовъ и группировокъ препятствуетъ главнымъ образомъ слѣдую-

б) На 61 (приблизительно) мѣстность показываютъ въ большей или меньшей мѣрѣ свои права иностранцы свѣтскіе, переселившіеся въ Поморье.

в) Наконецъ, по отношенію къ 55 (приблизительно) мѣстностямъ, землямъ, полямъ), по случаю ихъ отчужденія или владѣнія ими, обнаруживается въ той или другой формѣ прикосновенность и поморянъ-славянъ.

Среди извѣстій о владѣніи населенными мѣстностями въ Поморьѣ и объ отчужденіи ихъ наибольшее вниманіе привлекаютъ къ себѣ именно эти послѣднія извѣстія, т. е. такія, которыя указываютъ на участіе туземной знати во владѣніи и отчужденіи; эти извѣстія болѣе всего пригодны для выясненія степени самобытности и давности обычая владѣть населенными имѣніями, а также и — его сущности. А это въ свою очередь важно для пониманія туземнаго соціального строя въ томъ видѣ, какъ онъ установился до оцѣмченія. Въ этомъ отношеніи свѣдѣнія о колонистахъ и о ихъ пріобрѣтеніяхъ, сдѣлкахъ и т. д., мало имѣютъ значенія, такъ какъ эти переселенцы не столько приспособлялись къ стариннымъ поморскимъ порядкамъ, сколько переносили въ страну собственныя культурныя, экономическія и политическія привычки и планы.

Извѣстія о славянскихъ отчужденіяхъ и владѣніяхъ несравненно важнѣе. Ясныхъ свидѣтельствъ о правахъ однихъ классовъ туземнаго населенія и о безправіи или неполноправіи другихъ нѣтъ, и краткія указанія на славянскія отчужденія и владѣнія представляютъ почти единственныя извѣстныя намъ проявленія правъ высшихъ классовъ; эти же самыя указанія одновременно соотвѣтствующимъ образомъ бросаютъ свѣтъ и на положеніе низшихъ классовъ населенія.

Уже количество отчужденій и владѣній въ средѣ славяно-

щее. 1) Неустойчивость терминологіи текста грамотъ. 2) Возможность вхожденія меньшаго имѣнія въ составъ болѣе крупнаго владѣнія, также подвергавшагося отчужденію. 3) Измѣненія въ группировкахъ, зависящія отъ признанія той или другой грамоты подложною; а относительно подложности грамотъ не существуетъ полнаго согласія среди ученыхъ. Нѣкоторые изслѣдователи (напр., Салисъ, раньше — Бухвальдъ) дѣлали такія замѣчанія, что можно ожидать послѣдующихъ и новыхъ работъ по вопросу о подложкахъ. 4) Точной группировкѣ препятствуетъ иногда неизвѣстность національнаго происхожденія нѣкоторыхъ владѣтелей.

поморской знати производить нѣсколько неожиданное впечатлѣніе — оно представляется слишкомъ незначительнымъ и по сравненію съ общимъ количествомъ обнаруженныхъ правъ на имѣнія (570), и по сравненію съ тѣмъ количествомъ населенныхъ мѣстъ, которыя были во владѣніи иностранцевъ.

Еще важнѣе качество владѣнія. Знатные поморяне владѣли и отчуждали населенныя и ненаселенныя имѣнія. Но какого характера было это владѣніе? Было ли это право наследственной собственности, или владѣніе на условіяхъ и по полномочію отъ князя, или еще какой-нибудь видъ владѣнія?

Чтобы выяснитъ, съ какими качествами выступаетъ въ исторіи древнѣйшее славяно-поморское владѣніе населенными имѣніями, нужно подробно разсмотрѣть всѣ вышеупомянутые 55 случаевъ этого владѣнія. Такое разсмотрѣніе всѣхъ относящихся сюда извѣстій удобно производить не столько въ хронологическомъ порядкѣ, сколько съ точки зрѣнія ихъ пригодности для характеристики самобытнаго развитія славяно-поморскаго общества.

Имѣя въ виду эту пригодность въ качествѣ основанія дѣленія, можно раздѣлитъ всѣ извѣстія на четыре группы. Въ первой группѣ будутъ собраны извѣстія о владѣніяхъ и отчужденіяхъ родственниковъ княжеской династіи. Во второй — извѣстія о владѣніяхъ и отчужденіяхъ такихъ имѣній, которыя находились въ самой западной, лютицкой части княжества. Въ третьей — ленныя владѣнія славянъ. Въ четвертой — указанія на славянское владѣніе населенными и ненаселенными мѣстами въ собственномъ Поморьѣ.

Большая половина всѣхъ случаевъ славянскаго владѣнія имѣніями относится не къ славянской знати вообще, а къ родственникамъ княжеской династіи. Въ Поморьѣ были двѣ побочныя линіи княжескаго происхожденія: Святоборичи и Ратиборичи.

Степень родства Святоборичей съ княжеской династіей трудно опредѣлитъ. О старѣйшемъ представителѣ этой линіи Вартиславѣ Святоборичѣ Саксонъ Грамматикъ говоритъ только то, что этотъ Вартиславъ былъ родственникомъ князя Богуслава и Казимира¹⁾. По смерти Богуслава I, за малолѣтствомъ его сыновей, Вартиславъ былъ регентомъ княжества.

1) Saxonis Grammatici Gesta Danorum, herausg. v. Holder, Strassburg, 1886, lib. XIV, p. 605 (ed. Müller-Velschow, p. 867): Prefectus urbis Warthyszlaus erat, qui et ipse Bugiszlauo et Kazimaro sanguine contiguus habebatur.

Святоборичи владѣли землями въ Кольбацкой области; тамъ Вартиславъ Святоборичъ основалъ Кольбацкій монастырь и такъ богато его одарилъ, что это приводило въ изумленіе Саксона Грамматика¹⁾.

Другая линія, Ратиборичи, имѣла своимъ родоначальникомъ Ратибора, брата князя Вартислава I. По смерти Вартислава I Ратиборъ сталъ княземъ Поморья. Его потомки господствовали въ Славенской области (Slauno, Schlawe), какъ князья. Въ XIII в. ихъ владѣнія, за прекращеніемъ этой линіи, переходятъ къ князьямъ Поморья²⁾.

Изъ рода Святоборичей дарили, подтверждали даренія и вообще въ той или другой формѣ показывали свои права надъ имѣніями и деревнями пять лицъ³⁾. Имѣнія Святоборичей находи-

1) *Ib.*: *Hujus animus, nihil pene cum civium ingenii commune sortitus, tanto amplificande exornandaeque religionis studio flagrabat, ut Sclauico sanguine editum barbarisque moribus imbutum negares; siquidem, ut patriam superstitioni deditam ab errore cultus reuocaret, exemplumque ei corrigende credulitatis proponeret, monachalis uite uiris e Dania adcitis, in latifundio suo cellam exstruxit, eamque multis et magnis stipendiis locupletauit.*

2) *Pomm. Urk., I, № 242, p. 191—196. Cp. Sommerfeld, Die Germanis. d. Herz. P., p. 119.*

3) Вотъ перечень ихъ дареній и вообще отчужденій.

а) Вартиславъ Святоборичъ. О его пожертвованіяхъ свидѣтельствуется и ихъ подтверждаетъ князь Богуславъ грамотою отъ 1173 года (*C. P. D., № 33, p. 83—84; Pomm. Urk., I, № 63, p. 38—39*). Въ этой грамотѣ называются вперемѣшку пожертванія и Вартислава и самого князя. Выдѣлить то, что дано было собственно Вартиславомъ позволяетъ грамота одного изъ потомковъ Вартислава, а именно грамота Казимира (III) отъ 1274 г. (*Pomm. Urk., II, № 1000, p. 297*). Сопоставляя ее съ грамотою Богуслава I отъ 1173 г., можно заключить, что собственно Вартиславъ далъ: *locum ipsum Colbas . Rekow . Reptow . villam Theutonicorum . Soznow.*

б) Казимиръ и вообще *heredes Wartizlai*. О Казимирѣ и о томъ, что онъ устроилъ пожертваніе деревни *Bogutino* Кольбергской Маринской церкви, говорится въ гр. княгини Анастасіи отъ 1194 г. (*C. P. D., № 94, p. 223—224; Pomm. Urk., I, № 126, p. 95—96*). О сдѣлкѣ наслѣдниковъ Вартислава говорится въ двухъ грамотахъ Богуслава II. *Pomm. Urk., I, № 156, p. 119—120. C. P. D., № 137, p. 327; Pomm. Urk., I, № 157, p. 121.*

в) Вартиславъ Вареоломеевичъ. Въ 1219 г. онъ участвуетъ въ дареніи Эльденскому монастырю деревень: *Dirscowe* и *Malescisce*. *C. P. D., № 126, p. 282; Pomm. Urk., I, № 190, p. 138—139*. Между 1220—1227 годами онъ же продаетъ: *Glina, Bruchow, Dambne* и *Lanchne* и вообще всю оставшуюся еще у него недвижимость (за исключеніемъ одной де-

Über die Genese der Schriften Thom. Campanellas.

Von

J. Kvačala.

Indem ich hiemit meine Campanella-Studien abschliesse, halte ich es für meine Pflicht, Allen Dank zu sagen, die mich bei meinen Forschungen unterstützt haben. Es sind dies vor Allem die Verwaltungen aller öffentlichen Bibliotheken in Rom. Das meiste verdanke ich der Bibl. Vaticana, dann der Vittorio Emmanuele und der Casanatense. Ferner der Bibl. Nazionale in Florenz, der Marciana in Venedig. In Paris der Hschriftenabteilung der Bibl. Nationale, dann der Bibl. Mazarine, St.-Geneviève und de l'Arsenale. In Wien der Hschriftenabteilung der Hofbibliothek, ebenso den Königl. Bibl. zu Hannover und München. Nicht weniger Dank schulde ich der Königl. Bibl. zu Berlin und der Kaiserl. öffentl. Bibliothek zu Petersburg.

Die Abschrift des Memorials (S. 9 ff.) hat für mich Herr Prof. Dr. H. Pogatscher in Rom collationiert, und mir dabei auch andere Auskünfte liebenswürdigst erteilt. Die Abschrift der Vaticanischen Città del Sole hat s. Z. Herr Prof. Dr. K. Krofta (in Prag) mit dem Original, und jetzt mit dem vorliegenden Abdruck verglichen. Die Korrektur der gegenwärtigen Abhandlung wie auch die meiner anderen Arbeiten hat ferner mein hiesiger Kollege Dr. J. Ohse ebenfalls mitgelesen. Ebenso hat Herr Prof. Dr. F. Tocco in Florenz, der vor einem Jahre über meine früheren Campanella-Studien in der Akademie der Lyncei einen eingehenden und wohlwollenden Bericht erstattet, die Güte gehabt, die ersten Druckbogen dieser Arbeit durchzusehen. Allen genannten Herren Kollegen spreche ich hiemit meinen ergebensten Dank aus.

Dem Andenken

Felice Tocco

gewidmet.

In meinem Buch über Campanella¹⁾ habe ich das Wichtigste aus seiner Gedankenwelt in dem etwas dürftigen Rahmen seiner grösstenteils einförmigen, passiven Lebensereignisse zu einem zusammenhängenden Bilde verarbeitet. Viele für die Geschichte wichtige Fragen konnten darin jedoch nur angedeutet werden: der Raum war eng bemessen. So habe ich auch über die Genese der Schriften Campanellas, d. h. über das eigenartige Werden seiner geistigen Produktion²⁾, nur einige Worte sagen dürfen. Dieser Frage seien die folgenden Zeilen gewidmet.

Bekanntlich stösst die Lösung dieser Aufgabe auf ganz besondere Schwierigkeiten, und zwar hauptsächlich aus 2 Gründen.

1. Es ist längst bekannt, dass Campanellas Entwicklung schon seit der Jugend auch äusserlich keine freie war. Daraus erwächst die Aufgabe, seiner jeweiligen Lebenslage Rechnung tragend, den wahren Sinn seiner Äusserungen aus dem Schutt der Worte herauszuschälen. 2. Aber auch diese Äusserungen müssen wir häufig erst auf Grund eines kritischen Verfahrens zu gewinnen suchen. Bekanntlich sind Camp.s Schriften bis zu seiner Flucht nach Frankreich von Anderen herausgegeben worden (eine Ausnahme bildet seine philosophische Erstlingschrift zur Verteidigung des Telesius), und zwar fast alle in lateinischer Übersetzung³⁾. Auch dies fast ein $\frac{1}{4}$ Jahrhundert,

1) Th. C., ein Reformator der ausgehenden Renaissance, Berlin 1909.

2) Daselbst S. 49 ff.

3) Vergl. z. B. über Adamis Verfahren bei der Publikation der Schriften Campanellas meine Abhandlung: Protestantische gelehrte Polemik gegen Campanella, (in diesemselben Jahrg.) Th. III.

nachdem die bedeutendsten Werke begonnen wurden, und zwar waren die Herausgeber Männer, die vielfach anderer Gesinnung als Campanella waren und andere Zwecke verfolgten. Und viele von den Schriften sind bisher überhaupt nicht veröffentlicht worden.

Ganz unbeachtet ist jene biographisch literarische Aufgabe auch bisher nicht geblieben, und zwar schon seit dem XVIII. Jahrhundert nicht. Vor etwa 30 Jahren hat besonders der bereits gelobte L. Amabile in seinen sieben Bänden über Campanella viel Material auch zur Lösung dieser Frage zusammengetragen. Leider hat er seine Materialien und Ergebnisse in einer Weise zur Darstellung gebracht, die die Übersichtlichkeit sowohl in Einzelfragen als auch im Ganzen sehr schädigt. Eine Ausstattung seiner Arbeiten mit entsprechenden Registern, und mit Regesten darüber, was er nicht aufgenommen, wäre eine sehr dankenswerte Erleichterung bei dem Gebrauch der Sammlung. — Aber auch abgesehen davon ist eine ausreichende Beleuchtung der Entstehung des Campanellaschen Schrifttums darin nicht enthalten, sie bildete auch nicht des Verfassers Zweck, da er sich auf die Sicherung der Daten über die äusseren Umstände im Leben Campanellas konzentriert, auf den Lehrinhalt der Schriften Campanellas nicht eingeht und das Handschriftenmaterial in nicht ausreichender Weise eingesehen hat. Auf einmal wird eine solche Beleuchtung des ganzen Schrifttums noch für lange Zeit nicht möglich sein. Aber will man mit Campanellas Lebenswerk ins Reine kommen, so ist die Inangriffnahme jener Aufgabe unvermeidlich. Erst wenn man wenigstens in grossen Zügen sehen wird, wieviel wir aus dem uns Hinterbliebenen als echt feststellen können, wie es geworden, und wie weit man es als Campanellas Produkt aufzufassen hat, wird man auch an eine kritische Ausgabe wenigstens seiner Hauptwerke schreiten können. Ich habe meine handschriftlichen Forschungen auf diese beschränkt, und will in Nachfolgendem die Kenntnis der Arbeiten Amabiles voraussetzen. Insoweit eine genauere Durchforschung der kleineren italienischen Sammlungen noch erwünscht bleibt, muss ich das Anderen überlassen.

Das Neue, was ich bringe, fällt unter die beiden Gesichtspunkte. 1. Ich will Campanella über seine Schriften selbst reden lassen, und zwar sollen hier die umfangreichen Angaben

in seinen mannigfaltigen selbstverfassten Katalogen zusammengestellt werden, gruppiert um die Einzelheiten eines hier im ganzen Wortlaut veröffentlichten Memorials, das bisher unbekannt geblieben war. 2. Ich will es versuchen, die Recensionen der einzelnen Werke, wie sie uns in den zahlreichen Campanella-Handschriften vorliegen, wenn auch nur oberflächlich zu charakterisieren, und, soweit möglich, die Aufeinanderfolge ihrer Redaktion, oder wenigstens der uns vorliegenden Kopien zu bestimmen. So wird im zweiten Teile eine Übersicht über den bisher nur dürftig bekannten handschriftlichen Nachlass Campanellas geboten. Es ist dies eine selbständige historische, literär-kritische Arbeit; sie wird aber, wie ich glaube, auch manche der Aufstellungen meines grösseren Werkes neu bestätigen.

Wie alle meine Campanellastudien wird hoffentlich auch diese über den Umschwung, den wir vielleicht am kürzesten als den vom 16. zum 17. Jahrhundert bezeichnen können¹⁾, vielfach neues Licht ausbreiten.

I.

Ludwig Amabile sagt von den hier zunächst zu besprechenden, ihm nur zum Teil bekannten Selbstzeugnissen Campanellas über seine literarische Tätigkeit folgendes (Opere V. 297):

„ le fonti migliori, per determinare in modo meno fallace le date di quanto egli compose negli anni piu difficili della prigionia, saranno sempre le sue Lettere del 1606—1607, il Memoriale del 1611 pubbl. dal Baldacchini“.

Es ist allgemein bekannt und bereits auch von mir erwähnt worden, wie Amabile alles ihm zugängliche ausgenutzt hat, um auch über die Schriften Campanellas volles Licht zu bringen. Indessen sind ihm gerade für die oben erwähnten Zeiten der Gefangenschaft manche Quellen verborgen geblieben, und hiermit soll das einschlägige Material eine bedeutende Vermehrung erfahren. Und zwar erwähnen wir zunächst zwei weitere Memoriale Campanellas, die veröffentlicht worden sind, nachdem Amabile die obigen Zeilen aufgezeichnet. Eins davon

1) Vergl. dazu die Einleitung meines Buches, Th. Campanella ein Reformator etc. S. 1, 2.

hat er, wie wir aus den späteren Bänden seiner Werke sehen, noch in die Hände bekommen. Es ist das aus 1611 stammende spanisch geschriebene Memorial, das Eyssenhardt 1885 aus der Uffenbachschen Sammlung in Hamburg publiziert hat¹⁾. Dagegen scheint es, dass ihm ein anderes, 2 Jahre später ebenfalls von Eyssenhardt herausgegebenes, italienisches Memorial²⁾ nicht mehr zugänglich geworden ist. Es gehört freilich in eine etwas spätere Zeit, als diejenigen, die Amabile in dem oben angeführten Excerpt erwähnt, aber niemand wird es für minder wichtig erklären, als die, die in dem Excerpt aufgezählt wurden.

Dazu habe ich ein Memorial gerade aus der von Amabile für so wichtig erklärten Zeit, aus 1609 gefunden. Wie alle übrigen, sollte es auch dem Zwecke dienen, seinem Autor die Freiheit erwirken zu helfen. Wie in den übrigen Schriftstücken, werden auch in diesem nicht nur neue, als äusserst wichtig empfohlene Werke in Aussicht gestellt, auch die bisher abgefassten werden zum grossen Teil zur Zeugenschaft für seine löbliche Gesinnung angeführt, und zwar nicht nur die etwa schon früher mit dieser Tendenz abgefassten Arbeiten, auch solche, wie die, uns übrigens nur dürftig bekannte Schrift „de investigatione rerum“, die „Apologia pro Telesio“, „Città del Sole“ usw. So empfiehlt es sich denn von selbst, den Text des bisher unbekanntes Memorials nicht einfach abzudrucken, wie das bei der Veröffentlichung der übrigen Memoriale geschehen ist, sondern es erscheint behufs Erleichterung des Vergleiches angezeigt, zu den Einzelheiten des Memorials die dem Zwecke dieser Arbeit förderlichen Daten aus den übrigen Zeugnissen hinzustellen. Es seien über die einzelnen Stücke, die ja bereits oben aufgezählt worden, einige Worte zur Einführung vorausgeschickt.

Es kommen hier folgende Schriftstücke in Betracht:

a) die durch die Bekanntschaft mit Scioppius veranlassten Schreiben an die Kardinäle Farnese, St. Giorgio, an den König von Spanien, an den Papst. Zuerst veröffentlicht von Centofanti im Archivio Storico Ital. 1866, IV.

1) Mitteilungen aus der Stadtbibl. Hamburg II S. 9 ff.

2) Dasselbst IV S. 41 ff.

Über die Beziehungen des Scioppius zu Campanella ist hier nicht nötig von Neuem zu sprechen. Im Italienischen haben Berti, Amabile und neuerdings Gentile darüber gehandelt, das Material hat zuerst Berti, dann etwas erweitert Amabile herausgegeben. Dass Amabile gegen Scioppius ungerecht ist, habe ich in meiner Abhandlung: „Th. Campanella und Ferdinand II.“, und Gentile in seiner Schrift: „Le varie redazioni del sensu rerum“ etc. Napoli 1906, festgestellt¹⁾.

Wenn die Briefe ihren Zweck nicht erreicht haben, so ist es jedenfalls nicht des Scioppius Schuld²⁾. Wir berücksichtigen in unseren folgenden Untersuchungen den Brief an den Kardinal Farnese, mit dem — nach Centofanti — der an Kardinal St. Giorgio identisch sein soll.

In diesen beiden Briefen an die Kardinäle setzt der Verfasser zunächst im Allgemeinen auseinander, wie nützlich er sein könnte und dies führt er dann näher in 3 Teilen vor unsere Augen. — Zunächst (I) verspricht er (A.,) finanzielle Vorteile, dann (B.,) mannigfaltige politische, technische und religiöse Wunderdinge und Erfindungen und zwar in grösserer Anzahl solche, die er in nicht langer Frist (25 Monate) leisten kann, als (a) sichere, dann solche die nur wahrscheinlich sind, mit geringerer Sicherheit (b). Dann folgt (II) ein Verzeichnis der bereits fertigen Schriften des Verfassers, die für die Kirche von grösstem Nutzen sein dürften³⁾. — Im Briefe an den Kardinal San Giorgio spricht er zum Schluss noch über eine Teufelerscheinung, die ihm widerfahren.

Nach Centofanti sind mit den Versprechungen, die den Kardinälen eröffnet wurden, diejenigen, die im Briefe an den

1) S. 16 meiner Abhandlung: „Man muss dem Scioppius die Gerechtigkeit widerfahren lassen, dass er sich um Campanella in den ersten drei Jahren ihrer Bekanntschaft ernst bemüht hat“. F. Tocco hat in seiner sehr gründlichen und dankenswerten Arbeit: „Le pubblicazioni del prof. Kvačala sul Campanella“, Rend. della Reale Acad. dei Lincei XVIII 12, S. 4 diese Zeilen — wenn ich nicht sehr irre — übersehen, denn er schreibt über meine Arbeit „non cerca neanche in alcun modo di scusarle“, nämlich den Scioppius. Dies ist übrigens das Einzige, was in der recht ausführlichen Abhandlung des hochgeehrten Autors meinen Widerspruch weckt.

2) Vergl. dazu meine o. c. Abhandlung S. 11 ff.

3) Im folgenden berufen wir uns mit dem Buchstaben K auf diesen in seinen vollen Wortlaut von Centofanti publizierten Brief.

König von Spanien enthalten sind, identisch. Dagegen führt Campanella in dem Briefe an den Papst nur 10 Werke an, teils um sich in angeblich wahres Licht zu stellen, er zitiert: „Ab operibus eorum cognoscetis eos“, teils um das Unrecht seiner Verfolger zu zeigen, er ruft aus: „Propter quod horum me lapidant?“ Die in diesem Scheiben aufgezählten 10 Schriften sind wohl zu merken, aber literar-historisch ist der Brief an den Papst belanglos.

b) Wahrscheinlich steht auch das Memorial der Vaticana¹⁾ mit den Scioppiusschen Bemühungen im Zusammenhange. Es verrät seine Bestimmung ausser in der Adresse: an den Papst, den König (von Spanien), den Kaiser, nur noch in den Worten: „per la sua debita Libertà“. Aber das Datum ist aus der Zahl der Leidensjahre als 1609 sicher festzustellen. Und in diesem Jahre hat Ferdinand, damals Herzog von Steiermark, zu Gunsten Campanellas noch einmal interveniert. Diesmal hat der Erzherzog schon geringere Vorsätze mit dem Gefangenen als einige Jahre früher²⁾, doch mag dieser darüber nichts Bestimmtes gewusst haben, denn ihn erfüllte von Neuem die Hoffnung der so ersehnten Freiheit, wie die zitierten italienischen Worte zeigen. Freilich kann man all dies nur als Vermutung aussprechen. Im Übrigen ist die Gliederung des Memorials dieselbe wie die in dem vorhin besprochenen Schreiben; aber die Rubrizierung der bisher schon bekannten Einzelheiten ist hier zum Teil eine andere, und es werden darin auch neue Entwürfe und Schriften angeführt.

c) Während der Anlass der beiden ersten Memoriale mit grosser Wahrscheinlichkeit festzustellen ist, wissen wir über die Entstehungsgründe der beiden folgenden aus dem Jahre 1611 stammenden Entwürfe nichts Näheres. Auffallend ist, dass wir ihrer zwei besitzen, — diesmal, nachdem die Hoffnungen auf deutsche Intervention dahin sanken, nur mehr an die beiden, am nächsten stehenden Gewalten gewendet: das erste, italienisch, an den Papst und an den König, das zweite, wie schon die Sprache andeutet, an den König von Spanien. Das spanische wurde veröffentlicht von Eyssenhardt³⁾, das italienische

1) Im folgenden mit V bezeichnet.

2) Vergl. meine Abhandlung Th. Camp. u. Ferd. II, S. 17.

3) Vergl. oben S. 4. Ich beziehe mich darauf mit den Buchst. E. H.

von Baldacchini¹⁾. In beiden Schriftstücken werden die 2 ersten Teile der vorhergenannten Memoriale (A. B.) in eins aufgelöst; beide sind also nur zweiteilig; vorhanden ist aber in den beiden die Unterscheidung der Versprechungen, die nur wahrscheinliches bieten, von den sicheren, deren Frist hier auf 20 Monate herabgesetzt wird. Der bibliographische Teil selbst, auf den es uns hier einzig ankommt, gibt kaum Anhaltspunkte die Verschiedenheit der Bestimmung der Memoriale festzustellen.

d) Das Memorial aus 1618 führt sich mit seinen Versprechungen, als mit den Früchten der Reue von 19 Jahren, ein²⁾. Schon darin sehen wir eine Eigenart gegenüber den bisherigen Schriftstücken, die den Gefangenen zu entschuldigenden trachten. Aber auch Anderes zeigt von der grossen zeitlichen Entfernung, die zwischen diesem Schriftstück und den übrigen, hier in Betracht kommenden, liegt. Die Zahl der Versprechungen schrumpft hier ebenso zusammen, wie die Zahl der Schriften, die für den Verfasser Zeugenschaft ablegen sollen. Der Adressat ist der Papst allein, im Mittelpunkt des Schreibens steht ein grosses, diesem zu Gefallen abgefasstes Buch, dessen erster Band die Schrift „Reminiscentur“, ein Kompendium für die Christianisierung der ganzen Welt, werden soll. Die Beschreibung des Inhalts dieses einen Werkes nimmt den dritten Teil des ganzen Memorials ein.

Einen Kommentar zu diesem Memorial gibt die Widmung zu der Schrift Remiscentur, die ich in meinem Buch über Campanella abgedruckt habe³⁾. Schon ein Jahr früher als das Memorial (Dez. 1617), ist jene Widmung datiert: sie beruft sich auf die dem Verfasser zugekommene Botschaft des Papstes, er möge seine Geistesgaben in vernünftigeren Materien versuchen. Der Verfasser meldet nun, dass er ein Werk zur Anleitung, wie man alle Völker bekehren soll, abgefasst habe, und bittet um Befreiung, auf dass er Gott preise.

Eine fernere Berührung mit diesem Memorial zeigt das Buch „Remiscentur“ in dem von mir bereits ebenfalls abgedruckten Art. I des Kap. IV⁴⁾, worin der Verfasser seine Schuld

1) In seinem Werke Th. Campan. II, Appendix. Abgedruckt auch bei Ancona, Opere di T. C. I, S. CCCXXX. Hier zitiert B.

2) Wir verweisen darauf mit E. I. (Eysenhardt --- Italicus.)

3) Vgl. Beilage, S. 152.

4) Vol. quadrip. Buch I, S. 17 ff. Abgedr. in „Camp. u. Ferd. II.“ S. 32 ff.

ebenso, wie in dem Memorial selbst, vollauf gesteht. So steht denn dies Schriftstück (E. I.) ganz für sich, und kann mit den übrigen vieren nur in wenigen Punkten verglichen werden, wozu noch kommt, dass in diesem Schriftstück die fertigen Werke und die Versprechungen nicht unterschieden sind. — Auch bei diesem fehlt jede Angabe über seine Entstehung und über die Art seiner Übermittlung an seine Adresse. — Nur das von Baldacchini publizierte Memorial hat die einzelnen fertigen Werke mit Ziffern versehen, die übrigen Ziffern stammen von mir, ebenso auch die in Parenthesen gestellten grossen und kleinen Buchstaben.

Ich erwähne der Vollständigkeit halber noch 2 analoge Schriftstücke, obwohl ich auf sie in diesem Teile keine Rücksicht nehme:

e) Das an Naudeus gerichtete Syntagma enthält eine einfache Aufzählung der Schriften Camps mit einer leider nur zu allgemein gehaltenen Datierung nach des Verfassers Lebensaltern. Dass das Syntagma nicht ganz verlässlich ist, hat schon Amabile gezeigt, immerhin ist es für die Kenntnis mehrerer Schriften unsere alleinige Quelle. Es ist mehrfach nachgedruckt worden. (N.)

f) Ausserdem besitzen wir eine Zusammenstellung der Schriften Campanellas in X Bänden von einem venezianischen Buchhändler Gaffarelli (1632), die Campanella später in sein Werk philosophia rationalis aufgenommen und dadurch gewissermassen sanktioniert hat. Ancona hat sie nachgedruckt. Doch ist sie wenig erschöpfend und bibliographisch nicht präzise genug, weshalb wir davon kaum Gebrauch machen können.

Wir lassen nunmehr den Text des bisher nicht gedruckten Memorials (V.) folgen und knüpfen daran die bereits in Aussicht gestellten Bemerkungen.

**Memoriale et Promesse del Padre fra Tomasso Campanella al
Papa, al Imperatore et al Re per la sua debita Libertá¹).**

Si dice per fra Tomasso Campanella Sacerdote dell' Ordine di San Domenico non convinto, ne confesso d'heresia, ne di rebellione per la quale son X anni, ch'e carcerato nelli Castelli Regii di Napoli sotto falso pretesto non di haver fatto, ma voluto far rivolutione, della quale lui volontà deve essere interprete, e le opere sue per filosofia humana e divina, ab operibus eorum cognoscetis eos, e non dalle parole de nemici, e d'interessati, qualmente lui sempre ha professato vivere, scrivere, parlare e predicare cose non triviali in beneficio della chiesa e della Maesta Cattholica, come dimostrano li libri, che lui fatto ha et le scienze, che ha acquistato, donde promette nelli sequenti articoli mirabili nell' conspetto degl'huomini e le cose certe certamente e le probabili probabilmente in venti mesi sotto la pena del fuoco se lui mente protestandosi che non deve muorire un huomo, che puol' essere utilissimo alla republica christiana cosi meschinamente per fraude d'altri rinchiuso nelle criminali carceri horrendi in mano di crudele, et auara gente, poiche come dice Platon filosofo, et suo detto e da San Tomasso, e dalla sua scuola approbato, solo quel membro dal corpo della republica si deve recidere, chi e marcio e prutido e non puol servire a qualche uso, e lui promette utilità grandissima, le quale le dimostrano eccellente in ogni scienza, et de jure gentium excellens in arte non debet

1) Ich folge der Orthographie des Originals, nur löse ich die üblichen Abkürzungen auf, berichtige manche offenbare Schreibfehler; ferner die unkonsequente Anwendung der Anfangsbuchstaben und zuweilen auch die Interpunction. Über die Abkürzungen vgl. die S. 5. 6.

mori, e le cose fatte non possono esser non fatte, dunque non per le cose fatte l'huomo e punito, ma perche non ne faccia piu lui, o'altri con essemplio suo. Però benchè hauesse voluto fare quel, che dicono, e lui niega con argomenti e fatti manifesti pare non deve morire hauendo con la pena sodisfattione all'essemplio, e promettendo fare quel che raffrenara lui et gli altri dal male, ut infra.

(I.) (A.)

In primis perche mormorano gli officiali, che sia speso per causa del Campanella e fu' per occasione presa d'altri molte migliaia di ducati promette dare alcuni arbitrii, per le quali il Re haverà ogn'anno dal regno di Napoli oltre li tributi ordinarii piu di cento mila scudi con gloria del Re et utile et accrescimento de vassalli.

K. I. 1. B. I. 7. E. H. I. 4.

2°. far guadagnare al Re per un volta tantum m/500 ducati da impiegarsi ad un' impresa utile al regno, che mettera di piu al Re in mano la chiaue del dominio di Europa facilmente.

K. I. 2. B. I. 8. E. H. I. 3.

3°. far fabricare una città salubre et inespugnabile, con tal' artificio, che solo mirandola s'imparino tutte le scienze historicamente.

K. II b. 1. B. I. 17. E. H. I. 5.

(B.)

(a.) Per Beneficio della Monarchia di Spagna e della Santa Chiesa.

Promette far un libro, dove si dimostra per ragioni politiche, e naturali e per profetie divine, et humane, e per universal consenso delli savii del mondo essere già uenuto il tempo, che dopo tanti scompigli auuenuti al genere humano per la divisione de prencipati, e varie sette, s'ha da ridurre il mondo sotto una sola fede cattolica in una monarchia universale felicissima cantata da poeti per secolo aureo, profetata da profeti per Gerusalem liberata da Babilonia, descritta da filosofi per stato d'ottima republica ancor non vista, cercata da Santa Chiesa, che si faccia la uolonta di Dio in terra sicut in coelo, et aspettata da tutte nationi, per fine de lunghi travagli humani, come preambulo della gloria celeste secondo la promessa fatta ad Abram, ut heres esset mundi etc., et che di questa universale monarchia del mondo, già e congregatore il Re di Spagna Cattolico: cioe' oniversale e che a lui tocca

metterla in tutto il mondo, per il quale il suo Imperio gira col sole e mette il continuo sacrificio prescritto nell Imperio di Ciro figura dello Spagnuolo e promette fare, che non ci sia senza stirato, ne' errore, ma' certa prova del tutto con gusto del Santo Pontifice, che forsi cessi l'invidia d'altri prencipi, e questo servira a volger gl' occhi di tutto il mondo, a questa monarchia et desiderarla con fatti e desiderio, per che dove inclina la profetia, e desiderio delli popoli inclina anche l'imperio, come sanno li dotti in historia, e politica.

K. II. 1. B. I. 5. E. H. I. 1.

2°. far un libro secreto al Re' di Spagna, dove si mostra un modo facile, e santo per politica, e profetia d'arrivare a questa monarchia presto e scuoprir molti errori, che ritardano la fortuna di questo imperio, e che ponno disturbarla ancora.

K. II. 2. B. I. 6. E. H. II. 2.

3. far un altro libro contro li Macchiavellisti, che sono rovina del presente secolo e di questo imperio catholico conuincendoli con ragioni vive et efficacissime, alli quali per consenso d'ogni sofista Epicureo, che uorra udirle sara forzato a cedere, e lasciar gli errori, che hanno intorno alla dottrina dell' anima, et in quel, che pensano, che la republica, e religione sia arte di stato, mostrando di piu, che ogni principe di tal'opinione ha rovinato in se stesso o subito ne posterì, e che Spagna solo per la religiosità almeno apparente andó sempre auanti.

K. II. 3. B. I. 3. E. H. I. 6.

4. far un'altro libro per il quale siano conuinti con facilità subito le sette de gentili, dell' Indie Orientali, et Occidentali, secondo i loro principii proprii di ciascuna setta, e con la ragione commune perche ad auttorità non credono e tirarli alla nostra religione con proue mirabili e scompigliar tutti i prencipati loro per tal via, convenire alla monarchia catholica, e che ogni savio legendo confermi dovere essere così.

K. II. 1. 4. B. I. 4. E. H. I. 7.

5. Scuoprir una congiura di prencipi, e theologi, e filosofi, et astronomi del mondo fatta con patti taciti ad oscurar il Vangelo, la quale scuoperta subito si disfa et si scuoprono meraviglie altissime dalle quali saranno forzati tutte quasi le nationi, in particolare la maometana, hebraea e gentile a' confessar il Vangelo e si raccendera la fede rafreddata tra catholici, e senza dubbio.

B. I. 2. E. H. I. 8.

6. Dare un Libro contro Luterani, Calvinisti e contro tutte le repubbliche et regni heretici, et ogn'altra secta insorgente contro la fè cattholica scuoprendo, che il mondo tanto fin mo'nel disputare con loro sia un allongar la lite, il che e specie di Vittoria a chi mantiene il torto.

K. I. 6. B. I. 10. E. H. I. 9.

7. Andar in Germania, lasciando in carcere s. parenti per ostaggi, e conuertire alla fé cattolica almeno due de principi protestanti e tornare fra' quindici mesi con gli ambasciatori di pace al Santo Pontifice, e prima far conoscere il mondo a sua beatitudine come esso Campanella puo far questo sicuramente, non mancando l'aiuto di Dio, il quale si deve stimar, che certissimamente concorrera.

K. II a. 6. B. I. 11.

8. far 50 discepoli, poi armati di ragioni, autorita, testimonianze, riscontri e desiderio di martirio e mandarlia predicar nel settentrione con heretici con mostrar loro il fine istante di quelle sette, e che esse, si conoschino divise et vinte e che noi non sappiamo cogliere il frutto della virtu.

K. U a. 7. B. I. 12.

9. Insegnar filosofia morale, naturale, politica, retthorica, Poesia, medicina, cosmografia et astrologia in un anno con facilità e certezza mirabile ad ogni ingegno atto ad imparare, e che sappiano piu che altri versati nelle scuole per X anni e piu dotti nelle cose, che nelle parole facendo il mondo libro e memoria locale di tali scienze et alla theologia, et legge, che si seruono più di memoria, ed autoritá, introdurli sufficientemente.

K. II a. 8. B. I a. 14. E. H. 1. 10.

10. Componer di nuovo tutte le scienze naturali predette, cauandole dalla biblia, e sacri dottori per distogliere la gioventu' dalli libri de gentili, che sono officina del Macchiavellesimo; e dell' heresie e che questi libri auanzino Aristotele e Platone di veritá, di certezza, di raggione, di faccoltá, per consenso di tutti quelli, che ben l'esaminaranno.

K. II. 9. B. I a. 13. E. H. 11.

11. far nuova astronomia perche il cielo è tutto mutato e la vecchia puoco serve al mondo nuovo, e poner le figure delle stelle antartiche nuovamente scuoperte, segnando in quelli gli heroi della conquista con gloria di Spagna, come fecero gli antichi Greci, e Caldei in questo emisfero nostro e scuoprir insieme li segnali della morte del mondo per fuoco

contro le humane scuole e scuoprir cose utilissime per non errare nel calendario. K. II a. 10. B. I a. 15. E. H. 12.

12°. far un nuovo modo di tirar gl'hebrei alla fede ancora non inteso con molta facilità. K. II a. 11. B. I a. 16. E. H. 13.

(b.) Promette anche le sequenti cose probabilmente.

1. Promette fare un'artificio, che li vascelli senza remi naviglino, anche senza vento. K. II b. 2. B. I. 19. E. H. 14.

2. Che le carra siano tirati dal vento senza bestie nelli paesi piani con ogni peso e piu facilmente, che nella China si dice usarsi. K. II b. 3. B. I. 20. E. H. 16.

3. Che li soldati à cavallo adoprino ambe le mani senza tener briglia, e guidar bene il cauallo per ogni verso, meglio, che i Tartari si dicon fare. K. II b. 4. B. II. 21. E. H. I. 15.

(II.)

E perche si veda, che fr. Tommaso Campanella attendeva a questi pensieri, e non a ribellare e che puol fare quel, che promette, si mette qua la lista dei libri da lui composti¹⁾ in beneficio del Re et di Santa Chiesa.

Scrisse pero²⁾ (1) li Discorsi sopra la Monarchia di Spagna, dove mostra il modo d'ampliarla in tutto il mondo con mirabili arti e prestezza.

K. 1. In primis un libro di discorsi sopra la Monarchia di Spagna e di tutti regni del mondo in suo favore per fato e politica ec. al Regente Marthos dato (1).

B. 1. Scrisi ad istanza del R. te Martos . . . un libro di discorsi sopra la Monarchia di Spagna, per conseguirla universalmente e sostentarla.

E. H. 1. Primeramente escriuió a instancia del Regente Martos Geriostola que despues le fué en favor en esta causa per sauer lo que el era, un libro de discursos sobre la monarquia de España, como se ha de amplificar en todo el mundo, y enseña los modos y arte nueva y admirable.

e (2) li Discorsi a Prencipi d'Italia, che per bene loro, e del Christianesimo non debbiano repugnare a tale monarchia, e come si ponno assicurare politicamente dalla gelosia di quella.

K. 2. Un discorso a principi d'Italia che per ben del Christia-

1) Von mir gesperrt.

2) Im Folgenden stammen die Ziffern von mir, der Text entbehrt solcher.

nesimo e di loro stati non abboriscano l' Imperio Spagnuolo e con che arte si ponno assicurare dalla gelosia ec.

B. 2. Un libro a Principi d' Italia, che per bene loro e del Christianesimo o non devono contraddire alla Monarchia Spagnuola, e si possano nel Papato assicurare dalla potenza di quella. Questi non mi lasciano presentarli in difesa. Li tiene Gaspare Scioppio, e li portò al Arciduchi.

E. H. 1. Otro libro de discorsos enuiado a los principes de Italia, que para conseruar sus estados y la religion deuen consentir a la monarquia de España, y en que manera se pueden assegurar del reuelo que della tienen.

e (3) la Tragedia della regina di Scotia per Spagna con[tro] Inghilterra.

K. 3. B. 3.

E. H. 3. una tragedia de la reyna de Scoçia para España contra Inghatiera.

Scrisso (4) la Monarchia del Christianesimo a Clemente 8.

K. 4. Di piu la Monarchia universale di Christiani: la tiene il Cardinale S. Giorgio.

B. 4. La Monarchia del Christianesimo ad Principes.

(5.) La monarchia del Messia in altro uolume con le ragioni di Spagna sopra il mondo nuovo.

K. Dieser Titel fehlt, doch könnte dasselbe Werk bezeichnet worden sein in den folgenden Worten (5): „Un libro secreto al Papa per far un gregge et un pastore, con le forze sole della Chiesa, ben che ognun repugnasse.

B. 5. La Monarchia del Messia per concordia universale.

E. H. 7. La monarquia del Mexias en dos volumenos.

(6.) Aforismi Politici 150.

K. 6. Di politica Aphorismi 150.

B. 9. Centocinquanta Aphorismi politici.

(7.) Del Governo ecclesiastico libro 1.

B. 6. Del governo ecclesiastico, libro 1.

E. H. 9. Un del gobierno ecclesiastico para hazer una grey y un pastor lib. 1.

(8.) Contro il Mulina pro Thomistis art. 45.

K. . . . De praedestinatione et gratia contra Molinam pro Thomistis q. 50.

E. H. 11. Contra Molinam pro Thomistis art. 50.

(9.) De rerum universitate libri 20.

K. 9. De rerum universitate iuxta propria principia libri 20.

B. 7. De rerum universitate, libri 2.

E. H., 2. " " " " 20.

(10.) De investigatione rerum libri 3.

K. De investigatione rerum libri 3.

B. 11. " " " " 2.

E. H. 19. " " " " 3.

- (11.) De sensu rerum et magia libri 4.
 K. ... ebenso.
 B. 10. de sensu rerum libri 4.
 E. H. 18. philosophorum magnae gratiae¹⁾ ad officium de sensu rerum libri 4. Fraglich ob dies ein Titel.
- (12.) De medicina iuxta propria principia libri 2.
 B. 13. De medicina propria contra Galenistas, libri 2.
 E. H. 15. de medicina ex propriis principiis lib. 2.
- (13.) De unica animae substantia contra Galinistas.
- (14.) Apologia pro Telesio.
 K. ... Pro Telesio contra Aristotelem libri 8.
 B. 17. " " " Aristotelicos libri 3.
 E. H. 18. " " " " " 8.
- (15.) Defensio Telesianorum ad St. Officium lib. 1.
 B. 17 (e) due Apologie pro eodem ad Sanctum Officium.
- (16.) De filosofia naturali compendii due in volgare et un latino diversi.
 K. Di filosofia naturale compendii dui vari.
 B. 9. (?) 2. Compendii di fisica.
- (17.) L'Epilogismo di quanto ha filosofato nelle cose naturali, morali e politiche secondo li proprii principii.
 K. Un Epilogo magno di cio c'ho filosofato e disputato intorno alle cose naturali e morali.
 B. 8. Epilogismo delle Scienze naturali e morali, o politiche, secondo li nostri principii.
 E. H. 13. de philosophia natural y moral y politica iuxta propria principia. tres volumen.
- (18.) De propria Republica in dialogo detto la Città del sole.
 K. De prop. Rep. lib. 1.
 E. H. 14. De propria republica, un dialogo.
- (19.) Un dialogo politico contro Luterani et Calvinisti, che à prima disputa convince ogni sectarie.
 B. 20. Un Dialogo contro Luterani et Calvinisti ut supra.
 E. H. 6. un dialogo politico contra Lutheranos y Calvinistas.
- (20.) Un libro detto recognoscimento filosofico della uera universale religione contro l' Antichristianesimo, Macchiavellesimo, al qual libro Gaspar Scioppio che lo tiene, pose titolo l'Atheismo trionfato.
 B. 21. Recognitio philosophica verae religionis contra Antichristianismum Machiavellisticum.

1) Vielleicht „Graeciae“ zu lesen und mit der vorangehenden Zeile zusammenzunehmen. Vgl. Eyssenhardt a. a. O. S. 17.

E. H. 5. un libro dicho riconoçimiento de la verdadera religion contra los Antichristianismos y Machiauelismos.

(21.) De motibus astrorum libri 4 contra fisiologos et astronomos et simil mente de symptomatis mundi per ignem perituri secundum evangelium Dei.

K. De Astronomia lib. 4 contra Aristotelem Ptolomaeum, Copernicum et Telesium: demptis orbibus et excentricis et concentricis et epicyclis (sic) et raptibus. Et simul de Symptomatis mundi perignem interituri pro D. Petro.

B. 16. De motibus Astrorum juxta physica nostra, libri 4, et symptomatis mundi per ignem perituri.

E. H. 24. De astrorum motibus lib. 4 contra Ptolomaeum, ubi aperiuntur symptomata mundi per ignem perituri.

(22.) La Cantica in varie rimi e salmodie con sentimenti profetali, politici e morali.

K. Un volume di sonetti e canzoni a varie republiche, regni et amici e salmodie della legge naturale, e divina in tutti cose: e suoi lamenti e profezie in novo modo di poetare.

B. 22. Un volume di varie Rime, e Salmodia, e Poesie volgari con la misura latina, morali e politiche.

E. H. 23. Varias rimas en romance y con mesura latina y psalmodia con profeçias y moralidades admirables un volumen.

(23.) De eventibus instantibus praesenti seculo in cunctis Regnis Terrarum, precipue in Europa, hinc ad 800 annos secundum scientias divinas et humanas articuli quindecim.

K. De Eventibus presentis saeculi articuli prophetales 18.

B. 23. Articuli prophetales cum clavibus naturae et scripturae Dei secundum scientias divinas et humanas de eventibus huic saeculo imminentibus, et usque ad finem mundi generaliter pro defensione causae meae.

E. H. 25. De eventibus huic saeculo instantibus articuli prophetales sexdecim usque ad finem mundi ex profetia et astrologia et philosophicis sententiis omnibus.

(24.) De Dialectica, Poetica et Rhettorica ex propriis Dogmatis lib. 3.

K. De Rhetorica, Poetica et Dialectica proprii lib. 6.

B. 14. De Rhetorica, et Poetica, et Dialectica juxta propria principia, lib. 2.

E. H. 20. de rhetorica poetica et dialectica ex propriis principiiis 3.

(25.) Metaphysicorum Dogmatum iuxta principia propria part. 3., ubi de potentia, sapientia et amore principiiis metaphysicis disseritur et de obiecti eorum esse veritate et bonitate et de Influxibus, necessitate, fas et armonia, ubi in examen

vocantur omnes scientiae et leges et sectae nationum ad confirmationem Christianissimi.

K. De Metaphysica secundo i suoi principii novi tre parti: De possanza, Sapienza et Amore: e di lor oggetti, Essenza, Verità e Bontà: e di lor influenze magno Fato, Armonia e Necessita.

B. 19. De Metaphysica iuxta propria dogmata partes tres, ubi de Potentia, Sapiencia et Amore . . . eorum et de influxibus, Fato, Harmonia et Necessitate.

E. H. 26. De metaphysica partes tres iuxta propria principia, de sapientia et amore et de obiectis eorum et influxibus magnis, fato, necessitate et harmonia.

(26.) Cur sapientes nationum et prophetae in magnis temporum articulis morti violente subjaceant, fere semper pro crimine haeresis, et rebellionis, ut proprio damnati ac postmodum cultu et religione reviviscant tract. 2.

K. Cur sapientes et prophetae Nationum omnium in magnis temporum articulis fere omnes rebellionis et heresis tanquam proprio simul crimine notentur, ac morti violentae subjaceant, et postmodum cultu et religione reviviscant, tract 2.

(27.) Adventos tempore scismatis lib. 3¹⁾.

1) Oder „ad ventos?“ Dieser Titel ergibt keinen guten Sinn und erscheint auch sonst ganz rätselhaft.

Im Ganzen sind es 27. Schriften, die in unserem Memorial (Vat.) als fertige aufgezählt werden. Dazu sind aus den übrigen folgende zu nehmen und zwar:

Aus K.: De insomniis.

De arteriis et venis.

De philosophia Pythagoreorum.

De arte cavalleresca.

Discorso ai Veneziani.

Aus B.: De callidi potus usu.

Antiveneti.

Aus E. H.: Arbitrio per Regno di Napoli.

De iuribus regis Catholici.

De episcopo.

De admirable doctrina con la prueva de todas las suençias.

Contra Aristotelismos y pro Antonio Persio.

Ein Grund für die Aufzählung aller dieser Schriften in den angegebenen Zeiten ist für uns schwer zu erkennen. Ein Vergleich mit dem Syntagma zeigt nämlich, dass zahlreiche Schriften, die man hier erwarten sollte, in diesen Memorialen nicht genannt werden. Da gerade die bedenklichsten nicht fehlen, so lässt der fragmentarische Charakter der einzelnen Entwürfe die in ihnen befindliche Auswahl von Schriften nur durch Zufall und durch die eigenartige Bestimmung der Stücke erklären, bei welcher nämlich eine statistische Genauigkeit nicht von übermässiger Bedeutung gewesen.

So fehlt von der in der *adolescencia* von Campanella abgefassten Schriften der Hinweis auf seine gedruckte Schrift (vielleicht weil gedruckt?), auf die

Philosophia sensibus demonstrata.

Von dem in der *juventus* geschriebenen vermissen wir:

De Empedoclis philosophia.

Von den in „*virili aetati*“ abgefassten fehlen:

De eligendo Pontifice optimo.

De conceptione virginis.

De monarchia Sapientiae aeternae (?)

Libellus pro papa (?)

und mehrere kleinere Schriften¹⁾, die sowohl für Campanellas

1) Ich halte mich dabei an die von Amabile entworfene Chronologie der

Zwecke in jenen Zeiten, wie auch im Allgemeinen, von geringerer Bedeutung sind.

An diesen 4 Denkschriften ist auch anderes noch auffallend. So zunächst

1. dass in ihnen eingangs Werke versprochen werden über Materien, über die der Autor etwas weiter bereits fertige Schriften anführt. Meint er darunter neue, verbesserte Bearbeitungen, oder was sonst?

Vergl. in dem hier abgedruckten Memorial

I B 1. 2. u. II. 1.2.

„ „ 3. 10 „ II. 20.

„ „ 6. 7. 8. „ II. 19.

2. Ferner, dass hier Werke angeführt werden, die wenn nicht gerade das Gegenteil von dem beweisen, was sie beweisen sollen, so doch wenigstens nicht dafür zeugen, was der Verfasser damit will. Man vergl. in unserem Memorial die Nummern: II. 11., 14., 15., 18., 20. und andere.

3. Dass hier Erfindungen angepriesen werden und zwar mit grossen Garantien des Verfassers, die doch offenbar nicht ernst genommen werden konnten. Man vergl. in unserem Memorial die Nr.:

A. 1—3.

B a. 5. 7. 9.

B b. 1—3.

Offenbar hoffte er damit eine zeitweilige Befreiung zu erreichen.

Dagegen sind darin auch Angaben enthalten, durch welche unsere Kenntnisse bereichert werden. Solche bieten die Nummern

II. 13, 16, 27.

Vielleicht wird die Kenntnisnahme von den darunter enthaltenen Titeln ein Anlass zu ihrer Auffindung.

Nr. 18 tritt hier zum ersten Male mit diesem Titel zum Vorschein, ebenso die Werke 19—21.

Einen Fingerzeig über den Befund von 6 Schriften, darunter auch der verlorenen „Maria, Königin von Schottland“,

Schriften Campanellas und folge ihr bis zur Zeit, wo dieser sein letztes von uns wiedergegebenes Memorial abgefasst hat. Freilich ist dabei nicht zu vergessen, dass dies letzte Memorial ohnehin sehr fragmentarisch ist.

bietet uns E. H. (a. a. O. S. 17), der schreibt: „Todas estos libros los huno el Archiduque“, sie waren im Besitz des Erzherzogs, wohl Maximilians von Bayern.

Das fünfte Memorial (E. I.) ist historisch am ergiebigsten. Es bestätigt die Mutmassungen und Schlüsse, die ich über die Bestimmung des Buches „Reminiscentur“ bereits öfters geäussert.

In seiner oben citierten Besprechung hat Tocco meine Ansicht, dass Campanella mit dem Buch den Anstoss zur Gründung der congregatio de propaganda fide gegeben habe, nur kurz registriert, ohne etwas dagegen vorzubringen. (Le publicaz. del prof. Kvačala etc. S. 12.) Ebenso auch der Recensent der Lit. Rundschau für das Kath. Deutschland. 1910.

Hoffentlich wird die Übereinstimmung zwischen diesem Memorial und den von mir abgedruckten Abschnitten aus dem öfter genannten Werke als ein neuer Beweis für die Richtigkeit meiner Ansicht über die Entstehung der Propaganda dienen und in seiner ganzen Tragweite gewürdigt werden.

Ob das Memorial und das Werk Reminiscentur auch für Campanellas Befreiung wirksam war, dürfte kaum zu erweisen sein.

II.

In diesem Teile soll der Versuch gemacht werden, die uns erhaltenen Campanella-Handschriften so zu gruppieren, dass daraus die Entwicklung ihres Autors und seiner Schriftstellerei sowohl im Ganzen, als auch im Einzelnen womöglich neues Licht erhalte. Bei einem ersten Versuch der Art kann es sich nur um die Feststellung der Grundzüge handeln, die sich vielfach nur auf einen Vergleich der Kapiteleinteilung der einzelnen Handschriften gründen. Eine eingehende Textvergleiche setzt den Besitz von Kopien voraus, die man sich wohl erst zu Editions zwecken wird anschaffen können. — Ich weiss ferner selbst, dass noch Handschriften zu berücksichtigen und in das Schema einzufügen sind, die auch ich nicht eingesehen habe, ich halte es sogar für möglich, dass dieses selbst wird geändert werden müssen. — Jedenfalls wer-

den hier zahlreiche bisher nicht berücksichtigte Handschriften in den Bereich der Forschung gezogen und der erste Versuch unternommen, die an verschiedenen Orten befindlichen Schriften nebeneinander zu stellen und aneinander zu reihen und sie so, der gestellten Aufgabe gemäss, einer kurzen Prüfung zu unterwerfen.

Wenn auch nicht ganz direkt, gehört zur folgenden Zusammenstellung auch der Anhang, der zwei bisher unbeachtete Handschriften der Città del Sole dem Studium näher bringen will. — Es hätte dabei auch ein Schriftstück zum Abdruck gelangen sollen, das nicht unbekannt, aber in dem Labyrinth der Amabileschen Dokumentensammlungen für den Nichteingezeichneten fast verloren geht: das Sommario über den Häeresieprozess (vgl. darüber mein Buch über Campanella S. 18—20). Es ist auch an sich als religions-historisches Dokument von grossem Interesse auch als Seitenstrich zur Città, zugleich aber bietet es eine wichtige Norm bei Prüfung und Beurteilung der Entwicklung des Autors in seinen späteren Werken. Da ich jedoch zur Zeit nicht in der Lage bin, den Amabileschen Text mit dem Original zu vergleichen, so habe ich beschlossen, den Abdruck, wenigstens einstweilen, aufzugeben.

Die folgende Übersicht hält sich an die Chronologie der Abfassung der einzelnen Schriften.

1. De sensu rerum.

Über die Geschichte dieser Schrift, deren Ursprünge in Campanellas Jugend hinaufreichen, hat ausser Amabile in letzter Zeit Giovanni Gentile gehandelt¹⁾. Er erwähnt drei MS des vierten Teiles

Magliabecchiana VIII, 6.

Geneviève No. 15.

1²⁾. *Bibliotheca dell' Arsenal (Paris) No. 14, neue Signat. 8577.*

Von diesen war mir das letzte zugänglich; das zweite ist nach dem neueren Katalog der Handschriften der Geneviève verloren gegangen.

1) Le varie redazioni del de sensu rerum di T. Camp. con un saggio del testo italiano inedito. Napoli. 1906.

2) Diese Ziffer stammt von mir.

Nicht erwähnt wurden bisher folgende Handschriften dieses Teiles, die ich benutzte:

2. *Codex Palat. Vindob. 6247 p. 185^a ff. Della magia in commune et sua divisione.*

3. *Codex Barberinianus XLVIII. 91. Magia naturale, o vero del senso delle cose libro primo.*

4. *Handschr. d. Kgl. Bibl. Hannover 396. Della Magia in Commune e sua divisione di F. T. C. D.*

Von dem ganzen Werke haben wir in der ursprünglichen, italienischen Bearbeitung zwei MS., ein

MS. der Nationalbibliothek in Neapel (I)

MS. der Casanatense n. 1588 (II).

Bekanntlich wurde dann dieses bereits vollständige italienische Werk nach 1611 (seit der Bekanntschaft mit Adami) ins Lateinische übersetzt (A.) und erschien in Frankfurt 1620. Eine zweite infolge vieler Angriffe nötig gewordene Ausgabe (B.) erschien erst in Paris 1636.

Da Gentile über die Schrift selbständige Studien veranstaltet, so können wir uns auf einige Anmerkungen beschränken. Zunächst über 1., 2., 4. und ihr Verhältnis zu I. — Am kürzesten ist 1., in dem auch das 1. Kap. fehlt. Sonst berührt sich 1 durchweg mit 2, beiden ist gemeinsam, dass in ihnen das 5. Kap. der vollständigen Rezension, ebenso auch deren zusammenfassender Epilog fehlen. Eine Eigentümlichkeit ist darin zu erblicken, dass 1. und 2. ein Kap. (16) aufweisen, das in I. fehlt, dagegen in A als Kap. XVII. enthalten ist.

Der Wortlaut, besser, der Text des 1. und 2. ist nicht derselbe, doch liegt beiden Abschriften wohl eine Bearbeitung zu Grunde, es scheint dass 1. die erste Form darstellt. Es schliesst: „questa e infinita scienza, ma chi mira il simbolo, tutto intende“. Ebenso auch 4.

Leider habe ich die Codices Magliabecch. und Barberin, nicht eingehend genug verglichen, auch der Napolit. ist mir nur nach Amabile bekannt. Da jedoch diese Schrift — wie bereits erwähnt — bereits einen modernen italienischen Bearbeiter gefunden, der sie kritisch geprüft und methodisch korrekt herausgeben wird, so mögen zu dem gesagten nur noch zwei Anmerkungen über das Verhältnis des handschriftlichen Textes zum Druck folgen, wozu übrigens bereits auch Gentiles Arbeit (S. VII u. VIII) zu vergleichen ist.

1. Die Polemik mit Aristoteles wird immer lebhafter. So sind Kap. 6 und 30 im zweiten Buch des B spätere Zutaten, ebenso Kap. 16 und 17 des vierten Buches im B. Dass die Notiz über Gilberts Lehre vom Magnet, die Camp. erst von Adami kennen gelernt hat, erst in I. erscheinen konnte, ist begreiflich, und bereits von Amabile hervorgehoben worden.

2. Auch diese Änderungen, aber auch zahlreiche andere, zeigen uns Campanellas Anpassung an die Forderung der kirchlichen Behörde, dass er seine Lehren mit theologischen Autoritäten stütze. Ich verweise z. B. auch darauf, wie er gleich im 1. Kap. des I., als es gedruckt erscheinen soll, die Autorität des Augustin und Thomas anruft. — Wer die 2. Ausgabe (B) kennt, wird wissen, dass bei dieser Schrift auch das nicht genügt hat, und dass Campanella in der neuen Ausgabe eine ganze Reihe von Argumenten dem Nachweise seiner Übereinstimmung mit den kirchlichen Lehren widmen musste.

2. Physiologia.

Minder übersichtlich ist der Befund der Handschriften über diese, für die Philosophie Campanellas doch so wichtige Schrift. Feststehend ist nur, dass wir das von 1595 stammende Compendium Physiologiae (Amabile 17), *nach der Handschrift in der Magliabecchiana*¹⁾ mit dem von Adami in Prodomus herausgegebenen Text²⁾ identifizieren können. Nach Fiorentino, dem wir eine Vergleichung verdanken, ist die philosophische Anschauung hier noch im Banne des Telesius³⁾, von dem sich aber der Autor in Folgendem emanzipiert.

Eine Anzahl von Handschriften steht aus der Folgezeit zur Verfügung, doch fehlt darin die Datierung, und man kann höchstens die Aufeinanderfolge bestimmen.

1) Nach Fiorentinos Mitteilung: „Questa medesima opera, e da me riscontrata, si trovi nella Magliabecchiana con le dato del 1595“. Weiteres über das Äusserliche sagt allerdings Fiorent. nicht; vergl. dessen Schrift: Bernardino Telesio, Firenze 1874. I. S. 356.

2) Es möge gleich hier erwähnt werden, dass diese Rezension einer Kapiteileinteilung entbehrt.

3) Fiorentino begründet dies teils damit, dass der sensus nur eine von äusseren Objekten herrührende Veränderung ist, dass der sensus inditus noch fehlt, und dass die Tugend in der Reinheit des spiritus und in seiner Kraftaufwendung, sich selbst zu erhalten, besteht a. O. S. 356, 7.

a) Am einfachsten erscheint seiner Komposition nach, und ist darum wohl als älteste Redaktion anzusehen der

Cod. lat. 13970 Bibl. Nat. Paris,

ihm nahe verwandt

Ottobon. 791. 3.

Der Pariser hat ein einleitendes Kap. ohne Überschrift, dessen erster Punkt so lautet: „Physiologia est scientia Realis de Rerum naturā considerans“. Es folgen nun Bestimmungen über die Natur, und Abgrenzungen der Physiologie von den übrigen Wissenschaften. Dann wird festgestellt, das ens naturale habe — principia, causae, partes et affectiones, und es werden zunächst die causae behandelt. Ein folgendes Kapitel „De ente naturali“ stellt fest, das „totum ens naturale vocatur mundus“. Die Zahl der Abschnitte beträgt hier noch nicht einmal 60.

Der Ottobon. wird durch ein Kapitel eingeführt „de quidditate et objecto Physiologiae“. Die Zahl der Abschnitte oder Kapitel beträgt hier etwa 70, der Gang ist im Ganzen wesentlich derselbe, wie in allen späteren Bearbeitungen: Ontologie, Kosmologie und experimentelle Psychologie. Bemerkenswert ist die rein naturalistische Überführung zur Ethik: das letzte Kapitel handelt de extensionibus Animae in corpus; die Schrift schliesst: „Regulae praedictarum extensionum vocantur virtutes, enormitates vero in excessum et defectum vocantur vitia. — De vitiis et virtutibus sequens libellus erit“. Die Schrift befindet sich in einem Codex, der noch 2 andere Campanellasche Schriften enthält, sie ist aber mit jenen in gar keinem Zusammenhange. Im ganzen steht sie trotz der Gliederung in einzelne, mit Titeln versehene, Abschnitte noch unter der Signatur des von Adami publizierten Compendio della Fysiologia.

b) Einen weiteren Schritt sehen wir vollzogen in den beiden

MS. Regín. 1145

und

Casanat. 1588.

In beiden steht noch die Physiologie als selbständiger Gegenstand da. Reg. führt den Titel Scuola del primo senno aperta da Fr. Tommaso Campanella, servo di Dio, et unico maestro della detta scuola. Die Schrift wird durch Avvertimenti eingeleitet,

die erkenntnis-theoretische Prinzipien aufstellen. Sonst ist der Reginensis, ebenso wie der Casanat. in 5 Libri eingeteilt, die unter sich mehrere Discorsi enthalten. Da der Reginensis mehr enthält, als der Casanat, so neige ich zu der Annahme, dass dieser (Inscription: Epilogo magno etc.) früherer Herkunft ist als die Scuola del primo senno. Der terminus ad quem ist glücklicher Weise bei dem Regin. gegeben durch die darin befindliche Bemerkung: Hunc librum communicavit mihi Paulus Helfrich in Veteri Stetino 1610 Philippus Dux Pomeranorum.

Diese beiden Schriften machen den Schlussgedanken der vorgenannten zur Tat, indem sie von 37 Discorso des Libro V an die Tugenden behandeln. Die Haupttugend (generosita) findet sich indess im Casanat. noch nicht, ebenso nicht die Schlussavertimenti, die in 4 Punkten, noch immer im Bereich der Physiologie, Corollarien aus den 20 Discorsi der Ethik ziehen.

c) Einen wichtigen Schritt vorwärts sehen wir in dem

Regin. lat. 1447.

vollzogen. Hier wird die Ethik nicht nur als selbständiger Teil, Pars Secunda, der Physiologie coordiniert, sondern wir finden hier auch die übrigen Teile der philosophia realis ausser dem späteren Anhang der Politik (Città del Sole). An die Stelle der Libri treten hier die Capita, es gibt ihrer 16; ihnen sind auch hier noch Discorsi untergeordnet. — Nach alle dem ist dieser Text als die der lateinischen, von Adami publizierte Übersetzung der Physiologia am nächsten liegende Bearbeitung zu betrachten. Immerhin sind folgende Tatsachen zu beachten:

Das Kap. VI. enthält im Reg. 1447 einen Discorso mehr, als in der Ausgabe von Adami, die mit dem unter b erwähnten Reg. 1445 übereinstimmt.

Das Kap. VII. stimmt mit der Adamischen Ausgabe darin überein, dass es um einen Artikel (3.) mehr hat als Reg. 1445; dagegen finden wir in Reg. 1447 noch einen Artikel, den Adami nicht bietet.

Im Kap. VIII. finden wir bei Reg. 1447 und Adami alle die Artikel, welche eine Vermehrung gegenüber Reg. 1445 bedeuten.

Kap. X. ist im Casanat. am kürzesten, bei dem sensus rerum beruft sich der Verfasser auf seine ebenso betitelte Schrift; ausführlicher ist schon Reg. 1445. Reg. 1447 und Adami stimmen überein. — Die beiden letzteren Codices stim-

men auch im Kap. XI. überein: „De Potestatoriis et Potestatis“, welches in Casan. und Reg. 1445 ganz fehlt.

Im Kap. XIV finden wir Reg. 1447 als reichhaltiger; bei Kap. XV ist aber wieder die Reihenfolge so: Reg. 1445, Adami, Reg. 1447; letzterer durchbricht die den beiden ersteren gemeinsame Reihe. — Mit Kap. XVI schliesst Reg. 1447 den ersten Teil ab, während die beiden anderen, wie bereits erwähnt, auch die Ethik in die Reihe der Darstellung aufnehmen. Dagegen finden wir bei Adami noch weitere 4 Kapitel.

Es sei hier nur kurz vermerkt, dass die wohl schon früh abgefassten, jedoch erst 1637 publizierten Disputationes von diesen zuletzt erwähnten 4 Kapiteln eins (das XVII.) nicht enthalten. Daraus ergibt sich, dass die Mehrzahl des Stoffes in einzelnen Schriften nicht unbedingt für eine spätere Abfassung sprechen muss. Doch ist dieser vereinzelte Fall durchaus nicht im Stande unsere Schlussfolgerung betreffend die Reihenfolge dieser Bearbeitungen zu erschüttern. Die älteste finden wir in dem Cod. der Bibl. Nat. in Paris und in Ottobon., nicht weit entfernt von dem in Prodrum. publizierten Compendio; dann folgt der Casanatensis und Reg. 1445, wohl Anfang des 17. Jahrhunderts abgefasst; das Verhältnis zwischen Reg. 1445 und Adami kann man mit Sicherheit nicht bestimmen.

3. *Discorsi alli Principi d'Italia.*

Die beiden verschiedenen Gestalten dieser Schrift sind bereits im Druck vorhanden, die kürzere nach einer Handschrift in dem bereits erwähnten

Cod. Magl. VIII. 6.

herausgegeben von Ancona, die umfangreichere von Garzili. Ancona hat im Nachtrag zu seiner Ausgabe einen ausführlichen Vergleich zwischen den Beiden geboten. Die kürzere Version finden wir auch in

Reg. 652,

Vind. 6247,

die jedoch keine Inhaltsangabe der einzelnen Kapitel enthält, ebenso ferner

Bibl. Nat. Paris 728, 936, 1502.

Der Text der letzterwähnten Handschrift ist am Schluss um einige Worte ausführlicher.

Dagegen findet sich die ausführlichere Recension in
Urb. 861, p. 306 ff.,
 ferner in spanischer Übersetzung in
Bibl. Nat. 448 Espagn.

Die grössere Kapitelzahl der umfangreichen Version stammt aber aus der Teilung des IV. Kap. der kürzeren Recension in zweie. Doch wäre es nicht berechtigt, daraus irgendwelche Schlüsse auf die Priorität ziehen zu wollen.

4. De Belgio subigendo und Monarchia di Spagna.

Schwerer, als bei den beiden zuerst erörterten, ist die Kritik bei den eben genannten Schriften, weil wir keine gedruckte Ausgabe vom Verfasser selbst besitzen. Einen Stützpunkt können wir in der an erster Stelle genannten Schrift haben, die, wie Amabile im zweiten Teile seiner Publikation bereits gemerkt, ein Kapitel (XXVII) in der Monarchia die Spagna geworden. Der Unterschied zwischen der ursprünglichen Bearbeitung dieser kleinen Schrift, die Amabile mit Recht ins Jahr 1595 setzt, und der Umarbeitung für die Monarchia di Spagna ist freilich für die Chronologie insofern nicht ausgiebig genug, weil wir nur in einem der uns vorhandenen Exemplare der Monarchia ein sicheres Datum besitzen. Nur sehr gering ist deshalb der Ertrag einer über diese beiden Schriften angestellten Untersuchung. Er lässt sich darin zusammenfassen, dass auch in ihnen, wie auch sonst, der Verfasser seine Ausführungen später bedeutend vermehrt hat, so dass aus den ursprünglichen zehn Vorschlägen, wie es der König von Spanien mit Holland anfangen soll, in den gedruckten Bearbeitungen, und zwar schon seit 1620, dreissig geworden sind.

a) Wir besitzen die erstere Schrift nicht nur in Latein (MS. und Druck),

MS. d. Bibl. Corsiniana 694,

Lat. Vindobon. 5808, 6247, 10364,

sondern auch im holländischen Druck 1618, im deutschen 1630 und 1632. Ein Vergleich dieser Texte bestätigt, dass die kleine Schrift auch nach dem Erscheinen der bekannten Besoldschen deutschen Übersetzung der Monarchia (1620), wo sie bereits als erweiterter Teil aufgenommen war, als eine selbständige aufgefasst und für beachtenswert gefunden wurde. Dass man dabei

den ältesten Text behielt, zeigt ein Vergleich; die kürzere Form entbehrt noch (im Ratschlag 11) den Verweis auf den Dialog gegen die Lutheraner, welchen das Kap. XXVII der *Monarch. di Spagna* bereits enthält. Der Ratschlag 8., Empfehlung von gemischten Heiraten zwischen Spaniern und holländischen Mädchen, weist in späterer Umarbeitung viel mehr Beispiele aus der Geschichte auf¹⁾. Bezeichnend ist ferner Ratschlag 15, in der kürzeren Form: vor allem müsse die Schlange aus dem Wege geräumt werden, M. V. P.²⁾, in der späteren Form ist er mit *conte Maurizio* ausdrücklich genannt.

b) Die Schrift über die spanische Monarchie, vielleicht weil sie bei Campanellas Lebzeiten nicht gedruckt war (wir sehen von der Besoldschens Übersetzung ab), hat sich in sehr zahlreichen Abschriften erhalten. Amabile berichtet über viere in Neapel, Anconas Ausgabe ruht auf der bekannten Handschrift, der

Magliab. VIII. nom. 6.

Weitere Exemplare finden sich:

in Rom: Corsin. 694;

in Wien: Hofbibl. 5508, 6247;

in Hannover: Kgl. Bibl. MS. 1560 (zwei Exemplare);

in Paris: Bibl. Nat. ital. 234, 630, 872, 984, 1362, 1502;

d'Arsenale 4122;

Geneviève 3343.

Mehr Beachtung als alle andere scheinen mir 2 Exemplare zu verdienen.

1. Jedenfalls sehr alt ist die Bearbeitung der

Bibl. Nat. Paris, Ital. 872³⁾.

Schon das ist auffallend, dass hier das Proemium fehlt. — Die Kapitelzahl ist 31, ohne Angabe der laufenden Zahl⁴⁾. Der Artikel über die Niederlande gelangt nur bis zu 10 Mitteln, enthält tatsächlich nicht einmal das Alles, was die oben be-

1) In Vind. 5808 und 6247 ist dieser Ratschlag Nr. 14.

2) Vindob. 10364 f. 48 hat 1. E. M. V. P. Auch bei Besold wird er „Graf Moritz“ genannt.

3) Einfaches mit Glocke versehenes Titelblatt. Fol. 2, 3 enthalten die Tavola mit den Titeln der Kapitel.

4) Der Artikel della Navigazione schliesst f. 115 „ma aggranditi venendo alla fede perche in vero tal timore li fa armare contra spagnoli fieramente.“

sprochenen Einzelwerke über die Niederlande aufweisen. Maurizio wird ausdrücklich genannt.

2. Das Exemplar der

Geneviève 3343

ist von besonderem Interesse, weil es von Campanellas Hand korrigiert erscheint. Hier finden wir am Schluss des Proemio nach den Worten „*alli particolari*“ die Bemerkung Campanellas „*e scrivo cio nell' Anno 1599*“. Damit ist die Frage des Entstehungsjahres wohl endgiltig entschieden. Über Niederlande handelt Kap. XXVI.: „*Della Germania bassa e Fiandra*“. Hier wird (P. 8) Moriz ausdrücklich genannt, ferner wird (P. 10) auch die *epistola ad ultramontanos* als bereits abgefasste erwähnt. Die Zahl der Punkte ist 18. — Das *MS. der Bibl. Nat.* 984 ital. hat ihrer 28.

Vind. 5808 enthält im Titel die auch sonst vorkommende Behauptung, die Schrift sei von Campanella in seinem 30. Lebensjahre verfasst worden. Vielleicht ist eine der Wiener Kopien das Exemplar, das Campanella dem Erzherzog gesandt hat. Dagegen hat das Exemplar der *Bibl. d'Arsenale* 4122 dreissig Ratschläge, ebenso auch die Besoldsche Übersetzung. In *Vin.* 6247 folgt noch Kap. 32: der Discurs über das Recht des Kath. Königs auf die neue Hämispäre.

5. *Articuli prophetales.*

In dem vatikanischen Memorial (Vgl. oben S. 16) fehlt das Epitheton, und die Zahl der Artikel ist mit fünfzehn angegeben. Dem entsprechen die aus der *National-Bibl.* zu Neapel von Amabile publizierten 2 Stücke. *La conjura etc.* III, p. 32 ff.: *Defensio et Articuli prophetales*, und *De eventibus praesentis seculi Articuli prophetales*, III, p. 45 ff.

Indess tragen diese Stücke gegen die spätere Bearbeitung den Charakter einer Skizze. Ein umfangreiches Buch liegt uns schon vor im *MS.*

D'Arsen. 1083:

Articuli Prophetales XVI. Apologiae suae inserti, secundum omnes Scientias Divinas ac naturales. De Eventibus praecedentibus instantem Mundi finem; manifestandis post annum Christi 1600 prout Auctor praedicavit in Anno 1599.

P. Th. Campanella.

das, soviel ich sehe, bisher nicht beachtet worden ist. Eine fernere Erweiterung ist das bekannte MS. 1587 der Casanatense.

Obwohl auch der Anfang nicht derselbe ist, so entspricht doch der Inhalt der ersten V Kap. bei Amabile den ersten sieben der späteren Bearbeitung in den Hschr. der Arsenale und Casanatense. Die Artikel Amabiles 6—10 entsprechen ungefähr den Kapiteln der späteren Bearbeitung 8, 9, 11, 12. Das Kap. 13 zeigt in den beiden Bearbeitungen viel Verwandtes.

Die beiden umfangreicheren Exemplare unterscheiden sich schon durch die Angabe der Kapitelzahl, die in dem MS. der Arsenale unter der Überschrift, in dem Casanatense über derselben steht. Im Kap. IX fehlt bei Arsen. die Inhaltsangabe der drei Appendices. Im Kap. X sagt Casan., dass der Sitz des neuen Reiches Jerusalem sein wird, wozu in dem Arsen. noch „forte“ sich findet. — Das XV. Kap. des Casan. ist in Arsen. in zwei Kapitel aufgelöst. Das letzte XVI. besteht aus 20 Punkten, im Pct. XVI steht „apparent hoc anno 1600 nobis“, doch sind auf den Seiten Anmerkungen aus späterer Zeit. (Diesem Kap. XVI des Arsen. ist Amabile XIV ähnlich). In Casan. steht noch ein Kapitel, das hier natürlich die Zahl XVI trägt: Idem probatur ex praedictione et praesertim post s. m. anni 1603 etc. Dadurch bekundet sich das Exemplar ausser allem Zweifel als die späteste Bearbeitung, wie eine solche der E. I. in seiner Angabe über die Zahl der Kapitel offenbar gemacht¹⁾.

6. Aphorismi politici.

Die Handschrift ist sowohl italienisch als auch lateinisch vorhanden. Anconas italienische Ausgabe fusst auf einer Pariser und einer Florentiner Handschrift. Dass die Zahl der Kapitel bald 148, bald 149, oder 150 beträgt, hat für den Inhalt keine Bedeutung, es ist nur eine andere Einteilung desselben Stoffes. Als in der Sprache gemischt verdient Beachtung

Reg. 600.

Bis zum Aphorismus 55 ist der Text lateinisch, dann folgen 3 reine Blätter und mit Aphorismus 56 fängt der bis zum Schluss andauernde italienische Text an. Nur italienisch sind

1) Amabile setzt die Umarbeitung ins Jahr 1608, doch widerspricht der letzten Kapitelzahl (17) die Angabe des Vat. Memorials: XV artic. S. oben S. 16.

Vind. 6247
D'Arsen. 8577,
B. Nation. Ital. 705, 728.
Kgl. B. Hannov. MS. 1655₂,

letztere beträgt nur 148 Artikel, ebenso

B. Nation. Ital. 1326.

MS. Kgl. Bibl. Hannov. 1655₁ weist 149 Artikel auf.

7. **Monarchia Messiae.**

Zu dieser Schrift, die noch vor Campanellas Abreise nach Frankreich gedruckt wurde, besitzen wir zahlreiche Handschriften, sowohl in der Originalsprache, als auch in der lateinischen Übersetzung. Von Interesse ist besonders

Reginens 443 lat.,

weil er ein Autograph Campanellas ist. Wir sehen daraus, dass auch nach erfolgter Übersetzung noch Erweiterungen des Textes stattfanden. Ein ganzes Kapitel fehlt noch in dieser lateinischen Übersetzung (Kap. XVII), ebenso in den zahlreichen italienischen Handschriften.

Von italienischen Abschriften seien angeführt:

Vind. 6247, 5808₄, 6328.

Paris: D'Arsenale 4122;

Bibl. Nationale Ital. 985;

Bibl. Geneviève 3343.

Hannover: Kgl. Bibl. 1560. 2 Exemplare.

Rom ausser dem genannten Regin. noch

Vatic. 9370.

Die Exemplare der Ars., Genev. und BN. haben bei der Einteilung des Textes keine Zahlen. Der Text des Exmpl. der BN. scheint der kürzeste zu sein. Doch ist es mir nach den übrigens ziemlich erheblichen Unterschieden im Texte fraglich, ob sich eine Genealogie oder auch nur zeitliche Nacheinanderfolge der Abschriften feststellen lassen wird. Jedenfalls muss ich darauf verzichten, eine solche zu entwerfen. Es möge noch bemerkt werden, dass gegenüber der grossen Mehrzahl der Handschriften, die alle den Sermo über die Rechte des Königs von Spanien (zum Teil als Appendix, zum Teil als das letzte Kapitel) enthalten, in Vindob. Pal. 6247 dieser Sermo fehlt. Vgl. übrigens darüber oben S. 29.

8. Atheismus triumphatus.

Von diesem Werke besitzen wir eine Handschrift, wahrscheinlich die, die Campanella an Scioppius geschickt hat, im

MS. Bos. fol. 4, Univ. Bibl. Jena.

Wie ich in meinem Buch (Camp. ein Reformier usw.) S. 92 Anm. erwähnt habe, hat diese Handschrift mit dem Druck bereits Struve verglichen. Ich habe auch einen genauen Vergleich angestellt, den ich jedoch hier im Ganzen nicht wiedergebe. Campanella selbst sagt, was er daran bei der Drucklegung zu ändern hatte: er hatte anstößigere Stellen auszulassen, statt heidnischer kirchliche Autoritäten anzuführen. In der Handschrift finden wir z. B. — unter anderem — solches Urteil: „Telesius exsuperat Aristotelem in philosophia naturali et morali“. Jedenfalls verdiente die Handschrift — sie schliesst mit Kap. XVIII. — eine neue Ausgabe. Über die Entstehung der Kap. XIX und XX des Druckes wissen wir leider nichts.

9. Volumen quadripartitum — Quod reminiscetur.

Eine interessante Vorgeschichte hat dieses Werk, die, weil überall datierte Belege vorhanden, recht deutlich beschrieben werden kann. Die Mission besonders in dem weiten Sinn, wie Campanella das Wort hier auffasst, war doch die Seele der Gegenreformation. Und schon in dem ersten Memorial, im Schreiben an die Kardinäle, finden wir Detailarbeiten über die Mission angeführt, ganz abgesehen davon, dass ja auch die Schrift über die spanische Monarchie die Christianisierung der ganzen Welt zum Ziele hat. Auch in dem von uns veröffentlichten Memorial verspricht der Verfasser Arbeiten über die Mission der Heiden, der nordischen Ketzer, der Juden. Man vergl. B. a. Nr. 4, 6, 8, 12. Ob er Schriften ähnlichen Inhalts wirklich abgefasst hat, wissen wir nicht. Aber Campanella selbst verrät uns, dass von all dem, was er versprochen, nur die Missionsschriften das Interesse des Papstes erregt haben und dass ihm durch Scioppius der Rat gegeben wurde, bei dem Thema zu verbleiben. So finden wir in dem in E. H. unter der Nr. 13 erwähnten Werk bereits auch die Mohammedaner als Gegenstand der denkenden Fürsorge Campanellas.

Während er an den so versprochenen Werken weitergearbeitet, kam Adami nach Neapel. Nach zahlreichen Gesprächen,

die sie mit einander geführt, übergab Campanella dem Scheidenden auch Streitschriften gegen die Lutheraner. Eine Polemik folgte darauf: eine viel reichhaltigere, als diejenige, welche in seinem früher abgefassten Dialoge enthalten war. Den Inhalt der einzelnen Streitschriften habe ich in meinen Arbeiten zum ersten Male skizziert. — All dies, wie überhaupt alles, was er bisher geschrieben, nahm Camp. zur Vorarbeit zu einem grossen Werke; zu einem „volumen“, das — wie er sagt — „epitome, colophon und „finis studiorum nostrorum“ sein sollte. Im Dezember 1617 spricht er von einem volumen. (Widmung vgl. oben, S. 7.)

Das Eyssenhardtsche italienische Memorial spricht ein Jahr später von einem Tomus — „distinto in due volumi“. — Das erste Volumen ist vierteilig. Der erste Teil entwirft den Gedanken eines Generalconcils, das allgemeine Einheit im Glauben schaffen soll, mit partiellen Botschaften an die verschiedenen christlichen Nationen, auch die schismatischen und die häretischen, der zweite Teil enthält Botschaften an die heutigen Heiden, der dritte an die Juden, der vierte an die Mohammedaner. Das zweite volumen sollte enthalten die drei uns einzeln bereits bekannten Werke: a) *recognitio verae religionis etc.* (so, und nicht *Atheismus triumphatus*, lesen wir im Memorial!); b) *articuli prophetales*; c) *monarchia Messiae*.

Die Wichtigkeit, die der Verfasser diesem Werk zumisst, erhellt daraus, dass, wie wir bereits oben S. 7 erwähnt, mehr als ein Drittel eines ganzen Memorials seiner Ankündigung gewidmet wurde.

a) Ein Exemplar des ersten Volumens des so eingeteilten Tomus mit der ersten Widmung vom Dezember 1617 enthält der
Bibl. Mazarin. 1079.

Es ist offenbar die erste Bearbeitung des Volumen. Ausserdem enthält der Band am Anfang noch die, anderwärts bekannte Schrift: *Responsiones ad Objectiones T. A. Viri clarissimi super epistola antilutherana.*

b) Von diesem Volumen besitzen wir dann ein druckfertiges und zum Druck auch approbiertes Exemplar im
Cod. Vatic. 7069.

Die im Cod. Mazar. noch besonders stehenden *Responsiones* sind hier schon in den I. Teil aufgenommen als ein Teil der Botschaft an die nördlichen Ketzler.

Die im Codex Mazar. befindlichen Korrekturen, zunächst die in diesen Responsiones vorhandenen, lassen die Frage offen, ob sie schon in dem Text, der an Adami geschickt wurde, angebracht worden sind, oder erst in der Arbeit für die Mission. Dass durch diese Korrekturen das Volumen selbst stark überarbeitet worden, das zeigt ein flüchtiger Blick in den Band. Ich habe die von mir früher nach dem Vaticanus publizierte historisch so wichtige Beichte¹⁾ mit dem Wortlaut im Mazar. verglichen und manche Differenzen gefunden. — Auch ist hier die ursprüngliche Widmung (an Urban VIII) schon in der Form einer Korrektur durch die Widmungen an Gregor XV. und Urban VIII erweitert, und einer Generalwidmung an den Letztgenannten einverleibt worden²⁾.

Schon in dem Titel selbst steht, dass der Schrift die im Memorial an den Papst erwähnten 3 Werke beigegeben werden, indess wurde dies, sowie es ursprünglich geplant worden, jedenfalls nicht ausgeführt. Es ist ferner auffallend, dass sich das, wie Campanella selbst sagt, noch in seinem Leben so viel benutzte Reminiscentur sonst nicht erhalten hat. Der unter den *lateinischen Handschriften der Nationalbibl. zu Paris* befindliche Band ist nur ein Fragment, enthaltend den IV. Teil des Volumens selbst.

Es sei schliesslich noch erwähnt, dass der an sich selbständige Band

Bibl. Mazar. 1079.

die äusserliche Bezeichnung trägt: Campanellae Opera III. Die beiden ihm im Katalog vorangehenden Bände sind wirklich als Opera I und II bezeichnet worden, und enthalten C. 1077 Theologicorum Lib. VI—XV; C. 1078 — Lib. XXI—XXIII.

Weitere Bände besitzt die Bibl. nicht, und so wird der obere Titel nur die Erbschaft betreffen, die am Todestage Campanellas (21. Mai 1639) dem Kloster Honoré zugefallen ist, wie dies Eintragungen in den beiden ersten Bänden bezeugen.

Es seien hier noch 4 Schriften Campanellas erwähnt, die

1) Vgl. Th. Campanella und Ferd. II. S. 32 ff.

2) Publiziert von mir in Th. Campanella ein Reformier etc. Anhang.

für diese Skizze genauer zu untersuchen ich nicht die Möglichkeit hatte.

10) **De praedestinatione etc.** Die Originalhandschrift findet sich in Prachteinband in der

Bibl. Nat. Paris. Lat. 675.

11) **Die Instruktion von den Jesuiten,**

Bibl. Ital. 986,

Amabile hielt sie für nicht genügend bezeugt, und hat sie nicht in sein Verzeichnis der Werke Campanellas aufgenommen. Wenn aber auch die Vaticana ein Exemplar als von Campanella abgefasst besitzt, und zwar

Vat. 8193,

so sind die Zweifel dagegen kaum begründet; die Texte, soweit ich Material zur Vergleichung besass, sind identisch.

12) **Der Dialog gegen die Lutheraner** ist ausser in Paris Nat. Ital. 106 in Neapel, auch in Rom vorhanden

Ottobon. 791.

Ein Vergleich der entsprechenden Bände könnte auch vom Interesse sein.

13) Die *Arsenale* besitzt die einzige Originalhandschrift der **Monarchia nationum**

MS. 1083,

und eine französische Übersetzung davon

MS. 2339.

Darein ist ein schon früher abgefasstes Stück, die

14) **Comparsa regia**

aus 1635, aufgenommen. Dass sie eine selbständige Schrift ist, hat Amabile gewusst, dass sie als solche auch vorhanden ist, scheint ihm entgangen zu sein; sie findet sich lateinisch im

Reg. 1447, p. 379—382.

In der französischen Übersetzung ist sie mit dem übrigen Text übersetzt, worden. — Einen Vergleich des Textes des *Regin.* mit dem des *Arsen.* konnte ich nicht vornehmen, doch ist der Wortlaut des übrigen recht langen Titels identisch.

Ferner seien noch einige Handschriften nachgetragen, die ich, wie es schon bei anderen Fällen im Texte erwähnt worden, für die Zwecke dieser Arbeit nicht geprüft habe.

So zu 2. *Physiologia* in

Magliab. VIII. 6.

Epilogo delle cose della natura.

Zu 3. Discorsi alli Princ. d'Ital.

Kgl. Bibl. München Cod. Ital. 59.

Zu 4. Monarchia di Spagna

Kgl. Bibl. München Cod. Ital. 59,

„ „ „ *Cod. Ital. 102.*

Zu 6. Aphorismi Politici

Kgl. Bibl. München Cod. Ital. 367.

Schliesslich möge es nicht unerwähnt bleiben, dass zwei kürzere Abhandlungen Camps, u. zw.

15) **Non trovarsi tanto ampla, ne tanto vera liberta in alcuno st..... di monarchia ne di repubblica in tutto il mondo, come e quanta e nel papato.**

16) **Chi e moglio sottostare all'imperio ecclesiastico o vero al secolare?**

im

Regin. 1447

handschriftlich vorhanden sind.

Über die kleineren Schriften, die Amabile publiziert hat, erscheint es nicht nötig Weiteres zu sagen. Betreffs des Discorso sopra la fragilità di Venetia (Amab. IX.) vgl. die treffliche Kritik bei Solmi, Città del sole etc. S. 52.

* * *

Wollen wir die erbrachten Zeugnisse und Resultate kurz erwägen. Die zwölf Jahre seiner Haft, die für uns durch die 5 Memoriale eingeschlossen werden, zeugen in der beredtesten Weise von der Stärke und Zähigkeit seiner Natur, die durch die grausamste Misshandlung nicht zu überwinden war. Denn durch alles Erlebte und Erlittene ungebrochen, setzt er das vor der Haft begonnene Spiel fort, die gegen ihn erhobenen Anschuldigungen für ungerecht und seine angefeindeten Arbeiten für harmlos, ja gar als der Kirche und Spanien nützlich zu erklären. So viel wir wissen, hat vor allem das Vertrauen auf des Scioppius Ansehen die ersten drei, vielleicht gar die fünf ersten Memoriale veranlasst. Vielleicht weil Scioppius selbst ein Feind der Jesuiten und Chiliast gewesen ist?

Aber die heuchelnde **Schlaueit**, ohne deren Hilfe ja die Freiheit nicht zu erreichen **war**, konnte auf die Dauer seine Gesinnung nicht dämpfen; **das zeigt** die Recidive aus 1608, das bekennt er selbst dem **Papst** zehn Jahre später. Man kann dies je nach dem Standpunkt der Beurteilung Stärke oder Schwäche nennen: jedenfalls trägt es zum Verständnis der 5 ersten Memoriale wesentlich bei.

Die „Recidiven“ zeigen klar, dass Camp. in seiner Haft nicht die Hoffnung verloren hat, seine im Glauben nicht aufgegebenen höhere Bestimmung beim Wiedererlangen der Freiheit irgendwie zur Geltung bringen zu können. Nur so erscheint verständlich, dass er mit Geringschätzung der gesunden Vernunft seiner Verfolger nicht nur seine Vergangenheit mit den Farben der Unschuld ausmalt, sondern den Machthabern auch zumutet, sein ihm bereits verderblich gewordenen, aber gläubisches Selbstvertrauen zu teilen und ihm mit der Gefahr der Lächerlichkeit verbundene Experimente zu gestatten. So kann er alle seine bedenklichen Schriften mit ansprechender Etikette versehen und neue unglaubliche Entwürfe, Pläne und Versuche vollen Ernstes empfehlen. Es ist nicht viel, was dabei für die Bibliographie abfällt, etwas doch. Wir haben es am entsprechenden Ort verzeichnet (oben S. 18 ff.). Wir verweisen ferner wiederholt auf die Wandlung in seinem Benehmen, die das sechste Memorial zeigt. Es hat den Wert, dass es die von dem Verfasser selbst so hochgeschätzte Schrift Reminiscentur in ihrer ursprünglichen Bestimmung und Umfang aufweist, und, ergänzt durch die übrigen Memoriale, uns auch die bereits früher vorhandenen Bestandteile, aus welchen sie, wenigstens die erste Hälfte des Werkes, zu einer Einheit zusammengeschmolzen wurde, namhaft und kenntlich macht.

Der zweite Teil dieser Abhandlung weist bei den meisten darin erörterten Schriften dieselbe allmähliche Genese nach. (Bei den Discorsi politici ist sie nicht ergründbar, aber auch nicht unwahrscheinlich.) So bei den Schriften De sensu rerum, Realis philosophia epilogistica, Monarchia di Spagna, Monarchia Messiae, Atheismus triumphatus, Reminiscentur und Monarchia Nationum. Hier ist es uns sogar äusserlich ermöglicht, das Anwachsen der einzelnen Werke zu beobachten; die Metaphysik verrät es innerlich, durch ihren Reichtum des Inhalts

und den schwächlichen Faden, der ihn zusammenhält. Jedenfalls ist die Art des Verschmelzens mehrerer Schriften zu einer ein Zeugnis dafür, dass für Camp. die Wissenschaft, wie sehr er auch ihr ergeben war, nicht das höchste Ziel des Strebens gewesen. Ihm, der doch so herrliche Gedichte abgefasst, hätte es gewiss an Befähigung nicht gemangelt, den Gedankenreichtum, den er besass und erwarb, straffer und schöner zu gestalten. Er hat, das beweist auch diese Genese, auf die Form seiner wissenschaftlichen Arbeiten zu wenig Gewicht gelegt. Die psychologische Organisation des Autors und die Last seiner äusseren Lage nahmen der Arbeit an der Composition jede Feinheit, jede gestaltende Geduld, und zeigen uns den hochbegabten Mann, hochfliegenden Dichter, Redner von hohem Schwung als hilflosen oder flüchtig arbeitenden Schriftsteller, der häufig die elementarsten Forderungen der Logik nicht berücksichtigt und den Leser durch Wiederholungen und Weitschweifigkeit ermüdet.

Der uns hiermit auch indirekt verdeutlichte psychologische Hintergrund bei der Genese seiner Schriften ist somit nach den uns nun vorliegenden Zeugnissen als eine nie versiegende Kraft im Ausharren bei seiner hohen Lebensaufgabe, als das einheitliche Motiv seines literarischen Schaffens wahrnehmbar. Betreffs der im Dienste Spaniens abgefassten Werke ist dies unschwer und untrüglich nachweisbar. Die *monarchia nationum* beweist es. Es ist nicht meine Aufgabe, das hier zu wiederholen, was betreffs der angeblichen Treue zu Rom anderwärts bereits gesagt worden. — Aber seiner prophetischen Gabe macht es Ehre, dass er in seiner Lage befähigt war für die Propaganda den gedanklichen Grund zu legen und des noch immer mächtigen Spaniens Niedergang und Frankreichs Grösse vorauszusagen, sogar dem Sonnenkönig (Ludwig XIV) die grosse Zukunft zu prophezeien. Ob sich die naturgemässe Theologie, um die er sich so sehr abgemüht, als ein Mittel im Dienste seiner Ideen, ob in Verbindung mit dem römischen Christentum, oder im Gegensatz dazu, nützlich erweisen könnte, möge dahingestellt bleiben, sie ist ebenso ein historisch erprobter prophetischer Gedanke, wie die beiden anderen. Demnach hat der heidnische Naturalismus in der kirchlichen Zwangshülle durch den gefesselten Autor in Organisationsform

und in Gedankengehalt den im Kampf entbrannten christlichen Parteien Mittel zugeführt, die sich von der Intention des Autors loslösend bei der neuen Scheidung der Geister als wertvolle Parteimittel bewährt haben.

So viel können wir auf Grund unseres zweiten Teiles behaupten. Ein Werk mag darin mit Recht vermisst werden, dessen Tragweite die der bisher besprochenen übersteigt: sein Lebensprogramm, wohl seit seiner Bekanntschaft mit der Astrologie bis zu seinem Lebensende, obwohl er auch in den darin erörterten Fragen seine Fahne hat senken müssen. — Wir haben darüber einige Worte zu sagen. Es wird dadurch das bisher Gesagte bestätigt, aber der Rahmen, in den das bisher Gesagte gestellt worden, ist für alles das, was zu dieser noch übrigbleibenden Schrift zu sagen ist, zu eng.

Anhang.

Zur Textüberlieferung der „Città del Sole“.

Die Unterschiede der verschiedenen Ausgaben der Città hat zuerst Amabile¹⁾ eingehend geprüft. Er findet, dass die Schrift zweimal umgearbeitet worden ist; von der ursprünglichen Form, deren Entstehung er ins Jahr 1602 setzt, sei zu unterscheiden jene, die Adami als Anhang der Politik herausgegeben, und die, die Campanella selbst in seine *Disputationes* aufgenommen hat²⁾. Amabile hat die 3 Rezensionen inhaltlich verglichen und seine Wahrnehmungen bestätigen, was wir bei der Genese der sonstigen Arbeiten unseres Autors gemerkt haben. Immer mehr tritt mit der Zeit in seinen Arbeiten der Zug zur Breite und Redseligkeit hervor; der kirchliche Anstrich, der ja schon in der ersten Bearbeitung nicht fehlt, wird immer künstlicher — und zeugt, wie auch andere, von uns bereits in obigen besprochenen Schriften, von Camp. eifrigem Bestreben, gut christlich-kirchlich zu erscheinen³⁾. Amabile hat seine Wahrnehmungen mit Varianten aus den verschiedenen Ausgaben illustriert und damit den Wert der ersten Bearbeitung in helles Licht gerückt. Daran knüpfte er die Aufforderung, dass man diese Bearbeitung in kritischer Weise herausgeben möge. Es ist dies keine einfache Aufgabe, denn die Handschriften sind sehr zerstreut. Betreffs

1) D'Anconas Bemerkungen (*Opere di T. C. II.* 236) fallen nicht ins Gewicht.

2) Vergl. Amabile *Opere* V S. 302. VII. S. 156—7.

3) Vergl. oben S.

Adami, dessen Ausgabe ja jedenfalls eine wichtige Stütze bei der Lösung jener Aufgabe sein muss, habe ich gezeigt, dass er als Übersetzer und Herausgeber Campanellas nicht mit unanfechtbarer, buchstäblicher Treue gewaltet hat¹⁾. Den Titel der im Grunde so revolutionären Schrift hat Campanella selbst in der dritten Ausgabe so formuliert: „C. S., Dialogus poeticus. Defensio hujus libri est in Politicis quaestionibus, quarta quaestio, ubi ostenditur esse Catechismum Gentilium ad politiam et fidem Christianam, pure Apostolicam“²⁾.

Woran sollen sich die Leser oder gar die Übersetzer (in der letzten Zeit sind wieder eine deutsche und eine russische Übersetzung veröffentlicht worden) halten, wenn sie die Schrift kennen lernen und studieren wollen³⁾?

Amabiles Aufforderung wurde erst 1904 genug getan. Edm. Solmi hat einen sachlich, wie ich glaube, ziemlich gelungenen Versuch gemacht, die ursprüngliche Ausgabe wieder herzustellen⁴⁾. Sie genügt leider allen kritischen Anforderungen nicht, a) weil er nicht alle erreichbaren Handschriften eingesehen; b) weil er über die Handschriften nichts berichtet; c) auch darüber nicht, welche er zu Grunde gelegt und warum; d) weil er die Varianten der einzelnen Handschriften nicht mitteilt und so ein Urteil über sein Resultat nicht ermöglicht. Gewiss zeigt schon die umfangreiche Einleitung, wie auch des Verfassers sonstige Arbeiten, dass man es mit einem ernstesten Forscher zu tun hat; um so mehr erscheint es dann bedauerlich, dass er, nachdem er so vieles getan, nicht alles im Interesse seiner Arbeit unternommen, um billigen Erwartungen zu entsprechen und die berechtigten Zweifel und Einwendungen im voraus zu enttarnen.

1) Vergl. meine Abhandlung: Protest. gelehrte Polemik gegen Th. Campanella. Jurjev. 1909.

2) Solmi gibt in seiner Ausgabe (S. 1) diesen Titel nicht vollständig wieder.

3) Es wäre auch vom Interesse, zu konstatieren, an welche Ausgabe sich die verschiedenen älteren und neueren Übersetzungen (lat., franz., englisch. u. s. w.) gehalten haben.

4) La città del Sole di T. C. edita per prima volta nel testo originale con testo e documenti da Edmondo Solmi. Modena 1904. Der Wert des Textes wird erhöht dadurch, dass auch die wichtigsten Varianten der beiden folgenden Ausgaben mitgeteilt werden.

Noch bevor Solmis Ausgabe erschien, hatte ich auch dieser Schrift Campanellas meine Aufmerksamkeit zugewendet, und von zwei Handschriften Kopien genommen, die, bis dahin unbekannt, auch Solmi bei seiner Ausgabe nicht zur Verfügung gestanden¹⁾. An der Hand ihrer Vergleichung mit Solmis wiedergewonnenem Text habe ich die eben geäußerte Ansicht gewonnen, dass nämlich ungeachtet der obigen Einwendungen Solmis Verfahren im Ganzen gut und sein Resultat ziemlich verlässlich ist.

Um dies dem Leser anschaulich zu machen, und ihm auch über einen bisher nicht verwendeten Teil des handschriftlichen Befundes ein Urteil zu ermöglichen, drucke ich im folgenden die Abschrift der Vaticana und darnach die Varianten der Abschrift der Wiener Hofbibliothek ab. Und zwar ist die Wiedergabe des Textes der Vat. eine vollkommen getreue, betr. der Vind. begnüge ich mich mit der Mitteilung der Lesarten, die eine mehr als rein äusserliche Differenz aufweisen. Die sonstigen, hauptsächlich orthographischen Unterschiede (darunter auch die der Interpunktion), die zeigen, dass die beiden Handschriften von einander unabhängig, und gleich mangelhaft sind, kann ich nicht fortlaufend berücksichtigen, möchte aber die hauptsächlichsten Eigentümlichkeiten der beiden Handschriften im Folgenden zusammenstellen.

Jede der zu veröffentlichenden Abschriften findet sich je in einem Bande, der auch andere Schriften unseres Autors enthält. Äusserlich sorgfältiger erscheint die Vat., in der die Reden der Interlocutoren stets durch neues Alinea kenntlich gemacht werden, was bei Vindobonens. nicht der Fall ist. Sonst sind aber die beiden Abschriften fast gleich nachlässig. Man kann im Ganzen die folgenden Verschiedenheiten doch nicht als ausnahmslos festgehaltene verzeichnen:

Vatic. hat		Vindobon. dagegen mit
die Zahlen mit Buchstaben,		Ziffern.
Für das f	in der Vat. findet sich	ph
„ t	„	tt
„ ch	„	cc
„ li	„	gli
		in der Vindob.
		„
		„
		„

1) Vergl. die Wendeseite des ersten Titelblattes.

Für das b, m in der Vat. findet sich bb, mm in der Vindob.

„ maestro	„	„ mastro	„
„ anche	„	„ anco	„
„ Aristotele	„	„ Aristotile	„
„ ufficiali	„	„ officiali	„
„ agli	„	„ alli	„
„ abboriscono	„	„ abborriscono	„
„ bene	„	„ ben	„
„ cavalligieri	„	„ cavallilegieri	„
„ magnare	„	„ mangiare	} auch umge- kehrt
„ mangiano	„	„ magniano	
„ fatica	„	„ fatica	„
„ cuppoletta	„	„ cupoletta	„
„ metaphysici	„	„ metafisici	„
„ Africa	„	„ affrica	„
„ dicano	„	„ dicono	„

Ich hoffe, dass diese, bei weitem nicht vollständige Liste zur nötigen Orientierung über die äussere Beschaffenheit der beiden Abschriften ausreichen wird.

Den Plan, Solmis Abweichungen von diesen handschriftlichen Texten mitzuteilen, habe ich aufgegeben, weil seine Ausgabe, wenn auch nicht leicht, wenigstens in dem grösseren Bibliotheken, erreichbar ist. —

Schliesst sich auch dieser Anhang dem zweiten Teil dieser Abhandlung eng an, so hätte ich ihn doch fortgelassen, wenn ich es hätte annehmen können, dass eine definitive Ausgabe der Città in Bälde zu erwarten sei, und wenn ich nicht davon überzeugt wäre, dass der folgende Abdruck bei der Schaffung einer solchen dereinst, und dem Forscher schon jetzt, vom Wert sein kann.

Bibl. Vaticana, Cod. Ottobonianus fol. 91 und ff.

Città de lo Sole

di fra Thomasso Campanella, cioè Dialogo di Republica, nel quale si disegna L'Idea di Riforma della Republica Christiana Conforme alla promessa da Dio fatta alle Sante Catherina et Brigida.

5

Hosp. Dimmi per gratia tutto quello, che ti avvenne in questa navigazione?

G. Già vi ho detto come girai il mondo tutto, e poi come arrivai alla Taprobana, e fui sforzato mettere in terra, e poi fuggendo la furia de Terrazani mi rinselvai, et uscii in un gran piano proprio sotto l'Equinoctiale.

Hosp. Quì che t'occorre?

G. Subito m'incontrai in un gran squadrone di huomini, e di donne armate, e molti di loro intendevano la lingua mia, li quali mi condussero alla Città del sole.

Hosp. Dimmi come è fatta questa Città, e come si governa,

15

G. Sorge nell' ampia campagna un colle sopra il quale sta la maggior parte della città, ma arrivano li suoi giri molto spatio fuor delle radici del Monte, il quale è tanto che la Città fa due miglia di Diametro, e più, e viene ad esser sette miglia di circolo, ma per la levatura più habitationi ha, che se fusse in piano. E' la città distinta in sette Gironi grandissimi nominati dalli sette Pianeti. E s' entra dall' uno all' altro per quattro strade, e per quattro porte alli quattro anguli del mondo spettanti, ma sta in modo, che se fusse espugnato il primo giro, vi bisogna più travaglio al secondo e poi più. Talche sette fiata bisogna espugnarla per vincerla, ma io sono di parere, che ne anco il piano si può, tanto è grosso, e terra pieno, et ha valguardi, Torrioni, artiglieria, e fossati di fuora.

25

Entrando dunque per porta Tramontana di ferro coperta, fatta che si alza, e cala con bello ingegno si vide un piano di 50 passi tra la muraglia prima, e l' altra appresso stanno palazzi tutti uniti per giro col muro, che puoi dire, che tutti siano uno, e di sopra hanno li rivellini sopra colonne come chiostri di frati, e di sotto non vi è introito se non dalla parte concava delli palazzi, poi con le stanze belle con le finestre al convesso et al concavo, e son distinti con picuole mura tra loro. Solo il muro convesso è grosso otto palmi, il concavo tre, li mezzani uno e poco più.

30

Et così poi si arriva al secondo piano che è due passi ò tre manco, è si vedono le seconde mura con li rivellini in fuora, e passeggiatori e dalla parte di dentro l'altro muro, che serra li palazzi in mezzo. Ha il chiostrò le colonne, e di sopra, e di sotto belle pitture, e così si arriva sino al supremo, e sempre per piani solo quando si entrano le porte, che essendo doppie per le mura interiori et esteriori si ascende per gradi tali, che non si conosce, perchè ci hanno obliguanti, e sono di altura quasi invisibile distinte le scale.

Nella sommità del monte vi è un gran piano, e un gran tempio in mezzo di stupendo edificio.

Hosp. Di Di mo per vita tua.

G. Il tempio è tondo perfettamente e non ha muraglia che lo circondi, ma sta situato sopra le colonne grosse, e belle assai, la cuppola grande ha in mezzo una cuppoletta con un spiraglio che pende sopra l'altare, che è un solo, e sta nel mezzo del tempio. Girano le colonne trecento passi e più, fuor delle colonne della cuppola vi è più di otto passi, li chiostrò con mura poco elevate, sopra le sedie, che stanno intorno al concavo del muro interiore, benchè in tutte le colonne interiori, che senza muro fraposto tengono il tempio vi sono sedie partiali assai sopra l'altare non vi è altro che un mappamondo assai grande dove tutto il cielo è dipinto, et un altro dove è la terra, poi sul cielo della Cuppola vi stanno tutte le stelle maggiori del cielo notate con li nomi loro, e virtù che hanno sopra le cose terrene con tre versi per una, ci sono li poli, li Circoli segnati non del tutto perchè manca il muro abbasso, ma si vedono finiti in corrispondenza nelli Globi dell'altare.

Vi sono sempre accese sette lampade nominate dalli sette pianeti. Sopra il tempio vi stanno alcune celle nella cuppoletta attorno e molte altre grandi sopra li chiostrò, e quì habitano li Religiosi, che sono circa a quaranta. Vi è sopra la cuppola una banderuola per mostrare li venti, e ne segnano trentasei, e sanno quando spira ogni vento, che stagion porta, e quì sta anco un libro con lettere di oro di cose importantissime.

Hosp. Per tua fè, dimmi tutto il modo del governo, che quì ti aspettavo.

G. E' un Prencipe sacerdote tra loro, che si appello .O. et in lingua nostra si dice metafisico. Questo è capo di tutti in spirituale, e temporale, e tutti li negotii in lui si terminano. Ha tre Prencipi collaterali Pon. Sin. Mor. che vuol dire Podestà, Sapienza, et Amore.

Il Podestà ha cura delle paci, delle Guerre, e dell' arte militare, è supremo nella Guerra, ma non sopra O., ha cura di Offitiali, Guerrieri, soldati, munitioni, fortificationi, et espugnationi.

Il Sapienza ha cura di tutte le scienze, e delli dottori, e magistrati dell'arti liberali e mecaniche, e tiene sotto di se tanti offitiali quante sono le scienze, cioè l'Astrologo, il Cosmografo, il Geometra, il Fisico, il Retore, il Grammatico, il Medico, il Metafisico, il Politico, il Morale, e tiene un libro solo dove stanno tutte le scienze, che fa leggere à tutto il Popolo ad usanza di Pittagoria, e questo ha fatto pingere in tutte le muraglia, su li rivellini di dentro, e di fuori tutte le scienze, nelle mura del tempio esteriore, e nelle cortine, che si calano quando si predica per non perdersi la

voce vi stà una stella ordinatamente con tre versi per una nel dentro del primo giro tutte le figure mattematiche più che non scrisse Euclide et Archimede con la loro propositione **significante**, nel di fuori vi è la carta della terra tutta, e poi le tavole di ogni provincia, con li riti, costumi, e leggi loro, e con li alfabeti ordinarii sopra il loro alfabeto. 5

Nel dentro del secondo giro vi sono tutte le pietre pretiose, e non pretiose, e minerali, e metalli negri, et pinti con le dichiarazioni di due versi per uno, nel di fuori vi sono tutte sorte di laghi, mari, e fiumi, vini, ogli, et altri liquori, e loro virtù, origine e qualità, e ci sono le caraffe piene di diversi liquori di cento, e trecento anni, con le quali sanano tutte le infermità. 10

Nel di dentro del terzo giro vi sono tutte le sorti di herbe, et arbori del mondo, pinte, e pure in ceste di terra sopra il rivellino, e le dichiarazioni dove prima si trovarono, le virtù loro, e le simiglianze che hanno con le stelle, e con li metalli, e con le membra humane, e l'uso loro in medicina. Nel di fuori tutte le maniere di pesci, di fiumi laghi, e mari, e le virtù loro, il modo di vivere, generarsi allevarsi, e di conservarsi, e le simiglianze, che hanno con le cose celesti, e terrestri dell'arte e della natura, sì che mi stupii quando trovai pesci vescovo, e catena, e chiodo e stella à punto come sono queste cose tra noi, ci sono uncini, ricci, spongoli, e tutto quanto è degno di sapersi con mirabil arte di pittura e di scrittura che dichiara 1).

Nel quarto dentro vi sono tutte sorti di angelli pinti, e loro qualità, grandezze e costumi, e la fenice è verissima appresso loro. Nel di fuori stanno tutte di animali reptili, serpi, draghi, vermini, e gl'insetti, mosche e tafani etc. con le conditioni loro, veneni, e virtù, che sono più che non pensiamo. 25

Nel quinto dentro vi sono animali perfetti terrestri di tante sorti, che è stupire, non sappiamo noi la millesima parte, e però sendo grandi di corpo li han pinti ancora fuori il rivellino, e quante maniere di cavalli solamente, e belle figure dichiarate dottamente. 30

Nel sesto dentro vi sono tutte le arti mechaniche, e l'inventioni loro, e li diversi modi, che si usano in diverse Regioni del mondo. Nel di fuori vi sono tutti li inventori delle leggi, e delle scienze, e delle armi. Trovai Moisè, Osiri, Giove, Mercurio, Macometto, et altri assai, et in luogo assai honorato era Giesù Christo, e li dodeci Apostoli, che ne tengano gran conto, Cesare, Alessandro, Pirro, e tutti li Romani, onde io ammirato come sapevano quelle historie mi mostraro che essi tenevano di tutte le nationi ligua, e che mandavano à posta per il mondo Ambasciadori, e si informano del bene, e del male di tutti, e godono assai in questo. Viddi che nella China le bombarde, e le stampe furono prima che à noi. Ci sono poi li Maestri di tutte queste cose, e li figliuoli senza fastidio giocando si trovano saper tutte le scienze historicamente prima che habbiano X anni. L'amore ha cura delle generationi, e di far unire li maschi alle femine in modo che 40

1) Auf der Seite steht die Bemerkung: De natura horum animalium vedi in nostra magia.

faccino buona razza, e si ridono di noi, che attendemo alla razza de cani, e cavalli, e trascuriamo la nostra. Tiene cura dell' educatione, delle medicine, spetiarie, del seminare, et raccogliere li frutti delle biade, delle nozze, e d'ogn altra cosa pertinente al vitto, vestito, e coito, et ha molti
5 maestri, e maestre dedicate à quest arte.

Il Metafisico tratta tutti questi negotii con loro, che senza lui non si fà nulla, et ogni cosa gli comunicano essi quattro, e dove il metafisico inclina sono di accordo.

Hosp. Hor dimmi degl' uffitii, dell' educatione, e del modo come si
10 vive se è Republica, o Monarchia, o stato di pochi.

G. Queste sono genti che arrivarono li dall' Indie, et erano molti filosofi, che fuggirono la ruina di Mogerri, et altri predoni, e Tiranni, onde si risolsero di vivere alla filosofica in commune, se bene la comunità delle donne non si usa tra le genti della Provincia loro, ma essi l'usano, et è
15 questo il modo. Tutte le cose sono communi, ma stanno in mano di ufficiali le dispense, onde non solo il vitto, ma le scienze et honori, e spassi sono communi, ma in maniera che non si può appropriare cosa alcuna. Dicono essi che tutta la proprietà nasce dal fare casa appartata, e figli, e moglie propria onde nasce l'amor proprio, che per sublimare à ricchezze
20 à dignità il figlio, ò per lasciarlo herede ognuno diventa ò rapace publico se non ha timore sendo potente, ò avaro, et insidioso, et hippocrita se è ìmpotente, ma quando perdono l'amor proprio resta il commune solo.

Hosp. Dunque nullo vorra fatigare, mentre aspetta, che l'altro fatighi, come Aristotele dice contra Platone.

G. Io non so disputare, ma ti dico, che hanno tanto amore alla patria loro che è cosa stupenda più che si dice delli Romani quanto sono più sproportionati, e credo che li Preti, e monaci nostri, se non havessero li parenti, et amici, ò l'ambitione di screscer più à dignità, sariano più spropiati, e santi, e charitativi con tutti.

Hosp. Dunque là non ci è amicitia poiche non si fanno piacere l'uno
30 all' altro.

G. Anzi grandissima, perche è bello à vedere, che tra loro non possono donarsi cosa alcuna perchè tutto hanno del commune, e molto guardano li Ufficiali, che nullo habbia più dell' altro, e più di quello, che merita,
35 però quanto è bisogno tutti l'hanno, e l'amico si conosce tra loro nelle guerre, nelle infirmità, e nelle scienze dove si aiutano, e s'insegnano l'un l'altro, e tutti li giovani si chiamano fratelli, e quelli che hanno quindeci anni più di loro padri, e quindeci meno figli, e poi vi stanno ufficiali à tutte cose attenti che nullo possa fare all'altro torto nella fratellanza.

Hosp. E come ?
40

G. Di quante virtù noi habbiamo essi hanno l'ufficio, ci è uno che si chiama liberalità, uno magnanimità, uno castità, uno fortezza, uno giustitia criminale, ò Civile, uno solertia, uno verità, Beneficenza, gratitudine, misericordia; ciaschuno di questi si elegge quello che da fanciullo nelle scuole
45 si conosce inchinato à tal virtù, però non sendo tra loro latrocini, ne assassini, ne stupri, ne incesti, ne adulterii, delle quali noi ci accusiamo, essi si accusano di ingratitude, di malignità, quando non vuol fare piacere honesto, di bugia che aborriscono più che peste, e questi rei per pena sono

privati della mensa commune, o dal commercio delle donne, o da alcuni honori finche pare al Giudice per emendarli.

Hosp. Questo non si può dire se non sai la vita loro.

G. È da sapere che le Donne, e gli huomini vestono di un modo atto à guerreggiare, benchè le Donne hanno la sopraveste fin sotto il Ginocchio, 5 e l' huomo sopra, e si allevano tutti in tutte le arti. Doppo li tre anni li figliuoli imparano la lingua, e l'alfabeto nelle mura caminando in quattro schiere, e quattro vecchi li guidano, et insegnano, e poi li fanno giocare, e correre per rinforzarli, e sempre scalzi, e scapigliati fino alli sette anni, e li conducano nelle officine delle arti. Cositori, Pittori, Orefici etc.: e mirano l'inclinazione. 10

Doppo il settimo vanno alle lettioni delle naturali scientie tutti, che sono quattro lettori della medesima lettione, et in quattro hore, tutte quattro squadre si spediscano, perchè mentre altri si essercitano il corpo, o fanno li publici servigij li altri stanno alla lettione, poi si mettono alle 15 matematiche, medicina, et altre scienze, e ci è continua disputa fra loro, e concorrenza, e quelli diventano più ufficiali di quella scienza dove meglio riescono, e di quell' arte meccanica perche ogn' una ha il suo capo; et in campagna vanno ad imparare, e nella pastura delle bestie pur vanno ad imparare, e quello è tenuto di più gran nobiltà che più arti impara, e meglio 20 le fá, onde si ridono di noi che gl'artefici appelliamo ignobili, e diciamo nobili quelli, che null' arte imparano, e stanno in otio, e tengono in otio, e lascivia tanti servidori con ruina della Republica. Gli ufficiali poi si elleggano da quelli quattro capi, e dalli maestri di quell' arte, ò virtù in cui ha da reggere, e si propongono in consiglio, et ogn' uno oppone quello 25 che sa di loro.

Però non può essere .O. se non quello che sa tutte le historie delle genti, e riti, e sacrificii, e Republiche, et inventori di leggi, et arti. Poi bisogna che sappia tutte le arti meccaniche, perchè ogni due giorni se ne impara una, ma l' uso qui le fa saper tutte e la pittura e tutte le scienze 30 ha da sapere, matematiche, fisiche, astrologiche, delle lingue non si cura, perche ha gl'interpreti, che sono gli grammatici loro, ma più di tutti bisogna che sia metafisico e Teologo, che sappia bene la radice, e prova di ogn' arte e scienza, e le similitudini, e differenze delle cose, la necessità, il fato, e l' armonia del mondo, la potenza sapienza, et Amor divino, e d' 35 ogni cosa, e li gradi de gl' enti, e corrispondenze loro con le cose celesti, terrestri, e marine, e studia molto nelli Profeti et Astrologia. Dunque si sà chi ha da esser .O. e se non passa trentacinque anni non arriva à tal grado, e questo ufficio è perpetuo mentre non si trova chi sappia più di lui, e sia più atto al governo. 40

Hosp. E chi può saper tanto? Anzi non può saper governare chi attende alle scienze.

G. Jo dissi loro questo, e mi risposero. Più certi siamo noi, che un tanto letterato sa governare, che voi che sublimate l' ignoranti pensando che siano atti perche sono nati signori, o eletti da factione potente, ma il 45 nostro .O. sia pur tristo in governo non sarà mai crudele, ne scelerato ne tiranno uno che tanto sa, ma sappiate che questo è argomento che può tra voi dove pensate che sia dotto chi sa più grammatica, e logica di Aristo-

tele, e di questo e quell' Autore, nel che ci vuol solo memoria servile, onde l' huomo si fa inerte perche non contempla le cose, ma li libri, o si avvilisce l'anima in quelle cose morte, ne sa come Dio regga le cose, e gli usi della natura, e delle nationi, il che non può avvenire al nostro .O. perche
 5 non può arrivare à tante scienze chi non è scaltro d' ingegno ad ogni cosa, onde è sempre attissimo al governo.

Noi pur sappiamo che chi sa una scienza sola non sa quella, ne le altre bene, e quello che è atto ad una sola studiata in libro è inerte e grosso, ma non così avviene à gl' ingegni pronti, e facili ad ogni conoscenza come
 10 bisogna che sia l' .O. e nella città nostra si imparano le scienze con facilità tale, che si sa più quì in un anno, che in dieci, o quindici fra voi, e mira in questi fanciulli, nel che io restai confuso per le ragioni sue, e la prova quelli fanciulli, che intendevano la mia lingua, perche di ogni lingua sempre hanno da esser tre che la sappino, e tra loro non vi è otio nullo, se non
 15 quello che li fondatori, che perciò vanno in campagna à correre, a tirar dardo, sparar archibusi, seguitar fiere lavorare, conoscere l' herbe mo una schiera, mo un altra di loro.

Li tre ufficiali primi non bisogna che sappino se non quell' arti che all' ufficio loro appartengano, onde sanno l' arti communi tutte historicamente imparandole, e poi le proprie dove più si dà uno che un altro, si che il Podestà saprà l'arte Cavalesca, fabricare ogni sorte di armi, cose di guerra machine et arte militare.

Ma tutti questi ufficiali hanno da essere filosofi di più historici naturali et Humanisti.

25 Hosp. Vorrei che dicessi gl' ufficii tutti, e li distinguessi, e se è bisogno l'education commune.

G. Sono prima le stanze communi Dormitorii, letti e bisogni, ma ogni sei mesi si distinguano dalli maestri chi ha da tornare in questo giorno, ò in quell' altro, e nella stanza prima, ò seconda notate per alfabeto.

30 Poi sono l'arti communi a gl' huomini e Donne, le speculative e mecaniche con questa distintione, che quelle dove ci van fatica grande e viaggio le fanno gl' huomini, come arare, seminare, coglier li frutti, pascere le pecore, operare nell' aia nella vendemmia, ma nel fare il cascio, e mungere si adoperano le Donne, come sogliono pure mandare negli horti vicini alla
 35 Città per herbe et essercitii minori, ma universalmente le arti, che si fanno seüendo, e stando sono per il più delle Donne, come tessere, cuscire, tagliare li capelli, e le barbe, la spetiaria, far tutte sorte di vestimenti, altro che l'arte del ferraro, e dell' armi, pur chi è atta à pingere non se li vieta, la musica è solo delle Donne, che più diletton, e de fanciulle, ma non le trombe
 40 e tamburri fanno anco le vivande, apparecchiano le mense, mà il servire à tavola è proprio delli giovani maschi, e femine finche sono di venti anni. Hanno in ogni giorno le pubbliche cucine, e le dispense della robba, et ad ogni ufficio soprastante è un vecchio, et una vecchia, che commandano et hanno podestà di battere, e fare battere da altri li negligenti, e nuotano
 45 ogn' uno, et ogn' una in che essercitio meglio riesce. Tutta la gioventù serve à gli vecchi, che passano 40. anni, ma il maestro, o maestra ha cura la sera quando vanno à dormire, e la mattina di mandare alli servitii di quelli à chi tocca, una o due ad ogni stanza, et essi giovani si servono

tra loro, e chi ricusa guai a lui. Vi sono prime e seconde mense, da una parte magnano le Donne, dall' altra gli huomini, e stanno come in Refettorii di frati, si fa senza strepito, et uno sempre legge à tavola contando, e spesso l'ufficiale parla sopra qualche passo della lectione. È una dolce cosa vedersi servire da tanto bella gioventù in habito sucinto così à tempo, 5 e vedersi à canto tanti amici, fratelli, e figli e madri vivere con tanto rispetto et amore. Si dona à ciaschiuno il suo piattò di pietanza, e minestra, e li medici hanno cura di dire alli cuochi in quel giorno qual sorte di vivanda conviene, e quale, à gli vecchi, e quale agli giovani, e quale à gl' ammalati, et agli ufficiali si dan miglior parti, e questi mandano spesso 10 del loro in tavola à chi più si ha fatto honore la mattina nelle lectioni, e dispute di scienze, et armi, e questo si stima per grande honore, e favore, e nelle feste cantare una musica pure in tavola; e perche tutti mettono mano alli servitii mai non si trovà che manchi cosa alcuna. Sono vecchi savii soprastanti alla cucina, et alle refettioni, e stimano assai la mondezza 15 delle strade nelle stanze nelli vasi e nelle vestimenta

Vestono dentro camicia bianca di lino, poi un vestito che è giobbone e calze insieme senza piege, e spaccato per mezzo dal lato, e di sotto e poi imbottonato, et arriva la calza insino al tallone, à cui si pone un pedal grande come bolzacchino, e la stampa sopra, e sono ben atellate che 20 quando si spogliano la sopraveste si scorgano tutte le fattezze della persona. Si mutano le vesti quattro volte varie quando il sole entra in $\frac{\infty}{\infty} \frac{V}{V} + \frac{\infty}{\infty}$ e secondo la complissione e procerità stà al medico distribuirle con il vestiario di ciascum giorno, et è cosa mirabile che in un 25 punto han quante vesti vogliono grosse e sottili secondo il tempo. Vestono tutti di bianco, et ogni mese lavano le vesti col sapone è bucata à quelle di tela.

Tutte le stanze sottane sono officine, cucine, granai, guardarobbe, dispense refettorii, ma si lavano nelle pile delli chiostrì, e l'acqua si getta 30 per le latrine, e per canali che vanno à quelle, hanno in tutte le piazze delli Gironi che tirano l'acqua da fondo solo con muovere un legno, ond' essi spiacciono li canali, ci è acqua sorgente e molta nelle conserve, à cui vanno le pioggie, per li canali delle case, passando per arenosi aquedotti si lavano le persone loro spesso secondo il mastro, et il medico ordina, e l'arti si 35 fan tutti ne chiostrì di sotto e le speculative di sopra dove sono le pitture, e nel tempio si leggano. Negl' atrii di fuori sono horologi di sole, e di squilli per tutti li giorni e banderuole per saper li venti.

Hosp. Hor dimmi della generatione!

G. Nulla femina si sottopone à maschio se non arriva à dicinove anni, 40 ne il maschio si mette alla generatione innanzi alli vintuno se è di complexion bianco. Nel tempo innanzi è ad alcun licito il coito con le Donne sterili, e pregne per non fare in vaso indebito. Le maestre matrone secondo loro è detto in secreto da quelli, che sono più molestati da Venere li prevedono, ma non lo fanno senza far parola al maestro maggiore, che è un 45 gran medico, e sottostà ad Amore, che è un grande Ufficiale. Se si trova in Sodomia sono vituperati, e li fanno portare due giorni una scarpa al collo, significando che pervertirno l'ordine, e posero in piedi in testa, ma

chi si astiene sino à vent' uno anno da ogni coito, è celebrato con alcuni honori, e canzoni, per il chè quando si essercitano alla lotta, come i Greci, anzi che sono nudi tutti maschi, e femine li Maestri conoscono chi è impotente al coito ogni tre sere, e non accoppiano se non le femine grandi, e belle alli grandi, e virtuosi, et alli magri le grasse, et le magre alli grassi per far temperie, la sera vanno li fanciulli, e conciano li letti, e poi vanno à dormire secondo ordina il Maestro, e la maestra, ne si pongano al coito se non hanno digerito, e prima fanno oratione, e fanno belle pitture di huomini illustri, dove le Donne mirano, poi escano alla finestra, e pregano Dio del cielo, che li doni prole buona, e dormono in due celle separate sino à quell' hora, che si hanno da congiungere, et all' hora va la maestra, et apre l' uscio dell' una, et l' altra cella. Quest' hora è determinata dall' Astrologo, e si sforzano sempre di pigliar tempo, che ♀ e ♂ siano orientali del sole in casa benigna, e che siano mirate da ♃ di buono aspetto, e de 15 ♃ e ♂, e cosi l' ☉ come la ♃, che spesso sono à feste, e per lo più vogliono ire in ascendente ma assai si guardano che ♃ ò ♂ non stiano in angolo, perchè in tutti quattro angoli con $\frac{\Omega}{\Omega}$ et Π infettano da essi angoli la radice della virtù vitale, e della sorte, non si curano di satellitio, solo nella fondatione della Città, o della legge ricercano che però non habbia 20 Prencipe ♂ o ♃ se non con buone dispositioni, et hanno per peccato li generatori non trovarsi mondi tre giorni avanti di coito, e di attioni prave, o di non esser divoti al Creatore. Gli altri che per delitie o per servire alla necessità si donano al coito con sterili, o pregne, o con donne di poco valore, non osservano queste sottigliezze, e gl' Ufficiali, che sono tutti sacerdoti, e gli sapienti non si fanno Generatori se non osservano molti giorni 25 più conditioni perchè essi per la molta speculatione han debole lo spirito animale e non transfondano il calor della testa perche pensano sempre à qualche cosa, onde trista razza fanno. Talche si guarda bene, e si donano questi a donne vive gagliarde, e belle, e gli huomini fantastichi, e capricciosi à Donne grasse, temperate di costumi blandi; e dicano che la purità 30 della complessione, onde le virtù fruttano non si puole acquistare con arte, e che gli huomini di mala natura per timor della legge fanno bene, e quella cessante strozzano la Republica con manifesti, o secreti modi, però tutto lo studio possibile deve essere nella generatione e mirarsi li meriti naturali, e non la dote, e fallace nobiltà. Se alcuna di queste donne non concipe con uno la mutano non altri, se poi si trova sterile si può accommunare, ma non ha l' honor delle matrone in consiglio della generatione, e nella mensa, e nel tempio, e questo lo fanno perche nessuno si procuri la sterilità per lussuriare. Quelle che hanno conceputo per quindici 35 giorni non si essercitano, poi fanno leggieri essercitii per rinforzare la prole, et aprir li meati del nutrimento à quella. Partorito che hanno elle stesse allevano li figli in luoghi communi per due anni lattando e più secondo pare al fisico. Di poi si smamma la prole, e si dona in guardia delle maestre, se sono femine delli maestri, se sono fanciulli, e qui si essercitano 45 all' alfabeto, al camminare, al correre, lottare, e alle figure historiate, et hanno vesti di color vario, e bello. Alli sette anni si donano alle scienze naturali, e poi all' altre, secondo pare à gli ufficiali, e poi si mettono in

meccanica, ma li figli di poco valore si mandano alle ville, e quando riescono poi si reducano alla Città, o per lo più sendo generati nella medesima costellazione li contemporanei sono di virtù consimili, e di fattezze e di costumi, e s'amano grandemente, e si aiutano l'un con l'altro, e questa concordia stabilisce la repubblica. 5

Li nomi loro non si ammettano à casa ma dal Metafisico secondo la proprietà come usavano li Romani, onde altri si chiama il Bello, altri Masuto, altri Peduto, altri Buio, altri Crasso etc.: ma quando poi diventano valenti nell' arte, o fanno qualche prova in guerra si aggiunge il cognome dell' arte come pittor magno, Aureo, eccellente, gagliardo, dicendo Crasso 10 aureo, o pur dall' atto dicendo Crasso forte, astuto, vincitore magno, massimo, e dal nemico vinto dicendo Africano, Asiano, Tosco etc. Manfredi, Tortilio dall' haver superato Manfredi o Tortilio, o simili altri, e questi nomi si aggiungano da gl' ufficiali grandi, e si donano con una corona conveniente all' atto ò arte sua con applauso, e musica, e si vanno à perdere 15 per questi applausi perche oro et argento non si stima, se non come materia di vasi, e di guarnimenti comuni a tutti.

Hosp. Non ci è gelosia tra loro, o dolore à chi non è fatto Governatore, o quel che ambisce?

G. Signor nò, e la generatione è osservata religiosamente per ben 20 publico, non privato, et è bisogno stare al detto de gl' Ufficiali, ne ci bisogna inganno di ballotte per contentarse delle brutte i brutti. Platone disse, che si dovevano gabbare li pretendenti à bella donna immeritamente, co' l fare uscire la sorte destramente secondo il merito, il che quì non bisogna perche tra loro non ci è bruttezza, che essercitandosi esse donne diventano 25 di color vivo, e di membra forti e grandi, e nella gagliardia e grandezza consiste la beltà appresso loro, però è pena la vita imbellarsi la faccia, ò portar pianelle, ò vesti con le code per coprir li piedi di legno, ma non havriano manco commodità di far questo, perche chi le daria? e dicono che questo abuso in noi viene dall' otio delle donne, che le fa scolorite, e 30 fiacche e piccole, e però hanno bisogno di colore, e di pianelle, e di farsi belle per tenerezza, e così guastano la complessione della prole. Di più se uno s'innamora di qualche donna è lecito tra loro parlare, ma se si guasta la generatione in nullo modo si dispensa tra loro il coito, se non quando essa è pregna ò sterile, però non si conosce tra loro se non amore di ami- 35 citia per il più non di concupiscentia ardente, la robba non si stima perche ogn' uno ha quanto gli bisogna, salvo per segno di honore onde à gl' Heroi et Heroine la Republica fa certi doni in tavola, o in feste publiche di ghirlande, o di vestimenti belli, e fregiati benche tutti di bianco il giorno, e nella Città massime ma di notte, e fuori della Città vestono¹⁾ à rosso 40 o di seta, o di lana, abboriscono il color negro come feccia delle cose, e però odiano li Giapponesi amici di quello. La superbia è tenuta gran pec-

1) Ich lasse hier die in der Vorlage befindliche Wiederholung des Wortes vestono weg, wie auch in einigen späteren Fällen, wo sich andere Wörter offenbar infolge der Nachlässigkeit des Abschreibers zweimal nacheinander vorfinden.

cato, e si punisce un atto di superbia in quel modo che la consente, onde nullo reputa viltà lo servire in mensa, in cucina, o altrove, ma lo chiamano imparare, e dicano che così è honore al piede camminare, come all' occhio guardare onde chi è deputato à qualche ufficio lo fa come cosa honoratissima, e non tengono schiavi, perche essi bastano à se stessi, anzi soverchiano, ma noi non così perche in una Città saranno tante migliaia di anime, e non fatica se non la quarta parte, e questi patiscano fatica assai, e si struggono, e gli otiosi si perdono, anco per l' otio, avaritia, lascivia, et usura, e molta gente guastano tenendola in servitù et povertà, e facendoli partecipi di suoi servitii, talche manca il servitio publico, e non si può il campo, la militia e l'arte fare se non male, e con stento, ma tra loro partendosi gl' ufficii a tutti, e l'arti, e fameglie non tocca faticar quattro hore il giorno per uno se bene tutto il resto è imparar giocando, e sempre con gaudio, e non si usa gioco, che si faccia sedendo, ne scacchi, ne dadi, ne carte, o simili; ma ben la palla, pallone, rollo, lotta tirar palo, dardo, archibugio. Dicono ancora che la povertà grande fa gl' huomini vili, astuti, ladri, insidiosi, forusciti, menzognieri, e testimonii falsi, e la ricchezza superbi insolenti ignoranti traditori, disamorati presumitori di quel che non sanno, però la Communità tutti li fa ricchi, e poveri, ricchi, che ogni cosa hanno, e possedono, poveri perchè non si attaccano a servire le cose, ma ogni cosa serve à loro, e molti laudano in questo le Religioni della Christianità, e la vita degl' Apostoli.

Hosp. È bella cosa questa, e santa, ma quella delle donne comuni pare ardua. San Clemente Romano dice che le Donne pur siano comuni; ma la Glosa intende quanto all' ossequio, non quant' al letto, e Tertulliano consente alla Glosa, che li Christiani antichi tutto ebbero commune altro che le mogli, ma queste pur sono comuni nell' ossequio.

G. Io non sono di questo, so bene che essi han l' ossequio commune delle Donne, è l' letto ma non sempre, se non per generare, e credo che si possano ingannare ancora, ma essi si difendono con Socrate, Catone Platone, et altri. Potria stare, che lasciassero quest' uso un giorno, perchè nelle Città soggette à loro non accommunano se non le robbe, e le Donne quanto all' ossequio, et all' arti, ma non al letto, e questo l' ascrivano all' imperfectione di quelle che non hanno filosafato, però vanno spiando di tutte le nationi l' usanze, e sempre migliorano. Di più questo è bello che fra loro non ci è difetto che faccia l' huomo otioso, se non l' età decrepita quando serve solo per consiglio, ma chi è zoppo serve alle sentinelle con gl' occhi, chi non ha occhi serve à carminar la lana, e levare il pelo dal nervo delle penne per li materazzi, chi non ha mano ad altro essercitio, e se un membro solo ha, quello solo serve, ma questi ostano se non furo Ill-mi per la Città nelle ville, e son governati bene, e sono spie, che avvisano alla Republica ogni cosa.

Hosp. Di mò della guerra, che poi dell' arte, e vitto militare poi delle scienze, et al fine della Religione.

G. Il Podestà tien sotto di se un Ufficiale dell' armi, uno dell' Artigliarie, uno delli Cavalieri, uno de gl' Ingegneri, et ogn' uno di questi ha sotto di se molti Capo maestri di quell' arte, ma di più ci sono gl' Atleti, che a tutti insegnano l' essercitio della guerra. Questi sono attempati, e

prudenti Capitani, che essercitano gli giovani da dodici anni in su all' armi, benche prima nella lotta, correre e tirar pietre, erano avvezzi da maestri inferiori, hor questi gl' insegnano à ferire, à guardar l'inimico con arte, e giocar di spada, di lancia, à saettare, à cavalcare, à seguire, à fuggire, à star nell' ordine militare, e le Donne pure imparano quest' arti sotto maestre, e maestri loro per quando fusse bisogno aiutar gl' huomini nelle guerre vicine alla Città, e se venisse assalto difendono le mura, onde ben sanno sparar l'archibugio, far palle, gittar pietre, andare incontro, e si sforzano tor da loro ogni timore et hanno gran pene quei che mostrano codardia. Non temono la morte, perchè tutti credono l'immortalità dell' anima, e che morendo si accompagnino con li spiriti buoni, e rei secondo li meriti, e benche essi siano stati Bragmanni, e Pittagorici non credono transmigratione dell' anima, se non per qualche giuditio di Dio, non si astengono di ferire il nemico ribelle della ragione che non merita esser huomo, fanno la mostra ogni due mesi, et ogni giorni è l'essercitio dell' armi, ò in campagna, cavalcando ò dentro, et una lettione di arte militare, e fanno sempre leggere l'histoire di Cesare, di Alessandro, di Scipione, e di Anniballe, e poi donano il giudicio loro, quasi tutti dicendo: quì fecero bene, quì male, e poi risponde il maestro e determina.

Hos. Con chi fanno le guerre, e perchè cause se sono tanto felici!

G. Se mai non vi havesser guerra pur s'essercitano all' arte della guerra, et alla caccia per quello che potria succedere. Di più vi sono quattro Regi nell' Isola, li quali hanno grand' invidia della felicità loro, perche li Popoli desiderariano vivere, come questi Solari, e vorriano stare più soggetti ad essi, che non à proprii Regi onde spesso loro è mosso guerra sotto colore di usurpar confini, e di vivere empivamente, perche non seguono le superstitioni de Gentili ne di altri Bragmani, e spesso li fanno guerra, come ribelli, che prima erano soggetti, e con tutto questo perdono sempre. Hora essi Solari subito che patiscano preda insulto, ò altro dishonore, ò son travagliati li amici loro, o pure sono chiamati da alcune Città tiranneggiate come liberatori, essi si mettono à consiglio, e prima s'inginocchiano à Dio, e chiamano che li facci ben consigliarsi, poi si bandisce la guerra con essaminarsi prima il negotio della Guerra. Mandano un sacerdote detto forense, costui dimanda che rendano il tolto, o lascino la Tirannia etc.; e se quelli negano li bandiscono guerra chiamando Dio delle vendette in testimonio contro di chi ha torto, e se quelli prolungano il negotio, non gli danno tempo se è Re più che un hora, e se è Republica à deliberar la risposta per non esser burlati, e così si pigliano la guerra, se quelli sono contumaci alla ragione, ma doppo che è pigliata ogni cosa essegnisce il luogotente del Podestà, et esso commanda senza consiglio di altri, ma se è cosa di momento, domanda che l'Amore e l' Sapienza, e l' .O. si pongano in consiglio grande dove entra tutto il Popolo di vent' anni in sù e le Donne ancora, et si dichiara la giustitia dell' impresa dal Predicatore, e mettono in ordine ogni cosa.

Devesi sapere che essi hanno tutte sorti di armi apparecchiate nell' armerie, et spesso si provano quelle in guerre finte, hanno per tutti li Gironi nell' esteriore muro l'artiglierie e li Artiglieri preparati, e molti altri cannoni di Campagna, che portano in guerra, e così sopra le carra

le conducano, e l'altra munitione, e bagaglie su i muli e se sono in campo aperto serrano le bagaglie, et artiglierie, et combattono gran pezzo, e poi fanno la ritirata, et il nimico credendo che cedano s'inganna, perchè essi fanno ala, pigliano fiato, e lasciano l'artiglieria sparare, e poi tornano alla

 5 zuffa contro à nemici scompigliati, usano far Padiglioni alla Romana, con steccati, e fossi intorno con gran prestezza, e sono li maestri di bagaglie, e di Artiglierie, e dell' opere tutti soldati san maneggiare la zappa, e le secure,. Vi sono cinque otto e dieci capitani di consiglio di Guerre, e di stratagemme, che commandano alle squadre loro secondo prima insieme

 10 si consigliano. Sogliono portar seco una squadra di fanciulli à cavallo per imparar la guerra, et incarnarsi come lupicini al sangue, e nei pericoli si ritirano, e molte donne con loro e doppo le battaglie esse donne, e fanciulli fanno carezze alli guerrieri e li medicano, servono, abbracciano e confortano, e quelli per mostrarsi valenti alle Donne di se fanno loro vedere

 15 gran prove. Ne gl' assalti chi prima sale il muro ha poi in honore una corona di gramigna con applausi militari delle Donne e fanciulli. Chi aiuta il compagno la corona civica di quercia, chi uccide il Tiranno le spoglie opime, le quali porta al tempio, se li dona dal .O. il cognome dell' impresa. Usano li Cavalleggieri una lancia due pistole avanti il cavallo di mirabil

 20 tempra strette in bocca, che per questo passano ogn' armatura, hanno anco lo stocco, altri portano la mazza, e questi sono gl' huomini d'arme, perchè, non potendo un armatura ferrea penetrar con spada, e con pistola, assaltano l'inimico con la mazza come Achille contra à legno, e lo sconquassano, e gettano à terra, hanno due catene le mazze in punta, à cui pendono due

 25 palle, che menando circondano il collo del nemico, lo cingano, tirano, e gettano, e per poterla maneggiare non tengano briglia con mani, ma con i piedi incrociata sulla sella et avviciata all' estremo alle staffe, non alli piedi, per non impedirsi e di fuori le staffe hanno la sfera, e dentro il triangolo, onde il piè torcendo ne lati le fan girare, che stanno affibbate alle

 30 staffe, e così tirano à se ò allungano il freno con mirabil prestezza, e con la destra torcono à sinistra, et è contra. Questo secreto manco li Tartari hanno inteso, che stirare e torcere non sanno con le staffe, li Cavalleggieri entrano con li schioppi, e poi entrano le haste, e le frombole, delle quali tengano gran conto, et usano combattere per fila intessute, andando

 35 altri, et altri arretrandosi à vicenda, et hanno li squadroni delle picche per fermezza del campo, le spade per l'ultima prova. Ci sono poi li trionfi militari ad uso de Romani, e più belli, e le supplicationi ringratiatorie, e si presenta al tempio il Capitano e si narrano li gesti dal poeta ò historico, che andò con lui il Prencipe lo corona, et à tutti li soldati fa qualche re-

 40 gale, et honore e per molti di sono essenti dalle fatighe publiche, ma essi l'hanno à male perche non sanno stare otiosi, et aiutano l'altri. All' incontro quei che per loco colpa hanno perduto si ricevano con vituperio, e chi fu il primo à fuggire non può scampare la morte, se non quando tutto l'essercito domanda in gratia la sua vita, et ogn' uno piglia parte della

 45 pena. Ma poco si ammette tale indulgenza se non quando ci è gran ragione. Chi non aiutò l'amico, o fè atto indegno è frustato, chi fu disobediente si pone à morir dentro un palco di bestie con un bastone in mano, e se può vincere leoni et orsi, che quasi è impossibile torna in gratia. Le

città superate o date a loro subito mettono ogni avere in commune, e ricevono gl' uffitiali Solari, e la guardia, e si vanno sempre acconciando all' uso della Città del Sole maestra loro, e mandano li figli ad imparare in quella senza contribuire à spesa. Saria lungo dirti del maestro delle spie, e sentinelle degl' ordini loro fuori, e dentro la Città, che tu li puoi 5 pensare, che sendo eletti da bambini secondo l'inclinatione, e costellazione vista nella genitura loro, laonde ogn' uno operando secondo la proprietà loro naturale fa bene quell' essercitio, e con piacere per esserli naturale, così dico delle stratagemme, et altri.

La città di giorno, e di notte ha le guardie nelle quattro porte, e 10 nelle mura estreme sulli Torrioni, e vanguardi, et il giorno al più le femine, la notte li maschi guardano, e questo lo fanno per non fare impoltronire, e per li casi fortuiti. Hanno le vigilie come li nostri soldati divise di tre in tre hore, la sera entrano in guardia, usano le caccie per imagini di guerra, e li giuochi in piazza à cavallo, et a piedi ogni festa, e poi segue 15 la musica.

Perdonano volentieri à nimici, e dopo la vittoria gli fanno bene se gettano mura, ò vogliano uccidere li capi, ò altro tutto lo fanno in un giorno, e poi li fanno buoni, e dicono che non si deve far guerra se non per far gl' huomini buoni non per attingerli. Se tra loro ci è qualche gaza 20 d'ingiuria o di altro, perchè essi non contendono se non di honore, il Principe, et suoi uffitiali castigano il reo severamente se incorse, ad ingiuria de fatto doppo le prime, se di parole aspettano in guerra diffinirle dicendo che l'ira si deve sfogare contro li nimici, e che fa più in guerra atti heroici, quello è tenuto che habbia ragione dell' honoranza, e l'altro cede. 25 ma nelle cose del giusto ci sono le pene etc. però in duello di nuovo non ponno venire ma chi vuol mostrarsi migliore faccilo in guerra publica.

Hosp. Bella cosa per non fomentar fattioni à ruina della patria, e schifar guerre civili, donde nasce il Tiranno, come fu in Roma, et Athene. 30 Narra hor ti prego de gl' artefici loro.

G. Devi sapere come commune à tutti, è la militare, l'Agricoltura, e la Pastorale, che ogn' uno è obligato à saperle, e queste sono le più nobili tra loro, ma chi più arti sà, più nobile è, e nell' essercitar quelle è posto, chi è più atto, e l'arti faticose sono di più laude come il ferraro, il fabricatore, e non si schifa nullo à pigliarle tanto più, che 35 nelle nattività loro si vede l'inclinatione, e tra loro per il compartimento delle fatighe niuno viene à risparmiare fatica destruttiva dell' individuo ma solo conservativa. L'arti di manco fatica sono delle femine. Saper notare à tutti è necessario, e ci sono à posta le piscine fuori nelli fossi della Città, e dentro vi sono le fontane, la mercatura à loro poco 40 importa, ma però conoscono il valor delle monete, e battono moneta per l'Ambasciatori loro à fin che possano commutare con la pecunia il vitto. Dalle altre parti del mondo vengano mercanti à loro per smaltire le cose soverchie, e non vogliono denari, se non merci di quelle cose, che essi non hanno, e si ridono quando vedono li fanciulli, che quelli donano tanta robba 45 per poco argento; ma non li vecchi, che schiavi e forastieri infettino la città di mali costumi però vendono quelli, che pigliano in guerra, ò li mettono à cavar fossi, e fare essercitii faticosi fuori della città dove sempre

vanno quattro squadre di soldati à guardare il territorio, e quei che lavorano uscendo delle quattro porte, le quali hanno le strade de mattoni sino al mare, per condotta delle robbe e facilità de forastieri, alli quali fanno gran carezze, gli danno da mangiare per tre giorni, gli lavano li piedi, gli fanno vedere la Città, e l'ordine loro di entrare à consiglio, et à mensa, e ci sono huomini deputati à guidarli, e se vogliono farsi cittadini li provano sur mese nelle ville, et uno nella città e così poi risolvono, e lo ricevono con certe cerimonie e giuramenti. L'Agricoltura è in gran stima, non ci è palmo di terra, che non frutti, osservano li venti, e le stelle propitie, et escono tutti in campo armati ad arare, seminare, zappare mietere, raccogliere vendemmiare con musiche, trombe, e stendardi, et ogni cosa fanno fra pochissime hore, et hanno le carra à vela, che caminano col vento, quando non ci è vento una bestia tira un gran carro, bella cosa. Gli guardiani del territorio armati per li campi sempre van vagando, poco usano letame à gl' horti, et à campi dicendo che li semi diventano putridi, e fan vita breve, come le donne imbellettate, e non belle per essercitio fanno prole fiacca, onde ne pure la terra imbellettano, et han gran secreti di far nascere presto e moltiplicare, e non perder seme, e tengano un libro à posta di tale essercitio, che si chiama Georgica. Una parte del territorio quanto basta si ara, l'altra serve per pascoli delle bestie. Hor questa nobil arte di far cavalli, bovi, pecore, e cani et ogni sorte di animali domestici è in sommo pregio appresso di loro come fu in tempo antico di Abramo, e con modi magici li fanno venire al coito, che possono ben generare innanzi à cavalli pinti ò bovi ò pecore, e non lasciano andare in campagna li stalloni con le giumente, ma li donano in tempo opportuno innanzi alle stalle di campagna, aspettano Sagittario in ascendente con buono aspetto di ♀ et ♃ per li bovi ♉, per le pecore ♌, secondo l'arte poi hanno mandre di Galline sotto le Pleiadi, et anatre, e papare guidate à pascere dalle donne, con gusto loro presso la Città, e li luoghi dove la sera sono serrati à fare il cascio, et latticini, butiri, e simili. Molti attendono à capponi, et à castrati, et à frutti, e ci è un libro di questa arte detto la Buccolica, et abbondano di ogni cosa perche ogn' una desidera di esser prima alla fatica, per la facilità de costumi, e per esser pura, e fruttuosa, et ogn' uno di loro che è capo di questo essercitio si apella Rè dicendo, che questo è nome proprio loro, e non di chi non sa. Gran cosa che huomini e donne sempre vanno in squadra, nè mai soli, e sempre all' obediencia del capo si trovano senza alcun disgusto perchè l'hanno come padri, ò fratelli maggiori, per le montagne e le caccie dell' animali, e spesso si essercitano nella marinaresca, et è di molta riputatione, e tengono alcuni vascelli, che senza vento, e senza remi caminano, et altri con vento, e remi. Intendono assai le stelle, e flussi e riflussi del mare, e navigano per conoscere gente e paesi, à niuno fanno torto, senza esser stimolati non combattono. Dicono che il mondo haveva da ridursi à vivere come fanno, però cercano se altri vive meglio di loro. Han confederatione con li clienti, e con più popoli Isolani, e del continente di Siam, e di Cancinchina, e Calicut solo per spiare. Hanno anco gran secreti di fuochi artificiali per le guerre marine, e terrestri, e stratagemme, che mai non restano di vincere.

Hosp. Di mò, come mangiano, e quanto è lunga la vita loro.

G. Essi dicono che prima bisogna mirare alla vita del tutto, e poi delle parti, onde quando edificaro la Città posero li segni fissi nelli quattro angoli del mondo. Il sole in ascendente in ♈ e ♀ in ♈ orientale dal sole e ♁ e ♀ in ♄, ma vicini che facevano satellitio ♃ nelle ♁ in ♃ che mirava di sua casa con felice aspetto l'ascendente, e l' Afeta, e la ♁ in ♃ che mirava di 5 buono aspetto ♁ e ♀ e non faceva aspetto □ all' .O. stava ♃ entrando nell' ♃ senza far mal' aspetto à ♈, et O. 4 la ♃ con il capo di Medusa in X quasi era, onde essi si augurano signoria, grandezza, fermezza et ♁ sendo in buono aspetto de ♃ e nell' asside del suo illuminato dal ♃, non può esser tristo ma sendo gioviale, la scienza loro non mendica, poco si curano d'aspettarlo 10 in ♃ et la ♄.

Hor essi mangiano carne, butiri, miele, cacio, dattili, herbe diverse e prima non volevano uccidere li animali, parendo crudeltà ammazzar l'herbe che han senso, onde segnava morire, consideraro che le cose ignobili sono fatte per le nobili, e magnano ogni cosa, non però occidono volentieri gli 15 animali fruttuosi, come bovi, e cavalli, hanno però distinti li cibi utili dalli disutili, e secondo la medicina se ne servono, una fiata mangiano carne, una pesce, et una herbe, e poi tornano alla carne per circolo, per non gravare et estinguere la natura, li vecchi hanno cibi digestibili, e mangiano tre volte il giorno, e poco, li fanciulli quattro, la comunità due. Vivono 20 almeno cent'anni, al più 170, ò 200 al rarissimo. Sono molto temperati nel bere vino, non si dona à fanciulli, se non in diciannove anni, senza gran necessità, e bevono con acqua poi, e così le Donne, li vecchi di cinquanta in sù bevono senz'acqua, quando hanno da fare qualche consiglio, ò giudizio mettono acqua, mangiano secondo la stagione dell' anno quel che che è più 25 utile, e proprio, secondo proviso viene dal capo medico, et ha cura. Usano assai gl'odori, la mattina quando si levano si pettinano. e si lavano con acqua fresca tutti, poi masticano maiorana, o petrosolino, ò menta, e se la fregano per le mani, et gli vecchi usano incenso, e fanno l'oratione brevissima à levante, come il Pater noster, et esceno, et vanno chi à servire 30 gli vecchi, chi in coro, chi ad apparecchiare le cose del commune, e poi si riducono alle lettioni, poi al tempio, poi escano all'essercitio, poi riposano poco sedendo, e vanno à magnare. Fra loro non ci è podagre ne chiragre, ne catarri, ne sciatiche, ne doglie coliche, ne flati, perche queste nascano dalla distillatione et inflatione, et essi per l'essercitio purgano ogni flato, 35 et humore onde è tenuto à vergogna, che uno si veda sputare, dicendo che questo nasce da poco essercitio, da poltroneria, o di magnare ingordo. Partiscano più tosto d'imflammationi, e spasmi secchi, alli quali con la copia del buon cibo sovengano, et all'etica con bagni dolci e latticini, e stare in campagne amene in bello essercitio. Morbo Venereo non può allignare, 40 perche si lavano spesso li corpi con vini, et ogli aromatici, et il sudero leva anco quell'infetto vapore, che putrefà il sangue, e le medolle, ne tiscici si fanno per non esser distillatione, che caschi al petto, ne molto meno asma, poiche humor grosso ci vole à farla. L'effemere feбри solo con odori, e brodi grassi curano, le feбри ardenti con acqua fresca, ò con dormire, ò 45 con suoni, et allegrie, le terzane con cavar sangue et reubarbaro, o attrattivi, e con bere acque de radici di herbe purganti. Le quartane sono facili à sanarsi per paure subite e per l' herbe simili all' humore opposto, e mi

mostra certi secreti mirabili di quelle delle continue febri tengono conto assai, et fanno osservanza di stelle, e d' herbe, e di preghiere à Dio per sanar, le quintane, octane, e sestane poche si trovano dove non sono humori grossi. Usano li bagni, e l'olii all' usanza antica, e si trovano molto più
 5 secreti per star netti, sani, e gagliardi, si sforzano con questi, et altri modi aiutarsi contra il morbo sacro che ne patono spesso.

Hosp. Segno d'ingegno grande, onde Hercole, Socrate, Macometto Scoto e Callimaco ne patiro.

G. E si aiutano con preghiere al cielo, e con odori, e confortamenti
 10 alla testa, e cose aride, et allegrezze, e brodi grassi sparsi di fiori di farina. Nel condire le vivande non hanno pare, pagono masi, mele, butiro, et aromatici assai che si confortano grandemente, non bevano annevato ne anche caldo come li chinesi, perchè non hanno di bisogno di aiutarsi contra gli humori in favor del calore, ma lo confortano con aglio pesto,
 15 aceto, serpillio, menta, basilico l'estate, e per nella stanchezza. Hanno pur un secreto di rinovar la vita ogni sett' anni senza afflittione, e con bell' arte.

Hosp. Non hai ancor detto delle scienze, e dell' uffitiali.

G. Sì, ma perchè sei tanto curioso ti dirò più. Ogni nuova lina, et ogni
 oppositione sua fanno consiglio doppo il sacrificio, e qui entrano tutti di
 20 venti anni in su, e si domanda ad ogn'uno che cosa manca alla Città, e chi uffitiale è buono, chi è tristo, doppo ogni otto dì si congregano tutti gl' uffitiali che sono quattro. L'O. il Podestà, Sapienza et Amore, et ogn' uno di questi ha' tre uffitiali sotto di se, che sono dodici, et ogn' uno di quelli tre altri che fanno tutti quaranta, e quelli hanno gl'uffitii delle arti
 25 convenienti à loro. Il Podestà della militia, il Sapienza delle scienze, l'Amore del vitto, generatione, vestito et educatione, e li maestri di ogni squadra cioè Caporioni, Decurioni, Centurioni si delle donne, come degli huomini, e si ragiona, di quel che bisogna al publico, e si elleggano gl'uffitiali pria nominati in consiglio grande, di poi ogni dì fa consiglio .O. e li tre Principi delle cose occorrenti, e confermano, e conciano quello che si è trattato
 30 nell' elettione, et altri bisogni. Non usano sorte, se non quando sono dubii in modo che non sanno à qual parte pendere. Questi uffitiali si mutano secondo la volontà del popolo inclina ma li quattro primi nò, se non quando essi stessi per consiglio fatto tra loro cedono à chi veggono sapere
 35 più di loro, et haver più purgato ingegno, e sono tanto dolci e buoni che volentieri cedono à chi più sà, et imparano da quelli, ma questo è di rado assai. Li capi principali delle scienze sono soggetti al Sapienza altri che il Metafisico, che è esso .O. che à tutte le scienze comanda come Architetto, et ha vergogna ignorare cosa alcuna al mondo humano. Sotto à lui sta il
 40 Grammatico, il Logico, il Fisico, il Medico, il Politico, l'Anatomico, il Rurale, l'Astronomo, l'Astrologo, il Geometra, il Cosmografo, il Musico, il Prospettivo, l'Aritmetico, il Poeta, l'Oratore, il Pittore e Scultore. Sotto Amore stà il Genitario, l'Educatore, il Vestiario, l'Agricoltore, l'Armentario, il Pastore, il Cicurario, il gran Coquinario. Sotto Podestà il stratagemmario,
 45 il Campione, il ferrario, l'Armario, l'Argentario, il Monetario, l'Ingegniero, Maestro spia, Maestro Cavallerizzo, il Gladiatore l'Artigliero, il Frombalaro, il Giustittiero. E tutti questi hanno li particolari artefici soggetti. Hor qui hai da sapere, che ogn' uno è guidato da quello dell' arte sua talche ogni

capo dell' arte è giudice e punisce di essilio, e di frusta, e di vituperio di non magnare in mensa commune, di non andare in Chiesa, non parlare alle donne. Ma quando occorre caso ingiurioso l'homicidio si punisce con morte, et occhio per occhio, naso per naso, si paga la pena della pena della pariglia quando è caso pensato, quando è rissa subitanea si mitiga la sentenza, 5 ma non dal Giudice, perchè condanna subito secondo la legge, mà dalli tre Prencipi, e si appella pure al Metafisico per gratia, non per giustitia. e quello può far la gratia. Non tengono carceri se non per qualche ribello nemico in torrione, non si scrive processo, ma in presenza del Giudice, e del Podestà si dice il Pro, e Contra, e subito si condanna dal Giudice, e 10 poi dal Podestà se appella, il seguente di si condanna, e poi dal l'.O. il terzo di s'aggratia, ò condanna, e non può morire, se tutto il Popolo à man comune non l'uccide, che boia non hanno, ma tutti lo lapidano, o brugiano facendo che si elegghi la polvere per morir subito, e tutti piangano e pregano Dio che plachi l'ira sua, dolendosi che sia venuto, à secare un membro 15 infetto dal corpo della Republica, e fanno di modo che egli stesso accetta la sententia, e disputano con lui fin tanto che esso convinto dica che la merita, ma quando è caso contra la libertà, ò contra Dio, ò contra gl' uffitiali maggiori senza misericordia si eseguisce. Questi soli si puniscono con morte, e quel muore hà da dire tutte le cause perchè non deve morire, e 20 li peccati de gl' altri, e de gl' uffitiali maggiori, dicendo quelli meritano peggio, e se vincano lo mandano in essilio, e purgano la Città con preghiere, e sacrificii, et emenda, ma non però travagliano li nominati li falli di fragilità, e d'ignoranza. Si puniscono solo con vituperii, e con farlo imparare à contenersi, e quell' arte in cui peccò, ò in altra, et si trattano in modo 25 che spartono un membro dall' altro.

Qui è da sapere, che se un peccatore senza aspettare accusa va da gl' uffitiali accusandosi, e domandando emenda, lo liberano dalla pena dell' occulto peccato, e la commutano mentre non fù accusato, si guardano 30 assai della calunnia, per non patir la medesima pena, et perche sempre stanno accompagnati quasi, ci vuole cinque testimonii à convincerli, se non si libera con giuramento il Reo, ma se due altre volte è accusato, da due ò tre testimonii, al doppio paga la pena. Le leggi sono pochissime tutte scritte in una tavola di rame alla porta del tempio, cioè nelle colonne, nelle quali ci sono scritte tutte le Quiddità delle cose in brevi. Che cosa 35 è Dio, che cosa è Angelo, che cosa è mondo, stella, huomo etc. un gran sale, e d'ogni virtù la diffinitione, e li Giudici di ogni virtù hanno la sedia in quel luogo quando giudicano e dicano. Ecco, tu peccasti contro questa diffinitione, leggi etc: e così poi lo condanna ò d'ingratitude, o di pigrizia, o d'ingnoranza, e le condanne sono certe vere medicine più che pene e di 40 suavità grande.

Hosp. Hor dire ti bisogna delli sacerdoti, sacrificii e prudenza loro.

G. Sommo sacerdote è .O. e tutti gl'uffitiali sono .O. sacerdoti parlando delli capi, et uffitii loro è purgare le coscienze talche tutti si confessano à quelli, et essi imparano che sorte di peccati regnano, e si confessano alli 45 tre maggiori tanto li peccati proprii, quanto 'i strani in genere senza nominare, e li tre poi si confessano all' .O. il quale conosce che sorte di errori corrono, e sovviene alli bisogni della Città, e fa à Dio sacrificio, et orationi,

a cui esso confessa li peccati suoi, e di tutto il popolo pubblicamente in su l'altare ogni volta che sia necessario per emendarli, senza nominare alcuno e così assolve il popolo ammonendo che si guardi da quelli errori, e confessa li suoi in publico, e poi fa sacrificio a Dio, che voglia assolvere tutta
 5 la Città, et ammaestrarla e defenderla. Il sacrificio è questo che domanda al Popolo chi se vuol sacrificare per li suoi membri, e così uno di quelli più buoni si sacrifica. Il sacerdote lo pone sopra una tavola, che è tenuta da quattro funi che stanno attaccate à quattro girelle della cuppola, e fatta oratione a Dio, che riceva quel sacrificio nobile, e volontario hu-
 10 mano, e non di bestie involuntarie come fanno li Gentili, e fa tirar le funi, e questo saglie in alto alla Cuppoletta, e qui si mette in oratione, e se li da da magnare parcamente fin tanto che la Città è espiata, et esso con orationi, et digiuni prega Dio che riceva il pronto sacrificio suo, e così doppo venti ò trenta giorni placata l'ira di Dio torna abbasso per li ponti di
 15 fuori, e questo è sempre honorato, e ben voluto, perche esso si dà per morto, ma Dio non vuol che mori.

Di più vi stanno 24. sacerdoti sopra il Tempio, li quali à mezzanotte, à mezzodì, la mattina la sera cantano alcuni salmi à Dio, e l'uffitio loro è di guardar le stelle, e notare con astrolabii tutti li movimenti loro, e
 20 gl'effetti che producano, onde sanno in che paesi, che mutatione è stata, et ha da essere, e questi dicano l'hore della generatione, e li giorni del seminare, e raccogliere, e servono come mezzani fra Dio e gl'huomini, e di essi per lo più si fanno gli .O. e scrivono gran cose, et investigano scienze, non vengano abbasso se non per magnare con Donne non s'impacciano, se
 25 non qualche volta per medicina del corpo. Va ogni dì in'alto .O. e parla con loro di quello che hanno investigato sopra il beneficio della Città, e di tutte le nationi del mondo. In tempio abbasso sempre ha da essere uno che faccia oratione à Dio, et ogni hora si muta come facemo noi le 40. hore, e questo si dice continuo sacrificio, e doppo magnare si rendono gratie
 30 à Dio con musica e poi si cantano gesti di Heroi Christiani, et Hebrei, gentili di tutte le nationi per spasso, e per godere, si cantano Hinni di Amore, di Sapienza, e d'ogni virtù, si piglia ogn' uno quello che più ama, et fanno alcuni balli sotto li Chiostri bellissimi, le Donne portano li capelli lunghi inghirlandati uniti in un groppo in mezzo la testa, et una treccia, gl' huomini solo un cerro uno velo et berrettino. Usano capelli in campagna, in
 35 casa berette bianche, rosse e varie, secondo l'uffitio et arte che fanno, gl' uffitiali più grandi, e pomposi.

Tutte le feste sono 4. principali, cioè quando entra il sole in ♃ et
 40 ♎ in ♄ e fanno gran rappresentationi belle e dotte et ogni ♀ et ♂ di vittorie fanno il medesimo con musica di voci feminee, e con trombe, e tamburri, et artiglierie, e li poeti cantano le laudi delli più virtuosi, ma chi dice bugia in laude è punito, non si può dire menzogna tra loro, e questa licenza dicono che è ruina del mondo, che toglie il premio alle virtù,
 45 e lodano altrui per paura, et adulatione.

Non si fa statua a niuno se non di poi che è morto, ma vivendo si scrive nel libro di Heroi, chi ha trovato arte nuove, e secreti d'importanza o fatto gran beneficio in guerra, ò in pace al publico.

Non sotterrano li corpi morti, ma si bruciano per levar la peste e per convertirsi in fuoco cosa tanto nobile, e viva che viene dal sole, et à lui torna, e per non restar sospetto d'Idolatria restano pitture solo, o statue de grandi huomini, e quelli mirano donne formose, che si applicano all'uso della razza.

5

L'oratione si fa alli 4 angoli del mondo orizzontali, e la mattina prima à levante, e poi à ponente, e poi ad Austro, e poi à Settentrione, la sera à riverso, che domanda corpo sano, mente sana à loro, e tutte genti e beatitudine, e conclude come pare meglio a Dio, mà l'oratione attantamente e lunga si fa in cielo, però l'altare è tondo, et in croce spartito per dove entra .O. doppo le quattro repetitioni, e prega mirando in su questo lo fanno per gran misterio. Le vesti pontificali sono stupende di bellezza, e di significato à guisa di quelle di Aron.

Distingueno li tempi secondo l'anno tropico non sidereo ma sempre notano quanto anticipa questo di tempo. Credo che il sole cali sempre à baso, e perciò facendo più stretti circoli arriva alli tropici, et equinottiali prima che l'anno passato, ò vero per arrivar l'occhio vedendolo più basso in obliquo, che lo vede prima giungere, et obliquare. Misurano li mesi con la luna, e l'anni col sole, e però non accordano questo con quella fino alli 19.

anni quando pure $\frac{h}{\Omega}$ finisce il suo corso, del che hanno fatto nuova astro-

20

nomia, laudano Tolomeo, et ammirano Copernico benche Aristarco e Filolao prima di lui, ma dicono, che l'uno fa il conto con le pietre, e l'altro con le fave, ma niuno con l'istesse contare, e pagano il mondo di scudi di conto, ma non di oro, però essi cercano sottilmente questo negotio perche importa sapere la fabrica del mondo, e se perirà e quando, e credono esser vero quel che disse Christo delli segni delle stelle del sole, e della luna, li quali alli stolti non paiono veri, ma egli venirà come ladro di notte il fine delle cose onde aspettano la rinnovatione del secolo, e forse il fine. Dicono che è gran dubbio sapere se il mondo fù fatto di nulla, o delle ruine degl' altri mondi, o del Chaos come par verisimile, che sia fatto, anzi certi sono nimici di Aristotile, e l'appellano Pedante. Honorano il Sole e le stelle come cose viventi, statue di Dio e tempii celesti, ma non l'adorano, e più honorano il sole. Niuna creatura adorano di latria altri che Dio, e però a lui servono solo, sotto l'insegna del sole, che è insegna, e volto di Dio, da cui viene salute, e'l valore et ogn' altra cosa, e però l'altare come un sole fatto, et li Sacerdoti pregano Dio nel sole, e nelle stelle come in altari, e nel cielo come Tempio, e chiamano gli Angeli buoni per intercessori, che stanno nelle stelle vive case loro, e che le bellezze sue Dio più le mostrò in cielo, e nel sole come in suo Trofeo, e statua. Negano gli eccentrici et Epicieli di Tolomeo, e di Copernico, affermano che sia un solo cielo, e li Pianeti da se si movano, et alzino, quando al sole si congiungono per la luce maggiore, che ricevono, e si abbassino nelle quadrature, e nelle oppositioni per avvicinarsi à lui, e la luna in ♁ et ♂ si alza per stare sotto il sole, e riceve luce in questi siti assai, che la sublima e per questo le stelle benche vadano sempre da levante à Ponente nell'alzare paiono girar dietro, e così si veg- gono perché il stellato cielo corre velocemente 24 hore, et esse ogni di caminando meno restano addietro vie più talche sendo passate dal Cielo paiono

45

tornare, e quando sono nell'oppositi del sole pigliano breve circolo per la bassezza, che s'inclinano à pigliar luce da lui, e caminano innanzi assai, e quando vanno à par delle stelle fisse si dicano stationarii, e quando più veloci, retrogradi, secondo li volgari Astrologi e quando meno dirette. Ma la ♁ tardissima, e così si vede, che ne epicicli, ne eccentrici ci vogliono à farle alzare, e retrocedere. Vero è che in alcune parti del mondo han consenso con le cose sopracelesti, e si fermano, e però dicono alzarsi in eccentrico ♁ del sole poi rendono la causa fisica che nel settentrione si alza per contrastare alla terra, ove essa prese forza, mentre esso scorse nel meriggio quando fu il principio del mondo, talche in settembre bisogna dire che fù fatto il mondo come gli Hebrei, e Caldei antichi, non come li moderni escogitaro, e così alzando per rifare il suo sta più giorni in settentrione che in Austro, e poi s'alza in eccentrico. Tengono due principii il Sole Padre, e la Terra madre, e l'aëre esser cielo impuro, e'l fuoco venire dal sole, e'l mare essere sudore della terra calefatta dal sole, et unir l'aëre con la terra, come il sangue e lo spirito col corpo humano, e'l mondo essere animal grande, e noi stare intra lui, come li vermi nel nostro corpo, e però noi appartenemo alla providenza di Dio, e non del mondo, e delle stelle, perche rispetto à lui siamo causali, ma rispetto à Dio, di cui essi sono instrumenti siamo anteprovesti però a Dio, di cui essi sono instrumenti havemo obbligo di Signore di Padre, e di tutto.

Tengono per cosa certa l'immortalità dell'anima, e che s'accompagni morendo con li spiriti buoni, o rei secondo il merito, ma li luoghi delle pene ò premi non l'han per tanto certi, ma assai ragionevole pare che siano il cielo, e li luoghi sotterranei. Stanno anche molto curiosi di sapere se queste pene sono eterne ò nò. Di più sono certi che siano Angeli buoni, e tristi, come avviene tra gl' huomini, ma quello che sarà di loro aspettano avviso dal cielo. Stanno in dubbio se ci siano alcuni mondi fuor di questo, ma stimano pazzia dire, che non ci sia niente, perche il niente ne dentro ne fuori del mondo è, e Dio infinito ente non comporta il niente seco. Fanno metafisici principii delle cose l'ente che è Dio, et il niente che è mancamento di essere, come conditione senza cui nulla si fa, perche non si faria, dunque non era quello che si fa. Dal correre al niente nasce il male, et il peccato, però da causa deficiente, non efficiente, la deficienza è il medesimo, che mancanza cioè o di potere o di sapere, o di volere, et in questo ultimo mettono il peccato, perche chi può, e sa ben fare, deve volere perche la volontà nasce da loro, ma non è contra. Qui ti stupisci che adorano Dio in Trinità dicendo che è somma possanza, da cui procede somma sapienza, e da essi entrambi sommo Amore, ma non conoscano le persone distinte, e nominate à Regno nostro, perche non relatione di se à se, e così tutte cose compongano di possanza, sapienza e Amore, in quanto hanno l'essere, e d' impotenza, d'insipienza, e di disamore, in quanto pendono dal non essere, e per quelle meritano, e per queste peccano o di peccato di natura alli primi, o di arte à tutti trè, e così la natura particolare pecca nel far li mostri per impotenza, o per ignoranza, mà tutte queste cose sono intese da Dio potentissimo sapientissimo, et ottimo, onde in lui nullo ente pecca, e fuor di lui sì, ma non si va fuor di lui, perchè in noi la deficienza è, in lui l'efficienza onde il peccatore è atto di Dio in quanto ha

essere, e deficienza, nel che consiste la quiddità di esso peccare, è in noi che al non essere e disordine declinamo.

Hosp. O come sono arguti.

G. Se io havessi tenuto a mente, e non havessi prescia, et paura io ti raccontarei gran cosa, ma perdo la nave, se non mi parto. 5

Hosp. Per tua fè dimmi questo solo, che dicono del peccato di Adamo.

G. Essi confessano che nel mondo ci sia gran corrutela, e che gli huomini si reggono follemente, e non con raggione, e che i buoni patono, et i tristi regnano, benché chiamano infelicità quella loro, perchè è annichilarsi quel che non sei, cioè di esser Re, di esser buono, di esser savio, e non essere in verità. Talche argumentano che ci sia gran scompiglio nelle cose humane, e stavano per dire con Platone, che li cieli giravano prima dell' occaso, là dove mò è il levante, e poi variano. Dicono anche, che può esser che governi qualche inferior virtù, e che la prima lo permetta, ma à questo pure stimano pazzia. Più pazzia è dire che primo ♄ e poi ♃, e poi altri 15 Pianeti, ma confessano che l'età del mondo succedono secondo l'ordine, e credono che la mutanza degli assedii ogni mille anni, o mille seicento verriano al mondo, e questa nostra età perche sia ♂ se bene le ♀ magne l'intraversano, e l'Anomali han gran forza fatale.

Finalmente dicono che è christiano chi si contenta di credere, che sia 20 avvenuto per il peccato di Adamo tanto scompiglio, e credono, che dalli padri alli figli corre il male più della pena, che della colpa, perche trascurano la generatione, la fecero fuor di tempo, ò luogo in peccato, et senza scelta di Genitori, o trascurano l'educatione, che male l'indottrinaro. Però essi attendono assai à questi due punti cioè generatione, et educatione, 25 e dicano, che la pena, e la colpa ridonda alla Città tanto de figli, quanto de Padri, però non si vedono bene, e par che il mondo si regga à caso, ma chi mira la costruttione del mondo, l'Anatomia dell' huomo, come essi fanno de condannati a morte anatomizandoli, e delle bestie e delle piante, e gl'usi delle parte, e delle particelle loro, è forzato à confessar la providenza 30 di Dio ad alte voci, però si deve l'huomo molto dedicare alla vera Religione, et honorare l'autor suo, e questo non può ben fare, chi non investiga l'opere sue, e non attende à ben filosofare, e chi non osserva le sue leggi sante. Quel che non vuoi per te non fare ad altri, e quel che tu voi per te fa tù il medesimo. Dal che ne segue che se da figli, e dalle genti honor cerchiamo, 35 alli quali poco damo, assai più noi dovemo a Dio da cui tutto ricevemo, in tutto siamo, e per tutto sia sempre laudato.

Hosp. Se questi che seguano solo la legge della natura sono tanto vicini al christianesimo, che niuna cosa aggiugne alla legge naturale se non li sacramenti, io cavo argomento da questa relatione che la vera legge, e la 40 christiana, e che tolti gli abusi sarà signora del mondo, e che però gli spagnuoli trovaro il resto del mondo, benche il primo trovatore fu il Colombo nostro Genuese per unirlo tutti ad una legge, e questi filosofi saranno testimonii della verità eletti da Dio, e si vede che noi non sappiamo quello che facemo, ma siamo instrumenti di Dio, quelli vanno per avaritia di danari 45 cercando nuovi paesi, ma Dio intende più alto fine. Il sole cerca struggere la terra non far piante, et huomini; ma Dio si serve di loro in questo sia laudato.

G. O sapessi cosa dicano per Astrologia e per l'istessi Profeti nostri, et Hebrei, et altre genti di questo secolo nostro, che hanno più historia in cento anni, che non hebbe il mondo in quattro mila, e più libri si fecero in questi cento che in cinque mila, e delle inventioni stupende della Calamita, stampe, et archibugi gran segni dell' unione del mondo, e come entrando nelli asside di ☿ à tempo che le ☽ magne si facevano in ♄ fece queste cose inventare per la luna e ☽ che in quel segno valeno, à navigare nuovo, in nuovi regni, e nuove armi, ma entrando l'asside di ♃ in ♁ e di ☿ in ♀ e ☽ in presto di ☽ m, in primo △ sarà gran monarchia nuova, e di leggi riforma, e di arte, e profeti, e rinovatione, e dicano che a christiani questo apporterà grand' utile ma prima si svelle, e monda, poi si edifica, e pianta, habbi patienza che ho da fare, sappi che hanno trovato l'arte del volare, che solo mancava al mondo.

Hosp. Oh, oh, oh, mi piace, ma ♄ è segno femminile di ♀ et ♁ è che può fare di bene!

G. Essi dicano che la femina porta fecondità di cose in cielo, e virtù manco gagliarda, ma rispetto à noi haver dominio, onde si vede che in questo suolo regnaro le Donne, come le Amazoni, tra la Nubia e Mesopotamia, tra gl' europei la Rossa in Turchia, la Bona in Polonia, Maria in Ungheria, Elisabetta in Inghilterra, Catherina in Francia, Margherita in Fiandra, la Bianca in Toscana, Maria in Scotia, Canmilla in Roma, et Isabella in Spagna, inventrice del mondo nuovo, et il poeta di questo secolo incominciò dalle donne dicendo: Le donne, i cavalier, l'armi, e gl'amori; e tutti sono maledici quattro Marte, e quattro ♀ e la ♁ parlando di bardascismo, e di puttanismo, e l'huomini si effeminano, e si chiamano V. Signoria, et in Africa dove regna ♄ oltre all' Amazzoni, si sono in fez, et in Marocco li bordelli delli effeminati pubblici, e mille sporchezze, ò però restò per esser tropico in segno ♄ et essaltatione di ♃, et elevatione del sole, e di ☽ trigono, si come per la ♁, e per ☽ e Venere hanno fatta la nuova inventione del mondo, e la stupenda maniera di girar tutta la terra, e l'imperio Donnesco et per ☿ e ☽ et ♃ stampe d'archibugi, di non fare anche di leggi gran mutamento, che nel mondo nuovo, et in tutte le marine die Africa, et Asia Australi è intrato il Christianesimo per ♃ et O. et in Africa la legge del Serifo per la ♁ e per ☽. In Persia quella d'Alle rinovata dal Sofi, con mutarsi imperio in tutti quei paesi, ma in Germania francia et Inghilterra entro l'Heresia per esser essi a ☿ et alla ♁ inclinati, e Spagna, et Italia per il sole a cui sotto stanno per ☿ et ♁ segni loro restaro nella bellezza della legge christiana pura, e quante cose saran più di nostro innanzi, e quante cose imparai da questi savii circa la navigatione degl' Assidi, de Pianeti, e dell' Eccentricità, e Solstitii, et Equinotii, et obliquati, e Polviariati, e confuse figure nello spatio remerrso, e del simbolo, che hanno le cose nostrali con quelle di fuori del mondo, e quanto segue di mutamento doppo congiuntion magna, e l'Eclissi, che se questi dipoi la ☽ magna in ♃ e ♁ segni equinottiali con la renovatione dell'Anomalie faran cose stupende in confirmare il decreto della ☽ magna, e mutar tutto il mondo, e rinnovarlo. Ma per tua fè non mi trattener più, che ho da fare, sai come sto di prescia, un'altra volta. Questo si sappi che essi tengano la libertà dell' arbitrio, e dicono che se in quarant' hore di tormento un huomo non si lascia

dire quello che si risolve tacere manco le stelle, che inclinano con modi lontani ponno sforzare perche nel senso sovente fanno mutanza. Chi segue più il senso che la ragione è soggetto à loro, onde la costellazione che da Luthero cadavero cavò vapori infetti, da Giesuiti nostri che fiorono il suo tempo cavò odorose essalationi di virtù, e da Fernando Cortese che propagò il christianesimo in Messico nel medesimo tempo, ma di quanto è per seguire presto nel mondo io tel dirò un'altra fiata. L'Heresia è opera sensuale come dice S. Paolo, e le stelle nelle sensuali inclinano à quella, nelle rationali alla vera legge santa della prima ragione sempre laudanda. Amen.

Hosp. Aspetta, Aspetta.

G. Non posso, Non posso.

5
10

Varianten der Handschrift der Wiener Hofbibliothek.

Cod. lat. 6328 f. 223 ff¹⁾).

S. 45. Z. 1—5, cioè Dialogo . . . et Brigida — Vi. f, da für hat Vi. in der zweiten Zeile: Hospitalario Genevese Marinaro. Z. 9. Taprobana — Trapobana, Z. 19. circulo — circulo e più, Z. 23. al — nel, Z. 25. piano — primo, Z. 34. e — o.

S. 46. Z. 1. due — doi, Z. 4. e di sopra — f. Z. 5. si entrano le — s'entra nelle, Z. 6. si ascende — s'asconde, Z. 7. hanno — vanno; e sono — non sono, Z. 10. edificio — artificio, Z. 13. le — con le, Z. 16. vi — vi sono, Z. 18. fraposto — fraporto, Z. 46. di Pittagoria — di Pittagorici; le muraglia — le muraglii.

S. 47. Z. 5. ordinarii — ordinati, Z. 7. e minerali — f., Z. 17. generarsi — di generari, Z. 20. ricci — rizzi, Z. 21. sapersi — sapere, Z. 25. tutte — tutte le sorti, Z. 26. e virtu — et virtuti, Z. 30. ancora — anco di, Z. 32. e l'inventioni — et gl'inventori, Z. 37. sapevano — non sapeano, Z. 43. habbiano — habbino, Z. 44. in modo — di modo.

S. 48. Z. 6—7. non si fa nulla — nulla si fa, Z. 12. di Mogerri — di Mogori, Z. 20. diventà — doventa, Z. 27. sproportionati — sproprivati, Z. 28. à dignità — à dignità propria, Z. 34. nullo — nessuno, Z. 45. inchinato — inclinato.

S. 49. Z. 7. figliuoli — fanciulli, Z. 17—18. meglio riescono — piu ben riuscano, Z. 22. in otio — otiosi, Z. 23. servidori — servitori, Z. 33. metafisico — mathematico.

S. 50. Z. 4. può — puo le, Z. 11. che si sa più quì — come vedi che piu; anno — anno qui si sa, Z. 12—13. prova quelli — prova di quei, Z. 14. sappino — sappiano, Z. 15. fondatori — fa Dottori, Z. 18. sappino — sappiano, Z. 28. giorno — girone, Z. 34. come — come si, Z. 42. giorno — girone, Z. 44. negligenti, e nuotano — negligenti e disobbedienti notano.

1) f bedeutet = fehlt.

S. 51. Z. 3. contando — cantando, Z. 7. pietanza, e minestra — piatanza et menestra, Z. 11. honore la — honore quella, Z. 13. feste — feste fanno, Z. 15. mondezza — nettezza, Z. 17. giobbone — giubbone, Z. 20. atellate — attillate, Z. 23. in $\frac{\mathfrak{S} \mathfrak{R} \mathfrak{V} + \mathfrak{Q}}{\mathfrak{S} \mathfrak{R} \mathfrak{V} + \mathfrak{Q}}$ secondo la complissione — secondo la complessione, Z. 25. giorno — girone, Z. 27. bucata — bucate, Z. 30. refettorii — refettori, lavatorii, Z. 32. Gironi — gironi (le lor fontane), Z. 33. spiacciono — spicciano, Z. 37. li giorni — gironi, Z. 41. innanzi alli — avanti li, Z. 43. secondo — secondo che a, Z. 44—45. li provvedono — f, Z. 47. due — doi, Z. 47. una scarpa al collo — al collo una scarpa, Z. 48. in piedi — li piedi.

S. 52. Z. 4. impotente — impotente et quali membra con quali si confanno, et cosi sendo ben lavati si donano al coito, Z. 10. pregano Dio del cielo — pregano il Cielo, Z. 10—11. separate sino — spartati fin, Z. 15. feste — fete, Z. 33. strozzano — scruggono, Z. 36. non altri — con altri. Z. 44. se sono — con altri.

S. 53. Z. 6. ammettano — mettono, Z. 7. Massuto — nasuto, Z. 8. Buio — bieco, Z. 12. vinto dicendo — vinto, Z. 13. Tortilio — Tortelio, Z. 14. nomi — cognomi; da gl' — delli, Z. 26. membra — mostra. Z. 27. imbellarsi — imbellettarsi, Z. 28. manco commodita — commodita manco, Z. 38. Heroine — Heroisce.

S. 54. Z. 1. consente — commise, Z. 2. in mensa — a tavola, Z. 3. all' — nell', Z. 10. servitii — vitii, Z. 13. giocando — giocando, disputando, leggendo, insegnando, camminando. Z. 18. presumitori — presummitori, Z. 25. servire le cose — servire alle cose, Z. 29. sono — so, Z. 37. zoppo — toppe, Z. 39. materazzi — mattarazzi, Z. 40. ostanto — stanno, Z. 43. arte — arti; militare — mi dirai, Z. 47. Capo — capi.

S. 55. Z. 1. in su — in sie, Z. 3. guardar — guadagnare, Z. 8. palle — balle, Z. 13. non — ne, Z. 15. due — duoi; giorni e — giorno ci è, Z. 20. felici — facili, Z. 28. perdono — perdono. Z. 37. se è — se; a deliberar — tre hore al.

S. 56. Z. 2. bagaglie et — bagaglie in mezzo et, Z. 5. zuffa — tuffa, Z. 8. otto e — otto ò. Z. 23. l'inimico — il nemico; legno — Cigno, Z. 27. avvinchiata — auvinchiata; all — nell, Z. 29. affibbate — avvinchiate, Z. 33. entrano — cominciano; con li — a li, Z. 35. per — con, Z. 46. indegno — vile, Z. 48. puo vincere — vincer puo i.

S. 57. Z. 6. sendo — sono, Z. 8. con piacere — compiacere, Z. 11. va guardi — val guardi, Z. 20. attingerli — estinguerli, gaza — grandara, Z. 23. prime — prime ire, Z. 24. più — poi, Z. 26. nuovo — mano, Z. 36. nelle — nella, Z. 37. niuno — nullo; risparammiare — sparagnar, Z. 39. notare — natate. Z. 46. vecchi, che — vecchi. Non vogliono che.

S. 58. Z. 7. risolvono — risolvono, Z. 17. imbellettano — imbellettano; ma ben l'essercitano. Z. 26. aspettano — osservano, Z. 27. poi hanno — hanno poi, Z. 28. et anatre e papare — et papare et anatre, Z. 33. pura — poca, Z. 35. proprio loro — loro proprio; che huomini e donne — che donne, Z. 37. ò

fratelli maggiori — e fratel maggiore; per le montagne — Hosp. le montagne poi, Z. 38. si — f.; nella — la, Z. 39. et — f., Z. 43. ridursi — riducersi; come — come essi; cercano se — cercano sempre sapere s'.

S. 59. Z. 8. grandezza e fermezza — fermezza e grandezza, Z. 12. miele — mele, Z. 13. parendo — parendo che era pur, Z. 14. onde segnava — onde bisognava, Z. 15. occidono — occidendo, Z. 22. bere — beber; in diciannove — nell' x 9, Z. 23. poi — f; cinquanta — cinquant'anni, Z. 26. et — che, Z. 32. alle — alle prime; escano — escono, Z. 34. sciatiche — sciatriche, Z. 37. da — di, Z. 41. sudero leva anco — sudore anco leva, Z. 46. o — o simili.

S. 60. Z. 1. mostra — mostrare, Z. 3. sanar le — sanarle; troveno dove non sono — trovano dove non ci sono, Z. 10. alla — del, Z. 11. paro pagono masi — pari pongon macis, Z. 15. pur — poi, Z. 21. congregano — convengano, Z. 23. dodici — tredici, Z. 26. generatione — generatione e, Z. 28. pria — prima, Z. 29. di poi — dopoi, Z. 34. essi — alli, Z. 40. Rurale — morale, Z. 42—43. Amore sta — Amorista, Z. 44. Podestà il — Podesta il gran.

S. 61. Z. 1. punisce — punitore; e — f. Z. 5. subitanea — subitamente, Z. 9. in torrione — un Torrione, Z. 10. Pro, e Contra — pro et il Contro, Z. 14. si — esso s, Z. 17. lui — esso lui, Z. 18. contra la libertà ò contra Dio — contro à la libertà ò contro a Dio, Z. 19. puniscono — puniscano, Z. 20. quel — quel che, Z. 22. vincano -- vinceno, Z. . e sacrificii et emenda — sacrificii amende, Z. 26. un — l'un, Z. 27. da gl' uffitiali — da se alli offitiali, Z. 28. domandando -- dimandando; lo liberano — z w e i m a l, Z. 36. un gran — con gran.

S. 62. Z. 8. attaccate — auanti, Z. 14. per li ponti — per le porte, Z. 16. mori — mora, Z. 20. producano — predicano, Z. 22. fra — tra, Z. 28. acemo — facciamo, Z. 34. groppo — gruppo, Z. 39. rappresentazioni — representations, Z. 45. lodano — lo dona; et — o, Z. 46. statua a niuno — à niuno statua; di poi — doppio, Z. 47. chi — che; arte — arti, Z. 48. ò in pace — ò pace.

S. 63. Z. 1. brucciano — brugiano, Z. 3. o — e, Z. 4. quelli mirano donne — quelle mirano le donne, Z. 6. orizzontali — orientali, Z. 7. la sera à reverso — sera a reverso prima à Ponente, poi à Levante poi a Settentrione poi ad austro, et replicano sole un verso, Z. 14. Distinguono — distinguono, Z. 15. Credo — Credono, Z. 16. equinottiali — Equinozii, Z. 17. per — pare, Z. 18. Misurano — misurarano, Z. 21. Filolao — filosofo, Z. 23. l'istesse — le stesse; contare — cose contate, Z. 24. ma — f.; cercano — cercano assai importa — importa à, Z. 26. quel — quello; del sole, e della luna — sole et luna, Z. 35. l'valore — l'calore; l'altare — l'altare e, Z. 39. come — come in, Z. 40. cielo e — cielo et che, Z. 42. e si — et, Z. 45. da — di, Z. 46. velocemente — velocemente in.

S. 64. Z. 3. dicano — dicono; e quando — quando, Z. 4. dirette — dritti, Z. 6. farle — farli, Z. 9. prese forza — prese per forza, Z. 13. e poi s'alza — et par salire; due — doi; principii — principii fisici, Z. 15. e'l — e il, Z. 15. unir l'aere con — unir con l'aere, Z. 19. lui — loro, Z. 20. anteprovesti

— anteprovisti, Z. 21. Signore — **signore** et, Z. 25. anche — anco, Z. 27. quello — quel, Z. 29. il niente ne dentro ne fuori del mondo è — niente ne dentro nel fuori del modo è, Z. 31. Dio et il niente che e Dio — Dio, Z. 33. si faria, dunque — si faria se fesse dunque, Z. 34. pero da — pero il peccatore si dice annichilarsi, et il peccato ha; volere — colere, Z. 36. mettono — pongono, Z. 39. Amore — f. Z. 40. conoscano — conoscono; à Regno — al modo; non — non hebbero, Z. 42—43. hanno . . . non essere — pendono dal non essere, Z. 47. di lui, perche — di lui (se non per noi) non per lui.

S. 65. Z. 1. peccare — peccato. Z. 5. raccontarei gran cosa — raccontaria gran cose, Z. 8. reggono — reggono's; buoni — per buoni; patono — patino, Z. 9. regnano — regono; loro, perche — loro, Z. 11. Talche — Dalche; sia — sia stato, Z. 12. giravano prima — prima girano, Z. 14. e che — et, ma à — ma, Z. 15. primo ð e poi — primo resse ð bene e poi, Z. 17. variano — variano, Z. 22. colpa — ma da figli al padre torna la colpa, Z. 25. due punti cioè — doi punti, Z. 35. genti — genti noi, Z. 36. damo — danno, Z. 38. seguano — seguono, Z. 39. aggiugne — aggiunge.

S. 66. Z. 1. O se; dicano — dicono, Z. 2. Hebrei — d'Hebrei; et altre — e d'altre, Z. 7. e — de, Z. 10. arte — arti, Z. 12. valore — volare. Z. 18. suolo — secolo, Z. 25. V. Signoria — V. S. 27. in — f, Z. 31. stampe — stampe et, Z. 38. e quante cose — e quanto, Z. 39. navigatione — negation, Z. 40. obliquati — obliquitati; Polviariati — poluiariati, Z. 41. remerrso — immenso, Z. 42. doppio — doppio la, Z. 43. dipoi — di puo, Z. 48. hore di tormento — hore.

S. 67. Z. 2. sovente — souamante, Z. 4. fiorono — fiorirono, Z. 5. propagò — promulgo, Z. 8. nelle — nelli.

*
*
*

Über das Verhältnis der hiermit wiedergegebenen Abschriften zu der Ausgabe Solmis müssen einige Worte genügen.

Solmis Ausgabe trifft in rund 160 Fällen einer abweichenden Lesart mit der Wiener Abschrift, 120 mal mit der Vatikanischen zusammen; in etwas über 120 Fällen bietet er einen von den beiden abweichenden Text. Es wäre müßig darüber Vermutungen zu äussern, ob der Herausgeber hauptsächlich einer von den ihm zur Verfügung gestandenen Abschriften gefolgt ist, oder ob er, vielleicht gestützt auch auf Adamis Ausgabe, zwischen den ihm vorliegenden Recensionen eklektisch verfahren ist. Auch will ich die inhaltliche Bedeutung der von mir verzeichneten Abweichungen nicht überschätzen und gebe zu, dass Adamis Ausgabe als Stütze in vielen Fällen brauchbar ist. Aber nicht immer. Dies beweisen schon die Varianten aus 1623, die Solmi selbst fast auf jeder Seite anführt.

Ich will ausserdem auf einen Fall verweisen, wo mir Adami nicht genügt. S. 33. 11. hat Solmi, ebenso Adami Th. C. Realis philos. etc. S. 349, eine Zwischenrede (Mar. und Hospit.), die die beiden von mir mitgetheilten Handschriften nicht aufweisen: ich bin geneigt darin ein Zeugnis für die ursprünglichere Lesart meiner Handschriften zu erblicken. Untrüglich ist dieser Schluss nicht, aber auch nicht mit der Lesart Adamis, oder mit bloss theoretischen Gründen abweisbar.

Bei einer zu erwartenden kritischen Ausgabe wird es demnach unerlässlich sein, alle erreichbaren Abschriften sorgfältig zu vergleichen und nach dem Ergebnis des Vergleichs einzuschätzen, um den ursprünglichen Text möglichst zu erreichen. Auch scheinbare Kleinigkeiten haben zuweilen grosse Bedeutung. Es ist gar nicht ausgeschlossen, dass sich so gar Campanellas Autograph einfinden wird, wie das z. B. — nach den Angaben dieser Arbeit — bei *Monarchia Messiae*, z. Th. auch bei *Reminiscentur* und *Monarchia di Spagna* der Fall war. Solmi gebührt trotz Allem für seinen Versuch viel Anerkennung; hoffentlich wird es gerade ihm vergönnt sein, bei einer zweiten Ausgabe alles das nachzutragen, was man in der uns vorliegenden bedauernd vermisst. Vielleicht wird er dann als bedeutendes Gegenstück zur *Città* das *Sommario* aus den Prozessakten mit zum Abdruck bringen, und so auch den historischen Commentar zu der im Gefängnis geschriebenen Staats-Reformschrift des revolutionären Mönches allgemein zugänglich machen. Ich habe darauf (vgl. oben S. 21) sehr ungern verzichtet, denn es ist ein Schriftstück, dem bei einer richtigen Beleuchtung der Genese der Schriften Campanellas die allererste Stelle gebührt.

Berichtigungen und Ergänzungen.

Zur S. 3.

Die erste Zeile in dem Citat aus Amabile (Opere V. 297) soll lauten:

.... i (nicht „le“) fonti migliori, per determinar in un modo (nicht „in modo“).

Ausserdem möge zu diesem Citat Folgendes nachgetragen werden.

1. An den von mir ausgelassenen und deshalb mit Punkten bezeichneten Stellen wird der Wert des Schreibens Campanellas an Scioppius (aus dem J. 1606) betont, das Amabile später selbst in verbesserter Form neu herausgegeben hat (Opere IX. 56—65).

2. Nach der Erwähnung des Memorials, das Baldacchini herausgegeben, sagt noch Amabile „e in generale tutte le lettere del Campanella scritte durante la prigionia“. Wie Amabile das, was ihm zugänglich gewesen, ausgebeutet hat, habe ich S. 2. und 3. ausdrücklich anerkannt.

Zur S. 5 und 6.

Den von Centofanti nicht vollständig abgedruckten Brief Campanellas an den Kard. St. Giorgio hat Amabile in vollem Wortlaut veröffentlicht (Opere VI. 596—602). So ist uns auch der Teil dieses Briefes zugänglich geworden, der die Nachricht über seines Verfassers Schriften enthält. Centofantis Behauptung, dass diese Versprechungen mit denen, die sich in den von uns eingehend berücksichtigten Briefen an den Kardin. Farnese finden, identisch seien, trifft im Grossen und Ganzen zu, nicht aber in allen Einzelheiten, wie dies später erhellen wird.

Zur S. 9 ff.

Herr Prof. Tocco macht mich auf einige Stellen des Memorials aufmerksam, die keinen guten Sinn ergeben. So: S. 9 Z. 7; S. 12 Z. 3—5. — Doch erweist sich der Abdruck der Vorlage als ein korrekter, und es ist daran nach den S. 9 mitgeteilten Grundsätzen (und auch nach der Meinung des H. Prof. T.) nicht zu ändern. Nach dem Wort *volontà* (S. 9) hat allerdings die Vorlage ein Komma.

Zur S. 15. Nr. (16) macht H. Prof. T. die Conjectur, ob statt *un latino* nicht „in latino“ zu lesen sei. Beim Abdruck selbst hatte auch ich diese Möglichkeit erwogen, doch schienen mir die Schriftzüge mehr für „un“ zu sprechen. Volle Sicherheit würde uns das Auffinden der betreffenden Schrift in den beiden daselbst genannten Sprachen bieten.

Zur S. 10 ff.

In der Registrierung der Einzelheiten des eben erwähnten Schreibens an den Kardinal Farnese, sind mir einige Unebenheiten unterlaufen, die, wenn auch inhaltlich belanglos, hiemit verbessert werden mögen.

1. Die auf Versehen beruhenden Bezeichnungen, K I und K II_a haben identischen Sinn und sollen nur einen Unterschied von K II_b repräsentieren.

2. Im Verzeichnis selbst (S. 13 ff.) habe ich die im Schreiben an den Kardinal selbst fehlenden Ziffern nach der Reihenfolge der einzelnen Schriften bis Nr. 6 fortgeführt; — der Gleichförmigkeit halber wären auch diese 6 Ziffern besser fortgeblieben.

Zur S. 14.

Unter 4 ist auf dieser Seite „La Monarchia del Christianesimo“ verzeichnet, u. zw. auch nach dem Schreiben an den Kardinal Farnese, wo die Bemerkung steht „la tiene il Cardinale S. Giorgio“. — Begreiflich findet sich diese Bemerkung im Schreiben an Kard. S. Giorgio nicht, dafür lesen wir daselbst: „di cui donnai a V. S. Illma li primi fundamenti, che ancora non havevo proceduto nelle leggi e profezie, ma solo per historia politia e natura“ (Amabile O. VI. S. 600).

Ferner ist, ausser einigen stilistischen Verschiedenheiten in den beiden Schreiben zu merken, dass in dem Verzeichnis

an den Kard. Farnese nach der Schrift de insomniis die Schrift de arteriis folgt, in dem Schreiben an S. Giorgio dagegen die Schrift: de phil. nat. compendium.

Zur S. 23 ff.

Von Nr. 2 findet sich ein bisher näher nicht untersuchtes Exemplar in der herzogl. Bibliothek von Wolfenbüttel, Aug.-Handschr. 2488. 6. f. 203—262.

Der Titel lautet nach dem Katalog:

„Scuola del primo senno, aperta da Fra Tomas Campanella, sevo di Dio et unico maestro della detta scuola. Lettera del maestro ad un suo scolare. Epilogo di quel che della natura delle cose há filosofato F. Tommaso Campanella sono (sic) di Dio.

S. 23. Anm. 1. Zeile 2 ist folgender Druckfehler zu verbessern: „trova (nicht trovi) con la (nicht le) data (nicht dato)“.

S. 25 ist Zeile 11 „von 37 Discorso“; deutlicher, wenn es 37° Discorso geschrieben wird.

S. 43. ff. Aus den Ausführungen über die Wiener Handschrift folgt schon, dass sie hier nicht so genau wiedergegeben werden kann, wie die Vaticanische. Trotzdem will ich noch ausdrücklich darauf verweisen, dass ich auch die Abweichungen in der Schaffung neuer Alineas nicht vermerken konnte. Danach sind also die Varianten (S. 68—71) nur von relativem Wert.

S. 51 u. ff. Die astronomischen Zeichen finden sich nicht in unzweifelhafter Deutlichkeit vor: deshalb gebe ich in folgendem zu jeder Stelle die Transcription nach Solmis und wo nötig auch Adamis Ausgabe hinzu.

S. 51.

Z. 23. 24.

Solmi: in Cancro, Ariete, Libra e Capricorno.

Adami: Arietem et Cancrum et Libram et Capricornum.

S. 52.

Z. 12. ff. . . .

Solm. tempo che Mercurio et Venere . . . mirate da Giove . . . e de Saturno et Marte . . . guardano che Saturno o Marte.

Ad. Praesertim sol el luna, quae sepissime Aphetae sunt, Virginem in horoscopo amant.

Bei Solmi ist in diesem Zitat ein kleines Versehen betreffs der Zeile des Textes, zu der es gehört.

Z. 17.

Solm. con oppositione et quadrato.

Z. 20.

Solm. principe Marte o Saturno.

S. 58.

Z. 26.

Solm. aspetto di Marte et Giove; per li bovi Toro per le pecore Ariete.

A d. ebenso.

S. 59.

Z. 2.

Solm. in Marte, et Giove in Leone orientale dal Sole; e Mercurio e Venere in Cancro.

A d. ebenso.

Z. 3. satellitio . . .

Solm. Marte nell Sagittario in quinta.

A d. ebenso.

Z. 4. 5. e la . . . aspetto . . .

Solm. Luna in Toro . . . Mercurio et Venere.

A d. ebenso.

Z. 5: stava . . .

Solm. Stava Saturno entrando nel Leone.

Z. 6. à . . .

Solm. Marte et al sole; la Luna.

A d. Saturnus quartam appetebat domum, nil tamen laedens Solem aut Lunam, sed stabiliens fundamenta erat, Fortuna cum Algol erat in decima.

Z. 7 et . . .

Solm. Et Mercurio sendo in buon aspetto della Vergine.

A d. ebenso.

Z. 9. 10 in . . .

Solm. in Vergine el ne la congiunzione magna.

A d. in Vergine ipsum praestolari, et conjunctionem.

S. 62.

Z. 38.

Solm. in Cancro et Libra in Capricorno et Ariete.

A d. ebenso.

Z. 39. ogni . . .

Solm. ogni congiunzion magna et apparizione di Luna.

A d. singulis Pleniluniis et Noviluniis.

S. 63.

Z. 20. pure . . .

Solm. pure il capo del Drago.

A d. quando etiam caput Draconis.

Z. 43. in . . .

Solm. in congiunzione et opposizione.

A d. in oppositione nedum in coniunctione.

S. 65.

Z. 15. primo . . .

Solm. prima resse Saturno bene e poi Giove.

A d. Saturnus primo bene regnavit ac deinde Jovem minus bene.

Z. 18 sia . . .

Solm. sia di Mercurio se bene le congiunzioni magne.

A d. „videri Mercurio, tametsi a magnis coniunctionibus intervarietur“.

S. 66.

Z. 6. di . . .

Solm. di Mercurio . . . congiunzioni . . . in Cancro.

Z. 7 e . . .

Solm. e per Marte . . .

Z. 8—9. entrando l'asside di . . . sara gran.

Solm. entrando Saturno in Capricorno et Mercurio in Sagittario et Marte in Vergine, dopo la prima congiunzione magna e visioni die nuova stella in Cassiopea.

A d. in trigono Cancri, abside Mercurii Scorpionem percurrente, hae mirabiles inventiones acciderunt a Luna et Marte . . . At cum mox intraverit Saturni absis in Capricornum et Mercurii in Sagittarium et Martis in Virginem post primas synodos magnas et visionem novae stellae in Cassiopea.

Z. 14. ma . . .

Solm. ma Cancro è segno femminile di Venere et Luna —

A d. ebenso.

Z. 21. maledici . . .

Solm. maledici. Il trigono di Marte et Giove Venere et la Luna.

A. d. ob Martis trigonum et hospitium Mercurii Apogeo praestitum et ob Venerem et Lunam.

Z. 26 ☿ . . .

Solm. Cancro e Scorpione.

A. d. Cancer et Scorpio praevallet.

Z. 17. ☿ . . . hanno.

Solm. Cancro (esaltatione di Giove . . . e di Marte trigono) sì come per la Luna et per Marte et Venere.

A. d. trigonus Cancri (quia tropicus est et exaltatio Jovis et Apogeu Solis, et Martis trigonus) veluti per Lunam et Martem et Venerem.

Z. 30. et per . . . stampe

Solm. et per Mercurio et Marte et Giove stampe.

A. d. et per Mercurium et Martem typographiam.

Z. 33. per ♃ . . .

Solm. per Giove . . . per la Luna e per Marte.

A. d. Christianismus per Jovem et Solem secta Setifi, per Lunam et Martem. In Persidi autem . . . per Venerem et Jovem.

Z. 36. a . . .

Solm. a Marte et alla Luna inclinate.

A. d. ex Marte et Venere et Luna.

Z. 37. per . . .

Solm. per Sagittario e Leone.

A. d. ebenso.

Z. 43. la . . .

Solm. la congiunzione magna, et gli eclissi, che seguono poi in Ariete in Acquario.

A. d. post synodum magnam in Ariete et Libra.

Die Signatur der beiden zum Abdruck gebrachten Texte ist folgender nachzutragen:

S. 9. als Zeile 3: (Cod. Vatic. 8193 f. 715 ff.).

S. 45. Z. 1 ist nach den Worten Codex Ottobonianus die Ziffer 791 hinzuzufügen.

Inhaltsübersicht.

Einleitung.

Die Schwierigkeiten und die praktische Bedeutung der Aufgabe. Die bisherigen Bemühungen um deren Lösung und das Neue in der vorliegenden Untersuchung. S. 1—3.

I.

Die bisher bekannten *Memoriale Campanellas* über seine Fähigkeiten, Pläne und Schriften und zwar die von Centofanti (aus 1606), von Baldacchini (aus 1611) und von Eyssenhardt (aus 1611 und 1618) herausgegebenen. Charakteristik eines bisher unbekannt gebliebenen Memorials aus 1609. S. 3—8. Text des letztgenannten Memorials (Cod. Vatic. 8193) mit Hinweis auf die Parallelen aus den übrigen bereits gedruckten. S. 8—17. Bibliographischer Ertrag des Vergleichs: Drei Titel bisher unbekannter Werke Campanellas. S. 18—20. Das Memorial aus 1618 und die Bedeutung der Schrift „Remiscentur“ für die Begründung der Propaganda. S. 20.

II.

Die *Campanella-Handschriften* als Zeugen über die Entstehung der folgenden Werke Campanellas. S. 20—21. *De sensu rerum*. S. 21. *Physiologia*. S. 23. *Discorsi alli Principi d'Italia*. S. 26. *De Belgio subigendo und Monarchia di Spagna*. S. 27—29. *Articuli prophetales*. S. 29. *Aphorismi politici*. S. 30. *Monarchia Messiae*. S. 31. *Atheismus triumphatus*. S. 32. *Remiscentur*. S. 33—34. Andere, flüchtig eingesehene, minder wichtige Schriften. S. 35—36. Der Ertrag der Untersuchung für Campanellas Geschichte. S. 36—39.

A n h a n g.

Zur Textüberlieferung der Città del Sole.

Allgemeines über die verschiedenen Bearbeitungen der Città. Die 3 Rezensionen nach Amabile. Solmis Ausgabe der Urform. Die Mängel der Ausgabe. Die Vermehrung des handschriftlichen Materials durch die Mitteilung zweier bisher unberücksichtigten Cittàabschriften. S. 41—44. Text der Abschrift des Cod. Ottob. 791. S. 45—67. Varianten der Wiener Abschrift. S. 68—71. Ein flüchtiger Vergleich der beiden Abschriften mit der Ausgabe Solmis. S. 71—72. Berichtigungen und Ergänzungen. S. 73—78.

Nachtrag zu der Abhandlung „über die Genese der Schriften Thom. Campanellas“.

Zur S. 20—72 ist folgende kurze Beschreibung der Handschriften der Königlichen Bibliothek in Berlin nachzutragen. Die Handschriften, auf die ich erst in der letzten Zeit aufmerksam geworden bin, stammen¹⁾ zum grösseren Teil von einem venezianischen Staatsmann, der unter Urban VIII. und Innocenz X. Gesandter in Rom gewesen ist und sich diese Bände zu eigenem Nutzen und Vergnügen gesammelt hat.

Ausser den beiden Bänden ist noch als sehr interessant anzuführen der Codex ital. Q. 54 betitelt: Quatro Opere di Fra Tommaso Campanella Seruo di Dio. Copiate in Siena di Toscana l'Anno 1625, weil er zu den sehr seltenen Campanella-handschriften gehört, die ein Datum aufweisen.

In Bezug auf Campanella ist die Kön. Bibliothek in Berlin auf diese Weise zu einer Sammlung von Handschriften gelangt, die an Werth, soviel mir bekannt, alle anderen deutschen Sammlungen übertrifft.

Wir fügen nun die einzelnen Schriften, soweit es geht, in die oben S. 21 und ff. stehende Reihenfolge ein²⁾.

Zur S. 21.

Von der Schrift *de sensu rerum* finden wir den vierten Teil im

MS. ital. fol. 148, f. 2139.

1) Nach Wilken, Geschichte der Kön. Bibl. in Berlin. S. 53. Zu dieser Sammlung gehören die beiden Bände *MS. ital. f. 24, 25.*

2) Die Verschiedenheit des Druckes ist im Folgenden nicht durch den Befund der handschriftlichen Vorlagen bestimmt.

Della Magia in c6mune, et sue divisioni di
fra Tomaso Campanella Dominicano.

Cap. Primo:

„Magi s'appellauano gl'antichi savii“

f. 2292:

„Essere necessaria l'Astrologia al mago buono, et la sua
forza. Cap. XVIII“.

Das Caput und die Schrift überhaupt endet S. 2318.

„. . . chi mira li simboli tutti intende il tutto“ „Il fine“.

Zur S. 26 finden wir die

Discorsi a principi d'italia che per bene loro, e
del Christianesimo non deuono contradire alla
Monarchia di Spagna, ma favorirla, e come del
sospetto di quella si possono guardare nel Pa-
pato, e per quella contro Infedeli, con modi veri,
e merabili.

a. *MS. ital. Q. 54. f. 22.*

Discorso Primo:

„Gl'Historici, e Poeti d'Italia tutti“

f. 41. a. Discorso Undecimo:

„Vero rimedio e di fare un Senato“

f. 42 (Schluss des XI. Discorso):

„. . . Roma, e di Christo Dionostro“.

b. *MS. ital. fol. 24. f. 741.*

Der Titel ebenso wie oben, nur noch dazu:

Fatti per Fra Thomaso Campta Dominicano.

Discorso primo:

wie oben, nur statt *e* hier *et*.

f. 777. Discorso XI:

„Vero rimedio dunque e fare in Roma“

Excip. f. 778:

„. . . e gloria d'Italia“. —

Es finden sich hier nach dem Schlusspunkte noch 2 wei-
tere Zeilen.

Zur S. 27 ist anzuführen:

Monarchia di Spagna. U. zw. ist sie in drei Exemplaren vorhanden.

a. *MS. it. Q. 54. f. 97. ff.*

Discorsi Sopra la Monarchia di Spagna di Tommaso Campanella.

Proemio:

„Caminando da Levante“

f. 196 a.

Della Nauigatione. Cap. 32.

Numerierte Abschnitte bis 5.

Schluss: „A VS. con questo baccio le mani e meritati honori. Finis“.

f. 170. Della Fiandra, e Germania bassa. Cap. 27. hat 29 Ratschläge, der letzte endet:

„perche la pace disarmata e debole“.

b. *MS. ital. fol. 48.*

Discorsi della Monarchia di Spagna Fatti da Fra Tomaso Campanella nell' Anno (ausradiert) e dell' età sua XXX-mo.

Der Band ist ohne Paginierung.

Cap. XXVII:

29 Ratschläge. Schluss des Caput: „nel gouerno francese di fuora“.

Letztes Cap. Della Navigatione (Cap. XXXII.) excip. „e meriti honori . . . Il fine“.

Darauf folgt ein leeres Blatt, dann eine neue Paginierung mit 233.

c. *MS. ital. fol. 24. f. 490.*

Discorsi della Monarchia die Spagna. Di fra Tomasso Campanella.

Proemio:

Auch in diesen, wie in den vorigen, wird der Konvent „de Stilo“ erwähnt.

f. 629 a.:

Della Fiandra et Germania bassa. Cap. XXVII.

Hier ist schon das, was in den beiden anderen Ausgaben als Pct. 29 geraten war (die Waffen nicht in die Hand zu geben), als Pct. 30 enthalten.

f. 670. Della Navigatione. Cap. XXXII. excipit:
680a. „... et meritati honori. Laus Deo“.

Zur S. 30.

Von den **aphorismi politici** hat die Kgl. Bibl. 3. Abschriften:

a. *MS. ital. fol. 21. f. 77.*

Cento cinquanta Concetti Methodici dell' Universa scienza Politica di Frà Thomasso Campanella.

1. Nessuno domina etc.

f. 115 bricht das Werk mil 148 ab. Beginn: „Overo manche perche“, Ende: „gli Grisoni, e gli Suizzeri“.

f. 115a ist fast gänz, 116, 116a sind ganz leer.

b. *MS. ital. fol. 148. f. 2015.*

Aphorismi, ovvero Precetti Politici di Fra Tomaso Campanella Dominicano.

1. Niuno domina.

Hier auch nur 148.

2137. 148 inc. „ouero manco“, 2138 excip. „i Grigioni, et Suizzeri. Il Fine“.

c. *MS. ital. Q. 54, f. 2.*

„Axiomi, o Ammaestramenti Politici cosi per parole, universali della Dottrina Politica, come fondamentali alla Monarchia di Spagna.

1. Nessuno domina.

f. 210.

149. inc. „O uero manca...“

20b. excip. das Cap. und die ganze Schrift: „i Grisoni, e li Suizzeri“.

Zur S. 31 hat die Bibl. zwei Abschriften:

MS. ital. Q. 54, f. 44.

Fondamenti, e Regole Generali di tutte le Sig-rie e tristi **Dominii**, et Buoni, Migliori, et Ottimi, et dell Univesale **del Messia**.

Della Filosofia Divina, et humana conosciuti.

Capitolo Primo (ohne nähere Bezeichnung).

f. 1. „Signore vero, et assoluto, . . . e come piace a lui“.
— 29 mit Zahlen versehene Punkte (aber die übrigen Kapitel haben den Text ohne Zahlen).

f. 49.

Che il Regno, e Sacerdotio, stiano in un soggetto ottimamente secondo Dio, secondo chi regna, et secondo i Populi.

Capitolo Secondo.

f. 92.

In che consista la riforma delli Dominii humani fatta dall' Evangelio, et commessa a San Pietro et suoi Successori.
Cap. 15.

f. 93 a.

Diciannoue altri Auuertimenti (als gehörte es noch zu der Schrift selbst).

1. „E pazzia sdegnarsi con quelle persone, con le quali per la grandezza loro . . . patire et simulare“.

f. 95 a.

(Es fehlt die Zahl vor 19, ist aber gefordert): „Dice il proverbio, che il filo si rompe . . . s'ha piu rispetto all' interesse, che al debito“. Finis.

MS. ital. fol. 24, f. 357.

Compendio della Monarchia del Messia, et delle Ragioni del Dominio ecclesiastico capo, e di tutti i Principi membra di TC.

„Dove con filosofia . . . discordie dei Principi“.

„Con un discorso . . . hanno scritto“.

f. 358. Fondamenti — wie in Q. 54.

Cap. I ohne Inschrift, 21 numerierte Punkte.

f. 464 a. Cap. XV. Inschrift wie oben, nur nach „Successori“ noch „di mano in mano“.

f. 473 a excip. „l'uno per l'altro“.

f. 474. Discorso delle ragioni etc.

Inc. „Per il Caetano“, — Excip. Am Rande die Bemerkung: „Vedi la Monarchia Spagnola“¹⁾.

f. 488 a. . . . „le figure et historie passate“.

1) Tatsächlich folgt diese im MS.-Bande unmittelbar darauf.

Zum Anhang. (S. 41 ff.).

Unter den Abschriften mehrerer Werke Campanellas, finden wir

MS. ital. fol. 24

auch eine von der **Sonnenstadt**. Angesichts der Sachlage, die ich oben S. 41—44 kurz dargelegt habe, hat diese Abschrift Anspruch darauf, dass sie einst genau geprüft und verwendet werde. Meine Notizen darüber halten sich in den Schranken, die in meinem Anhang selbst gezogen sind. War es mir s. Z. aus typographisch-technischen Gründen schwer, parallel mit der Vaticanischen Recension Solmis Lesarten anzuführen, so kann ich auch nicht daran denken, hier die Abweichungen der Berliner Handschrift von den übrigen aufzuzählen. Es mögen einige Worte zur Charakteristik ausreichen.

Die Abschrift scheint sowohl von der Wiener, als auch von der Vaticanischen unabhängig zu sein, da sie manche charakteristische Worte mit dieser, andere mit jener gemeinsam hat¹⁾;

z. B. zu S. 45, Z. 9 hat B. Taprobana

S. 48, Z. 12 „ „ mogori

S. 53, Z. 6 „ „ nasuto

S. 66, Z. 18 „ „ secolo etc.

Es sind ferner Korrekturen darin, die die Abschrift dem von uns abgedrucktem Texte näher bringen. Von sonstigen sprachlichen, orthographischen Eigentümlichkeiten erwähnen wir nur: dass B. consequenter Weise

et schreibt (statt e des Vat.);

ph — statt f des Vat.;

im Hiatus erfolgt eine Elision am Ende des ersteren Wortes. — —

Dass sich die Sprechenden ablösen, wird nicht stets mit neuem Alinea bezeichnet.

Ausser den von mir in der vorangehenden Arbeit selbst besprochenen Schriften Camps. besitzt die Königl. Bibl. in Berlin noch zwei, die noch mehr als die bisher angeführten unsere Kenntniss seiner Wirksamkeit bereichern. Sie gehören zu den von Amabile publizierten kleineren Schriften (vgl. o. S. 36), sind aber wegen des in den Abschriften enthaltenen Textes besonderer Beachtung wert.

1) Der Titel ist: „Citta del ☉ Sole di fra T. C.“

Weil noch aus der Zeit vor der Revolution stammend, demnach als eine der jugendlichsten Rezensionen, ist beachtenswert, die im

MS. ital. fol. 25. f. 24

enthaltene Schrift:

• Parole universali **dello gouerno ecclesiastico** per far una greggia, et un Pastore. Secreto al Papa solo.

Questo e Compendio del libro intitolato **il gouerno ecclesiastico**, il quale resto in mani di Don Lelio Orsino: et io Autore tengo copia in stilo Padria mia —.

(Das Wort Stilo mit anderer Tinte unterstrichen, am Rande die Bemerkung: N. B. Campanella.) —

Nach dem Titel folgen Exzerpte aus S. Bernardus.

„Papa est sacerdos magnus“ etc.; ferner

zahlreiche Sprüche über das Thema, der letzte (f. 25)

„quodcumque solueris“ etc.; darauf die Bemerkung:

„Haec, et longe plura explicantur in Monarchia Messiae“.

Darauf folgt:

Proemio e compendio della Monarchia Universale, che sara una Greggia et un Pastore con felice uita in Terra. Cap. 1.

f. 47 a. Del Tesoro ecclesiastico per la Monarchia.

Cap. XVI.

f. 49. De Prelati et de . . . Cap. imperfetto.

f. 49 a. De Vescovi.

f. 50. Cap. Imperfetto.

f. 51. die Schrift schliesst: e se non si fá comme scrissi peritum (sic).

Bekanntlich hat Amabile die Schrift in einer späteren Bearbeitung aus einem Codex Barberinianus herausgegeben. (Opere IX, Doc. S. 75 ff.)

Der Titel lautet daselbst:

„Discorsi universali del Governo“ und nach „Papa solo“ folgen da noch die Worte: „con modi non soggetti alla contradittion de Prencipi. Compendio del originale“.

Trotzdem sich auch diese Schrift nur als ein Compendium des Originals einführt, zeigt sie jedenfalls eine bedeutende Erweiterung der in Berlin befindlichen Handschrift. Nicht nur der Text der einzelnen Capitel, auch die Zahl die-

ser beweist es deutlich, dass wir es darin mit einer späteren Bearbeitung zu tun haben.

Die zweite hier noch zu nennende Schrift finden wir einzig hier in vollständigem Wortlaut. In:

MS. ital. fol. 24, f. 681

finden wir in Abschrift: **Dialogo Politico Sopra i Rumori di Francia** Tra il Rè la Madre, et il fratello, l'anni 1631, 1632, 1633.

Incip. „L'altro hieri un mio amico udi parlare fol. 740 a excipit: „. . . et li bagio le mani da Eutropia.“

Der Text ist anscheinend besser, jedenfalls vollständiger als der von Amabile veröffentlichte; ferner ist Amabiles Datierung¹⁾ der ganzen Schrift ins Jahr 1632 nach dem Titel in unserem Codex jedenfalls irrig.

Der Text bei Amabile IX, bis S. 201 und im Berl. MS. Ital. bis fol. 714 sind im Ganzen verwandt.

Nach den Worten „Rispose il francese.“ „Imperocche l'ambitione humana è vastissima“, (Amabile S. 201 unten) hat die Berl. Abschrift eine kleine Zutat.

Amab. S. 202 und Berl. S. 714 b. geben den Schluss dieser Rede des Franzosen abweichend wieder.

Darauf (auf der S. 202) gibt aber Amabiles Text keinen guten Sinn, denn der Franzose beginnt von Neuem zu sprechen; dagegen lässt der Berliner auf die Rede des Franzosen (S. 715) einen Venetianer Antwort erteilen (diese fehlt bei Amabile). —

Amabile 202 — Berl. 715 a sind von den Worten: „Il francese“ an wieder übereinstimmend.

Amabile 203 ist die erste Zwischenrede des Venetianers sehr kurz; vgl. Berl. 717 b. 718.

Sonst stimmen die Texte im Grossen und Ganzen überein aber eine vollständige Ausgabe dieser publicistischen Schrift müsste die Berliner Handschrift zu Grunde nehmen.

Inhaltlich ist die Schrift von Interesse, weil sie des Verfassers Übergang auf die französische Seite ziemlich deutlich zeigt, u. zw. so dass darin auch die Monarchia di Spagna erwähnt wird. —

1) Opere, VIII. 453—455, IX. 185.

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

ЮРЬЕВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

выходять съ 1893 г. въ неопредѣленные сроки, не менѣе 4 разъ въ теченіе года.

Ученыя Записки распадаются на два отдѣла: официальный и научный.

Въ официальномъ отдѣлѣ помѣщается годовой отчетъ Университета, актовыя рѣчи, отзывы о диссертаціяхъ, обзорѣніе лекцій и т. п.

Въ научномъ отдѣлѣ помѣщаются работы преподавателей Университета; изъ студенческихъ же работъ печатаются (по возможности въ извлеченіи) лишь сочиненія, удостоенныя золотой медали.

Научныя статьи **Ученыхъ Записокъ** печатаются какъ на русскомъ языкѣ, такъ и на одномъ изъ болѣе распространенныхъ западно-европейскихъ языковъ, а также на латинскомъ, по выбору автора.

Подписка принимается Правленіемъ Императорскаго Юрьевскаго Университета.

Подписная цѣна 6 руб. въ годъ.

Редакторъ **Д. Кудрявскій.**
